

3

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

Апрель 1944

1/94

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/94

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

А. В. Козырев — Внешняя политика преобразующейся России 3

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года 12

СТАТЬИ

В. И. Буганов — Российское дворянство 29

В. Л. Генис — Рассказывание в Советской России 42

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Я. Вирмавирта — Карл Густав Эмиль Маннергейм 56

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 75

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А. А. Искендеров — Российская монархия, реформы и революция 98

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты 122

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- А. А. Кизеветтер** — К истории крестьянских движений в России (Вступительная статья М. Г. Вандалковской) 145

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Иоанн Мейендорф** — А. В. Карташев — общественный деятель и церковный историк 169
- В. В. Дегоев** — Российская дипломатия в портретах 173
- В. В. Шелохаев** — С. А. Степанов. Черная сотня в России. 1905—1914 гг. 175
- М. В. Дмитриев** — Немцы и Германия в восприятии русских. XVIII век: Просвещение 177
- В. Н. Виноградов** — Русские и Россия глазами немцев. XIX век: от начала века до создания империи (1800—1871 гг.) 180
- А. В. Шельский** — А. А. Егоров. Жозеф Фуше: карьера оппортуниста 183
- Ю. Я. Вин** — Л. Женико. Сельские общины в Западной Европе в период средневековья 184

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- В. Ю. Карнишин** — О Гучкове 187
- М. И. Бацер** — Вы читали Бокля? 188

Внешняя политика преображающейся России

А. В. Козырев

Московский октябрь 1993 г. наглядно показал миру, что народам, отвергающим тоталитаризм, приходится отстаивать свой выбор в противоборстве с политическими силами прошлого, стремящимися вернуть старый строй к жизни через насилие. Россияне, в 1991 г. впервые избравшие Президента всенародным голосованием, а затем подтвердившие доверие к его курсу на апрельском референдуме, в октябре 1993 г. вновь отвергли реакционную альтернативу развития страны. Они высказались за преобразование России в правовое государство, за то, чтобы в основу внутренней и внешней политики нашей страны на пороге XXI века были положены демократия и миротворчество. Лишь утверждение демократической государственности может дать надежную гарантию прав гражданина и динамичного социально-экономического развития общества. Только на этом пути возможно утверждение нашей страны как нормальной великой державы, реализация ее интересов не через конфронтацию, а путем взаимодействия на Западе, Востоке и Юге.

С первых своих шагов дипломатия новой России круто развернулась от обслуживания тоталитарной системы и попыток ее перестройки к содействию радикальной трансформации общества, к защите национальных государственных интересов, прав и свобод человека, особенно соотечественников.

Этот поворот проходил в непростой обстановке. Сказались не только понятные трудности проведения экономических и политических реформ в гигантской стране с многонациональным населением и серьезными региональными различиями. Предстояло решить масштабные внешнеполитические задачи: по-настоящему, а не на словах преодолеть тяжкое наследие «холодной войны», расколовшей человечество на противостоящие блоки; обеспечить внешнюю политическую и экономическую поддержку российским реформам; окружить Россию поясом добрососедства и сотрудничества. И все это — в чрезвычайно сжатые сроки. Этого требовала логика острой борьбы с силами прошлого. Необходимо было быстро довести реформы до того рубежа, после которого возврат к старому стал бы невозможен. Динамизм событий и элемент стихийности в их развитии требовали постоянной готовности идти на тактическое маневрирование, которое по самой своей природе допускает не только выигрыш, но и возможность потерь, в том числе — даже вчерашних союзников по борьбе за реформы. Однако

Козырев Андрей Владимирович — Министр иностранных дел Российской Федерации.

главное — убежденность в правильности избранного пути и стратегический курс на последовательное преобразование общества, вхождение на этой основе в сообщество наиболее развитых демократических государств — все это осталось неизменным.

Первые три года внешней политики новой России стали серьезным историческим отрезком, вместившим свои этапы с присущими каждому из них конкретными целями и тактикой.

Отсчет времени начинается с избрания Б. Н. Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР 28 мая 1990 года. Главным содержанием политической и дипломатической деятельности российского руководства на этом этапе стала борьба за достижение Российской Федерацией государственного суверенитета и самостоятельности. Предстояло создать новое государство, основанное не на монопольном господстве какой-либо идеологии, а на верховенстве ценностей демократии и права. Декларация о государственном суверенитете России от 12 июня 1990 г. приходится именно на этот период.

Хорошо помню многочисленные дискуссии тех дней по вопросу о концепции национально-государственных интересов России, о содержании ее внешней политики. Этап обсуждений был пройден быстро. Уже примерно к октябрю 1990 г. российское руководство взяло курс на обеспечение самостоятельного выхода России на международную арену, что было призвано закрепить провозглашенный нами суверенитет страны.

В основу концепции безопасности и внешней политики России была положена задача возрождения страны как великой державы через преодоление господства имперско-тоталитарной системы и создание правового демократического федеративного государства. При этом мы исходили из того, что жизненные интересы россиян состоят, во-первых, в развитии дружеских отношений с народами других республик обновленного Союза и, во-вторых, в том, чтобы занять достойное место в сообществе цивилизованных народов Евразии и Америки.

Отличительной чертой российской внешней политики должен был стать продиктованный здравым смыслом поворот от идеологических схем, мессианских амбиций глобального масштаба к реализму в оценке потребностей России и к соответствующим конкретным делам. Опорой при этом должны были служить не только собственные силы страны, но и общность ее интересов с интересами других республик, входивших в то время в состав СССР.

Именно эти задачи определили содержание первых внешнеполитических шагов, предпринятых Россией в 1990 году. 19 ноября был подписан Договор РСФСР с Украиной, 21 ноября — с Казахстаном, 18 декабря — с Беларусью. Участники этих договоров признавали друг друга суверенными государствами и объявляли о намерении развивать межгосударственные отношения на основе принципов равенства, невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы, а также на основе других общепризнанных норм международного права. Стороны договорились обменяться дипломатическими представительствами.

Уже на этом этапе становления отношений с будущими членами Содружества Независимых Государств Россия стремилась сориентировать свои договорные отношения с ними на всемерное развитие, а не на развал связей в рамках существовавшего еще Союза. Это выражалось в закреплении в договорах положений о важности системы коллективной безопасности, взаимодействия и координации во внешней политике, формирования общего экономического пространства, тесного сотрудничества в области транспорта, связи, миграционной политики и экологии, борьбы с правонарушениями.

Возрождение российской государственности мыслилось тогда в рамках обновленного Союза Суверенных Государств. Поэтому Россию никак нельзя упрекнуть в том, что поиск ею собственного лица в области внешней политики коренным образом расходился с международным курсом еще существовавшего тогда СССР, может быть, за исключением только такой

сферы, как права человека. Напротив, этот поиск был скорее нацелен на сохранение единства интересов республик Союза. Обновление Союза, как мы тогда искренне считали, вполне могло уложиться в рамки ноогагаревского процесса. Подход российского руководства в тот период отличался большой гибкостью, готовностью мириться даже с отсутствием у России полного внутреннего суверенитета, хотя ее суверенитет в международных делах к тому времени уже ничем не отличался от суверенитета союзного центра.

Россия сыграла конструктивную роль в поддержании общности независимых государств, впоследствии сформировавших Содружество. Эта активная связующая роль России в становлении СНГ выглядит все более очевидной по мере отдаления от того бурного периода истории. Но уже тогда мысль о том, что Россия может быть и, судя по всему, станет преемницей СССР, постепенно приобретала практический смысл для наших зарубежных партнеров. В графике работы Б. Н. Ельцина встречи и переговоры с руководителями ведущих стран мира по их инициативе во время пребывания в Москве стали занимать большое место.

Лейтмотивом большинства таких бесед была признательность России за те усилия, которые она прилагает, чтобы добиться понимания реалий ядерного мира со стороны тех союзных республик, где размещалось оружие массового уничтожения. Важность этих усилий возрастала на фоне неясных тогда последствий вероятной дезинтеграции Союза. Одобрение собеседников встречало и согласие России взять на себя роль единственного государства, на территории которого было бы размещено ядерное оружие в случае распада СССР.

Рост внешнеполитической активности руководства России способствовал укреплению его международного авторитета. Это вызвало растущее недовольство, а затем и сопротивление союзного центра. Кроме того, все большее противодействие стали оказывать открыто реакционные силы госаппарата. Уже на том этапе большую озабоченность российского руководства вызвало возникновение при активном содействии этих сил конфликтных ситуаций в различных регионах СССР, в частности в Прибалтике, в Южной Осетии, Азербайджане и Армении. Свидетельством стремления российского руководства к урегулированию этих ситуаций демократическим правовым путем стали заявления и постановления высших органов власти РСФСР о положении в Прибалтике (12 января 1991 г.), о положении в Южной Осетии (31 марта 1991 г.), об обстановке в Азербайджане и Армении.

Противоборство сил демократии и тоталитаризма резко усилилось к лету 1991 года. Избрание всенародным голосованием Б. Н. Ельцина на пост Президента суверенной и независимой России 12 июня 1991 г. было воспринято сторонниками возврата к старому строю как сигнал тревоги.

На этом этапе главным содержанием внешнеполитической линии российского руководства стала защита международного авторитета России, ее связей с зарубежными государствами от посягательств на них со стороны внутренних политических противников. Важно было нейтрализовать угрозу изоляции России в случае попытки установления диктатуры, не допустить взрыва международной конфронтации, который вполне мог произойти как следствие острого столкновения в СССР между силами демократии и тоталитаризма. Эти задачи определили и содержание тактической линии внешней политики России вплоть до путча.

Тогдашние и нынешние критики внешнеполитического курса новой России обвиняли МИД РСФСР в стремлении «развалить Союз». Нет ничего дальше от истины, чем подобные утверждения. Российское руководство принимало самое активное участие в разработке Договора о Союзе Суверенных Республик. Однако процесс переговоров о создании союза независимых демократических государств был прерван в августе 1991 г. путчем. Силы прошлого вознамерились сорвать демократические реформы, отбросить страну к конфронтации времен «холодной войны», поставить ее, по сути, в условия международной изоляции.

В тревожные августовские дни со всей полнотой проявились решительность и энергия первого российского Президента, который организовал и возглавил отпор демократических сил действиям путчистов. Для всего мира символами тех событий стали обращение Б. Н. Ельцина к москвичам с брони танка у Белого дома и встречи Президента с зарубежными политиками и дипломатами, стремившимися продемонстрировать солидарность демократического мира с россиянами.

Ситуация складывалась настолько сложная, что к концу дня 19 августа было принято решение о направлении министра иностранных дел РСФСР во Францию с поручением образовать в случае необходимости «правительство в изгнании». К счастью, кризис закончился полным поражением путчистов и укреплением демократических тенденций в политической жизни страны. В международном плане знаменательным стал тот факт, что Россию в дни путча поддержали практически все развитые страны.

В период непосредственно после путча главной задачей российской дипломатии стало обеспечение широкой международной поддержки действиям руководства Российской Федерации, которое осталось фактически единственной реальной властью в стране. Резко проявилась тенденция к дезинтеграции Союза. Причиной этого стал крах старых его структур и слабость еще только нарождавшихся новых, демократических институтов. В этих условиях только Россия могла предотвратить неконтролируемый распад связей между республиками, составлявшими СССР.

Российское руководство до последней возможности боролось за выработку союзного договора, стремилось поддержать новоогаревский процесс. Те, кто обвиняет Россию в «развале» СССР, перекладывают ответственность с больной головы на здоровую. Точку в существовании старого Союза поставили как раз те, кто организовал путч «в его защиту» — партноменклатура, сплотившаяся вокруг ГКЧП.

После прекращения существования СССР начался новый этап утверждения российской внешней политики как политики суверенной великой державы — правопреемницы Союза. На январь 1992 г. Россию признало 131 государство. Руководство страны поставило перед Министерством иностранных дел задачу разработки и проведения нового курса на международной арене. В своем выступлении на заседании Коллегии МИД 27 октября 1992 г. Б. Н. Ельцин так определил главные цели российской дипломатии: обеспечение благоприятных внешних условий для начатых политических и экономических реформ, преодоление наследия «холодной войны» и полный демонтаж оставшихся от прошлого конфронтационных структур.

Главным приоритетом внешней политики России стало создание Содружества Независимых Государств — новой формы добровольного и равноправного сотрудничества республик бывшего СССР. 8 декабря 1991 г. в Минске было подписано Соглашение о создании СНГ. На начальном этапе его членами стали РСФСР, Украина, Беларусь, к которым присоединились затем Казахстан и ряд других республик. Активная позиция России в поддержку Содружества сразу же дала СНГ надежную опору.

Принципиально важным стало подписание 21 декабря 1991 г. Соглашения между РСФСР, Украиной, Беларусью и Казахстаном о совместных мерах в отношении ядерного оружия, размещенного на их территории. В соответствии с этим документом право на применение ядерного оружия передавалось Президенту России. Этот шаг способствовал поддержанию стратегической стабильности в мире, укрепил доверие зарубежных партнеров России и других государств СНГ к курсу членов Содружества в международных делах.

Несмотря на сложный, противоречивый характер своего становления, СНГ превратился в политическую и экономическую реальность современного мира. Заложена солидная договорно-правовая база СНГ. На встрече глав государств СНГ в Минске в январе 1993 г. был принят Устав Содружества. Значение этого документа прежде всего в том, что он открывает возможности углубленного сотрудничества для тех стран СНГ, которые действительно стремятся к этому. Но и не отсекает от Содружества тех, кто

пока колеблется, позволяя и им участвовать в сотрудничестве в приемлемых для них формах и объеме. Таким образом, выдвинутая Б. Н. Ельциным идея «разноскоростного», многовариантного Содружества получила в Минске не только поддержку, но и юридическое закрепление.

Начал работу постоянный исполнительный орган СНГ — Координационно-консультативный комитет. Сформировано свыше 30 межгосударственных, межправительственных и межведомственных органов по координации деятельности членов Содружества по самому широкому спектру направлений — от внешней политики до защиты окружающей среды. Все более деловой характер принимают встречи глав государств и правительств стран СНГ. Партнеры России, хотя и не без труда, освобождаются от эйфорических настроений первых месяцев независимости, проявляют растущее понимание важности сохранения и развития интеграционных связей в СНГ. Усиление реинтеграционных тенденций позволило ряду членов Содружества создать в 1993 г. Экономический союз, приступить к формированию рублевой зоны нового типа. Конечно, эти процессы идут не без труда. Однако российское руководство терпеливо работает над согласованием экономических и финансовых интересов в рамках СНГ. Следование принципам равноправия и взаимной выгоды позволит членам Содружества создать прочную базу интеграции.

Возникновение независимых государств на месте бывшего СССР поставило вопрос об их принятии в СБСЕ. Российская дипломатия активно выступила в поддержку такого решения. Среди участников общеевропейского процесса нашлись и скептики, которых нам пришлось переубеждать. Принятие республик Центральной Азии и Закавказья в СБСЕ стало шагом стратегического значения и для них самих, и для развития общеевропейского процесса. Новые члены СБСЕ взяли на себя морально-политические обязательства проводить политику, соответствующую высоким международным стандартам в области прав человека. Это — сильный дополнительный стимул к укоренению ценностей демократии на постсоветском пространстве.

Важным аспектом политики России в ближнем зарубежье стала защита прав проживающего здесь русскоязычного населения. Наша перспективная цель — создание в рамках СНГ единого правового пространства, что способствовало бы соблюдению международно признанных прав и свобод человека, национальных, религиозных и других меньшинств. По инициативе российской дипломатии было принято решение о создании в Содружестве Комиссии по правам человека. Россия выступает за принятие Декларации о правах человека в государствах СНГ.

В двусторонних отношениях с партнерами по СНГ первоочередной задачей российской дипломатии стало заключение договоров о взаимной защите интересов граждан на территории сторон, о праве свободного выбора гражданства, о правах этнических, языковых, культурных и религиозных меньшинств, об условиях переселения граждан в другое государство.

Предметом особой обеспокоенности и заботы российского руководства и МИД РФ стало положение наших сограждан и соотечественников в странах Балтии, в особенности в Эстонии и Латвии. Российские демократы, твердо отстаивавшие во времена правления КПСС право прибалтийских народов на восстановление исторической справедливости, с таким же основанием теперь выступают за цивилизованный, справедливый подход к правам русскоязычного населения этих стран, оказавшегося на положении дискриминируемого меньшинства. Вопрос о соблюдении прав человека фигурирует в повестке дня наших переговоров с представителями стран Балтии на всех уровнях, в том числе и на высшем. Российская дипломатия мобилизует в поддержку прав человека в Прибалтике и международные организации и институты — ООН, СБСЕ, Совет Европы. Определенное позитивное воздействие на ситуацию, в частности в Эстонии, оказали усилия Верховного Комиссара СБСЕ по делам национальных меньшинств.

Освобождение народов бывшего СССР от тоталитарного прошлого оказалось сложным, временами — болезненным процессом, сопровожда-

ющимся во многих районах вспышками агрессивного национализма. Результатом стало возникновение целого ряда конфликтных ситуаций, напрямую угрожающих национальной безопасности России. К концу 1993 г. в страну, в основном из районов межэтнических столкновений, прибыло около двух миллионов беженцев. Помощь этим людям — нелегкое экономическое бремя для любого государства, тем более для России, переживающей переходный период. Жертвами этнических конфликтов являются не только их прямые участники, но и национальные меньшинства, в том числе русскоязычное, ставшее объектом преследований, а то и неприкрытых этнических чисток. Локальные конфликты стали поставщиками организованной преступности в Россию. Ни одно цивилизованное государство не может мириться с разрастанием подобных угроз буквально у своего порога.

Национал-патриоты, в первую очередь из числа членов Верховного Совета, настойчиво требовали от российского руководства решить проблему конфликтов по периметру России старыми имперскими методами — военной силой, диктатом в отношении суверенных государств. Этот курс, грозивший развалом Содружества и появлением вокруг России кольца враждебно настроенных к нам государств, был твердо отвергнут руководством страны. Вместо этого упор был сделан на политику активного миротворчества, предполагающего превентивную дипломатию для предотвращения конфликтов, посредничество, проведение миротворческих операций.

Активное участие в проведении миротворческого курса России на постсоветском пространстве принимает Президент страны. Широкую известность и одобрение международного сообщества встретили, в частности, инициативы Б. Н. Ельцина по урегулированию карабахского конфликта. Российское руководство призывает участников конфликта незамедлительно прекратить вооруженные столкновения, отвести все военные формирования на позиции, занимавшиеся ими до нарушения соглашения о прекращении огня, и подписать в Москве соглашение о полном и всеобъемлющем прекращении военных действий.

В миротворческих усилиях активно участвует российская дипломатия. Состоялось уже несколько поездок министра иностранных дел в «горячие точки» — от Абхазии до Таджикистана. Активно действуют специальные представители Президента России, стремящиеся содействовать урегулированию конфликтов в Закавказье. В основном по нашей инициативе Содружество Независимых Государств начало разворачиваться в сторону более активной миротворческой деятельности. Было принято, в частности, решение о создании коллективных миротворческих сил членов СНГ в Таджикистане. Однако пока основное бремя миротворческих усилий в бывшем СССР несет Россия. 20 тыс. российских военнослужащих участвуют в миротворческих операциях на территории трех республик — Молдовы, Грузии, Таджикистана. Далеко не все идет гладко, но альтернативой российскому миротворчеству будет лишь потеря складывавшихся веками связей и влияния России в «ближнем зарубежье». Значит, выход один: качественное совершенствование наших сил по защите мира в «горячих точках».

Проводимые Россией миротворческие операции соответствуют целям и принципам миротворчества, зафиксированным в Уставе ООН. Повсюду российские миротворческие силы находятся по просьбе законных правительств и с согласия всех участников конфликта. Действительно, нам приходится прибегать к нетрадиционным для ООН методам миротворчества. Это относится к участию в операциях по поддержанию мира сил соседних государств (прежде всего, самой России) и даже самих участников конфликта. Но эта практика доказала свою эффективность в Приднестровье и Южной Осетии, где более года не льется кровь. Отвергать ее как «неправильную» просто неразумно. Поэтому российская дипломатия на 48-й сессии ГА ООН призвала международное сообщество оказать активную поддержку нашим миротворческим усилиям. Мы выступили, в частности, за создание добровольного фонда содействия миротворчеству в бывшем СССР.

Свой подход к демократическим государствам Запада и Востока рос-

сийское руководство подчинило задаче создания партнерских, а в перспективе — союзнических отношений с ними. Такая установка помогла уже с первых дней после прекращения существования СССР привлечь демократический мир к активным усилиям в поддержку реформаторского процесса в России и других странах СНГ. Уже в конце января 1992 г. в Вашингтоне состоялась координационная конференция по содействию новым независимым государствам, возникшим на месте бывшего Союза. В ней приняли участие 47 государств и 7 ведущих международных экономических организаций. В своем послании участникам конференции Б. Н. Ельцин выразил стремление России идти к подлинному экономическому и социальному возрождению через стимулирование широкого делового сотрудничества со всеми заинтересованными в этом партнерами.

Линия на строительство новых отношений с внешним миром отразилась и в первых шагах российской дипломатии на высшем уровне. В этом контексте крупнейшими событиями стали участие Президента России в заседании Совета Безопасности ООН в январе 1992 г., визиты в Англию, США и Канаду.

С трибуны ООН руководителем России было заявлено о том, что она входит в мировое сообщество как твердый и последовательный сторонник свободы, демократии и гуманизма. Б. Н. Ельцин высказался за решительное сокращение стратегических наступательных вооружений и тактического ядерного оружия, за полное прекращение ядерных испытаний и значительное сокращение обычных вооружений, за запрещение химического и бактериологического оружия и за создание общеевропейской системы коллективной безопасности. В Лондоне, Кемп-Дэвиде и Оттаве были подписаны декларации о перспективах партнерства России с Англией, США и Канадой. В этих документах были впервые зафиксированы принципиально новые, свободные от идеологической конфронтации основы наших отношений с государствами, причислявшимися советским руководством к числу «потенциальных противников».

Ключевыми этапами дальнейшего полного демонтажа наследия «холодной войны» стали подписание Хартии российско-американского партнерства и дружбы (июнь 1992 г.), зафиксировавшей, что «рост благосостояния, процветание и безопасность демократической Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки жизненно взаимосвязаны», заключение Договора СНВ-2 (декабрь 1992 г.). Российско-американская встреча в верхах в Ванкувере (апрель 1993 г.) впервые в истории отношений Москвы и Вашингтона была сконцентрирована не на преодолении конфронтации, а на налаживании экономического взаимодействия.

Схожий прорыв был достигнут и в отношениях России с другими ведущими развитыми государствами мира — Францией, Англией, Германией, Италией. Началась терпеливая работа по подлинной нормализации отношений с Японией на основе принципов законности и справедливости.

На базе политического партнерства удалось вывести отношения России с этими государствами на откровенный интенсивный диалог по финансово-экономическим вопросам. Вместо былой темы устранения угрозы глобальной войны центральной стала проблематика допуска России на рынки, в том числе высокотехнологичной продукции, ядерных материалов и космических услуг.

Российская дипломатия выступила одним из инициаторов решительного усиления СБСЕ — уникального инструмента укрепления мира и предотвращения конфликтов на североатлантическом пространстве. Основы этого подхода к общеевропейскому процессу были изложены Б. Н. Ельциным в ходе встречи глав государств и правительств стран — участниц СБСЕ в Хельсинки 9—10 июля 1992 года. Конкретизируя этот подход, российская дипломатия выдвинула на римской сессии Совета министров иностранных дел СБСЕ (ноябрь 1993 г.) развернутые предложения, нацеленные на повышение эффективности органов СБСЕ, активизацию миротворческих функций Совецания, более тесную увязку усилий в области защиты прав человека и национальных меньшинств с превентивной дипломатией СБСЕ в конфликтных зонах Европы.

Важным направлением европейской политики России стало активное участие в новых региональных объединениях, таких, как Совет Баренцева — Евроарктического сотрудничества, Совет государств Балтийского моря, Черноморское экономическое сотрудничество. И здесь нашей целью является использование возможностей, даваемых этими организациями, для создания пояса добрососедства вокруг России.

Подлинный прорыв удалось осуществить в отношениях России со странами Восточной Европы. Визиты российского Президента в Венгрию, Польшу, Чехию и Словакию позволили не только расчистить давние, порой — еще довоенные завалы в двусторонних отношениях, но и, главное, заложить принципиально новую основу наших связей с молодыми демократиями. В то же время здесь еще многое предстоит сделать, в первую очередь, для развития торгово-экономических связей с этим регионом. Вообще в отличие от многих других держав, особенно Запада, Россия в нынешних условиях не столько опирается на экономические связи и рычаги в своей внешней политике, сколько компенсирует внешнеэкономическую слабость за счет политики.

Российская дипломатия, руководствуясь идеями миротворчества, приняла активное участие в международных усилиях по урегулированию конфликта в бывшей Югославии. Наши действия, предпринимаемые в тесной координации с другими участниками югославского урегулирования, нацелены на скорейшее установление мира в Боснии и Герцеговине, нормализацию отношений между республиками бывшей СФРЮ.

Динамичное создание новых отношений с государствами Запада отнюдь не породило «прозападного крена» в российской дипломатии, в чем ее неоднократно обвиняли национал-патриотические политики. Выход на партнерские отношения с США, странами Западной Европы происходит параллельно с поворотом России лицом к Востоку.

Вехой на этом пути стал визит Президента России в Китай. В принятой сторонами совместной Декларации Россия и Китай признали друг друга дружественными государствами. Была выражена взаимная заинтересованность в ровном, устойчивом характере двусторонних отношений, без какого-либо геополитического союза, но и без рецидивов конфронтационности. Визит заложил прочную основу для развития отношений в торговле, науке, технике, подготовке кадров, в военной сфере. Активизировались переговоры по сокращению вооруженных сил в районе границы и по уточнению линии ее прохождения. Это помогло еще более укрепить дух взаимного доверия, делового партнерства в российско-китайских отношениях.

Новый старт получили и отношения России с другой великой азиатской страной — Индией. Договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный в ходе российско-индийских переговоров в Дели на высшем уровне в январе 1993 г., сохраняя все позитивное, что было накоплено в отношениях между СССР и Индией, перевел их на прочную основу взаимной выгоды, освободил от навязывавшейся раньше Москвой логики геополитических альянсов одних против других.

Российская дипломатия смогла «открыть» для делового сотрудничества и новых партнеров — страны АСЕАН, Персидского залива, ЮАР.

Становление внешней политики России как самостоятельного государства потребовало серьезного организационного и кадрового укрепления российской дипломатии. Важным этапом стало образование обновленной дипломатической службы России в октябре 1990 г., а также введение весной 1991 г. института российских представителей в загранучреждениях и делегациях СССР.

Коллектив МИД бывшего СССР, как и все советское общество, был болен сверхидеологизацией. Советская дипломатия фактически являлась многие десятилетия частью Международного отдела ЦК КПСС. Последовательное избавление от груза старых стереотипов, косных шаблонов началось после слияния аппаратов МИД РСФСР и союзного МИД в конце 1991

года. Этот процесс был облегчен тем, что в российском МИД уже в августе 1991 г. прошла департизация. Одновременно с реорганизацией дипломатической службы был взят курс на повышение ее профессионализма. Аппарат министерства был переориентирован на обеспечение национально-государственных интересов России, переживающей время революционных перемен.

Исключительно важную роль сыграло то обстоятельство, что с февраля 1992 г. в целях более оперативного решения вопросов внешней политики деятельность Министерства иностранных дел Российской Федерации и ряда других ключевых министерств непосредственно направляет Президент страны. Эта практика обеспечила внешней политике России широкое признание и авторитет за рубежом. К весне 1992 г. закончилась реорганизация дипломатического аппарата на базе МИД России. Это позволило создать целостный внешнеполитический механизм, влить в дипломатическую службу свежие демократические силы.

МИД России всегда стремился к сотрудничеству с Верховным Советом, оказывал ему всяческую поддержку в развитии межпарламентских связей. В структуре министерства было создано специальное управление по связям с Верховным Советом, политическими и общественными организациями. Однако со временем в Верховном Совете одержали верх откровенно антиреформаторские силы. Смыслом своей деятельности они сделали конфронтацию с исполнительной властью, противодействие курсу реформ. Положение усугублялось также стремлением отдельных лиц из руководства Верховного Совета проводить «персональную» внешнюю политику. Это грозило тяжело сказаться на наших отношениях с Украиной и рядом других государств СНГ, ставило под угрозу дееспособность России как партнера по разоруженческим договорам, таким, как Договор СНВ-2, бросало тень на отношения России со странами Восточной Европы.

Взрывоопасность ситуации для России имели возможность наглядно оценить участники сессии СМВД СБСЕ в Стокгольме в декабре 1992 года. Драматическая реакция за рубежом на изложение мною ряда пунктов из программ еще далеко не самых правых движений и сил в России дала пищу для размышлений о том, в какой глубокой изоляции — наверное, как в 1917 г. — оказалась бы наша страна, приди они к рулю власти. Стокгольм показал и практическое отсутствие какой-либо неимперской, неоантизападной альтернативы, о которой умозрительно рассуждают политики «умеренного» свойства.

Дополнительные организационные меры, принятые по президентской линии, укрепили положение министерства в сфере его компетенции в системе федеральных органов государственной власти. В частности, в ноябре 1992 г. распоряжением Президента на МИД возложена координация единой внешнеполитической линии, хотя задача эта пока далека от решения — разнобой в подходах ведомств, а порой и «ведомственные политики», особенно в «горячих точках», серьезно подрывают стратегические позиции России.

Все, что достигнуто в области внешней политики (здесь были и свои издержки, и отдельные тактические неудачи) — результат реализации российским руководством национально-государственных интересов России. События октябрьских дней 1993 г. воочию показали стремление противников реформ затормозить их поступательное движение. Решительная позиция, занятая тогда Президентом России, получила широкую международную поддержку. Принятие Конституции, создание Федерального Собрания призваны дать новый импульс в проведении полномасштабных реформ, вывести страну на новые рубежи в международной политике.

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

27 февраля 1937 года. Вечернее заседание *

А н д р е е в (председательствующий). Заседание открывается. Слово для доклада от комиссии по первому пункту порядка дня имеет тов. Сталин ¹.

С т а л и н. Товарищи! Комиссия пленума ЦК поручила мне сделать сообщение о результатах ее работы. Разрешите сделать это сообщение. В комиссии не было никаких разногласий насчет того, чтобы мерой наказания Бухарина и Рыкова считать, и притом как минимум, исключение их из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б). В комиссии не нашлось ни одного голоса, который высказался бы против этого предложения. Были разногласия по вопросу о том, предать ли их суду или не предавать, а если не предавать суду, чем ограничиться. Часть членов комиссии высказалась за то, чтобы предать их суду Военного трибунала и добиться того, чтобы они были расстреляны. Другая часть комиссии высказалась за то, чтобы предать их суду и добиться того, чтобы им был вынесен приговор о заключении в тюрьму на 10 лет. Третья часть высказалась за то, чтобы предать их суду без предрешиения вопроса о том, каков должен быть приговор. И, наконец, четвертая часть комиссии высказалась за то, чтобы суду не предавать, а направить дело Бухарина и Рыкова в Наркомвнудел. Последнее предложение одержало верх.

В результате комиссия единогласно приняла решение о том, чтобы исключить их из состава кандидатов в члены ЦК и из рядов ВКП(б) и направить дело Бухарина и Рыкова в Наркомвнудел.

Мотивы комиссии. Конечно, чувство возмущения как антипартийной и антисоветской деятельностью Бухарина и Рыкова, так и их поведением здесь, на пленуме, во время обсуждения вопроса о них было очень велико в комиссии так же, как и на пленуме. Но комиссия считала, что она не может и не должна руководствоваться чувством возмущения.

Были голоса, довольно значительное количество голосов в комиссии, так же, как и здесь, на пленуме ЦК, в пользу того, что нет будто бы никакой разницы между Бухариным и Рыковым, с одной стороны, и теми троцкистами и зиновьевцами, которые были привлечены по известным

Продолжение. См. Вопросы истории, 1992, №№ 2—12; 1993, №№ 2, 5—9.

* В журнальной публикации материалов пленума указывалось (1993, № 7, с. 24), что запись выступления И. В. Сталина 27 февраля отсутствует. Сейчас удалось обнаружить этот текст, с правкой Сталина, в Архиве Президента Российской Федерации (ф. 45, оп. 1, д. 1120, л. 23—27). К печати его подготовил специалист-эксперт архива Ю. Г. МУРИН.

судебным процессам и были соответственно наказаны. Комиссия не согласилась с такой установкой и считает, что нельзя валить в одну кучу Бухарина и Рыкова с троцкистами и зиновьевцами, так как между ними есть разница, причем разница эта говорит в пользу Бухарина и Рыкова.

Одно дело — троцкисты и зиновьевцы, которые исключались уже раз из партии, потом восстанавливались, потом вновь исключались, и другое дело — Бухарин и Рыков, которые не исключались. Нельзя проводить знак равенства между троцкистами и зиновьевцами, которые, как вам известно, одно время устроили антисоветскую демонстрацию в 1927 г., и Рыковым и Бухариным, которые не имеют в прошлом за собой таких грехов.

Комиссия не могла не учесть того, что таких грехов в прошлом за Бухариным и Рыковым не имелось и что они не дали до последнего времени повода и оснований поставить вопрос об их исключении из партии². Стало быть, комиссия должна была учесть, что серьезных партийных взысканий до последнего времени ни Бухарин, ни Рыков не имели, если не считать таким серьезным взысканием то, что они были выведены из Политбюро и, кроме того, Рыков был снят с поста Председателя Совнаркома³. В результате комиссия приняла следующий проект резолюции. Можно зачитать? (Голоса с мест. Просим.)

«Резолюция пленума ЦК ВКП(б) по делу тт. Бухарина и Рыкова, на основании следственных материалов Наркомвнудела, очной ставки... (Ч и т а е т.)... передать дело Бухарина и Рыкова в Наркомвнудел»... Проект этот принят комиссией единогласно.

А н д р е е в. Есть ли желающие высказаться? Нет. Есть ли другие предложения кроме внесенного т. Сталиным? Нет. Есть ли поправки к предложению, внесенному т. Сталиным по поручению комиссии? Нет. Голосовать в целом? Голосую. Я должен предупредить товарищей, что голосуют кроме членов ЦК и кроме кандидатов в члены ЦК также и члены Комиссии Партийного Контроля, согласно устава. Кто за то, чтобы принять предложение, прошу поднять руки. Опустите. Кто против? Нет. Кто воздерживается? Два. Итак, решение принято при двух воздержавшихся — Бухарин и Рыков. На этом заседание закрывается до завтра, до 12 часов.

Примечания

1. В левом верхнем углу текста написано: «Просмотрено. Ст.».
2. Далее вычеркнута фраза: «До сего времени не давали повода».
3. Далее вычеркнута фраза: «Что касается того, что они были переведены из состава членов ЦК в состав кандидатов, то это было проведено не в порядке репрессий, а в порядке невыборов. Вот эту разницу комиссия учла, чтобы решение было справедливо и объективно».

28 февраля 1937 года. Вечернее заседание (После перерыва)

А н д р е е в (председательствующий). Заседание открывается. Слово имеет т. Саркисов.

С а р к и с о в. Товарищи, тут и т. Молотов и т. Каганович в своих обстоятельных и замечательных докладах совершенно правильно, говоря об уроках вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистско-зиновьевских агентов и правых контрреволюционеров, подчеркнули то обстоятельство, что нельзя рассуждать так, что в одном случае виноваты хозяйственные органы, а в другом виноваты партийные органы, что партийные органы отвечают меньше, а хозяйственные больше или наоборот. Я должен прямо заявить пленуму Центрального Комитета партии, что за те вредительские акты, диверсионные акты, которые имели место в промыш-

ленности Донбасса, прямую ответственность наряду с хозяйственными органами, и в первую голову, несем мы, в данном случае Донецкий обком партии. Тов. Молотов в своем докладе мало остановился на вопросах вредительства в промышленности Донбасса. Я хочу в связи с этим несколько более подробно остановиться на тех фактах вредительства, которые уже теперь установлены со всей очевидностью в промышленности Донбасса. (Молотов. Вам это виднее.)

Вредительство в Донбассе было проведено немецко-троцкистскими агентами. Но сперва я хочу ответить на один вопрос. Мы прозевали вредительство, это факт. Наши партийные организации, Донецкий обком и я как секретарь обкома прозевали серьезное вредительство, которое было проведено и в угольной промышленности, и в особенности в химической промышленности Донбасса. Но что же мы заметили, что же нам было видно? Нам был виден саботаж. Тут т. Каганович очень правильно говорил о том, что, вскрывая и разоблачая предельчество, устанавливая факты саботажа, до конца не докопались и не обнаружили вредительство.

Вот мы, товарищи, в Донбассе, в особенности по угольной промышленности еще в начале 1936 г., после разворота стахановского движения, видели, что довольно солидная группа хозяйственников саботирует стахановские методы работы. Говорили об этом, обращались в наркомат, т. Орджоникидзе сразу же принял ряд мер, убрал ряд работников, которые теперь оказались вредителями-троцкистами, издал ряд приказов по угольной промышленности, как, например, приказ № 840, который устанавливает ясный порядок эксплуатации шахт, издал приказ № 1160, который устанавливает правильный план механизации подготовительных работ и откатки, план ведения горных работ и т. д. Но все это принималось как меры по борьбе с саботажниками. Мы, партийные руководители, которые должны за саботажем, за консерватизмом увидеть руку врага, вредителя, — мы это прозевали. Эта моя ошибка отягчается тем, что вредительством в угольной промышленности руководил двурушник-троцкист, как я уже говорил на прошлом пленуме ЦК, который заведовал угольным отделом обкома, — Шаев.

В чем конкретно выразилось вредительство в угольной промышленности? Прежде всего, троцкистскими вредителями довольно широко организован и проведен саботаж передовых стахановских методов угледобычи, тех методов, которые сразу увеличивают производительность труда, сразу открывают новые мощности механизмов, мощности шахт и т. д. Не так трудно расстроить работу стахановца. Достаточно укоротить, достаточно укоротить лавы, где работают забойщики, достаточно вернуть забойщика от разделения труда к совмещению разных функций — и сразу падет производительность труда в 2—3 раза. Достаточно загнать в лаву вместо одной врубовки — две. Достаточно на одну врубовую машину посадить вместо одного машиниста-стахановца трех, — сразу падет производительность труда, сразу расстраивается вся работа.

Угольная промышленность во многом похожа на транспорт. Здесь действует тот же конвейер. И если срывается работа забойщика, то срывается работа и транспорта, срывается работа подъемной машины, всех других производственных процессов, которые связаны с обслуживанием работы забойщика. Спрашивается: о саботаже стахановских методов работы сигнализировали рабочие? Безусловно. Стахановцы говорили, что им не дают работать, расстраивают их работу, срывают и не готовят условия для наиболее производительной работы. Об этом многие говорили. Но мы не сумели за этими фактами саботажа поймать вредителей. Мы считали, что это просто саботаж новых методов работы, обычный донбассовский консерватизм, обычная отсталость некоторых донбассовских хозяйственников. И на этом наша борьба задержалась, дальше мы не пошли. А вредители, начав с этого, пошли дальше, и в первую очередь — к вредительству в подготовительных работах.

Есть установленный закон: если нет подготовки, то шахта работать не может. Об этом знает любой шахтер. Вредители довольно сильно концент-

рировали свою вредительскую работу на этом участке. Я хочу привести здесь показания инженера-троцкиста, присланного в Донбасс полтора года тому назад Шестовым через Главуголь. Вот что он говорит: «Для подготовительных работ не давалось оборудование и оно комплектовалось только для виду, старым износившимся оборудованием (я не помню ни одного случая, когда на подготовительные работы была бы дана новая машина); предусматривалось и утверждалось меньше рабочих, чем на самом деле было нужно; проходка уклонов не была обеспечена водоотливами, совершенно не уделялось внимание ремонту и приведению в порядок компрессорного хозяйства, от чего подготовительные работы целиком зависели; совершенно отсутствовал ремонт электросверл по породе и не обеспечивались запасные части к ним. Для подготовительных работ всегда не хватало кабелей. В лучшем случае отпускали старый кабель». Вот сумма вредительских мероприятий, которые в целом ряде шахт привели к подрыву подготовительной работы, к отсутствию линии забоя. А там, где нет подготовки, там нет и угледобычи.

Нарушение правил горных работ. Тов. Орджоникидзе издал прекрасный приказ № 840, который устанавливает твердые правила ведения горных работ. Саботажники, немецко-троцкистские вредители сплошь и рядом нарушали порядок ведения горных работ. Отсюда искривление лав, отсюда отказ от передовых методов работы Епифанцева, инженера-коммуниста Карташева и др.

Нарушение техники безопасности. Много аварий и крушений на транспорте, но немало и в шахтах, даже по данным учета трестов мы сейчас еще теряем ежедневно 10—15 тыс. т угля на одних авариях механизмов, внутри шахтного транспорта и т. д. Если приплюсовать это количество к суточной добыче Донбасса, которую мы сейчас имеем, то получается выполнение плана. (Сталин. Большое достижение!) Я говорю о наших ошибках, о нашей плохой работе за этот промежуток времени, и я говорю об этом потому, что нужно пленуму рассказать то, что было. Нарушения техники безопасности обычно рассматриваются как неполадки, как головотяпство и расхлябанность, как простое невнимание к делу, а в шахте техника безопасности является очень важным вопросом. Троцкистские вредители сознательно нарушали условия безопасности, организовывая аварии и катастрофы с человеческими жертвами.

Дальше. Вопросы заработной платы. Вредители и здесь вели свою работу. Вот тут говорили о профсоюзах. Я считаю, что и здесь, безусловно, некоторая доля ответственности падает на профсоюзы. Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) принял решение о прогрессивной оплате труда рабочих. Эта прогрессивная оплата труда распространяется и на инженерно-технических работников. Как теперь показывают вредители, они сразу заметили значение прогрессивки: прогрессивка поднимает рабочих, поднимает инженерно-технических работников, именно поэтому они свою вредительскую работу направили и по линии расстройств прогрессивки. Каким образом?

Во-первых, они знали, что инженерно-технические работники, оплачиваемые по прогрессивке, зарабатывают часто 1 1/2—2—3 оклада, они показатели зарплаты инженерно-технических работников извращали, преувеличивали. Например, если установлена Наркомтяжпромом себестоимость тонны угля в 20 руб., то троцкистские вредители снижали нарочно задание по себестоимости для того, чтобы сорвать заработок инженерно-технических работников. Во-вторых, они производили приписки тем работникам, которые плохо работают, и наоборот — широко практиковали обчеты, довольно серьезные обчеты, рабочих, обчеты инженерно-технических работников, работающих превосходно, и с этого конца дезорганизовали дело. Это я говорю не на основании умозаключения, а на основании тех показаний, которые дают ряд арестованных троцкистов-вредителей (Олешко, Липов и др.).

Дальше. Свертывание нового шахтного строительства, снятие кредитов с новых шахт, хотя эти кредиты были даны. Дальше. Задержка прохож-

дения новых горизонтов, или пуск новых горизонтов без окончательной подготовки на них водоотливов. Например, некоторые вредители прямо говорят, что они нарочно задерживали углубление стволов, прохождение новых горизонтов, или проходили новые горизонты в течение 4-х лет и более, в то время когда можно проходить и в значительно короткий срок. Стахановское движение ускоряет темп выемки угля, но у нас получался большой разрыв между вскрытием новых горизонтов и эксплуатацией уже действующих горизонтов, и в один прекрасный день на ряде шахт, особенно с крутопадающими пластами, где происходит более интенсивная эксплуатация, мы оказались перед фактом значительной задержки вскрытия новых горизонтов и получили серьезнейший урон угледобычи.

Дальше. Приписка добычи и подготовительных работ. И это тоже, как показывают вредители, ими практиковалось на целом ряде шахт. Тресты «Донбассугля», где сидели вредители (Антонцев, Зубков), показывали работу, которую они не проводили, и таким образом в сводках числилось, что шахта имеет такую-то резервную линию забоя, а на самом же деле этого резерва нет. А органы контроля, так называемые маркшейдерские бюро трестов и т. д., они не обращают на это внимания, они смотрят только на карты, и планы проверяют, находясь на поверхности шахты, но не проверяют, что делается в самой шахте, и штампуют: «шахта, мол, имеет резервную линию забоя».

Дальше. Ликвидация или закрытие мелких шахт. Я считаю, что, видимо, придется сделать так: каждую шахту, которая определяется к закрытию, чтобы это закрытие было бы санкционировано наркоматом или, еще лучше, самим наркомом. А у нас были такие случаи, когда отдельные мелкие шахты закрывались. Так, вредитель-троцкист Зубков закрыл пару мелких шахт, мелких в кавычках, которые, оказывается, могут дать 500—600—700 т угля.

Наконец, расстройство внутришахтного и надшахтного транспорта. Тов. Каганович был у нас в Донбассе, он видел, в каком положении у нас находится так называемая погрузка на шахте, в каком положении находится шахтный транспорт. Это уж такое отставание от уровня развития механизации самого процесса угледобычи, даже прохождения подготовительных работ, которого нельзя себе и представить. Каждый кусок угля руками таскают, руками, как ребенка, несут, чтобы положить на платформу. И это на большом количестве шахт. Это, товарищи, само собою разумеется, поддерживалось немецко-троцкистскими вредителями. И это привело к большому разрыву между добычей и погрузкой, и поверхность таким образом дезорганизовала работу самой шахты.

Вредители концентрировали свою работу на крупнейших шахтах. Вот, примерно, в общих чертах то вредительство, которое теперь обнаружено рядом показаний троцкистско-вредительских элементов на шахтах Донбасса. Еще раз повторяю: мы, конечно, могли об этом сигнализировать Центральному Комитету партии, если бы были более прозорливыми и большевистски бдительными. Мы могли бы идти дальше и понять: то, что происходило на ряде шахт, это был не просто саботаж, а вредительство. Этого мы не сделали и в этом состоит наша большая политическая ошибка — результат притупления нашей партийной бдительности. Этого мы не смогли обнаружить еще и потому, что и партийный аппарат, как я уже говорил, угольный отдел обкома был засорен — им заведовал двурушник-троцкист вредитель Шаев.

Я хочу лишь очень кратко остановиться на отдельных фактах вредительства в коксохимической промышленности Донбасса. Вредители выбрали себе очень хитрую тактику. На совете Наркомтяжпрома, кажется, в июне месяце т. Орджоникидзе поставил очень резко вопрос перед двурушником-троцкистом Логиновым, тогдашним руководителем объединения «Кокс», о том, что с химией дело обстоит очень плохо. Что он делает? Мы недавно обнаружили один документ, адресованный народному комиссару тяжелой промышленности т. Орджоникидзе. Этот документ к нему так и не попал, потому что Логинов, возвратившись с совета Наркомтяжпрома, собрал

четыре директоров (двое из них сидят, один исключен из партии как двурушник-троцкист), и составили документ, где сказано следующее:

«На новом Орджоникидзевском заводе в мае текущего года пущена одна батарея второй очереди печей, агрегаты второй очереди бензольного отделения не готовы. Ни на одном из коксовых заводов нет механизированных угольных складов... огромное количество угля приходится разгружать вручную. Совершенно неудовлетворительное качество строительных и монтажных работ. Мариупольский завод с количеством рабочих 1500 чел., инженеров и техников 120 чел. введен в эксплуатацию с 16-ю квартирами. Миллионы рублей, ассигнованные государством на культурно-бытовые нужды, из года в год не используются. Нецелесообразное использование капиталовложений, замораживание средств, как, например, на Запорожском и Ново-Орджоникидзевском заводах, уже около пяти лет лежит оборудование на миллионы рублей для ректификационных и смолотермических заводов, которые и сейчас еще не строятся».

Вот эти мерзавцы-троцкисты сами для страховки и маскировки сочинили такой документ после того, как т. Орджоникидзе их поймал. Мы спросили одного из подписавших это двурушническое письмо (которого мы исключили из партии): «Вы послали этот документ по адресу?» Он ответил, что заявление было послано через Гончарова. А этот Гончаров арестован как троцкист. Мы спросили его, а вы проверили, документ дошел до наркома или нет? Он ответил, что проверил через Уланова. А этот Уланов арестован как троцкист-вредитель. Так они застраховали себя.

Я хочу только сделать тут пару предложений. Я считаю неправильным, когда ряд хозяйственных объединений находится вне тех областей, где сосредоточены все предприятия этих объединений. В частности, я имею в виду «Кокс». Объединение сидит в Харькове. Конечно, Логинову выгодно было сидеть в Харькове, он был членом Украинского троцкистского центра. Сидел вдали от своих предприятий, несмотря на ряд указаний ЦК о том, что объединения должны находиться вблизи своих предприятий. И до сих пор это объединение не переведено в Донбасс. Возьмем дальше «Шахтстрой». Строят шахты в Донбассе, а само правление «Шахтстроя» находится в Харькове: харьковские организации не занимаются людьми, партийной работой среди сотрудников «Шахтстроя», а донбассовские организации оторваны от их работы. Они что-то пишут, вызывают к себе людей совершенно бесконтрольно. «Углесбыт», который очень много пугает в деле организации перевозок угля, сидит также в Харькове или даже в Москве. (Сталин. Помещения есть для этого?) Тов. Сталин, безусловно, для такой организации, как «Углесбыт», помещения есть. Для такой организации, как «Кокс», т. Орджоникидзе в прошлом году ассигновал половину тех средств, которые нужны для того, чтобы объединение перешло к нам. Но, чтобы руководство перешло к нам, безусловно, условия были еще и в прошлом году.

И последнее замечание — это вопрос относительно порядка назначения людей. У нас был твердый порядок (несколько лет тому назад) назначения и снятия хозяйственных работников по так называемой номенклатуре ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У, обкомов и т. д. Я должен сказать, что в ЦК КП(б)У и в обкомах этот порядок хозорганами во многом ликвидирован. Часто назначаются люди, коммунисты в первую очередь, на ту или другую должность без какого бы то ни было не то что согласования, а по крайней мере без того, чтобы показать этих людей местной партийной организации. (Сталин. Кем назначаются?) Наркоматом, отделом кадров наркомата. И мы об этом часто узнаем после того, как есть приказ о его назначении. Немало было таких случаев, когда после приказа мы входили в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У о том, что на того или другого работника есть компрометирующий материал, и приходилось отменять приказ. Я считаю, что должен быть такой порядок, чтобы местная партийная организация отвечала за назначение людей, наряду с наркоматом, тогда у нас будет, безусловно, меньше ошибок в назначении людей.

Тов. Каганович и т. Молотов совершенно правильно говорили, что

именно путем решительной и беспощадной борьбы с вредителями, путем ликвидации вредительства и вредителей мы добьемся нового подъема стахановского движения. Мы примем все меры к тому, чтобы свои ошибки исправить, основательно улучшить партийно-политическую работу среди рабочих и командиров для того, чтобы на основе последовательного осуществления постановлений данного пленума ЦК ВКП(б) окончательно ликвидировать последствия вредительства и уничтожить все остатки японо-немецко-троцкистско-зиновьевских агентов и правых отщепенцев, которые нанесли немалый ущерб нашей растущей социалистической промышленности.

А н д р е е в. Слово имеет т. Гуревич (Наркомтяжпром). Следующий — т. Багиров.

Г у р е в и ч. Товарищи, я бы хотел подчеркнуть только несколько моментов в связи с тем, что основные вопросы были достаточно подробно освещены в докладе т. Молотова и в докладе т. Кагановича. Прежде всего, я бы хотел подчеркнуть следующий вывод, который напрашивается из уроков вредительства. Одним из лучших методов борьбы с вредительством является организация стахановского движения и организация борьбы за высокие технические нормы использования оборудования.

Я бы хотел здесь привести несколько примеров того, как это делал т. Серго. Я возьму такую область, как химия, которая больше всего была подвержена воздействию вредителей. Тов. Молотов уже рассказывал об этом, как т. Серго поставил вопрос об интенсификации в химической промышленности, и прежде всего по линии производства серной кислоты. На опыте борьбы за высокие технические нормы в черной металлургии т. Серго обратил внимание на то, что сернокислотные заводы дают разные показатели съема серной кислоты с каждого куба сернокислотных башен. Когда он ближе подошел к этому делу, он созвал совещание начальников сернокислотных цехов, где этот вопрос был резко поставлен, и в результате в этой отрасли, где усилия вредителей были направлены на то, чтобы сорвать производство серной кислоты, производственная мощность, которая раньше была записана в 1250 тыс. т, выявилась в 2 млн. т на тех же агрегатах. Уже сейчас, в 1937 г., производственная программа по сернокислотной промышленности записана в 1650 тыс. тонн. Но до сих пор сернокислотная промышленность испытывает большие затруднения из-за того, что она не имеет развитой сырьевой базы, так как последняя строилась под заниженные производственные мощности заводов.

То же самое в области анилинокрасочной промышленности. В 1934 г. работниками Главоргхимпрома были предъявлены требования на очень большие капиталовложения, что было отвергнуто т. Орджоникидзе. Был поставлен вопрос о приведении в порядок того оборудования, которое имеется на заводах. Благодаря этому за 3 года — 1933, 1934, 1935 гг. — почти на тех же производственных агрегатах эта промышленность удвоила выпуск своей продукции. То же самое и по хлорной промышленности. Об этом т. Молотов уже рассказывал. Были предъявлены требования значительно увеличить капиталовложения в хлорную промышленность и другие отрасли, с ней связанные. Были предъявлены требования на капиталовложения в 1300 млн. рублей. Эта цифра была расценена т. Серго как желание запугать нас в деле разворота производства хлора. Председатель комиссии, который подсчитывал эти цифры, был снят с работы. Были вызваны начальники хлорных цехов и вместе с ними было установлено, что тех же результатов можно добиться при значительно меньших капиталовложениях — в 350 млн. рублей.

То же самое мы имели в ряде других отраслей производства. Известна, например, борьба за развитие производства шарикоподшипников, благодаря чему резко изменился выпуск шарикоподшипников на 1-м ГПЗ с 24 млн. до 36 млн. штук в год.

Достаточно всем хорошо известна исключительная по яркости борьба, которая велась под руководством Серго в черной металлургии. Здесь т. Молотов об этом уже говорил. Ясно, что тот факт, что т. Серго таскал

металлургов из года в год все к более и более трудным задачам, не давая успокаиваться ни одной минуты на том, что уже достигнуто, и это предостерегало проникновение врагов, они не имели больших возможностей вредить в ней. Это не значит, что нет отдельных участков в черной металлургии, где есть вредительство, это не значит, что там не было или сейчас еще нет отдельных вредительских групп, которые пакостят. Но те основные установки, которые были даны всем хозяйственникам и всему инженерно-техническому персоналу черной металлургии, помогли разбить врага, пытавшегося той или иной практикой или теорией затормозить борьбу за высокие нормы использования мощностей.

Ясно, что неустанная борьба за самые высокие в мире нормы использования оборудования должна и впредь служить важнейшим методом в области организационно-хозяйственного руководства, применение которого должно предостеречь от возможного вредительства в промышленности в будущем. (Сталин. Этого недостаточно.) Этого недостаточно. Это только одна из задач. Эта задача — одна из важнейших. В борьбе за ликвидацию последствий вредительства и в предупреждении нового возможного вредительства большую помощь окажет славная армия мазаев, чайковских и других сталеваров, доменщиков и стахановцев всех других отраслей промышленности. Эти люди при хорошем руководстве со стороны хозяйственников и инженерно-технического персонала закроют все щели, которые имеются, для того чтобы не дать фашистско-троцкистской сволочи никуда проникнуть.

Я скажу еще несколько слов о коксохимической промышленности, о чем сейчас говорил т. Саркисов. В коксохимической промышленности химическая часть, безусловно, страшно запущена. Раскрыли нам глаза на возможность развития химической части в коксохимических цехах опять-таки стахановцы. Я помню, как вместе с т. Саркисовым в апреле прошлого года мы провели отраслевое совещание по решению декабрьского пленума ЦК партии (1935 г.). На этом совещании были выявлены новые технические возможности, и совершенно неожиданно для нас мы обнаружили, что самые большие возможности имеются не в коксовых цехах, а в химических цехах, о которых вредители говорили и негодяй Логинов, в частности, до сих пор продолжает говорить не всю правду перед следственными органами. Вредители в своих показаниях утверждают, что все дело будто бы в запоздалом вводе химических цехов. Это только часть правды. Это имело место и это нанесло ущерб развитию коксохимической промышленности, но это не главное.

Главный ущерб нанесен, и он еще до сих пор не ликвидирован, по линии плохого использования уже действующих химических цехов. Мы имеем малый выход химических продуктов из того угля, который загружается в наши коксовые батареи. Мы имеем большие потери. В 1936 г. по южной коксохимии мы потеряли 4,6 тыс. т аммиака из-за несвоевременного ввода в строй химических цехов, а 14,7 тыс. т — из-за того, что улавливание аммиака не поднималось выше 0,18% против 0,28%, по меньшей мере, возможных. То же по бензолу. Все усилия вредителей, наверняка, были направлены на то, чтобы запустить действующие цеха, дезорганизовать технологический процесс, запустить аппаратуру — скруббера, холодильники, тепло [обменники] и т. д. и т. п. Довели дело до того, что 25—30% аппаратуры запустили, а главное, забивались головы работников коксохимии вредительскими теориями насчет того, что без коренной реконструкции ничего нельзя якобы сделать, или вредительскими «теориями» о якобы малом содержании аммиака и бензола в газе и т. д. и т. п.

Хочу далее особо подчеркнуть, что слишком мало сделано по развитию стахановского движения в угольной промышленности, цветной металлургии и химии, т. е. как раз в тех отраслях, где были сосредоточены усилия вредителей. И особенную тревогу должно вызвать у нас, у работников тяжелой промышленности, отставание угольной промышленности, которое сейчас буквально связывает развитие всей тяжелой промышленности и всего народного хозяйства в целом. Поэтому особое внимание мы должны обратить на угольную промышленность, химию и цветную металлургию.

Далее, сами задачи стахановского движения и борьба стахановцев и хозяйственного персонала должны быть несколько расширены. Все усилия до сих пор были сосредоточены на более интенсивном использовании оборудования, но мы слишком либерально относились к состоянию самого оборудования, что остается в тени при развороте стахановского движения сейчас. А мы видим на уроках вредительства в тяжелой промышленности, что в эту щель пролезал враг. Например, в химических цехах запускали аппаратуру и этим подрывалась вся работа химической промышленности.

Насчет чистоты. Разлить смолу на коксохимическом заводе, это значит облегчить возможность врагу организовать пожар всего цеха и вывод его из строя. А такие вещи имели место. Стало быть, задачи стахановского движения надо расширить, включив сюда не только вопросы наиболее интенсивного использования оборудования, но и вопросы состояния оборудования и его своевременного ремонта. И еще вопрос, который точно так же должен быть связан с задачами стахановского движения,— это насчет регламентации технологического режима. Об этом сказано в проекте резолюции пленума ЦК, и этот вопрос является чрезвычайно существенным. Если имеется твердая технологическая инструкция, никакой вредитель не сможет дезорганизовывать технологию и разрушать аппаратуру в химических цехах, потому что этого не позволят аппаратчики, наши рабочие, начальники смен, советские инженеры. А отсутствие технологического порядка, который должен быть законом для производства, безусловно, создаст возможность вредителю проникнуть в эту щель и сделать то, что ему нужно. То же самое по линии качества продукции.

К сожалению, и в черной металлургии мы имеем такого рода технологические инструкции только по линии производства особенно квалифицированных видов металла. Но такие технологические инструкции мы должны распространить на подавляющую часть сортов металла, потому что наличие такого рода инструкций, которые становятся законом для каждого рабочего, для каждого мастера, суживает возможности наносить вред и по этой линии, а качество нашей продукции, конечно, имеет огромное значение. Это ясно без лишних слов. (К о с а р е в. Сами инструкции могут быть вредительскими.) Я ожидал такого рода реплику. Могут сказать, что инструкции могут быть вредительскими, но инструкция должна быть проверена хозяйственными организациями, как следует. Могут далее сказать, что эти инструкции могут связать по рукам всякое техническое новаторство, но это тоже неверно. Техническое новаторство тоже должно быть организовано; оно ничего общего не имеет и не может иметь с беспорядком в цехах. Твердый технологический порядок обязательно должен быть в любом цеху. (Г о л о с с м е с т а. Бывают хорошие инструкции, но они как следует не выполняются.)

Еще один организационно-хозяйственный вопрос, который я хотел затронуть. Это вопрос относительно охраны труда и техники безопасности. Ведь это факт, что было нарочитое нарушение правил горных работ, организация аварий с человеческими жертвами. Хозяйственники себя успокаивали тем, что это, мол, обычные технические неполадки. Серго об этом говорил на совещании начальников главков 8 февраля: «Многие из нас на фоне наших успехов успокоились, и что же? Тут авария случилась на шахте, угробили 10—15 человек. Ну, угробили. Неполадки технические. А вы помните, многие из вас старые большевики, революционеры. Когда в Донбассе была одна авария, несколько человек погибло, сколько шума было нами поднято. А у нас сейчас погибло 20 человек. Этих людей вытаскивают из шахты, кладут в гробы, хоронят и пишут: «Настроение рабочих приподнятое, все спустились в шахту и работают». Это говорит о том, что души нет, если 10 человек погибло или 1 человек погиб, все должно переворачиваться внутри человека. Это не чужие люди, это наши братья. А есть ли это у нас? Нет, притупилось. Это есть та ржавчина, которая начинает заливать нас. Это очень опасная ржавчина. Это явный признак бюрократизма».

Вот почему, товарищи, мы должны по линии техники безопасности

очень сильно перестроиться. Мы должны и организационные выводы из этого сделать, потому что наши органы, которые этим занимаются, слишком слабы. И еще один организационно-хозяйственный вопрос, который, по моему мнению, следует затронуть. Вредители, как мы видели, стремились создать диспропорцию между подготовительными и очистными работами в угольной промышленности и между отдельными производственными звеньями внутри химии. Но это не исчерпывается одной химией и одной угольной промышленностью. Мы должны позаботиться о том, чтобы такого рода разрывы во всей промышленности не создали условий для дальнейшего вредительства. Я говорю о всевозможного рода узких местах, причем речь идет не о такого рода узких местах, как нехватка никеля, олова или других редких металлов, на что сейчас обращается специальное внимание, а я говорю о мелких узких местах, которые часто выпадают из поля нашего зрения.

Вот я приведу такой разительный пример: отсутствие резиновой ленты нанесло значительный ущерб угольной промышленности, коксохимической промышленности, рудной промышленности, цветной металлургии. Резиновая лента отсутствовала уже год или полтора года, мы бились над этим делом, а теперь выясняется, что производство резиновой ленты, которое находилось в ведении Главрезины, где ряд лет работал Биткер, сознательно срывалось этим вредителем. Новые люди, взявшиеся за это дело, быстро расшивают это узкое место, и мы таким образом сразу имеем возможность ликвидировать этот недостаток. И не только это узкое место, у нас есть ряд запущенных участков вроде метизов, например. Один из выводов, который напрашивается из уроков вредительства, заключается, в частности, в том, что мы не должны допускать, чтобы эти мелкие узкие места оставались хронически узкими.

Таков, товарищи, круг организационно-хозяйственных вопросов, которые я хотел осветить. Но главное не в них. Главное в тех партийно-политических выводах, которые были сделаны тт. Молотовым и Кагановичем. Я хочу отметить только следующие моменты. Среди хозяйственников имеют место такого рода настроения, что, мол, вредительство имеет сравнительно небольшой масштаб или вредительство коснулось лишь нескольких отраслей и поэтому слишком большого значения урокам вредительства придавать не надо. (П о с т ы ш е в. Мало самокритики у вас, очень мало.) Надо полагать, т. Постышев, что после этого пленума ЦК хозяйственные кадры тяжелой промышленности, безусловно, все выводы сделают.

Серго сам говорил незадолго перед своей смертью, в чем разница между периодом Шахтинского процесса и периодом теперешним. Он говорил: во время Шахтинского процесса у нас не было своих кадров, поэтому вредительство было тогда возможно. У нас теперь есть свои кадры, поэтому вредительство было бы невозможно, если бы эти кадры были бы партийно отточены, если бы эти кадры были бы партийно оформлены, если бы самокритика была бы развернута вовсю, если бы мы наши недостатки вытаскивали бы ежедневно... (К о с и о р. Это Серго говорил?) да, да ...если бы не останавливались на наших успехах, а каждый день вытаскивали бы все новые и новые задачи, если бы мы поняли, что этот процесс троцкистского центра относится не только к двум или трем отраслям, а относится буквально ко всей промышленности.

У части хозяйственников в связи с большой волной самокритики на заводах, безусловно, имеется некоторое, ну, как бы сказать, замешательство, люди стали в стороне и заняли позицию самообороны против отдельных неправильных обвинений. Такая позиция части хозяйственников является вредной, безусловно, что эта позиция должна быть быстрее ликвидирована, безусловно, что хозяйственники сами должны взять в свои руки самокритику, безусловно, что они сами должны стать одними из основных организаторов этого дела на заводах. (К о с и о р. Судя по вашей речи, это будет очень не скоро еще.) Я не знаю, почему Вы так думаете. (К о с и о р. Это впечатление такое.)

Безусловно, что главное сейчас — это сделать упор на партийность

хозяйственных кадров. Мы не можем сейчас расценивать ряд чисто технических вопросов, так сказать, только с технической точки зрения. Опыт раскрытия этого вредительства показал, что ряд технических вопросов, по сути дела, является вопросами политическими, и так надо поставить эти вопросы перед всеми хозяйственниками и всем инженерно-техническим персоналом. Если бы подход хозяйственников и инженеров был более острым, скажем, по вопросу относительно лучшей разработки горных пластов в Кузнецком бассейне, то там не было бы такого положения, что создавались нарочито газовые мешки, в которых потом душили рабочих. Если бы люди с большей заостренностью, с большей остротой подходили бы к любому техническому вопросу и расценивали бы его не как простой технический вопрос, а как вопрос политический, то, разумеется, не было бы такого положения, что наши инженеры — советские люди, — сидя в этих шахтах, работая в этих шахтах не заметили бы тех вредительских актов, которые проводились в Кемерове или в других местах.

Вот, товарищи, почему эти вопросы партийно-политического воспитания хозяйственных кадров являются основными и главными. Главное — в политической заостренности, главное — в том, что к технике должна быть прибавлена политика. Это вне всякого сомнения. Главное — в том, что хозяйственники должны значительно более полно жить жизнью масс, чем они живут до сих пор. Главное — в том, что самокритика должна быть развернута вовсю, должна быть не только поддержана хозяйственниками, но возглавлена ими и организована. Ясно, что это есть основной метод для того, чтобы не позволить врагу пролезать впредь в щели нашего хозяйственного аппарата.

Андреев. Слово имеет т. Багиров.

Багиров. Товарищи, все сказанное в докладе т. Молотова и в докладе т. Кагановича, оценка вредительской деятельности японо-немецко-троцкистских агентов в промышленности и на транспорте, данная в проекте резолюции пленума, и выводы, сделанные в этом проекте, полностью относятся и к нашей нефтяной промышленности. И не только к нефтяной промышленности, но и к ряду других отраслей нашего народного хозяйства в советском Азербайджане. В результате нашей плохой, неудовлетворительной работы, прежде всего партийно-политической, в результате того, что проморгали ряд сигналов, имевших место со стороны рабочих-стахановцев, со стороны отдельных партийцев, низовых партийных работников, работающих в нефтяной промышленности, — мы прозевали, проморгали ряд вредительских актов, на сегодня нами установленных. А надо сказать, что только сейчас арестованные троцкисты начинают давать более или менее связные показания по вопросу о той предательской, вредительской, диверсионной работе, которая проводилась в бакинской нефтяной промышленности.

Даже то, что известно, заставляет нас в совершенно другом свете рассматривать все те аварии, пожары, взрывы, которые имели место и носили очень серьезный характер, иногда даже с человеческими жертвами. Возьмите, например, пожар на нефтеперегонном заводе Макса Миллера им. Джапаридзе, оборонном заводе. Пожар произошел в конце 1935 года. Только сейчас выясняется, что этот пожар произошел не случайно, а по заранее обдуманному плану. Возьмите взрыв на опытном заводе синтетического каучука, на заводе сугубо оборонного значения, кончившийся человеческими жертвами. Возьмите несколько случаев взрывов компрессорных станций в течение 1935—1936 гг., имевших место на нефтяных промыслах, срывавших нам выполнение программы, заставивших нас приостановить эксплуатацию целой группы скважин и то же самое сопровождавшихся человеческими жертвами. Возьмите последний взрыв в конце 1936 г. на насосной станции, которая подает морскую воду для работы двух трестов: Молотовнефть и Кергезнефть. Тогда, правда, мы за халатность, за упущения людей привлекли к ответственности. А теперь сами арестованные показывают, что это была не халатность и не упущение, а было сделано сознательно. На такие факты «халатности» совершенно правильно указал т. Каганович.

Было бы странно, если бы на самом деле враги народа, враги нашей страны оставили бы вне своего внимания такую отрасль промышленности, как нефтяную промышленность, в частности бакинскую нефть, которая дает 70% горючего, которая имеет огромное значение во всем нашем хозяйстве, в особенности в организации подготовки обороноспособности нашей страны. В каком направлении шла вредительская, диверсионная и шпионская работа в нефтяной промышленности? Прежде всего, совершенно правильно указано в проекте резолюции на то, что троцкисты восприняли все те методы, формы вредительства, которые имелись раньше в нашем народном хозяйстве, прибавив к ним новые, более гнусные, более пакостные методы.

Прежде всего, о направлениях, по которым шла вредительская работа: сокрытие от советского государства новых нефтяных площадей и горизонтов путем вредительства в геологических работах. Это неслучайно. Многие товарищи знают, что за последние годы у нас получился большой разрыв между разведкой и эксплуатацией вновь открываемых площадей; организовывали обводнение нефтяных скважин путем вредительской эксплуатации скважин, в результате чего скважина, поработав максимум месяц-полтора, сразу же обводнялась и выходила из строя; систематически проводилась дегазация нефтяных площадей путем устройства открытых газовых фонтанов и бурения скважин на газоносных купольных участках. Многим товарищам известно, что естественные газы — необходимая двигательная сила для подачи нефти при эксплуатации скважин. Таким образом, вредительское бурение и эксплуатация дегазировали и ослабляли нефтеносные пласты.

Не приводя много примеров, скажу, что за 1936 г. вредители погубили одних только глубоких скважин (глубиной 1900—2000—2100 м) сто с лишним. Причем все аварии, как правило, происходили за 1 1/2—2 м до нефтеносного пласта. Таким образом, вместо получения нефти из этих глубоких скважин, которые обходились 700—800 тыс. руб. каждая, они консервировались и забрасывались. Немало сделали вредители для ухудшения качества нефтяных продуктов — бензина, автола и проч. Большую «работу» проводили контрреволюционеры троцкисты-зиновьевцы в деле запутывания норм и расценок, в целях вызова массового недовольства рабочих, озлобления их против партии и против советской власти, срыва стахановского движения и т. д.

Особо надо отметить вредительство в части производства недоброкачественного оборудования — труб и проч., приводившего часто к массовым авариям, чем дискредитировалась стахановская работа лучших людей нефти. О том, что в производстве нефтяного оборудования имело место вредительство со стороны контрреволюционеров троцкистов-зиновьевцев, говорят показания арестованных не только в Баку, но и в Таганроге. Установлено, что на Андреевском заводе в Таганроге производились бурильные трубы сознательно с браком, что приводило к массовым авариям. Дальше, в области научно-исследовательской работы. Азербайджанский нефтяной научно-исследовательский институт, который обходится государству миллионы рублей, являлся долгое время местом, где отсиживались вредители, провалившиеся и разоблаченные рабочими на производстве. Тов. Каганович в своем докладе говорил о том, какая засоренность имела место в вузах, научно-исследовательских учреждениях, редакциях журналов, издательствах НКПС. Это целиком относится к нефтяной промышленности, в том числе и к Главнефти. Возьмите только один журнал «Нефтяное хозяйство», издаваемый Главнефтью, который является образцом подхалимства, аллилуйщины, но не руководящим органом нефтяной промышленности, призванным помогать нефтяникам знакомиться с новой техникой, с лучшим опытом работы передовых стахановцев нефти и т. д. Долгое время у нас в Баку во главе научно-исследовательского института сидел Капилюшников. Этот человек обнаглел до того, что на одном из пленумов совета при Наркомате тяжелой промышленности открыто выступил с клеветой на советскую власть, заявляя, что у нас нет внимания к научным

организациям, нет заботы о научных кадрах и т. д. Тов. Серго спрашивает — в чем дело? Оказывается, что Капилюшников хотел провести на пленум совета своего соучастника, которого НКВД не пропустил на совет.

По вопросам планирования. На этот счет нужно сказать, что здесь систематически нарушаются указания партии и правительства о ликвидации разрывов отдельных производственных процессов — добычи, бурения, переработки. Тов. Сталин давал неоднократные указания по этому вопросу. В частности, в конце 1935 г. т. Сталин дал нам совершенно конкретную программу работы нефтяной промышленности на ряд лет. Надо сказать, что эти указания т. Сталина нами до конца не выполняются; не выполняются не только по нашей вине, но и по вине Главнефти, в аппарате которого, видимо, не все благополучно. Та чехарда, неразбериха, неувязка, которые имеют место в планировании, являются стилем работы Главнефти. И в этом году нам в Главнефти составили такой план, что в процессе работы приходится заново его пересматривать, в частности приходится коренным образом менять направление в бурении, т. е. переходить от глубоких горизонтов на мелкие. В результате на сегодня бурение поставлено в чрезвычайно тяжелое положение, требующее вмешательства Наркомтяжпрома. Проходка составляет в день 2 1/2—3 тыс. м вместо 6—7 тыс. метров.

Дальше, товарищи, вопрос о новой технике. Недавно вернулась из Америки целая группа инженеров и хозяйственников в 25—30 человек, пробывшая там полгода. Потрачены на это колоссальные средства. Я не буду говорить, что некоторых по возвращении обратно мы арестовали, в частности Гинзбурга, друга сына Троцкого Седова, которого этот Гинзбург рекомендовал в партию. Спрашивается, какие результаты этой полугодовой поездки по странам Западной Европы и Америки? За исключением одной статьи в «Правде». (М е х л и с. Мы не печатали.) Извиняюсь, значит, в «Известиях», и одной книги, которая, между прочим, говорит, что скорее всего нас тянут назад, электроэнергия нам уже не надо, а необходимо немедленно и полностью перейти на газомоторы, а газомоторов у нас пока недостаточно. (М е ж л а у к. Газомоторы уже есть. Сталин. Местами, может быть, пригодятся. В пустынных местах пригодятся.) И с точки зрения даже противопожарной, с точки зрения технической безопасности, не везде газомоторы можно применить. (Сталин. На пустынных местах придется.) Совершенно правильно, на разведках. (З в о н о к п р е д с е д а т е л я.) Я хочу еще несколько слов сказать.

Товарищи, слабая наша работа по политическому воспитанию инженерно-технических работников явилась, безусловно, одной из главных причин, создавших и условия для вредительской и диверсионной работы. Работа по окончательному разгрому вредительской деятельности троцкистов в Азербайджане еще не закончена. Вскрытие и выкорчевывание троцкистских шпионско-вредительских организаций мы считаем основной задачей Азербайджанской и Бакинской партийных организаций. Все мероприятия, которые предусматриваются проектом резолюции пленума ЦК по угольной промышленности и по транспорту, целиком и полностью относятся и к работе азербайджанской нефтяной промышленности и обязывают нас сделать все необходимые выводы, чтобы в ближайшее время ликвидировать все последствия вредительской и диверсионной деятельности японо-немецко-троцкистских агентов.

Товарищи, нефть является тем участком нашего народного хозяйства, за который большевики Азербайджана несут особую ответственность перед партией и страной. Это учитывают и наши враги (т. Багиров зачитывает эту часть своей речи.) Наряду с использованием троцкистов-зиновьевцев, германские фашисты и другие империалисты использовали и используют мусаватистские буржуазно-националистические контрреволюционные элементы в Азербайджане для разрушения и дезорганизации нефтяной промышленности, для борьбы с советской властью.

Тов. Сталин не раз указывал нам, большевикам Закавказья, на необходимость держать в постоянной боевой готовности партийные

организации для борьбы со всякими проявлениями национализма, являющегося одним из самых острых средств в руках буржуазии и интервентов в их борьбе против трудящихся, против советской власти. Еще в 1922 г. в своем письме ЦК Азербайджанской компартии т. Сталин дал боевую программу борьбы большевиков Азербайджана с мусаватистской буржуазно-националистической контрреволюцией. В этом письме т. Сталин со свойственной ему прозорливостью, четкостью и ясностью вскрыл изменническое, реакционное лицо мусаватистов и националистов и с предельной ясностью сформулировал задачи борьбы с последними. Эти и целый ряд других указаний и предупреждений т. Сталина о необходимости всемерного повышения бдительности мы не выполнили. Благодаря слабости нашей работы буржуазно-националистические элементы получили возможность развернуть контрреволюционную работу на ряде решающих участков хозяйства советского Азербайджана.

По директиве Московского троцкистско-зиновьевского параллельного центра бакинская троцкистско-зиновьевская периферия заключила блок с контрреволюционными националистическими элементами и через них с мусаватистами. Блок этот был заключен на следующих условиях:

1. Контрреволюционная националистическая организация признает для себя руководящими основные положения контрреволюционной троцкистской платформы и тактики, в том числе индивидуальный террор, диверсию и вредительство, а также берет на себя организацию повстанческих групп в сельских районах Азербайджана.

2. Троцкистская организация соглашается на удовлетворение требований националистической организации в отношении отделения Азербайджана от Советского Союза после прихода троцкистов к власти.

3. Контрреволюционная националистическая организация развертывает свою работу, главным образом, в азербайджанской деревне и одновременно помогает троцкистам в их контрреволюционной работе в г. Баку.

4. Троцкистские и националистические организации сохраняют свою самостоятельность и не сливаются.

5. Обе организации поддерживают между собой постоянный контакт, координируя работу посредством намечения общей тактической линии.

Как видно из этих условий, троцкистский центр дал свое согласие на отделение советского Азербайджана от Советского Союза и на создание Азербайджанской буржуазно-националистической республики. В свою очередь, буржуазно-контрреволюционные националисты начали вести работу по организации повстанческих групп в сельских районах Азербайджана, используя для этого отдельные группы националистически настроенной части интеллигенции; по разложению колхозов и созданию массового недовольства колхозников путем: а) хищений колхозной собственности, запутывания отчетности; б) неправильных записей трудодней в сторону уменьшения; в) уменьшение количества поливной воды для колхозного хлопка, ухудшение обработки культур в колхозах, посев на заведомо непригодных солончаковых землях, отвод лучших земельных участков единоличникам и т. д.

В этом отношении характерен один пример. Года полтора тому назад мы получили сигнал из одного района от колхозников и рядовых партийцев о том, что в колхозах района не все благополучно, что заврайземотдела и ряд других работников берут взятки, издеваются над колхозниками и т. д. Послали комиссию, проверили, и все сказанное в заявлениях колхозников и рядовых партийцев подтвердилось. Вынесли решение: сняли кое-кого, поручили привлечь к судебной ответственности виновников, в том числе и завземотдела. В конце 1936 г. органы НКВД при ликвидации к-р кулацких групп в этом районе арестовали и завземотдела как руководителя к-р повстанческих групп. Следовательно, наше решение, вынесенное в свое время о снятии его (завземотдела) и предании суду около года оставалось не выполненным. В чем дело? Дело в том, что завсельхозотделом ЦК АКП(б) Сафаров, ныне разоблаченный и арестованный враг, сознательно спрятал наше решение. В результате заврайземотделом к-рев. Алиев

держался до тех пор, пока органы НКВД его не изъяли вместе с документами, оружием, золотой валютой и рядом других вещественных доказательств. Конечно, никакого оправдания для себя я не нахожу, когда в аппарате ЦК АКП(б) долгое время сидел заклятый враг партии троцкист-фашист Сафаров.

Товарищи, обращает на себя внимание тот факт, что азербайджанские контрреволюционные националистические элементы в союзе с мусаватистами по указанию троцкистов установили тесную связь и контакт с к-революц. националистическими элементами наших национальных республик — Крым, Дагестан, Туркменистан и другие. Так что в этом отношении то, что делается в Азербайджане, в той или другой мере, в той или иной степени имеет место и в других наших национальных республиках. (Г о л о с а с м е с т. Правильно.)

Благодаря притуплению партийной бдительности у нас буржуазно-националистическим элементам, наряду с диверсионной и шпионской деятельностью, удалось развернуть довольно значительную работу и на различных участках культурного фронта. Установлено, что с целью создания недовольства среди тюркской интеллигенции была создана путаница в области орфографии и терминологии тюркского языка. Под председательством одного из организаторов буржуазно-националистического центра Рухуллы Ахундова были проведены новые правила азербайджанской орфографии, противоречащие основам азербайджанского языка. В 1936 г. была выпущена брошюра «Новая тюркская орфография», которая создала путаницу и недовольство среди учащихся и учащих азербайджанских школ и вузов как в корне противоречащая всем ранее принятым правилам орфографии, утвержденным конференцией, на которой участвовали широкие слои учителей и интеллигенции.

Контрреволюционная националистическая работа шла также по линии противодействия национальной политике партии в области развития национальных культур, языка и хозяйственного роста национальных меньшинств Азербайджана (талыши, лезгины, аварцы, таты и др.). Национальная политика нашей партии, направленная на развитие роста этих народов, преподносилась интеллигенции и учащимся как великодержавная политика раздробления и распыления тюркского народа. Этой политике противопоставлялась пантюркистская линия на ассимиляцию всех национальных меньшинств магометанского вероисповедания.

Известно, что среди азербайджанской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции в свое время были туркофильские, пантюркистские и панисламистские настроения. Вот что, например, писал в 1932 г. некий Габиб Джабиев ныне арестованному одному из руководителей националистического центра Рухулле Ахундову: «Прошу тебя не забыть о своем плане установления литературных связей с Константинополем. Постарайтесь получить оттуда как можно больше социалистических научных трудов и книг». Слово «социалистические» выглядит, по меньшей мере, смехотворно, ибо известно, что никакой социалистической научной литературы, тем более в Константинополе, не было. Речь уже тогда шла о пантюркистской контрреволюционной литературе.

Красной нитью в работе и контрреволюционной агитации буржуазно-националистических элементов проходят следующие положения: 1. Восточные, тюрко-татарские народы, проживающие в СССР, должны равняться на Турцию и последовать ее примеру. 2. Кемалистская Турция — единственно независимое свободное тюркское государство. Поэтому надо отделиться от СССР и образовать мощное тюрко-татарское государство под руководством Турции. По существу вся работа по созданию пантюркистских и панкемалистских настроений была подчинена задаче подготовки войны против СССР. Особое внимание обращает на себя попытка турецких эмиссаров координировать на базе пантюркизма и панисламизма контрреволюционную антисоветскую работу буржуазно-националистических элементов Азербайджана, Крыма, Татарии, Узбекистана, Дагестана и Туркменистана.

Когда сейчас присматриваешься к этим матерым к-р националистам,

долгое время находившимся в рядах нашей партии, то видишь, что в большинстве своем это не новые люди, не молодежь, а люди, которые с 1920 г. находились на различных ответственных партийных и советских постах. Возьмите известного многим, ныне разоблаченного и арестованного, одного из главных руководителей к-рев. националистического центра — Рухуллу Ахундова. Он в течение 16—17 лет находился на ответственных постах (секретарь ЦК АКП(б), секретарь Заккрайкома ВКП(б)) вплоть до 1930 г., когда он как участник право-левацкого блока был снят вместе с врагом партии Ломинадзе. После двурушничества его раскаяния он за последнее время вновь был нами привлечен к ответственной работе в Азербайджане, больше того, был представлен нами к ордену и до дня ареста являлся членом Бюро ЦК АКП(б) и руководил делом искусства и филиалом Академии наук в Азербайджане.

Практика борьбы с буржуазными националистами говорит о том, что подавляющее большинство бывших мусаватистов и буржуазных националистов, в свое время принятых в партию без индивидуального отбора и тщательной проверки, без дальнейшего внимательного изучения их поведения, поступков и работы в рядах нашей партии, дали возможности этим людям, прикрываясь званием членов партии, в течение ряда лет проводить свою гнусную провокаторскую националистическую работу.

Одной из причин того, что в течение долгого времени эти враги партии и народа безнаказанно проводили свою подрывную контрреволюционную работу, явилась имевшая место в Азербайджане беспринципная групповщина, семейственность, круговая порука, строго осужденные ЦК нашей партии еще 31 октября 1931 года. Во имя атаманщины и групповщины происходило взаимное прощение как настоящих, так и прошлых грехов, в результате чего мусаватисты, меньшевики и всякого рода националисты и другие враги народа продолжали оставаться в рядах партии.

В связи с этим я хочу обратить внимание пленума ЦК на то, что и поныне некоторые товарищи несвободны от панибратского отношения к чуждым нам людям, от неделового подбора людей, от «земляческого» подхода к людям, от покровительства «обиженным» в Азербайджане. Вот пример: некий Пепинов — бывший мусаватистский министр, один из руководителей разгромленного в 1931 г. к-рев. Национального центра, вернувшись недавно из ссылки, вновь развернул в Азербайджане контрреволюционную работу. Когда мы нащупали его, он оказался уже на работе в Казахстане. (Г о л о с с м е с т а. Верно!) Верно, он в Казахстане. Причем Пепинов не один. Вот вам другой пример. Известный мусаватистский лидер, быв. генерал-губернатор Мелик Яганов, не раз осуждавшийся за время советской власти, также нашел себе приют в Казахстане. Когда в процессе следствия в органах НКВД была установлена его руководящая роль в подпольной к-рев. мусаватистской организации, пришлось его затребовать из Казахстана этапным порядком; ныне он осужден и находится в ссылке. (К а л ы г и н а. Зачем вы оставляли их?) Сейчас они не оставлены, те из них, которые были в Азербайджане, сидят уже, т. Калыгина. Я думаю, товарищи, со всеми этими безобразиями надо покончить; пора нам, работникам на местах, сделать все необходимое для того, чтобы исключить всякую возможность подрывной работы врага.

Итак, товарищи, ослабление и запущенность партийно-политической работы сказались и на борьбе с уклонами от линии партии в национальном вопросе, сказались на нашей работе по интернациональному воспитанию масс. Указания т. Сталина на приеме колхозников Таджикистана, Узбекистана и Туркмении о том, что самое важное и ценное — укрепление дружбы народов, были как нельзя своевременны для усиления внимания партийных организаций интернациональному воспитанию масс. Однако особенно плохо, как это показали последние события в Азербайджане, обстоит дело с политическим и интернациональным воспитанием интеллигенции, и в особенности учащихся. Буржуазно-националистические элементы использовали эту нашу слабость для развертывания контрреволюционной работы среди известной части интеллигенции.

Уроки последних событий говорят о том, что люди, кадры, вопросы партийно-политической работы в культурно-просветительных организациях были преданы забвению. Этим, в первую голову, объясняется засоренность ряда участков культурного фронта буржуазно-националистическими элементами. Мы должны сделать выводы и уроки из последних событий и решительно усилить борьбу с буржуазно-националистическими элементами. Проекты резолюций пленума ЦК ВКП(б) совершенно правильно и своевременно заостряют внимание всех партийных организаций на том, что ключом к решению всех задач, стоящих перед нами, является решительная ликвидация всех грубых ошибок, допущенных нами, решительная ликвидация подмены хозяйственного и советского аппаратов и всемерное развертывание партийно-политической, пропагандистской и агитационной работы.

А н д р е е в. Есть предложение завтра днем заседания не устраивать, а вечером заседание начать ровно в 6 часов вечера. (Заседание закрывается.)

(Продолжение следует)

Российское дворянство

В. И. Буганов

История российского дворянства начинается в глубокой древности. Как и у всех племен эпохи военной демократии, у восточных славян сложились — при племенных, родовых старейшинах, потом князьях, военных предводителях — группы приближенных к ним людей: дружинников старших и младших, наиболее храбрых, исполнительных, а постепенно и более богатых за счет военной добычи и княжеских пожалований. Помимо дружинников, на местах (не в центрах племен, превращавшихся постепенно в княжества) выделялась своя землевладельческая знать. Киевская Русь уже знает князей великих, просто князей, сидевших не в Киеве, а в менее значительных центрах: затем — бояр княжеских и земских (примерно с XII в. они сливаются в единое сословие), «бóльших» и «меньших», с отношениями вассалитета и субвассалитета. Они и составляют служилую верхушку народившегося сословия феодалов, потомков родо-племенной знати¹.

В том смысле, который придавали термину «дворянство» в XIX — начале XX в., все эти князья, великие, «светлые», «бóльшие» и «меньшие», бояре тоже с соответствующими градациями, — это дворяне, точнее, высший их слой, нобилитет. Представители этой служилой верхушки, по сообщениям летописей, «Русской Правды» и других источников, выступают в роли княжих мужей — старших дружинников, высших должностных лиц княжеской администрации. Они, конечно, — люди свободные, особо приближенные к князю-монарху, составляют его высший совет, Боярскую думу, получают от него часть даней и прочих сборов, земли и смердов, имеют право отъезда от одного сюзерена к другому. Ниже по служебной иерархической лестнице располагалась многочисленная и пестрая толпа свободных и несвободных, обслуживавших двор князя и его обширное хозяйство, как домениальное, так и общегосударственное. Это отроки — младшие дружинники, княжеские чиновники; детские, бóльшие и меньшие (как правило, — судебные чиновники); слуги (тоже младшие дружинники, личные слуги князей, исполнители их хозяйственных поручений); слуги дворные — тоже слуги, но подчинявшиеся дворскому, т.е. княжескому мажордому. Все они — люди вольные, независимые. Самую нижнюю ступеньку занимают собственно дворовые люди, или дворяне, люди и вольные, и зависимые, среди них — и холопы (рабы), и младшие отроки. Они — низшая категория слуг княжеского двора. С рассмотрения этих групп, слоев

Буганов Виктор Иванович — профессор, руководитель центра по изучению и изданию источников Института российской истории РАН.

служилого класса древнерусского общества начинают изложение истории российского дворянства некоторые авторы XIX века ².

Первые упоминания о собственно дворянах относятся к последней четверти XII—XIII веку. В Лаврентьевской летописи под 1174 г. о них говорится в связи с убийством великого князя Владимирского Андрея Боголюбского: с ним расправились собственные «милостьники». Новгородская летопись тоже называет их: «свои милостьници» ³. Этот термин, по М. Н. Тихомирову, подразумевает «особый разряд княжеских слуг, занятых непосредственно в дворцовом хозяйстве, в первую очередь ключники и слуги». К XIII в. слово «милостник», «по-видимому, было заменено словом "дворянин"». «Милостники» — это предшественники позднейших дворян, один из разрядов дворцовых слуг, и поэтому с XII—XIII вв. можно начинать историю поместной системы ⁴.

Термин «дворянин» имеется и в летописях последней четверти XII—XIII в.: в Лаврентьевской, Новгородской I; в новгородских актах 1264, 1266, 1270 годов. М. Б. Свердлов признает этот термин аналогичным термину «слуги дворные». Дворян он считает членами государственного административного аппарата, держателями, владельцами земель и населявших их людей ⁵. Эти и другие данные позволяют говорить о существовании в XIII—XIV вв. дворян как сословной категории ⁶. Ю. А. Лимонов полагает, что уже детских, отроков можно считать дворянами. Оформление этой группы, по его мнению, относится ко второй половине XII в., а появление — к более раннему времени ⁷.

Дворяне как социальная категория эволюционируют — от слуг княжеского двора до членов княжеского административного аппарата, вооруженных слуг — дружинников князя. Уже в XII—XIII вв. они, получая земли и крестьян за службу князю, становятся его опорой в проведении внутренней и внешней политики. В XIV—XV столетиях заметно развивается условное землевладение. Земли получают от князей, конечно, и бояре, дети боярские; и те, и другие — выше дворян, так как им даются за их вольную службу кормления и вотчины; они сохраняют еще за собой право отъезда. Дворяне же получают землю под условием обязательной службы. Они начинают отдаляться от несвободных слуг — конюхов, псарей, бобровников, сокольников, огородников и прочих.

В конце XV в. впервые в источниках появляется термин «поместье», и именно с ускоренным развитием поместной системы (дворян в массовом порядке великокняжеская власть «помещала», или «испомещала», на земли, перешедшие к Москве после присоединения Новгорода, Твери и других княжеств) оформляется русское дворянство. С тех пор оно, численно выросшее и окрепшее, при поддержке центральной власти начинает противостоять боярству. И этому не могут помешать ни их общая сословная принадлежность, ни отсутствие непреодолимых перегородок между этими группами господствующего служилого класса.

Следовательно, дворянство как часть служилого класса можно выделить, по существу, со времени образования на Руси государства, классов, сословий (если учитывать предшественников дворян — детских, слуг и прочих); при более строгом подходе — с XII (первые упоминания о дворянах) до конца XVII — начала XVIII в., когда начинается новый период в истории российского дворянства. За службу дворянину давали земельное или (со временем: и) денежное жалованье. Он владел крестьянами, покупал их, «свозил» на свою землю. Центральная власть снисходительно смотрела на эти захваты и самоуправство.

С конца XV в. к дворянству прививается, и надолго, определение — поместное. Идея поместной системы, по верному замечанию С. Б. Веселовского, отличается простотой, органичностью и самобытностью. Она была известна еще в Римской империи, Византии, странах Западной Европы ⁸. Тот же автор пишет о «грандиозной и смелой реформе», проведенной Иваном III после новгородских походов: он конфисковал около 590 тыс. обож (обжа = 1,5 десятины), т. е. около 1 млн. десятин земли у новгородских бояр и иных владельцев, «вывел» последних в центральные

московские уезды, а на их место поселил около двух тысяч помещиков из своих московских владений. То же происходило в тверских, рязанских и иных перешедших к Москве владениях⁹.

Поместное землевладение имело сугубо сословный характер. Владельцами земли, обязанными службой московскому государю, становились тысячи дворян. В XVI в. дворянство увеличивало свой земельный фонд за счет выморочных земель бездетных князей (указы 1551, 1562 гг.); владений бояр и князей, сметенных с насиженных гнезд «тысячной реформой» 1550 г., опричниной, опалами; новых земель на юге, в Диком поле, на востоке — в Поволжье и Приуралье. Жаловали дворян поместьями из фонда дворцовых, черных земель.

Поместные земли получают не только дворяне, но и бояре, другие думные чины, в число которых входят думные дворяне и думные дьяки (они тоже чаще всего происходили из дворян). Дети боярские, которые раньше по служебной иерархии, положению, были выше дворян, теперь сравнялись с ними, потом постепенно опустились ниже их. Провинциальное дворянство XVI—XVII вв. — это собственно дворяне, затем — дети боярские; последние — мелкопоместные, подчас не имеющие крепостных крестьян, холопов, сами обрабатывающие свой клочок земли и нередко опускающиеся в среду крестьян, холопов и гулящих людей, участвующие вместе с ними в народных восстаниях против властей и знати.

К этому времени давно уже исчезло право отъезда не только детей боярских, но и самих бояр; такой отъезд, как можно убедиться из примера с князем А. М. Курбским и многими другими, считается теперь государственной изменой. Разумеется, и дворян в подобных случаях ждала опала или казнь.

Большие изменения произошли в конце XV — XVI в. в составе дворянства, служилого класса в целом. Расширение Московского государства в XIV—XVI вв., включение в число его владений земель собственно русских (Черниговская и Смоленская, Новгородская и Псковская, Тверская и Рязанская земли) и нерусских (Казанское и Астраханское ханства, Башкирия, Большая и Малая Ногайская орда), вассальная зависимость Кабарды, восстановление и усиление связей с соседними странами, особенно христианскими, имели в этом плане важные последствия.

В состав московского господствующего класса, в среду старинных бояр (Кошкиных и Морозовых, Бутурлиных и Челяднинных, Ховриных и Воронцовых, Головиных и Сабуровых) влились потомки великих и удельных князей из земель, ставших московскими владениями (князья Пенковы, Курбские, Прозоровские, Шуйские, Ростовские), их бояр. Важные места при дворе заняли потомки литовских князей (Гедиминовичи — Патрикеевы, Голицыны, Хованские, Куракины и др.). Ряды московского поместного дворянства с середины XV в. пополнялись дворцовыми слугами великих и удельных князей, приказными и ремесленными людьми из княжеских дворов (ключники, казначеи, конюхи, дьяки, подьячие, садовники, псаря и т. д.), военными слугами, холопами удельных бояр и дворян (послужильцы). Число поместных землевладельцев увеличивалось также за счет горожан из Новгорода, Пскова, Вятки, владевших землей; дьяков и подьячих (две последние группы — из духовного сословия и даже, по словам Курбского, «простого всенародства»), которых наделяли землей. За заслуги в ратных делах, за «полонное терпение» в число детей боярских, особенно в уездах к югу от р. Оки, власти зачисляли ратников из крестьян и холопов.

Дворянское сословие пополняли иноземцы — литовцы, татары, приезжавшие в Россию вместе со своими господами (например, князьями Глинскими при Василии III, женатом на Елене Глинской, или казанским царевичем Касимом при Василии II в 1445 г.)¹⁰. Источники XVI в. — разрядные книги и родословные росписи, Тысячная книга и Дворовая тетрадь — перечисляют фамилии русских дворян, служивших «по городам»: Баскаковы, Болтины, Карауловы, Кафтыревы, предки которых выехали на Русь из Золотой Орды; польско-литовские «выходцы» Елагины, Кикины, Козловские, Коробовы; Кузьмины-Караваевы из старинного рода новгородских

бояр, многие другие ¹¹. Феодалные корпорации бывших княжеств сплавлялись в единое сословие русского дворянства, хотя оно и делилось на местные — городские, т. е. уездные, — корпорации.

Все эти люди служили московскому государю, были «в его воле». Эта монаршая воля оформлялась законодательными актами, приказными документами. Например, уложение 1556 г., регулировавшее в общегосударственном масштабе обязанности феодалов, — это не договор о службе, а царский указ. Такое же значение имели и другие акты, касавшиеся службы помещиков и вотчинников. В руках верховной власти угроза лишения поместья, а она всегда висела над дворянами, была серьезным средством воздействия на них, способствовала обеспечению потребностей государства в служилом классе, проведению с его помощью, опорой на него внутренней и внешней политики.

Дворяне-помещики, конечно, косо смотрели на вотчинников-бояр, завидовали им. Поместье и вотчина сильно различались между собой в смысле права распоряжения землей: первое — владение условное; второе — безусловное. Но резко противопоставлять их друг другу нельзя. Во-первых, за большую вину (измена, побег и др.) великий князь, царь могли конфисковать не только поместье, но и вотчину (что они делали по отношению к опальным, в опричнину) и т. д. Во-вторых, условность поместного землевладения постепенно, в течение XVI—XVII вв., стирается — поместья нередко переходят от отца к сыновьям, внукам и т. д.; часть поместной земли за хорошую службу, другие заслуги, по торжественным случаям жаловали «в вотчину». При Петре I две формы земельной собственности сливаются окончательно (указ 1714 г. о единонаследии).

Уже в XVI в. дворянство становится мощным, влиятельным сословием. Оно — костяк русской армии, ее конницы. Вместе с дворянами, которые выходили на службу «конно, людно и оружно», в полки, походы являлись их холопы, крестьяне (их число зависело от размера земельного владения).

Источники XVI в. сообщают о службе дворян — их участии в походах на Смоленск и его взятии (1514 г.), против крымцев, часто совершавших набеги на русские земли, в завоевании ханств Казанского (1552 г.), Астраханского (1556 г.), в Ливонской (1558—1583 гг.), русско-шведской (1590—1593 гг.) войнах. В интересах этого сословия царская власть в середине XVI в. проводит ряд реформ — отмену кормлений, введение губных изб (передача розыска на местах по уголовным преступлениям в руки дворян), введение «Избранной тысячи», ограничивает рост крупного землевладения, боярского и монастырского. Опричнина тоже укрепляет позиции дворянства ¹². В XVI в. «помещик стал ведущей социальной и политической фигурой государства», что было связано с победой поместно-крепостнических отношений ¹³.

Правящий класс, в том числе дворянство, составлявшее наибольшую по численности его часть, — это привилегированное замкнутое сообщество, переход в которое из других, непривилегированных, «черных», сословий все больше затрудняется. Но это не означает, что он совсем невозможен. Происходит своего рода социальная диффузия: обедневшие представители дворян могли «опускаться» в низшие сословия, вплоть до холопов (возможно, такой была судьба И. И. Болотникова), а некоторые счастливицы из низших сословий проникали в дворянскую среду (становились приказными людьми, получали поместное жалованье — землю, крестьян, зачислялись в дворянскую корпорацию по какому-либо «городу»).

Верхушка дворянского сословия вступала в Боярскую думу — в XVI в. появились «дворяне, которые в Думе живут». Думное дворянство в XVI—XVII вв. стало своего рода субсословием внутри дворянства. Ниже его стояли московские дворяне (служившие по «московскому списку», особо почетному и влиятельному), выборные дворяне — верхушка провинциального, или городского, дворянства; их привлекали, как и московских дворян, на престижные службы по военному, гражданскому, придворному ведомствам — сотенными головами в полках, приставами при послах и т. д. Ниже шли городские дворяне (основная масса провинциального, уездного дворя-

нства). Все они входили в число служилых людей по отечеству (вместе с боярами, окольными, думными дьяками, детьми боярскими).

Особую категорию составляли дети боярские, входившие в уездное дворянство как его наименее обеспеченная часть; именно в их среду и проникали в первую очередь служилые люди по прибору (стрельцы, пушкари, городовые казаки и др.), тяглые люди — из посадских и др. Но и обедневшие дети боярские и дворяне подчас переходили в ряды холопов, «черных людей» — тяглецов, однодворцев. Эти «пустопоместные» дворяне (не имевшие крепостных крестьян) участвуют в народных восстаниях (Болотникова и Разина, «медный бунт» 1662 г. и др.). Власти в конце XVI в. «обеляли» (освобождали от налогов) пашню мелких помещиков, чтобы предотвратить их разорение¹⁴. В ряды дворянства, в свою очередь, переходили обедневшие, опальные потомки старых, аристократических фамилий, вплоть до княжеских родов (таковы Мусоргские, идущие от смоленских князей).

Для конца XVII—XVIII столетия известна примерная численность дворянского сословия: на 1700 г. — 22—23 тыс. дворян, с членами семей — примерно 70 тыс.; в 1737 г. — соответственно 50 тыс. и 150 тыс., т. е. рост за треть столетия более чем вдвое. Это произошло за счет естественного прироста, пожалований за службу — в соответствии с Табелью о рангах 1722 г., которая довела до логического конца торжество принципа служебной годности, выслуги, отодвинув назад принцип породы, знатности. Так было закончено дело, начатое актом об отмене местничества в 1682 году.

На исходе XVII и в начале следующего столетия дворяне составляли незначительную часть населения России (в 1678 г. — 5,6 млн., в 1719 г. — 7,8 млн. человек), но по-прежнему занимали господствующие позиции в армии, в аппарате центрального и местного управления. В XVII в. дворяне владели 9% всех земель в России, в следующем столетии — 29% земель. Согласно переписным книгам 1678 г., около 90% дворов в России принадлежало закрепощенным крестьянам (посадским людям и черносошным крестьянам — 10,4%). Из 888 тыс. тяглых дворов дворяне владели 507 тыс., т. е. 57% (бояре — 88 тыс., 10%; дворец — 83 тыс., 9,3%; церковь — 118 тыс., 13,3%)¹⁵.

В XVII в. окончательно сложилась иерархия чинов: чины думные (бояре, окольные, думные дворяне, думные дьяки), чины московские (стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы), чины городовые (выборные дворяне, городовые дворяне, дети боярские дворовые и городовые). То же можно сказать и о городских, или уездных, дворянских корпорациях. Тогда о дворянине говорили, что он служит «по городу», «с городом»; и называли — «смоляне» (Смоленск с уездом), «можаичи», «тверичи», «нижегородцы» и т. д. Их учитывали в особых, городских, списках-десятиях (Смоленская десятина и т. д.). Они служили в полках и городах, при дворе и посольствах, являлись на смотры, их верстали на службу, наделяли земельным, хлебным, денежным жалованьем.

Правда, роль дворянской конницы постепенно, с введением (с 1630-х годов) полков нового строя, уменьшается — к началу 1680-х годов первое место в армии по численности занимают солдатские, рейтарские, драгунские, стрелецкие полки. Но при этом, во-первых, провинциальные дворяне, из тех, кто победнее, становятся рейтарами и драгунами; во-вторых — из дворян же набирали начальников в полки. Так что они, по воле верховной власти, вместе с нею сохраняли контроль над военными силами государства.

В течение XVII в. столичное дворянство пополняется за счет городского выборного дворянства; в то же время происходит оседание обедневших столичных дворян в «городах». Дворяне, столичные и провинциальные, участвуют в работе земских соборов, выбирая делегатов от своих уездных корпораций. Возрастает их роль в Боярской думе, приказах, воеводском управлении. А такие дворяне, как Акинфиевы, Головины, Елизаровы, Желябужские, Матюшкины, Нарышкины, Ртищевы, Соковнины, Стрешневы, Хитрово, Языковы, достигали высокого положения при дворе, получали

думные чины, земли и крестьян. Они же составляли значительную часть бюрократической прослойки¹⁶.

Участие дворян в политических событиях нередко играло значительную, а то и решающую роль. Это случалось не раз, например, во времена «смуты» начала XVII в. (свержение Лжедмитрия I и Василия Шуйского, Первое и Второе ополчения и др.). Выборные дворяне из уездов в 1648 г., в дни московского восстания, громили, в числе прочих, дворы Б. И. Морозова, царского свояка и фактического главы правительства, и других вельмож. В 1682 г. дворянские полки, собранные в Подмоскovie Софьей и Голицыным, помогли справиться с мятежниками в столице.

На протяжении всего столетия дворяне добивались, упорно и целеустремленно — и подачей челобитных, и на земских соборах, и даже используя народные мятежи — запрета крестьянских побегов. И власти Уложением 1649 г., уступая этому нажиму, ввели бессрочный сыск беглых крепостных людей. Дворянские же требования справедливого суда, защиты от «мочных и сильных людей» власти тоже не оставляли без внимания. Борьба дворян против привилегий боярства и церкви, монастырского землевладения, требования новых земель, их межевания и описания (с тем, чтобы гарантировать дворянские владения от захватов) находили понимание и поддержку у царской власти; свидетельство тому — заметный рост дворянского землевладения, отмена местничества и другие ее меры.

Свое место, роль в государстве представители дворянского сословия хорошо выразили в одном из актов, связанных с сыском беглых крепостных. В дворянской челобитной 1660 г. ее составители, выступающие идеологами своего сословия, формулируют его взгляд на «крепостной устав», распределение обязанностей между сословиями: «И в предние лета твой государев крепостной устав в сем деле вовеки был неподвижен, и никому б неповадно было божия даяния, а вашего государского давнаго и вечнаго жалования... восхищати..., и чтоб в твоей государеве державе вси люди..., коиждо от великих и четырех чинов, освященный и служивый и торговый и земледельный в своем уставе и в твоём царском повелении твердо и непоколебимо стояли»¹⁷.

Дворяне играли заметную или даже ведущую роль во многих событиях начала «нового периода русской истории». Дворянские полки — участники Смоленской войны (1632—1634 гг.), русско-польской войны 1654—1667 гг., Чигиринских (1677—1678 гг.), Крымских (1687—1689 гг.), Азовских (1695—1696 гг.) походов. Выходцы из этого сословия вели в сражениях полки, ведали судом и расправой в городах и уездах, посольскими делами (например, бояре А. Л. Ордин-Нащокин и А. С. Матвеев, из худародных дворян, возглавляли Посольский приказ при Алексее Михайловиче). Отмечено участие дворян и в культурных начинаниях, например, в составлении летописей и хронографов (Болтины, Яновы и др.).

При Петре I, в первой четверти XVIII в., исчезает старая система чинов, падает значение старинной аристократии. По Табели о рангах (1722 г.) служилые люди (а все они — дворяне) делятся в зависимости от чина, должности военной или гражданской, на ранги, классы. Низшие чины, классы, с XIV до IX, давали их носителям только личное дворянство, с VIII по I — потомственное дворянское звание, «хотя бы они и низкой породы были»¹⁸. Но за выслугу личные дворяне нередко переходили в потомственные. Так окончательно восторжествовал принцип личной заслуги, в ущерб породе, знатности; появилась новая знать, начиная со знаменитого светлейшего князя А. Д. Меншикова. Впрочем, и многие старинные родовитые фамилии дали и в XVIII и следующем столетиях выдающихся деятелей, богатейших вельмож.

Изменилось, и весьма существенно, положение дворянства в целом. Одни древние и знатные роды измельчали, сошли на нет, другие процветали (Голицыны, Куракины, Шереметевы и т. д.). Заблестали на политическом, придворном небосклоне ранее малозаметные люди и роды — Нарышкины, Лопухины, Орловы, Шуваловы, Разумовские, Зубовы и т. д. Все они, и более, и менее знатные, богатые, составили единое сословие «шляхетства

российского», которое с середины XVIII в. (1754 г.) стали официально именовать «благородным». Для его упрочения, консолидации много сделал Петр I, считавший, что шляхетство «ради службы благородно и от подлости отлично». Помимо Табели о рангах, он издал указ о единонаследии (1714 г.), цель которого — предотвратить дробление земельных владений. Служба в полках для дворян была обязательной, бессрочной, постоянной. При Петре же начинает складываться бюрократия, в которой большую роль играет тоже дворянство. В середине XVIII в. 21,5% чиновников были дворяне; другие стремились попасть в их число.

Правда, термин «шляхетство» на русской почве не привился. Манифест 1762 г. говорит о российском благородном дворянстве. А оно благословило и прославило этот акт, освободивший его от обязательной службы. Правящие верхи, опиравшиеся на дворянство, задабривали его, особенно гвардию (а она состояла из тех же дворян), землями и крестьянами, чинами и деньгами. Давались ему всякие льготы — в заведении фабрик и заводов, торговле и винокурении; некоторые дворяне становились крупнейшими предпринимателями.

Идя навстречу дворянам, Анна Ивановна отменила принцип майората — единонаследия (1730 г.). Она же манифестом 1736 г. разрешила одному из сыновей каждого дворянского рода не служить в армии, заниматься хозяйством в имении. Императрица облегчила дворянским детям и службу — они могли поступать на нее с 20 лет (при Петре I — с 15 лет), служить в течение 25 лет, а потом уйти в отставку.

Дворянство было довольно действиями верховной власти и законодательством о крепостных, которых правительства Елизаветы и Екатерины II еще больше подчинили помещикам (запрет подавать жалобы, ссылка в Сибирь в зачет рекрутов и др.), и Генеральным межеванием с его «прирезками» в пользу помещиков, и мн. др. В наказаниях крестьян дворянин был ничем, по существу, не ограничен. Произвол приобретал нередко самые дикие, изощренные формы — достаточно вспомнить печально знаменитую Салтычиху, Шеншиных, Жуковых и др.

Усиление крепостного гнета, стремление к роскоши, мотовству привели к появлению в XVIII в. великоленных господских усадеб, поражающих богатством и изысканностью архитектуры, интерьера. Они украшали обе столицы, ее окрестности, губернские и уездные города, многие селения по всей России. В них скапливались бесценные сокровища, прежде всего — произведения живописного, прикладного искусства, богатейшие рукописные и книжные собрания (Румянцева, Мусина-Пушкина и мн. др.). Посетителей Архангельского, Останкина, Кускова в Москве, Мраморного и иных дворцов в Петербурге, не говоря уже о Зимнем дворце, и сегодня поражают произведения искусства, которые в них собраны.

Труд народа позволял таким дворянам, как Татищев и Щербатов, Фонвизин и Крылов, Державин и Радищев, многие другие, заниматься науками, литературой и искусством; и в то же время давал возможность многим проматывать то, что создавалось подневольными людьми. Конечно, дворяне несли службу на военном или гражданском поприще. Полководцы, прославившие Отечество своими победами, — Шереметев, Салтыков, Румянцев, величайший из них Суворов, флотоводцы Ушаков и Спиридов, вышли из дворянского сословия. То же можно сказать и о гражданских деятелях, администраторах, дипломатах — Меншикове, Толстом, Куракине, Матвееве и других в петровское время; Потемкине, Безбородко, Бецком и т. д. при Екатерине II.

Общенациональное и частное в деятельности многих дворян переплелись теснейшим образом, и петровский тезис об «общей пользе», «государственном интересе», конечно же, вполне приложим к ним — ведь они водили в бой солдат и матросов, защищая и расширяя рубежи Отечества; вносили свой, и немалый, вклад в строительство государства как руководители и чиновники и коллегиях и губерниях, провинциях и уездах, как авторы записок-прожектов, дипломаты, как фабриканты и заводчики, создатели культурных, духовных ценностей, увеличивая тем самым мощь России.

Вознаграждение, которое они получали, не было одинаковым — одни имели десятки тысяч крестьян и десятин земли, дворцы и чины; другие пробавлялись сотней-другой, а то и десятком десятин и крепостных душ. А самые бедные из них перебивались с хлеба на квас или нахлебничали у богатых соседей-помещиков.

Современники описывают фантастические богатства Орловых, Потемкина, Безбородко и других вельмож — дворцы, балы, фейерверки, сервизы, одежды. На все это уходили миллионы рублей, извлекаемых из их имений, а часто из государственной казны; главным источником этих средств был труд простого народа, «подлых людей». За вельможами тянулись дворяне средней руки, а то и благородная мелюзга, пускаясь во все тяжкие, чтобы блеснуть обедом, псовой охотой или дорогим камзолом.

Различия в чинах и должностях, главное же — в богатстве не мешают дворянству быть единым сословием, осознавать свою «особность» в сравнении с другими сословиями, главенствующее положение в государстве. Верховная власть поддерживала в нем эту уверенность, сословный, корпоративный дух, гордость и достоинство. Вторая половина XVIII в., как и петровская эпоха, стала важнейшим этапом в истории дворянства. Помимо упомянутых выше актов, важнейшее для него значение имели Учреждение о губерниях 1775 г. и Жалованная грамота дворянству 1785 года¹⁹. В последней повторены и обобщены все права дворянства — личные, имущественные, сословные. Главные из них — право на владение землей и крестьянами, свобода от обязательной службы. Дворянское звание приобреталось, помимо выслуги и пожалования, также в результате награждения российским орденом. Дворяне не платили личных податей; их освободили от телесных наказаний. Достоинство дворянина объявлялось неприкосновенным; лишить его чести или звания можно было только по суду или с высочайшей конфирмации. Его имение нельзя было, как раньше, конфисковать — в случае осуждения дворянина, даже за тяжкое преступление, оно переходило к наследникам.

Юридическое оформление, определенную законченность, незыблемость получила по этим актам корпоративная организация дворянства. В каждой губернии дворянское общество имело права юридического лица; его органами были дворянские собрания, губернские и уездные предводители дворянства, депутатские собрания, опека. В их рамках они обсуждали свои сословные нужды, делали о них представления властям; выбирали депутатов и чиновников местных судебных учреждений; заботились об имущественном положении своих собратьев, вдов и сирот; вели учет дворян (дворянские книги).

Роль дворянства характеризуют его позиции в управлении государством: хотя его представители в середине XVIII в. составляли немногим более пятой части российской бюрократии, именно они занимали все ключевые посты в центре и на местах²⁰.

Состав и численность дворянства в XVIII в. заметно изменились. С присоединением Прибалтики оформляется остзейское дворянство, которое в этом и следующем столетиях дало России немало известных деятелей, особенно по гражданской службе, в науке и др. В русское дворянство включаются финское рыцарство (1723 г.), шляхетство трех украинских губерний (1783 г.). В последней четверти XVIII в., после подавления пугачевского восстания, начинается формирование донского дворянства — из казацкой старшины; в начале следующего века — оформление грузинского и бессарабского дворянства.

Представители дворянства, отдельных его групп, слоев не были едины в своем отношении к тому, что происходило в стране. Наиболее мыслящие, честные из дворян видели, что екатерининский «золотой век» много дал их сословию, но отнюдь не большей части трудящегося населения. Работа Уложенной комиссии 1767—1768 гг. показала, что не все депутаты-дворяне склонны одобрять существующий в стране режим. Коробьин, Козельский, Гадебуш — депутаты от дворянства, выступив в ней с критикой крепостничества, поставили вопрос о его смягчении. Позднее Радищев в своем

«Путешествии из Петербурга в Москву» оправдывал расправы крестьян над помещиками, призывая гнев Божий на головы последних. Он выступал с позиций революционных; по его пути пошли Пнин, Попугаев и др. Ужасы крепостничества, тунеядство дворян обличали Новиков (журналы «Трутенъ», «Живописец»), Княжнин, молодой Крылов и др. В полемику с ними словом (журнал «Всякая всячина», например) и делом (закрытие журналов, ссылки) вступила сама императрица.

Таким образом, впервые в России появилась оппозиционная верховной власти и господствующей идеологии, крепостническому строю общественно-политическая мысль. И это было заслугой прежде всего дворян. Власти, продолжая опираться на дворянство, принимают меры против выходцев из него, проявляющих вольнодумство и недовольство. Так поступала Екатерина II. По ее стопам пошел и Павел I. Он, в частности, отменил право дворян на освобождение от телесных наказаний, заставляя их служить, усилил контроль за дворянским самоуправлением. Но после его убийства эти новации были отменены или смягчены.

В первой половине XIX в. во взаимоотношениях верховной власти и дворянства ведущим оставалась взаимная поддержка, поскольку это соответствовало глубинным интересам обеих сторон. По-прежнему, и довольно заметно, росла численность господствующего класса: в 1816 г. в Европейской России (без окраин) насчитывалось 150,5 тыс. дворян мужского пола, из них — почти половина (44,2%) личных дворян, остальные — потомственные. В 1858 г. было уже 206,6 тыс. дворян²¹. Правящие верхи, как и раньше, щедро оделяли их землями и крестьянами — только за треть столетия (1804—1836 гг.) 368 землевладельцев получили более 1 млн. десятин в Новороссии, Поволжье, Приуралье. В интересах дворян и, естественно, государства, его казны осуществлялась экспансионистская политика на окраинах.

Несмотря на все меры поддержки, дворяне, особенно те, которые не сумели приспособиться к развитию буржуазных отношений, разорялись, закладывали свои имения, лишались их. В середине XIX в. более 3,6 тыс. дворян (3,5% их общего числа) были беспоместными; более 41 тыс. (39,5%) имели менее 20 душ крепостных. Тогда же 66% крепостных (более 7 млн. душ мужского пола) оказались заложенными. Все это свидетельствовало о кризисе крепостного хозяйства, самого дворянства, что и стало одной из главных причин отмены крепостного права в 1861 году.

Власти давно готовились к этому шагу (указ о вольных хлебопашцах, секретные комитеты по крестьянскому вопросу и др.). Да и сами дворяне, по крайней мере здравомыслящие, понимали, что жить по-старому дальше невозможно. Многих из них заставило задуматься об этом участие в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. Ведь спасение России стало заслугой народа, прежде всего крестьян в солдатских мундирах; а после победы их вернули в то же крепостное ярмо. В странах Центральной и Западной Европы офицеры-дворяне наблюдали иные порядки. Именно они и подняли вооруженное восстание против деспотизма и крепостного строя — вышедшие на Сенатскую площадь в Петербурге декабристы провозгласили курс на отмену крепостничества и самодержавия или их смягчение, реформирование. А имена пяти казненных революционеров-дворян (Пестель, Рылеев, Каховский, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин) стали путеводной звездой для членов тайных кружков 30—40-х годов, в том числе петрашевцев, для Герцена, Огарева и Белинского, а затем и шестидесятников. Все они, а среди них было много дворян, внесли свою лепту, и немалую, в отмену крепостнического режима и реформирование страны.

Правительство в эти десятилетия, продолжая поддерживать дворянство (земли, привилегии, ссуды и т. д.), одновременно стремилось к его «очищению» от мелко- и беспоместных, от наплыва в его среду выходцев из других сословий; с этой целью был увеличен имущественный ценз для участия в выборах (1831 г.), повышены требования Табели о рангах для приобретения потомственного дворянства (с V, а не VIII класса; 1845 г.); приняты меры для учреждения среднего сословия «почетных граждан»,

в которое включали капиталистов, ученых, чиновников, а также детей личных дворян, чтобы не зачислять все эти категории людей (прежде всего представителей формирующейся буржуазии) в дворянское сословие (1832 г.). Николай I повелел учредить заповедные наследственные имения, которые, оставаясь в распоряжении только данной дворянской фамилии, передавались старшему сыну (1845 г., закон о майорате).

Но, несмотря на все усилия, предотвратить расслоение дворянства, ослабление его позиций не удавалось, и реформы 60-70-х годов XIX в. ясно показали, что ему пришлось уступить кое-что существенное из своих прежних привилегий, главное — право на личность крестьян, доходы от их труда. Но дворянам удалось сохранить значительную часть своих земель; верхушка дворянства имела вплоть до начала XX в. огромные латифундии — фундамент его экономического и политического влияния. Сохранилась и корпоративная организация дворянства. Как и ранее, оно делилось на потомственное и личное. Источниками «благородного» звания по-прежнему оставались, помимо происхождения от древних служилых родов, монаршее пожалование, получение определенного чина или ордена.

В полном согласии с Жалованной грамотой 1785 г. «Свод законов Российской империи» гласил: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая саму службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои или от предков благородных рождены или монархами сим достоинством пожалованы»²². Согласно тому же «Своду законов», потомственное дворянство делилось на шесть разрядов: 1) дворянство жалованное, или действительное; 2) дворянство военное; 3) дворянство, приобретенное за получение чина, ордена; 4) иностранные дворянские роды; 5) титулованное дворянство; 6) древние благородные роды (нетитулованные).

Первые три разряда — это дворяне по заслугам, три других — по происхождению. Правда, и в первом разряде многие — потомки знатных родов из земель, присоединенных к России в XVIII—XIX веках. Но имелись и лица, пожалованные в дворяне за какие-либо заслуги; как, например, костромской крестьянин Караулов за спасение Александра II от выстрела Каракозова. С 1872 по 1904 г. было пожаловано в дворянство почти 80 человек²³. «Социальная диффузия» в дворянском сословии продолжалась и через вымывание из него различных элементов: некоторые фамилии угасали естественным путем (примерно 100 родов к началу XX в.), разорялись, растворялись в других сословиях. Некоторые дворяне становились чиновниками, предпринимателями, врачами, учителями, а иногда и пролетариями, люмпенами. В ряды дворянства, при условии принятия российского подданства, за заслуги по службе, зачислялись представители иностранных фамилий. Немалому числу лиц жаловались княжеские, графские и прочие титулы.

К началу XX в. только титулованных дворянских родов числилось более 830 (около 250 русских князей, 310 графов, 240 баронов, 30 князей из татарских и калмыцких родов, 3 маркиза, 1 герцог). Среди русских князей было много потомков Рюриковичей и Гедиминовичей; имелись и князья пожалованные (Меншиковы, Суворовы, Горчаковы и др.). Графы, бароны и прочие появились в XVIII в., и среди них были не только знатные русские роды, из старинных московских бояр (Шереметевы, Салтыковы и пр.), но и «подлородные» (бароны Строгановы, род которых идет от сольвычегодских «мужиков», и др.). Из старинного и знатного, но нетитулованного рода вели свое происхождение Романовы, более 300 лет являвшиеся правящей династией России. Многочисленные потомки древнего дворянства составляли по разным губерниям от 16 до 45% всех дворян²⁴.

За вторую половину XIX в. численность дворян выросла почти в 1,5 раза: около 612 тыс. в 1858 г. и около 886 тыс. в 1897 г. (по Европейской России, без Польши, Прибалтики, Финляндии). В целом же по стране в конце XIX в. было около 1222 тыс. потомственных и более 631 тыс. личных дворян; всего — более 1853 тыс. дворян (вместе с членами семей),

или около 1,5% населения России²⁵. Более половины потомственных дворян считали русский язык родным, далее шли поляки, грузины, турецко-татарская группа, литовско-латышская, немецкая и др. Нерусские дворяне составляли около половины потомственной части своего сословия. Среди личного дворянства, классного чиновничества доля нерусских была значительно меньшей (русские составляли здесь 81%).

Основой благосостояния дворянства, как и раньше, оставались земельные владения — только в 45 губерниях Европейской России оно имело 87 млн. дес.; к этому нужно добавить другие доходы — от жалованья, субсидий, пенсий, гонораров. Очень прибыльную статью доходов давало предпринимательство. В дворянскую среду вошли такие воротилы, как сахарозаводчики Терещенко и Харитоненко, железнодорожные подрядчики Губонин и Поляков, купцы Рукавишниковы и др. Вспомним также Демидовых, Лазаревых, Осокиных, Турчаниновых, Яковлевых. Представители других сословий, занимая важнейшие посты, естественно, получали выслуженное дворянство — таковы обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, министры финансов Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский и др. Но ключевую роль в государственном управлении продолжало играть потомственное дворянство.

К началу нынешнего столетия около 1,9 тыс. дворян Европейской России (без Польши и Финляндии) владели 2092 фабриками и заводами. Князья Демидовы-Сан-Дonato, графы Строгановы, Шуваловы, Абамелек-Лазаревы, Стенбок-Ферморы и др. распоряжались десятками металлообрабатывающих предприятий, приносящих большие доходы. Миллионеры П. Г. фон Дервиз, К. Ф. фон Мекк, К. К. Унгерн-Штернберг нажили состояния на железнодорожных концессиях; князья В. И. Васильчиков и С. В. Кочубей, Л. Л. Голицын и В. Тенишев — на финансовых операциях при учреждении Юзовского, Брянского, Выксунского заводов. В сахарной промышленности, наряду с новой знатью, процветали представители старой, титулованной — князья Барятинские, Долгорукие, Юсуповы, графы Бобринские, Орловы, Браницкие, Потоцкие, Шуваловы и др., которые, помимо этого, оставались и крупнейшими латифундистами. В число богатейших железнодорожных, углепромышленных «королей» вошли представители поместного дворянства Иловайские, Депрерадовичи, Карповы и др. Из чиновничества вышли А. И. Путилов, А. И. Вышнеградский и другие воротилы финансового, промышленного мира.

Наряду с государственным управлением и хозяйством, дворянство сыграло немалую роль и в развитии отечественной культуры — золотой век, как именуют XIX столетие в ее истории, в значительной степени является результатом творчества лучших представителей дворянства. Это относится и к литературе (от Пушкина и Лермонтова до Толстого и Бунина), к искусству (Глинка, Мусоргский, Рахманинов и др. в музыке, а также живописцы, архитекторы, скульпторы и т. д.). Прославили российскую науку Карамзин, Менделеев, Голицын, Бестужев-Рюмин, Шахматов и др.

Получила дальнейшее развитие корпоративная организация русского дворянства, заложенная актами Екатерины II. Дворянские сообщества были организованы по губерниям и уездам, по дворянским собраниям, члены которых выбирали губернских и уездных предводителей дворянства, депутатов и секретарей, заседателей дворянских опек, посредников для «полюбовного размежевания земель», кандидатов на должности по местному (судебному, полицейскому) управлению. Через своих представителей и депутатов дворяне могли обращаться с прошениями, жалобами к царю, министрам, местным властям. Дворяне поставляли кандидатов в мировые посредники, земские начальники, в земские учреждения. Дворянские сословные общества играли, таким образом, большую роль на местах, действуя в унисон с правительственными органами.

Недостатком этой организации была ее раздробленность, разобщенность — уездные общества не подчинялись губернским и могли обращаться, минуя их, к местной и центральной администрации. Общедворянского представительного органа не существовало, и попытки отдельных дворян,

их собраний поставить этот вопрос перед верховной властью не имели успеха - она явно не желала объединения сословия в масштабе страны. Правда, с конца XIX в. начали созываться совещания губернских предводителей для обсуждения нужд благородного сословия. Но официально их так и не узаконили. Не получило развития и стремление некоторой части дворян к созыву всероссийских дворянских съездов. Лишь в 1906 г. возник Совет объединенного дворянства --- всероссийский орган дворянских обществ.

Дворянское сословие в эпоху первой российской революции создает свои партийные и иные организации, объединения. Некоторые его представители выдвигают проекты ограничения самодержавия; впрочем, для царизма такая оппозиция, будь то консервативная или либеральная, особой опасности не представляла. Знамение того времени - кризис дворянского сословия, ослабление позиций и его самого, и российского абсолютизма. Их положение подрывалось развитием страны по буржуазному пути, разорением части дворян. К 1905 г. фонд дворянских земель сократился на 40%; землей были обеспечены лишь 30—40% представителей сословия (из потомственного дворянства — 55%). Большую часть доходов давали им теперь государственная служба, предпринимательство, рента.

Сохраняются и усиливаются противоречия между отдельными группами, слоями дворянства, например, личным и потомственным, по имущественному, национальному признакам, происходит обуржуазивание дворянства. Вместе с тем происходит консолидация наиболее богатых и влиятельных слоев дворян, использующих с этой целью свою корпоративную организованность, служебные и родственные связи, наличие своих представителей в правящих верхах, общие интересы латифундистов в экономической и внеэкономической эксплуатации крестьян, социальную однородность дворянства и самодержавия.

Основа консервативности значительной части дворянства — сохранение его землевладения, особенно в старых районах - Центральном, Черноземном, Поволжье, отчасти Правобережной Украине, Белоруссии. Его борьба за свои интересы, на почве и при поддержке самодержавия, тормозила развитие страны, сохраняла многие пережитки прошлого. На слом их обрекла эпоха революций 1905—1907 гг. и 1917 г., положившая конец дворянскому сословию. Многие его представители погибли в вихрях Октябрьского переворота и гражданской войны, последующих чисток и репрессий. Другие эмигрировали и составили свои дворянские сообщества во многих странах мира. Третьи стали гражданами постреволюционного общества. Из древней княжеской фамилии Голицыных вышло немало ученых, литераторов; один из них — академик, специалист по ядерной физике, другой — детский писатель. Граф Сиверс долгие годы работал в Государственном Историческом музее. Некоторые, как, например, Б. А. Воронцов-Вельяминов, известный советский астроном, предок которого был сподвижником Дмитрия Донского, занимались, не афишируя своих изысканий, составлением генеалогии своего рода, других дворянских фамилий.

В последние годы, в условиях ломки тоталитарных структур и представлений, возрождаются как интерес к российскому дворянству, так и само дворянство. Уходит в прошлое «классовая непримиримость» по отношению к нему, отдается, и по справедливости, должное его заслугам перед Отечеством. Оно внесло большой вклад в строительство российской государственности, усиление мощи и величия Родины, защиту ее рубежей, приумножение ее славы — и на полях сражений, и в устройении земли, и в накоплении духовных ценностей.

Примечания

1. ГРЕКОВ Б. Д. Киевская Русь. М. 1953; его же. Избранные труды. Т. 1. М. 1957; СВЕРДЛОВ М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л. 1983.
2. ПОРАЙ-КОШИЦ И. А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII в. СПб. 1874; ЯБЛОЧКОВ М. История дворянского сословия в России. СПб. 1876.

3. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. М. 1969, стб. 589; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л. 1950, с. 34.
4. ТИХОМИРОВ М. Н. Условное феодалное держание на Руси. В сб.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М. 1952, с. 101—104.
5. СВЕРДЛОВ М. Б. Ук. соч., с. 209—210, 212—214.
6. РОМАНОВИЧ-СЛОВАТИНСКИЙ А. Дворянство в России от XIII в. до отмены крепостного права. Киев. 1912.
7. ЛИМОНОВ Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Л. 1987, с. 150—173.
8. ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.-Л. 1947, с. 282.
9. Там же, с. 284—299сл.; БАЗИЛЕВИЧ К. В. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в.— Исторические записки. Т. 15, с. 62—80.
10. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. II. М. 1988, с. 130—202; ЧЕРЕПНИН Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М. 1960, с. 195—205.
11. ВЕСЕЛОВСКИЙ С. Б. Ук. соч., с. 314—326; БЫЧКОВА М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М. 1986, с. 144—174.
12. ЗИМИН А. А. Опричнина Ивана Грозного. М. 1984; СКРЫННИКОВ Р. Г. Начало опричнины. Л. 1966.
13. АЛЕКСЕЕВ Ю. Г., КОПАНЕВ А. И. Развитие поместной системы в XVI в. В сб.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М. 1975, с. 67.
14. СКРЫННИКОВ Р. Г. Россия накануне Смутного времени. М. 1980, с. 65—73.
15. ВОДАРСКИЙ Я. Е. Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX в. (размеры и размещение). М. 1988, с. 239—240; е г о ж е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. (численность, сословно-классовый состав, размещение). М. 1977, с. 61—66; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVIII в. М. 1955, с. 151.
16. ДЕМИДОВА Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М. 1987.
17. Цит. по: МАНЬКОВ А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.-Л. 1962, с. 40.
18. Цит. по: ТРОИЦКИЙ С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М. 1974, с. 47—118.
19. КОРФ С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 годов. СПб. 1906, с. 97—114, 136—171.
20. ТРОИЦКИЙ С. М. Ук. соч., с. 366.
21. Там же, с. 296.
22. Цит. по: КОРЕЛИН А. П. Дворянство пореформенной России 1861—1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М. 1979, с. 23—24.
23. Там же, с. 25.
24. Там же, с. 31—34.
25. Там же, с. 40—44.

Расказачивание в Советской России

В. Л. Генис

В докладной записке от 15 января 1919 г. Донбюро РКП(б) информировало ЦК партии, что ввиду быстрого продвижения Красной Армии в глубь Донской области «предстоит очень большая и сложная работа по уничтожению путем целого ряда мероприятий, главным образом, в аграрном вопросе, кулацкого казачества как сословия, составляющего основу контрреволюции»¹. А спустя девять дней на заседании Оргбюро ЦК РКП(б), в которое входили тогда М. Ф. Владимирский, Н. Н. Крестинский и Я. М. Свердлов, был принят текст секретного циркулярного письма, провозглашавшего «единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления». Подчеркивая, что «никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы», циркуляр предписывал провести «беспощадный массовый террор» как против богатых казаков, «истребив их поголовно», так и «по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью». Наркомату земледелия предлагалось «в спешном порядке» разработать практические меры по массовому переселению «пришлой бедноты» на казачьи земли². Так начинался геноцид казачества, распространившийся затем с Дона и на другие казачьи области и районы.

По свидетельству А. И. Деникина, царское правительство «широко использовало казачьи войска для подавления народных волнений и тем навлекло на них глухое озлобление среди бродящей, недовольной массы населения». «Эпизоды «усмирений», — вспоминал генерал, — с неминуемым насилием, иногда жестокостью, получали широкое распространение в народе, преувеличивались и вызывали враждебное отношение к казакам». Казачество приобрело устойчивую репутацию «наиболее консервативного государственного элемента, опоры престола и режима». Естественно, что после крушения монархии Советы рассматривали казаков как потенциальную ударную силу контрреволюционной реставрации, и по инициативе левых кругов «началась сильнейшая агитация, с целью проведения идеи „расказачивания“»³. Между тем среди станичников все более усиливалась тяга к внутренней обособленной организации и казачьему самоуправлению. Советы же, с большим недоверием относившиеся к повсеместно возникавшим казачьим кругам, радам и правительствам, стремились к ограничению их компетенции.

Генис Владимир Леонидович — литератор.

В Области войска Донского социальное противостояние усиливалось тем, что казачеству, составлявшему менее половины ее населения, принадлежало около 4/5 земельной площади, а местным крестьянам, в основном иногородним, перебравшимся на Дон после реформы 1861 г., приходилось либо батрачить, либо арендовать казачьи земли. Земельное неравенство издавна являлось источником конфронтации иногородних с казаками. Казаки не сочувствовали идее уравнительного землепользования и, опасаясь в новых политических условиях за целостность своих наделов, полны были решимости защищать их с оружием в руках. Именно на этой почве, как подчеркивал Деникин, и установилась «тяжелая атмосфера отчужденности и вражды между казачьим и иногородним населением, принимавшая иногда, впоследствии, в быстро менявшихся этапах гражданской войны, чудовищные формы взаимного истребления, когда власть переходила из рук в руки»⁴.

Неслучайно одно из первых антисоветских выступлений после прихода большевиков к власти предприняло Донское войсковое правительство, возглавляемое генералом А. М. Калединым. Однако значительная часть фронтового казачества, еще питавшая иллюзии в отношении большевиков, не поддержала атамана. «Казачьи полки, возвращающиеся с фронта, — сетовал генерал М. В. Алексеев, — находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма находят приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достоинства. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов, буржуазии и интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть»⁵. В конце февраля 1918 г. советские войска, направленные на борьбу с Калединым, и отряды казачьего Военно-революционного комитета, возглавлявшегося подхорунжим Ф. Г. Подтелковым, овладели Ростовом и Новочеркасском, где в результате устроенной победителями «кровавой бани» погибли сотни казачьих офицеров-калединцев, в том числе 14 генералов и 23 полковника. «Лес рубят, щепки летят, — заявлял Подтелков. — ...Крови бояться нечего, ежели ты революционер»⁶.

«Началось, — комментирует Деникин, — внедрение Советской власти в пределы области, сопровождавшееся, как обычно, захватом пришлыми элементами местного самоуправления, грабежами, реквизициями, арестами, убийствами (одних офицеров было убито около 500), казнями и карательными экспедициями против непокорных станиц. Хлеб и скот большими партиями увозились на север; одновременно начался дележ казачьей земли крестьянами. Казаки скоро убедились, что с новым строем они теряют все: землю, волю и власть». Как вспоминает другой современник, «иногородние, добившись равенства, не всегда умеренно торжествовали свою победу, озлобляя казаков»⁷. Столкнувшись с попытками насильственного насаждения «социализма», стремлением иногородних осуществить «имущественное и земельное поравнение», казачество заволновалось.

В результате уже в марте 1918 г. началась тайная организация казачьих сил, а затем и вооруженные выступления, в ходе которых отряды казаков беспощадно расправлялись не только с «бунтовщиками-иногородними», но и со своими «своевольными казаками». Вместе с тем, как докладывал Свердлову один из членов Донского советского правительства С. Ф. Васильченко, гражданская война на Дону приобрела характер еще более обострившегося социального антагонизма между «гражданами — «братьями» казаками и «хамами» — иногородними». «Так распространилось у казаков убеждение, — указывал Васильченко, — в необходимости поголовного истребления иногородних (Дон для донцов), так в свою очередь крестьяне и советские войска стали думать о необходимости поголовного истребления казаков. Приемы расправы, практиковавшиеся казаками над крестьянством, делали это убеждение непреодолимым»⁸.

В мае антисоветское восстание охватывало 77 станиц, шло активное формирование Донской казачьей армии, чему в немалой степени способствовали германские войска, овладевшие Ростовом. «Дон для донцов! —

провозглашал избранный атаманом Всевеликого войска Донского генерал П. Н. Краснов.— Мы завоевали эту землю и утучнили ее кровью своею, и мы, только мы одни, хозяева этой земли. Вас будут смущать обиженные города и крестьяне... Не верьте волкам в овечьей шкуре. Они зарятся на ваши земли и жадными руками тянутся к ним. Пусть свободно и вольно живут на Дону гостями, но хозяева только мы, только мы одни... Казаки!». В одном из своих приказов Краснов требовал: «Наш закон неумолим и беспощаден и наше правило: за одного убитого казака десять из тех, кто посягнул на его жизнь». К середине августа красновцы овладели почти всей Донской областью и повели наступление на Царицын и Воронеж. Упорные бои продолжались всю осень и, по словам Краснова, на Дону были мобилизованы все казаки, «не было ни одной казачьей семьи, где кто-либо из мужчин не был убит или ранен»⁹.

Огромные потери, усталость и крах надежд на помощь союзников способствовали разложению фронта. Казачьи полки самовольно покидали боевые позиции и создавали выборные органы власти, высылали парламентариев для переговоров с командирами советских частей. Собрание станичников и казаков Казанского полка (более 10 тыс. человек) приняло даже резолюцию: «Советская власть показала себя при всех тяжестях положения в стране честной и боевой защитницей интересов всего трудящегося народа России: и рабочих, и крестьян, и казаков»¹⁰. Но эта «честная и боевая защитница» вероломно предала доверившихся ей казаков, секретно приказав провести массовый террор по отношению именно к тем, кто, сложив оружие, открыл фронт, кому еще совсем недавно в многочисленных воззваниях и листовках твердо гарантировалось прощение и мирная жизнь.

В сознании большевиков Донская область оставалась «русской Вандеей», «гнездом несомненно контрреволюционного казачества»¹¹. Сотрудник ВЧК И. И. Скрамэ писал: «Диктатуру труда в Донской области может установить или чрезвычайно мудрая и осторожная политика (может быть), или беспощадный красный террор». Большевики избрали второй путь, и неслучайно поэтому, что на одном из весенних заседаний Оргбюро ЦК РКП(б) применительно к Донской области прозвучало такое слово, как «оккупация»¹². Впрочем, член Реввоенсовета Южного фронта Г. Я. Сокольников уже 10 февраля 1919 г. телеграфировал Ленину и Свердлову, что январская директива Оргбюро нуждается в серьезных коррективах, учитывающих необычайное обострение отношений между казачьими «стариками» и повернувшимися к Советской власти молодыми фронтовиками. «Пункт первый директивы (о массовом терроре.— В. Г.),— считал Сокольников,— не может быть целиком принят ввиду массовой сдачи казаков полками, сотнями, отдельными группами».

Для усиления расслоения казачества Сокольников предлагал временно удалить старшие возрасты за пределы Донской области, проведя их «трудо-вую мобилизацию для общественных работ», и в связи с этим «приступить к постройке и оборудованию концентрационных лагерей». Здесь Сокольников не был оригинален, так как Свердлов еще 15 декабря 1918 г. направил телеграмму завполитотделом Южного фронта И. И. Ходоровскому: «Решение о роспуске пленных считаем абсолютно недопустимым. Немедленно организуйте концентрационные лагеря. Приспособьте какие-либо шахты, копи для работы в них пленных с содержанием их в качестве таковых»¹³.

Все военные и гражданские власти на территории Донской области были подчинены Реввоенсовету Южного фронта, которому поручалось работать в тесном контакте с Донбюро РКП(б). В начале февраля 1919 г. Реввоенсоветом были сформированы первые окружные Хоперский и Усть-Медведицкий ревкомы, которые, в свою очередь, должны были развернуть сеть волостных и станичных ревкомов, назначить в хуторах временных комиссаров. Последним предписывалось «внести расслоение в население, проводя политику террора и репрессий к имущему классу, отделяя его от середняка и защищая интересы бедноты»¹⁴. В соответствии с требованием январского циркуляра провести полное разоружение казаков, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи, Реввоенсовет

образовал особые комиссии по сбору оружия, которым придавались вооруженные отряды. Кроме того, были созданы временные полковые военно-полевые трибуналы, действовавшие по пути продвижения и в местах расположения советских военных частей. Трибуналы состояли из политкомиссара полка и двух представителей партийной ячейки, причем вынесенные этими «тройками» приговоры обжалованию не подлежали. Как утверждал командующий группой войск Южфронта Ф. К. Миронов, «только по пути 8-й армии трибуналами во благо социальной революции было расстреляно 8 тысяч человек»¹⁵.

Для руководства работой по восстановлению советской власти в области при Реввоенсовете фронта был сформирован Отдел гражданского управления во главе с членом Донбюро С. И. Сырцовым. Одной из главных задач Гражданупра являлось создание ревкомов и «инструктирование их в деле беспощадной борьбы с контрреволюцией». «Угнетаемые в экономическом и политическом отношении иногородние, — разъяснял позже Сырцов позицию Донбюро, — воспитали в себе массу неприязни и ненависти к казачеству, к его быту. По существу это была здоровая классовая ненависть, и мы обязаны были ее использовать, — вооружив рабочих и крестьян, создать ту реальную силу, с помощью которой мы могли бы экономически обессилить казачество, раздробить его, вывезти более опасные и непокорные элементы и распылить их»¹⁶.

Донбюро направило ревкомам директиву, в которой предлагало немедленно арестовать в станицах и хуторах всех видных представителей казачьего сословия, «пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, и отправить их как заложников в районный революционный трибунал». Указывалось, что в случае обнаружения по истечении указанного срока у кого-либо оружия «будет расстрелян не только владелец оружия, но и несколько заложников». Кроме того, Донбюро предписывало «составить по станицам под ответственность ревкомов списки всех бежавших казаков (то же относится и к кулакам) и всякого без исключения арестовывать и направлять в районные трибуналы, где должна быть применена высшая мера наказания»¹⁷. Понятно, что, получая такие распоряжения, ревкомы смотрели на казачье население глазами усмирителей, подавляя малейшее недовольство силой оружия.

«Как только станицы казачьих войск стали освобождаться от банд белогвардейцев, — писал позже член Казачьего отдела ВЦИК Изюмский, — туда стали посылаться политические работники, люди, большей частью не знакомые с психологией казака и не знающие их бытового уклада жизни. Из этих людей, помимо Казачьего отдела ВЦИК, стала организовываться на местах новая казачья власть, казаки же, входившие в состав власти (обязательно коммунисты. — В. Г.), играли роль второстепенную, и с ними почти что не считались... Оказавшиеся у власти люди, не знающие казаков, не знали, как и управлять ими, и стали править по-своему. Казачье же население в свою очередь не могло понять этих людей и плохо слушалось их, почему создались трения, что было принято местными властями за контрреволюционные поползновения, которые требовалось в корне задуть. И начались репрессии. Массовые аресты, контрибуции, заключения под стражу и, наконец, массовые расстрелы граждан без суда и следствия привели население к панике... Население было терроризировано. Ни один гражданин не был уверен, что его ночью или завтра [не] расстреляют»¹⁸.

По свидетельству московского партийца М. В. Нестерова, «руководящим принципом было: «Чем больше вырежем, тем скорее утвердится Советская власть на Дону». Реквизиции и конфискации, обыски, аресты заложников и расстрелы, принимавшие иногда, по показаниям современников, «уродливую форму спорта», отнюдь не способствовали закреплению в казачестве просоветских настроений. Тот же Нестеров, приехавший в Хоперский округ на хозяйственную работу, отмечал, что «встретил забитого казака, терроризированного, боящегося незнакомому человеку сказать лишнего слова, враждебно относящегося к местным порядкам, к местной власти, сидящего по хуторам и боящегося показаться в окружной станице,

а то чего доброго отберут лошадь, да и расстреляют». Согласно утверждению Сырцова, в Вешенском районе к концу апреля было казнено около 600 человек; в станицах Казанской и Шумилинской, как сообщал М. А. Шолохов А. М. Горькому, «количество расстрелянных казаков (б. выборные хуторские атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение 6 дней достигло солидной цифры — 400 с лишним человек»¹⁹.

От Вешенского не отставали и другие ревкомы, в частности Морозовский, информация о зверствах членов которого получила на Дону такую огласку, что позже трое из них по приговору ревтрибунала были расстреляны. Как выяснилось на следствии, председателю ревкома Богуславскому была послана грозная телеграмма: «До меня доходят слухи, что вы слишком слабо проводите диктатуру пролетариата и даете потачку контрреволюционерам, а поэтому приказываю действовать энергичнее». Обиженный Богуславский, по его словам, «с горя выпил, пошел в тюрьму, взял список арестованных, вызвал по порядку номеров и 64 человека расстрелял»²⁰. Подобных диких эпизодов, кровавых бессудных расправ были тогда тысячи.

Направленный в Хоперский округ К. К. Краснушкин в докладе Казачьему отделу ВЦИК сообщал, что в станице Урюпинской ревтрибунал разбирал в день по 50 дел. «Смертные приговоры сыпались пачками, причем часто расстреливались люди совершенно невинные, старики, старухи и дети... Расстреливали по подозрению в спекуляции, шпионстве. Достаточно было ненормальному в психическом отношении Демкину во время заседания трибунала заявить, что ему подсудимый известен как контрреволюционер, чтобы трибунал, не имея никаких других данных, приговаривал человека к расстрелу... Расстрелы производились часто днем на глазах у всей станицы по 30—40 человек сразу, причем осужденных с издевательствами, с гиканьем, криками вели к месту расстрела. На месте расстрела осужденных раздевали догола, и все это на глазах у жителей. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать. Всех расстрелянных слегка закапывали близ мельницы, недалеко от станицы... около мельницы развелась стая собак... растаскивавших руки и ноги казненных по станице»²¹.

Официально провозглашенная и проводимая такими методами политика террора восстановила затравленное, отчаявшееся и ожесточенное казачество против новой власти. В ночь с 11 на 12 марта 1919 г. в верхнедонских станицах и хуторах вспыхнуло восстание, которое быстро охватило обширную территорию и привело к тому, что в июне — июле советские войска оставили Донскую область. Как признавался Сокольников, «восстание в Вешенском районе началось на почве применения военно-политическими инстанциями армии и ревкомов массового террора по отношению к казакам, восставшим против Краснова и открывшим фронт Советским войскам». А председатель Усть-Медведицкого ревкома И. Карпов в числе главных причин восстания называл, в частности, «реквизиции скота и хлеба у казаков или в большинстве случаев конфискации», «весьма грубое обращение воинских чинов с местными казаками, оставшимися в хуторах и не ушедшими с Красновым», и «назначение местной власти в большинстве из чуждого казачьему населению элемента»²². Деятели же Донбюро полагали, что восстание возникло не столько «ввиду немедленного проведения террора», сколько из-за «трений между военными властями и ревкомов, ввиду допущения выборной власти, в которую проникли контрреволюционеры». «Отсутствие реальной силы,— заявлял Сырцов,— вот причина наглого открытого выступления казачества»²³.

Примечательно, что повстанцы, к которым присоединились и некоторые хуторские ревкомы, призывали казаков к взятию Советов в свои руки и к победе против «жестоких коммунистов» — комиссаров, чинящих грабежи, убийства и насилия. «Восставшие,— докладывали сотрудники ВЧК в Москву,— пытались вести переговоры с нашими частями и желали

послать своих представителей для объяснения во ВЦИК, но нашим штабом переговоры были воспрещены... казаки-делегаты... поклялись переговоров не вести и умереть всем с честью»²⁴.

Между тем по-прежнему искренне убежденное, что единственным средством успокоения казачьего тыла остается террор, командование Южного фронта (член Реввоенсовета А. Л. Коллегаев и командующий войсками В. М. Гиттис) отреагировали на весть о восстании телеграммой, адресованной Реввоенсоветам 8-й и 9-й армий, а через них всем ревкомам: «Козлов, 12 марта. Восстание казачьего населения в районе Солонка, Шумилин, Казанская, Вёшенская, Мигулинская, Мешковская должно быть подавлено немедленно самыми решительными карательными мерами с беспощадным истреблением не только восставших, но хотя бы косвенно причастных элементов, вплоть до процентного расстрела взрослого мужского населения... Поэтому необходимо во что бы то ни стало принятие немедленных решительных карательных мер, чтобы не только ликвидировать местное восстание, но в зародыше подавить во всем тылу всякую мысль о восстании»²⁵.

Еще более бесчеловечное распоряжение (его текст повстанцы распространяли в качестве агитационного воззвания) направил Коллегаев в войска 16 марта: «Записка по прямому проводу. Весьма секретно. По всем адресам. Реввоенсоветам 8, 9, 10 Армий. Предлагаю к неуклонному исполнению следующее: напрочь все усилия к быстрой ликвидации возникших беспорядков путем сосредоточения максимума сил для подавления восстания и путем применения самых суровых мер по отношению к зачинщикам-хуторам: а) сожжение восставших хуторов; б) беспощадные расстрелы всех без исключения лиц, принимавших прямое или косвенное участие в восстании; в) расстрелы через 5 или 10 человек взрослого мужского населения восставших хуторов; г) массовое взятие заложников из соседних к восставшим хуторов; д) широкое оповещение населения... о том, что все станицы и хутора, замеченные в оказании помощи восставшим, будут подвергаться беспощадному истреблению всего взрослого мужского населения и предаваться сожжению при первом случае обнаружения помощи».

Сырцов в телеграмме председателю Вёшенского райревкома И. В. Решеткову предлагал «за каждого убитого красноармейца и члена ревкома расстреливать сотню казаков». Кроме того, он требовал приготовить этапные пункты для отправки на принудительные работы в Воронежскую губернию, Павловск и другие места всего казачьего мужского населения в возрасте от 18 до 55 лет, приказывая караульным командам расстреливать за каждого сбежавшего казака пятерых²⁶.

На заседании Оргбюро ЦК приехавший на VIII съезд РКП(б) Сокольников снова поднял вопрос об ошибочности январского циркуляра. На заседании ЦК партии, куда был перенесен вопрос из Оргбюро, Сокольников доказывал, что это постановление «невыполнимо для донского казачества и что в Донской области есть резкая разница между Севером и Югом, которая делает излишним вмешательство наше. С некоторыми изменениями такое же положение создается и среди Оренбургского казачества». Принятое ЦК решение гласило: «Ввиду явного раскола между северным и южным казачеством на Дону и поскольку северное казачество может содействовать нам, мы приостанавливаем применение мер против казачества и не препятствуем их расслоению. То же принимается по отношению к Оренбургу и Уральску». На практике расказачивание продолжалось и, например, 5 июня 1919 г. на заседании Оренбургского губкома партии еще дебатировался вопрос о необходимости уничтожить всех казаков «свыше 45 лет, не имеющих сыновей в Красной Армии и не стоящих на стороне Советской власти». За это предложение проголосовали пятеро участников заседания, четверо высказались против и один воздержался²⁷.

В сентябре 1919 г., когда в связи с массовой сдачей оренбургских казаков местные советские власти «вступили на путь ограждения пленных, а равно и населения станиц от каких-либо эксцессов», Реввоенсовет Туркестанского фронта (М. В. Фрунзе, Ш. З. Элиава и П. И. Баранов)

обратился в ЦК РКП(б) с письмом, в котором напоминал, что «секретный циркуляр ЦК широко распространен во всем казачестве и факт его распропагандирования у белых сыграл большую роль в упорной борьбе казачества, ведшейся под [флагом] самообороны от полного истребления». В связи с этим Реввоенсовет подчеркивал, что новая политическая линия «не закреплена какими-либо указаниями ЦК и в силе остается циркулярное письмо»²⁸.

Тот же вопрос обсуждался и на закрытом заседании ответственных оренбургских работников и командования фронта, созванном 19 сентября по случаю приезда в город председателя ВЦИК М. И. Калинина. На заседании, между прочим, отмечалось, что в 1918 г. во время карательных экспедиций, организованных областной советской властью против казачества, «было уничтожено одиннадцать станиц, наиболее выдающихся по своей контрреволюционности», что, как и на Дону, «повело к поголовному восстанию казачества». На предложение оренбургских работников просить ЦК пересмотреть январский циркуляр Калинин ответил, что, конечно, «там есть маленькое усиление и оно не подлежало оглашению», но «необходимо не настаивать на отмене циркуляра, а просить дать директивы». В то же время председатель ВЦИК ссылаясь на опубликованное 16 августа в центральной прессе воззвание к казакам, имевшее, по его словам, силу закона, в котором, в частности, говорилось, что власть «не собирается никого расказачивать насильно» и «не идет против казачьего быта».

19 сентября комиссия Политбюро ЦК в составе Л. Б. Каменева, Н. Н. Крестинского и Л. Д. Троцкого утвердила написанные последним «Тезисы о работе на Дону», в которых провозглашалось, что критерием в отношении к казачеству «в ближайший период будет не столько непосредственная классовая оценка разных слоев (кулаков, середняков, бедняков), сколько отношение различных групп самого казачества к нашей Красной Армии». А 5 октября Оргбюро ЦК, рассмотрев «заявление Реввоенсовета Туркфронта о необходимости издать определенную директиву по отношению к Уральскому и Оренбургскому казачеству», постановило распространить тезисы Троцкого и на них²⁹.

Между тем в соответствии с мартовским постановлением ЦК РКП(б) о приостановлении применения массового террора против казачества Реввоенсовет Южного фронта в приказе от 7 апреля 1919 г., подписанном Ходоровским и Сокольниковым, потребовал «во изменение прежних постановлений в отношении общей политики Донской области руководствоваться следующим: самым беспощадным образом подавлять попытки мятежа в тылу, применяя при этом подавлении меры массового уничтожения восставших, в то же время по отношению мирных районов не прибегать к массовому террору, преследовать только активных контрреволюционеров, не предпринимать мер, могущих остановить разложение казачества, строжайше преследовать произвольные реквизиции». Предлагалось «немедленно приступить к составлению списков граждан, понесших убытки от действий контрреволюционных банд, грабежей, незаконных поборов, беспощадно карать всех должностных советских лиц, виновных в злоупотреблениях». Одновременно Реввоенсовет отменял свои прежние приказы об организации полковых трибуналов, о конфискации у населения повозок с лошадьми, фуража и седел³⁰.

В свою очередь Сырцов еще 25 марта направил районным ревкомам телеграмму: «Оповестите срочно ответственных партийных и советских руководителей района, что ЦЕКА пересмотрел свою директиву и предписывает партийным работникам приостановить проведение массового [террора]. Совершенно не предпринимать ничего, что может обострить отношения и привести к восстанию. Меры экономического характера, особенно реквизиции, должны применяться осмотрительно и осторожно. При невозможности вывезти продукты нет надобности их отнимать и нервировать население. Изъятие отдельных вредных контрреволюционеров, конечно, необходимо. Вешенское восстание, конечно, надо раздавить со всей решительностью и беспощадностью, но по отношению к станицам, не восставшим,

не должны огульно распространяться репрессии. Необходимо, конечно, по отношению к южному казачеству применять больше суровости, не выходя за пределы». Ссылаясь на эту телеграмму, Сырцов отвергал упреки Сокольников, обвинявшего его в нелояльном отношении к постановлению ЦК РКП(б) о приостановлении действия январского циркуляра³¹.

Донбюро, однако, ратовало за продолжение практики расказачивания. «Ненависть против казаков,— докладывал Сырцов в Секретариат ЦК РКП(б) 21 апреля,— на которых крестьяне привыкли смотреть как на классовых врагов, теперь только находит свое выражение. Попытки, бывшие до этого, для крестьянства оказывались печальными: казаки, поддерживаемые своим войсковым правительством оказались сильнее. Победы Красной Армии вдохнули уверенность в крестьян, и они начинают расправу с казачеством. Крестьяне прилегающих к району восстания станиц и деревень, зная, что в случае победы повстанцев им придется круто, в тех местах, где они составляют значительный процент по сравнению с казачеством, поднимают по собственной инициативе антиказачье движение. Революционные комитеты под влиянием требований крестьян переименовывают станицы и хутора в волости и деревни (это, может быть, на первый взгляд и мелочь, но для казачества, так дорожающего своими традициями и бытовыми особенностями, не остается иллюзий: начинается «расказачивание» казачества, то, чего оно так боялось). Заложники прилегающих к району восстания станиц, взятые карательными отрядами и переданные волостным рев. ком[ам], крестьянами перебиты»³².

Обсудив директиву ЦК РКП(б) от 16 марта 1919 г., Донбюро приняло резолюцию, констатировавшую, что «существование Донского казачества с его экономическим укладом жизни, остатками экономических привилегий, прочно укоренившимися реакционными традициями, воспоминаниями о политических привилегиях, пережитками патриархального строя, с доминирующим бытовым и политическим влиянием более богатых, стариков и тесно сплоченной группы офицерства и чиновничества стоит перед пролетарской властью неизменной угрозой контрреволюционного выступления». Исходя из этого, Донбюро объявляло насущной задачей «вопрос о полном, быстром и решительном уничтожении казачества как особой бытовой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества, активно контрреволюционных, распыление и обезвреживание рядового казачества».

Практическое выполнение этой задачи предлагалось сообразовывать с положением на фронте, «дабы неосмотрительными демонстративными репрессиями не приостановить разложения среди казаков, еще остающихся в рядах противника». Кроме того, предусматривались организация широкого переселения на Дон крестьян из Центральной России и удаление части казаков за пределы области путем мобилизации их на различного рода принудительные работы, а также проведение политики «экономического террора» по отношению к южному многоземельному казачеству (контрибуции на отдельные станицы, чрезвычайный налог, обезземеливание казаков с передачей их земли иногородним или переселенцам, конфискация рыболовного имущества и пр.)³³.

22 апреля Сырцов выступил с информацией «О положении дел на Дону, о казацком восстании в Вешенском и других округах» на заседании Оргбюро ЦК РКП(б), в котором приняли участие А. Г. Белобородов, Ф. Э. Держинский, Н. Н. Крестинский, Л. П. Серебряков, И. В. Сталин и Е. Д. Стасова. «Тов. Сырцов,— зафиксировано в протоколе,— предлагает по отношению к южному контрреволюционному казачеству проводить террор; заселять казачьи хутора выходцами из Центральной России». Хотя прошло лишь немногим более месяца с того дня, когда ЦК формально приостановил действие директивы о терроре, «предложение т. Сырцова» и резолюция Донбюро об отношении к казакам были приняты. Последняя — «с добавлением о мобилизации и вооружении крестьян, заселяющих казачьи земли», что, впрочем, так и не было реализовано.

«Революционный Военный Совет [Южного фронта], — жаловался Сырцов в своем письме Ленину и Троцкому, — мое предложение немедленно провести мобилизацию крестьян в Миллеровском районе отклонил как «несвоевременное». Характерны мотивы, которыми аргументировалось это решение. Товарищ Колегаев не хотел вооружать крестьян (мы-то предлагали не всеобщее вооружение, а регулярные формирования), потому что с ними много будет хлопот и все равно с крестьянами тоже придется воевать. Тов. Сокольников видел в этом предложении продолжение той старой политики, которая во что бы то ни стало хочет выделить казачество и поставить его вне общих рамок, ведя по отношению к казакам политику недоверия, только поднимая их против себя»³⁴.

Сокольников еще не знал о новом постановлении Оргбюро и, крайне возмущенный политикой Сырцова, 21 апреля телеграфировал в ЦК РКП(б) (копия — Донбюро, в Миллерово): «Донбюро за НР 948 утверждает, что возникновение восстания не произошло на почве применения первоначальной директивы, которая «фактически не проводилась». Донбюро заблуждается, в моем распоряжении есть официальные цифры, устанавливающие факт проведения директивы в огромном масштабе в районе, который точно соответствует району теперешнего восстания. Насколько я знаю, Донбюро ничем не отметило изменение курса политики, что вполне соответствует его взгляду, что прежний курс не дал себя почувствовать. Мне совершенно неизвестны указания Донбюро донским парторганизациям о политической борьбе с распространением восстания, опираясь на новые директивы. По моему настоянию политотдюзфронта такую работу, хотя и с запозданием, выполнил, — работа Донбюро отсутствует». Однако, заслушав 22 апреля телеграмму Сокольникова, Донбюро приняло решение «оставить ее без ответа, считая дальнейшую переписку излишней».

Сторонники раскачивания настаивали на расчленении Донской области, предлагая «в интересах политической (чтобы оторвать куски мяса контрреволюции друг от друга) и экономической (экономическая тяга Донской области к Царицыну) целесообразности» присоединить ее северо-восточную часть к Царицынской губернии с включением некоторых смежных территорий в Саратовскую и Тамбовскую губернии и образования из ее южных округов Ростовской губернии³⁵. Так предполагалось начать процесс распыления казачества, растворения его в крестьянской массе.

Но руководство Южного фронта было категорически против указанного плана. «Установление фронта на Донце и возникновение мятежа на Среднем Дону, — телеграфировали в Москву Сокольников и Гитлис 28 апреля, — создало затяжное положение, при котором административное перераспределение Донской области оказывается невозможным, как потому, что ликвидация восстания и проведение ряда политических мер против новых восстаний (переселение крестьян на Дон, «высасывание» казаков из области путем трудовых и военных мобилизаций) особенно требуют единого плана и единства проведения его, так и потому, что центр западного нового губернского объединения (Ростов) еще вне пределов досягаемости. Впредь до занятия Новочеркасска и Ростова, которое позволит создать второй гражданский центр, управление всей областью должно быть сосредоточено таким образом в руках одного центра с нахождением его, примерно, в Морозовской. Отторжение тех или иных районов к соседним старым губерниям может производиться, поскольку оно не будет нарушать единства политики управления на Дону. Подчинение Гражданского центра как органа оккупационного режима военной власти — Реввоенсовету Южфронта сохраняется до тех пор, пока этого будет требовать положение на фронте и внутреннее состояние области»³⁶.

Поскольку при рассмотрении 30 апреля вопроса об административном делении Донской области точка зрения Донбюро, которую защищал Сталин, встретила отпор со стороны Сокольникова и Колегаева, Оргбюро ЦК постановило не разбивать область, образовав путем реорганизации Гражданупра временный областной ревком с подчинением его Реввоенсовету Южного фронта. Донбюро встретило это решение в штыки, объявив, что

оно «не только вносит сумбур в сознание рабочих и крестьянских масс, выделяющих лозунг расказачивания», но и, «представляя собой организационное выражение линии соглашения с казачеством (точка зрения тов. Сокольников), создает для казачьих масс (в том числе и примирившихся с мыслью о расчленении области) иллюзии возможности сохранения «единого Дона», сохранения казачества»³⁷.

Как отмечал уже в июне 1919 г. в докладе ЦК РКП(б) член Донревкома В. А. Трифонов, «Донбюро до сих пор считает, что целесообразно заменять советское строительство репрессиями, а здравый смысл и марксистское рассуждение — решениями с кондачка». Эту оценку подтверждала и резолюция Донбюро от 25 июня, в которой, в частности, говорилось: «События прошлого и опыт показали, что политическая линия, намеченная Донбюро и утвержденная ЦК РКП (в его первоначальных директивах и резолюции Оргбюро), в общем и целом правильно учитывала необходимость быстрого и решительного проведения мер, которые должны были экономически обессилить казачество и политически обезвредить его. Эта линия, не питая и не поддерживая никаких иллюзий насчет не только революционности, но даже лояльности казачьих масс, правильно указывала на необходимость опереться в борьбе с казачеством на донских рабочих и крестьян и вовлечь их в активную борьбу с казачеством».

Констатируя отсутствие устойчивости, невыдержанность и колебания при проведении этой линии, Донбюро вновь сетовало по поводу «халатного отношения военных учреждений к охране вооруженной силой тыловых казачьих станиц» и «медлительности и нерешительности в деле выселения наиболее контрреволюционных элементов казачества». «Донское бюро, — указывалось в его резолюции, — решительным образом подчеркивает опасность того курса, который взят Реввоенсоветом Южного фронта. Попытки соглашения с казачеством или частью его (казачество северного округа) в атмосфере наших военных неудач в момент военных поражений только укрепляют казачество в его контрреволюционных выступлениях. Попытки опереться в военном отношении на казаков и способы, применяемые для этого (предоставление возможности политических выступлений популярному в казачьей среде Миронову), не давая ничего или почти ничего в военном отношении, в политическом отношении являются безусловно вредными, открывая дорогу политическому и военному авантюризму, вновь возрождая иллюзии о возможности «донской самостоятельности» и внося сумбур и недоверие в ряды тяготеющих к нам донских крестьян и рабочих»³⁸.

В свете политики расказачивания становится более понятной и трагическая судьба одного из организаторов красных казачьих частей Ф. К. Миронова. Казак Усть-Медведицкой станицы, бывший войсковой старшина (подполковник), он доказал свою преданность революции в боях с красновцами, успешно командовал дивизией и ударной группой войск 9-й армии, одним из первых в РСФСР был награжден орденом Красного Знамени. В феврале 1919 г., несмотря на протесты Сокольников, Миронова перевели на Западный фронт: начиналось расказачивание. Однако в июне, когда положение на юге после деникинского прорыва на север катастрофически обострилось, по предложению Сокольников Миронова вернули на Дон, поручив ему командование формирующимся Донским казачьим корпусом. Это назначение встретило резкое противодействие со стороны Донбюро, ревкомовцев и ряда фронтовых работников. Даже поработавший вместе с Мироновым В. А. Трифонов, сам по происхождению донской казак, наотрез отказался войти в состав Реввоенсовета нового корпуса, мотивируя это тем, что не хочет «принимать участие в создании войск, которые завоюют Дон для того, чтобы потом защищать его от Советской России».

Миронов, потрясенный злодеяниями расказачивания, пришел вскоре к выводу, что «восстания в казачьих областях вызывают искусственно, чтобы под видом подавления истребить казачье население». «В силу приказа о красном терроре, — писал он, — на Дону расстреляны десятки тысяч безоружных людей ...Нет хутора и станицы, которые не считали бы свои

жертвы красного террора десятками и сотнями. Дон онемел от ужаса». Корень недоверия ко мне, объяснял Миронов в письме Ленину, состоит в том, что «политику истребления казачества, а потом зажиточного крестьянства я поддерживать не стану... На безумие, которое только теперь открылось перед моими глазами, я не пойду»³⁹.

В августе 1919 г. во время рейда конного корпуса генерала К. К. Мамонтова по тылам Южного фронта Миронов, доведенный до отчаяния недоверием и интригами, вопреки запрету Реввоенсовета двинулся с недосформированным Донским корпусом к линии фронта «на жестокую борьбу с Деникиным и буржуазией». В своих воззваниях он объявлял, что «остановить и разбить Деникина можно только единением народных сил, а единение это будет тогда, когда со сцены сойдут коммунисты», поскольку «злейшими врагами социальной революции являются справа — генерал Деникин, слева, как это ни дико — коммунисты», и, «чтобы спасти революционные завоевания, остается единственный путь: свалить партию коммунистов»⁴⁰. Как писал позже член ЦК РКП(б) И. Т. Смилга, бросив лозунг о раскалывании, «Российский конвент в борьбе с собственной Вандеей сделал чреватую последствиями ошибку, которая, с одной стороны, усилила позицию действительных вандейцев-деникинцев и, с другой стороны, вызвала выступление Миронова».

В своем воззвании по Донскому корпусу Миронов цитировал инструкцию Уральского облревкома об отношении к казачеству: «§ 1. Все оставшиеся в рядах казачьей армии после первого марта объявляются вне закона и подлежат беспощадному истреблению. § 2. Все перебежчики, перешедшие на сторону Красной Армии после первого марта, подлежат безусловному аресту. § 3. Все семьи оставшихся в рядах казачьей армии после первого марта объявляются арестованными и заложниками. § 4. В случае самовольного ухода одного из семейств, объявленных заложниками, подлежат расстрелу все семьи, состоящие на учете данного Совета»⁴¹.

Поскольку выступление Миронова было воспринято как мятеж и сам он объявлен вне закона, части Донского корпуса, еще не дошедшие до линии фронта, были окружены буденновцами. Арестованный, приговоренный в октябре 1919 г. на проходившем в Балашове судебном процессе к расстрелу и тут же помилованный ВЦИК, Миронов был затем введен в состав Донисполкома, принят в ряды РКП(б), а осенью 1920 г. во главе 2-й Конной армии громил Врангеля. Награжденный вторым орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием, назначенный инспектором кавалерии Красной Армии, по дороге в Москву он заехал в родную станицу, где по клеветническому обвинению был снова арестован, заключен в московскую Бутырскую тюрьму и 2 апреля 1921 г. во время прогулки застрелен одним из охранников.

Хотя член Реввоенсовета Южного фронта К. А. Мехоношин называл Миронова «романтиком», а сам он говорил о себе как о «социалист-эмпирике», Смилга, Трифонов, деятели Донбюро придерживались иной точки зрения. Обвиняя в августе 1919 г. членов Реввоенсовета Южфронта в «непростительном легкомыслии» и отсутствии «политического чутья», в склонности к «дурацким экспериментам» и «идиотским предприятиям» (доверили Миронову формирование казачьего корпуса!), Смилга заявлял, что Миронов — «полусумасшедший человек, типа Григорьева и Махно», «в нем сидит середняк-крестьянин, полусоциалист, полуанархист, полубуржуйчик». Такая оценка не вяжется с тем, что писал Миронов Ленину: «Для марксизма настоящее — только средство и только будущее — цель. И если это так, то я отказываюсь принимать участие в таком строительстве, когда весь народ и все, им нажитое, растрачиваются для цели отдаленного будущего, абстрактного. А разве современное человечество не цель? Разве оно не хочет жить? Разве оно настолько лишено органов чувств, что ценой его страданий мы хотим построить счастье какому-то отдаленному человечеству?»⁴².

В обвинительной речи на балашовском процессе Смилга, признав, что на Дону красными совершались зверства, и указав, что «главные виновники

этих ужасов уже расстреляны», попытался оправдать действия местных советских властей ссылками на историю: «Не надо забывать, что все эти факты совершались в обстановке гражданской войны, когда страсти накаливаются до предела. Вспомните Французскую революцию и борьбу Вандеи с Конвентом. Вы увидите, что войска Конвента совершали ужасные поступки, ужасные с точки зрения индивидуального человека. Поступки войск Конвента понятны лишь при свете классового анализа. Они оправданы историей, потому что их совершил новый прогрессивный класс, сметающий со своего пути пережитки феодализма и народного невежества. То же самое и теперь»⁴³.

Среди партийных руководителей Донской области не было, впрочем, единства по вопросу об отношении к казачеству. «Считая первые директивы ЦК о Донской политике ошибочными, возлагавшими непосильное бремя и на нашу недостаточно еще дисциплинированную армию, и на молодые, весьма хилые, советские органы на Дону, совершенно не говорившими об осторожном, продуманном отношении к средним элементам, — писал 6 июля 1919 г. в Москву член Донбюро РКП(б) А. А. Френкель, — я считаю в дальнейшем крайне необходимой работу по откалыванию средних элементов и привлечению их на свою сторону. Сословную борьбу меж казачеством и крестьянством (иногородними) на Дону надо вести, по-моему, в русле классовой борьбы, а не превращать в аморфную зоологическую борьбу... С большинством (4 ч.) Донского бюро РКП я, как и меньшинство (2), разошелся в этом вопросе, так как оно считает первые директивы правильными, в их провале оно винит исключительно армию, находя вместо причин виновников, о работе по откалыванию «средних» элементов оно и слушать не желает, считая это пагубной политикой».

Отзыв утвержденного председателем Донревкома А. Г. Белобородова на доклад Френкеля был однозначен: «Автоматическое перенесение на Дон «средняцкой» линии может создать последствия, более губительные для Советской власти, чем «первые» директивы ЦК». Направленный на Южный фронт в качестве чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны для подавления Вешенского восстания, Белобородов, как известно, будучи председателем Уральского облисполкома, в июле 1918 г. подписавший решение о расстреле царской семьи, предлагая послать в экспедиционные войска, действующие против казаков, петроградских коммунистов, подчеркивал: «Люди нужны с характером и крепкими нервами. Для этой операции такое условие обязательно»⁴⁴.

6 мая Белобородов писал Крестинскому: «Я считаю величайшей наивностью, преступным легкомыслием то, что борьба с Донской контрреволюцией велась посредством революционных трибуналов. Трибуналы судили (!) захваченных нами перебежчиков и явных контрреволюционеров, часть из них (весьма малую) расстреливали, часть отправляли на принудительные работы (наказание, подумай), а часть, и, кажется, значительную, освобождали и отпускали с миром. Этой наивности нужно положить предел, и чем скорее, тем лучше. Необходимо организовать Чрезвычайки и как можно скорее покончить с трибунальским словоизвержением. Основное правило поведения при расправе с к[онтр]-рев[олюционерами]: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу. Необходимо в этом духе авторитетное решение для Дона». Ранее в письме Крестинскому от 3 мая Белобородов отмечал, что «линия, занятая Владимиром Ильичом, вполне верна, хотя некоторые товарищи, в том числе и тов. Сокольников, смотрят на дело, кажется, несколько иначе. Я хотя с ним и не говорил, но эту линию чувствую. В общем надо сказать, что, кого нужно, в железо здесь еще не взяли, — очень уж русское добродушие прет изо всех углов!»⁴⁵.

Учитывая стремление Деникина соединиться с казаками, Ленин требовал энергичных мер по немедленному подавлению Вешенского восстания. «Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгости, — обращался он к Сокольникову, — но если Вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно. Нельзя ли обещать амнистию и этой ценой разоружить [повстанцев] полно-

стью?». А в телеграмме от 3 июня, обращая внимание Реввоенсовета на упразднение ревкомаи названий «казак» и «станция», запрещение носить лампы, незаконные реквизиции конской упряжи с телегами и т. д., вплоть до назначения комиссарами станиц австрийских военнопленных, Ленин указывал «на необходимость быть особенно осторожными в ломке таких бытовых мелочей, совершенно не имеющих значения в общей политике и вместе с тем раздражающих население. Держите твердо курс в основных вопросах и идите навстречу, делайте поблажки в привычных населению архаических пережитках»⁴⁶.

В то же время Ленин призывал «изо всех сил» налечь на переселение на Дон рабочих и малоземельных крестьян северных губерний. Уже в апреле 1919 г. в Донскую область прибыло свыше 700 переселенцев из Олонецкой, Тверской и Череповецкой губерний, а в мае, всего за несколько дней до того, как деникинская конница прорвала фронт 9-й армии, Ленин подписал телеграмму Гражданупру с предписанием принять срочные меры к расселению на Дону 20 тыс. переселенцев, направлявшихся туда уже в ближайшие дни. К чему это привело, свидетельствует телеграмма члена Реввоенсовета 9-й армии Ходоровского от 7 июня: «Несмотря на трагедию, переживаемую фронтом и в частности 9 армией, Гражданупр упорно направляет переселенцев в Донскую область... В данный момент, когда армия отступает, сопровождаемая на своем пути толпами беженцев, направлять переселенцев на Дон значит не только до последней степени расстраивать железные дороги, в которых так нуждается отходящая армия, но и обрекать переселенцев на поголовное истребление казаками и калмыками».

Как сообщал Трифонов, переселение в той форме, в которой оно осуществлялось, в условиях рушившегося фронта являлось «величайшим преступлением против переселенцев, которых казаки просто вырезали, и против Советской Республики, которой это переселение уготовило, наряду с другими причинами, Донское восстание». Конечно, распоряжение Колегаева, предлагавшего районным ревкомам путем уплотнения казачьих станиц предоставить две трети каждой из них (то же касалось хуторов) переселенцам, возмущало казачье население и возбуждало его против Советской власти. Подобная практика имела место и в 1920 году. «Третий ревком, — жаловался в ЦК РКП(б) председатель Казачьего отдела ВЦИК Д. В. Полуян, — вследствие настояния горцев выселил из станиц 14 000 семейств, не дав им возможности собрать посев и не подготовив для них новых мест поселения. Выселенные казаки вынуждены были жить под открытым небом. Естественно, значительная часть их ушла в горы, другие отправлялись батрачить на Кубань и Дон, всюду разнося молву, что казаков сгоняют с их земель»⁴⁷.

Делая главную ставку на насилие, большевистские руководители изо всех сил стремились, выражаясь словами Троцкого, «заставить трудового казака почувствовать себя не казаком, а рабочим и крестьянином» (одновременно натравливая на него иногородних) и «рассказывать казачество»⁴⁸, заставив его, силой оружия, принять новую власть. Как и во все времена, кровавая репрессивно-карательная политика рассказывания, какими бы высокими и благими целями она ни оправдывалась, могла завести лишь в тупик. Проводившаяся на практике даже после отмены январского циркуляра, она не могла привести к умиротворению «тихого Дона», а наоборот: взорвала его яростнейшим восстанием.

Примечания

1. Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Январь — март 1919 г. Сб. док. М. 1971, с. 193.
2. Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 177–178.
3. Вопросы истории, 1990, № 10, с. 98–99, 101.
4. Там же, с. 102.
5. Борьба за власть Советов на Дону. Сб. док. Ростов-н.Д. 1957, с. 236–237.

6. ФРЕНКЕЛЬ А. А. Орлы революции. Ростов-н.Д. 1920, с. 34.
7. ДЕНИКИН А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. Париж. 1922, с. 318; КАЛИНИН И. Русская Вандея. М.-Л. 1926, с. 48.
8. Пролетарская революция на Дону. Сб. 1. Ростов-н.Д. 1922, с. 70.
9. КРАСНОВ П. Н. Всевеликое Войско Донское. В кн.: Архив русской революции. Т. 5. М. 1991, с. 222, 249; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 65, д. 137, л. 23.
10. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 35, л. 9.
11. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т.38, с. 277.
12. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 34, л. 82; оп. 112, д. 3, л. 56.
13. Там же, оп. 65, д. 154, л. 115; Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 100, оп. 2, д. 224, л. 190.
14. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 81, л. 44.
15. Цит. по: МЕДВЕДЕВ Р. А., СТАРИКОВ С. П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Мирнова. М. 1989, с. 211.
16. РГВА, ф. 100, оп. 2, д. 1119, л. 20; РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 23678, л. 2.
17. МЕДВЕДЕВ Р. А., СТАРИКОВ С. П. Ук. соч., с. 158—159.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 1235, сп. 83, д. 8, л. 39.
19. МЕДВЕДЕВ Р. А., СТАРИКОВ С. П. Ук. соч., с. 176; РЦХИДНИ, ф. 554, оп. 1, д. 3, л. 85; ф. 17, оп. 65, д. 34, л. 168; Литературное наследство. Т. 70. М. 1963, с. 696.
20. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 35, л. 10.
21. Там же, д. 34, л. 93—94.
22. Там же, л. 85; ГАРФ, ф. 1235, оп. 83, д. 6, л. 64.
23. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 81, л. 19, 15.
24. Там же, оп. 65, д. 35, л. 68.
25. РГВА, ф. 100, оп. 3, д. 105, л. 415—417.
26. Там же, д. 100, л. 17—18; МЕДВЕДЕВ Р. А., СТАРИКОВ С. П. Ук. соч., с. 170.
27. Известия ЦК КПСС, 1989, № 8, с. 161, 163; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 35, л. 215.
28. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 112, д. 9, л. 33.
29. Там же, оп. 84, д. 33, л. 1—2; оп. 112, д. 8, л. 112; д. 9, л. 18.
30. Там же, оп. 65, д. 153, л. 61.
31. Там же, д. 35, л. 7, 77, 168.
32. Там же, оп. 6, д. 83, л. 4.
33. Там же, оп. 65, д. 34, л. 163—164.
34. Там же, оп. 112, д. 3, л. 39; ф. 2, оп. 1, д. 23678, л. 3.
35. Там же, ф. 17, оп. 65, д. 35, л. 13; оп. 6, д. 81, л. 14; ф. 554, оп. 1, л. 87.
36. Там же, ф. 17, оп. 112, д. 3, л. 58.
37. Там же, л. 56; оп. 65, д. 34, л. 170.
38. Там же, оп. 65, д. 34, л. 87; оп. 112, д. 6, л. 44.
39. Там же, ф. 5, оп. 2, д. 160, л. 22—23; ЛОСЕВ Е. Миронов. М. 1991, с. 349, 340—341.
40. Цит. по: СМЛГА И. Военные очерки. М. 1923, с. 56—57, 70.
41. Там же, с. 60, 69—70.
42. Там же, с. 62, 67, 73, 77, 84; ЛОСЕВ Е. Ук. соч., с. 160.
43. СМЛГА И. Ук. соч., с. 97.
44. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 84, л. 118—119; Переписка Секретариата ЦК. Апрель — май 1919 г. М. 1972, с. 536.
45. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 109, д. 54, л. 3; Переписка Секретариата ЦК. Апрель — май 1919 г., с. 536—537.
46. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 50, с. 290, 387.
47. Там же, с. 316; Переписка Секретариата ЦК. Июнь — июль 1919 г. М. 1974, с. 640; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 34, л. 88; д. 35, л. 60; оп. 84, д. 33, л. 8.
48. В пути, 15.V.1919.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Карл Густав Эмиль Маннергейм

Я. Вирмавирта

Финский маршал и президент Карл Густав Эмиль Маннергейм был виднейшим руководителем независимой Финляндии еще до Зимней войны против Советского Союза (30 ноября 1939 г. — 13 марта 1940 г.). После нее он приобрел международную известность как герой, спаситель Финляндии и символ борьбы против сталинского диктата.

Его жизненный путь полон парадоксов. Он был русским офицером, а затем встал во главе освободительного движения Финляндии против России. Как противник большевизма и сторонник императорской власти он дважды разрабатывал план захвата Петрограда-Ленинграда, но оба раза отказывался от его реализации. Во время гражданской войны в Финляндии в 1918 г. он возглавил борьбу белых против красных, победил и расколол нацию на два лагеря, но перед началом Зимней войны сумел объединить всех финнов, как белых, так и красных, для общей борьбы за независимость Финляндии.

Маннергейм сдержанно и даже с подозрением относился к Германии, но именно в союзе с ней Финляндия воевала против Советского Союза в так называемой войне-продолжении (25 июня 1941 г. — 4 сентября 1944 г.). Немцам он, однако же, не захотел отдать «свой» Петербург. Маннергейм возглавил борьбу Финляндии против совершившего в 1939 г. агрессию Советского Союза, и в конце концов сумел привести финский народ к миру. Он же начал закладывать основы более стабильных мирных отношений между Финляндией и Советским Союзом.

Отношение к Маннергейму в Финляндии сопровождалось многими оговорками, начиная с конца 40-х годов и вплоть до наших дней. Как антикоммунист он не вписывался в рамки господствовавшего в то время политического мышления. Как личность он представлял совсем другой мир, чем тот, к которому относилась провозгласившая идеалы демократии и равноправия Финляндия. В Советском Союзе имя Маннергейма было бранным словом для большинства руководителей. В Западной Европе и Соединенных Штатах он остался героем Зимней войны, спасшим Финляндию от большевизма.

В настоящее время авторитет Маннергейма в Финляндии вновь начинает расти. Он снова на коне, причем не только как памятник в центре Хельсинки. В свете начавшегося возрождения России его взгляды и знание

Вирмавирта Ярмо — финский журналист, председатель правления Финского внешнеполитического института и председатель комитета Института Европы.

этой страны приобретают новую глубину. Финляндия возвращается к пониманию той основополагающей истины, что ее восточным соседом является Россия, а не Советский Союз и не централизованная идеологическая власть коммунизма. Потребность изучения жизненного пути Маннергейма сейчас больше, чем когда-либо в послевоенный период.

Маннергейм родился 4 июня 1867 г. в Лоухисаари в юго-западной части Финляндии в шведской семье. После продолжительного шведского владычества шведы по традиции продолжали занимать центральное место в экономической и культурной жизни Великого Княжества Финляндского. Они и по сей день сохраняют важное положение в финском обществе, хотя доля шведскоязычного населения в Финляндии постепенно уменьшается.

Род Маннергеймов происходил из Голландии, откуда его предки переехали в Швецию. И только прадед Маннергейма перебрался в Финляндию. Уже в 1870-е годы отец Маннергейма столкнулся с экономическими трудностями в своей коммерческой деятельности. Из-за них, а также в связи с отъездом отца за границу, семье пришлось продать поместье Лоухисаари, в котором Маннергейм провел детство. Во время учебы и в первые годы службы в царской армии он находился в стесненном материальном положении.

Карьера офицера требовала денег, это была профессия для богатых, по крайней мере, в мирное время. Маннергейму просто ничего другого не оставалось, как в совершенстве овладеть военной профессией с тем, чтобы преуспеть на этом поприще, потому что ни денег, ни нужных связей, которые гарантировали бы успех, у него не было. В 13 лет Маннергейм поступил в школу кадетов в городе Хамине. Этот выбор не отвечал традициям его семьи. В роду Маннергеймов относились критически как к военной карьере, так и ко всему русскому.

Из школы кадетов Маннергейма исключили за плохое поведение. Но он все же не отказался от мысли стать военным, переехал в Петербург и поступил в Николаевское кавалерийское училище. А перед этим все лето 1886 г. он работал и одновременно изучал русский язык на юге России. Так начался российский период его жизни, продлившийся до конца 1917 года. Русским языком он овладел лучше, чем финским, на котором так и не научился свободно говорить.

Петербург стал городом юности Маннергейма, его единственным домом до тех пор, пока он не вернулся в независимую Финляндию. Ему нелегко было прижиться в России. В 1887 г. он писал сестре: «Совсем не то было бы оказаться среди шведов, с которыми возможны взаимные симпатии в очень многих вопросах, чем драться здесь в России за кусок хлеба с грубыми русскими кавалеристами»¹. Служба бывала подчас очень тяжелой, но Маннергейм преуспевал в ней.

Маннергейм был не единственным в русской армии выходцем из Финляндии. Многие финны сделали военную карьеру и занимали видное место в русской армии. Во время русского господства в Финляндии сначала была лишь небольшая гвардия. Собственно, офицером можно было стать, лишь поступив на службу в русскую армию. В 1878 г. вступил в действие закон, в соответствии с которым у Финляндии появилась своя армия. Затем закон был изменен таким образом, что финны стали служить в русской армии. Поэтому многие из них отказывались от этой службы.

После Николаевского кавалерийского училища Маннергейм два года служил в полку «черных драгун», дислоцированном в Западной Польше. Но это было для него временным местом службы, так как он мечтал попасть в знаменитый полк кавалергардов, служба в котором являлась хорошей рекомендацией и для военной карьеры, и для общества в целом. В кавалергарды Маннергейм попал в 1891 г., что имело решающее значение для его карьеры. В гвардии он приобрел много друзей и полезных связей на всю жизнь. В обязанности Маннергейма входили дежурства при дворе, и у него появилась возможность приобщиться к светской жизни столицы.

Петербургский период был очень важен для Маннергейма как будущего государственного деятеля. В то время он усваивал образ мышления и стиль

поведения военного, общественного и государственного руководителя, а также жизненные установки и манеры высшего сословия. Петербургские нравы того времени трудно назвать русскими. Скорее они были европейскими. Тогда Петербург был вполне интернациональным и европейским городом. Его называли «Северным Парижем». Завязавшиеся в те годы знакомства оказались весьма полезны возвратившемуся в Финляндию Маннергейму с точки зрения связей с Западной Европой. Кроме того, в Петербурге он научился понимать, как осознаются большой державой вопросы государственной безопасности. В независимой Финляндии многие даже на пороге второй мировой войны все еще не понимали, что значат для великой державы вопросы, связанные с поддержанием ее авторитета.

Во время прохождения службы в кавалергардах у Маннергейма сложились связи с императорской семьей. Маннергейм был весьма привлекательный мужчина. Он принимал участие в коронации Николая II в Москве в 1896 г., идя в торжественной процессии впереди молодого императора, которому остался верен до конца. Позже Маннергейм долго служил в Конюшенном управлении при дворе. Его основной обязанностью было приобретение лошадей для дворцовых конюшен. В связи с этим он много путешествовал по Европе. Из Конюшенного управления он перешел на должность начальника образцового эскадрона в офицерское кавалерийское училище в Петербурге.

С тех пор он полюбил лошадей. И в старости, пока у него были силы, он регулярно ездил верхом, по возможности ежедневно. Когда в Хельсинки устанавливали памятник Маннергейму, то было абсолютно естественно воздвигнуть именно конный монумент, что отражало образ жизни Маннергейма. Ведь он мог бы разделить свою жизнь на периоды по кличкам лошадей, на которых ездил. В русско-японской войне он принимал участие на Талисмане, по Азии путешествовал на Филипе, после войны за независимость прибыл на парад победы в Хельсинки на Нептуне, во время войны-продолжения его спутником был Андерман, в последний путь его провожала лошадь Кати. Длительное занятие лошадьми не прошло бесследно — из-за травм колена и бедра Маннергейм хромал до конца своей жизни.

На петербургский период жизни пришелся также брак Маннергейма с Анастасией Араповой. Он был заключен в 1892 году. У них уже родились две дочери, когда в отношениях Маннергейма с супругой наступил разлад. Официально он оформил развод лишь в 1917 г., когда брак с православной русской мог негативно повлиять на начинающуюся в то время государственную карьеру Маннергейма в Финляндии. Жена его еще в начале XX в. переехала во Францию. Дочери жили впоследствии в Париже и Лондоне.

Из Петербурга Маннергейм отправился осенью 1904 г. на русско-японскую войну. После 17 лет военной службы ему представилась возможность приобрести опыт боевых действий. Он воевал на Маньчжурском фронте в качестве подполковника в Нежинском драгунском полку. Порядки в войсках здесь были совсем не те, к каким Маннергейм привык в Петербурге, но он сумел командовать людьми и в условиях войны. Маннергейм увидел и реальности войны, и недостатки русской армии. В результате он стал подчеркивать значение дисциплины и роль офицерства в армии. Участие в военных действиях требовало личного мужества. Любимый жеребец Маннергейма Талисман был убит под ним во время боя.

После русско-японской войны Маннергейм провел некоторое время в Финляндии, где заседал в парламенте как представитель дворянства. В 1906 г. начальник Генерального штаба Палицын сделал ему заманчивое предложение, от которого он не смог отказаться. Маннергейму предложили принять участие в длительной исследовательской и одновременно разведывательной экспедиции в Китай, представлявший для России интерес и в военном отношении. Замаскированное под научную экспедицию путешествие верхом через весь Китай продолжалось с апреля 1906 по апрель 1908 года. Началось оно в Ташкенте и завершилось в Пекине. Помимо Генерального штаба в финансировании экспедиции принимали участие также некоторые финские научные круги, в том числе Финно-угорское общество. Для

Маннергейма это путешествие стало источником приобретения нового опыта и впечатлений, а также приобщило его к научному труду. Он прилежно фотографировал, делал измерения, знакомился с жизнью местного населения. Всю работу приходилось выполнять по большей части самому, без помощников.

Возвратившись из экспедиции, Маннергейм доложил о ее результатах Николаю II. Похоже, для Маннергейма было очень важным то, что царь заинтересовался экспедицией и не пожалел времени для заслушивания докладов Маннергейма. В Генеральный штаб он представил подробный отчет об экспедиции. Собственно научный отчет о ней был оформлен позже. Окончательно же он был готов лишь в 1940 году. Это путешествие много значило для Маннергейма и поэтому даже спустя годы он хотел, чтобы итоги поездки были подробно зафиксированы. Дневник этой экспедиции Маннергейма хранится в архиве Финно-угорского общества в Хельсинки ².

Путешествие по Азии для Маннергейма было удачным еще и потому, что он оказался вдали от происходивших в Петербурге событий. Реакция в то время подняла голову, что ощущалось и в Финляндии. Финский офицер русской армии легко мог оказаться втянутым в конфликт со своим начальством. Брат Маннергейма был выслан из Финляндии как раз в начале этого периода.

В 1909 г. Маннергейм получил назначение на должность командира Уланского полка личной гвардии императора в Варшаве. Пребывание там было связано, помимо военной службы, также с участием в местной светской жизни. Маннергейм познакомился с графиней Марией Любомирской, с которой затем много лет переписывался. Он писал ей о своих взглядах на ситуацию в мире. Эти письма — прекрасный материал для тех, кто хочет понять образ мышления Маннергейма. У него были и другие увлечения, но он больше не вступал в брак. В отношениях с женщинами у Маннергейма всегда присутствовали некоторая аристократическая отдаленность и особый стиль. Его последней симпатией была графиня Гертруд Аркор, с которой он появлялся в свете два с половиной года, завершивших его жизнь.

Маннергейм служил в частях на западной границе России, когда Германия 1 августа 1914 г. объявила войну России. Он стал командиром 12-й кавалерийской дивизии. Масть лошадей в ней была строго определенной, все они должны были быть цвета «кофе со сливками», что отвечало вкусам ее командира. В июле 1917 г. ему было поручено командование 6-м кавалерийским армейским корпусом, участвовавшим в боях на Румынском фронте. Одновременно он был произведен в генерал-лейтенанты. В ходе боевых действий Маннергейм получил представление об европейской войне в целом. Он научился командовать многонациональными по своему составу воинскими соединениями и руководить крупными операциями. Он верил, что союзники победят в войне, хотя хорошо видел слабости русской армии. Немцев он недолго любил, что имело немаловажное значение для его дальнейшей деятельности.

В марте 1917 г., во время Февральской революции, Маннергейм находился в отпуске в Петербурге. Как офицер он попал в сложное положение, но все же спасся. Начав осознавать глубину охватившей Россию внутренней смуты, он стал переосмысливать свое положение в русской армии. Очевидно, окончательное решение пришло после неудавшейся попытки тогдашнего Верховного главнокомандующего свергнуть правительство Керенского и захватить власть. «В довершение всех несчастий начался корниловский мятеж, неизбежные последствия которого лишили верховное командование и вообще офицерство тех немногих остатков авторитета, которые до этого удавалось сохранить» ³, — писал Маннергейм. Внутренний крах русской армии подтолкнул его к принятию решения.

Маннергейм вернулся на фронт, но оттуда под предлогом лечения отправился в Одессу. 22 сентября 1917 г. новый Верховный главнокомандующий Духонин, старый знакомый Маннергейма, перевел его в резерв. Перевод обосновывался тем, что взгляды Маннергейма не совпадали с общепринятыми. Это была правда, впрочем, это же можно было сказать,

по-видимому, о большинстве высокопоставленных военных. Маннергейм 3 декабря 1917 г. отправился домой в Финляндию через Петербург. Он ехал через охваченную революцией Россию, видел, что делается в ней, и понимал, из какого хаоса Финляндии предстояло выбираться и какова, следовательно, его задача в жизни. В Петербурге он вновь чудом остался жив.

Положение Финляндии как части России, автономного Великого княжества, было не так уж и плохо. Финляндия была присоединена к России в 1809 г., но одновременно была признана ее автономия. Еще в шведское правление в Финляндии сложились четкая управленческая и правовая системы. Российский император заявил, что будет уважать автономию Финляндии. В конце XIX в. в ней бурно развивалась промышленность. У Финляндии были свои деньги, почта, органы управления, парламент. Национальное возрождение конца XIX в. пробудило к жизни идею независимости страны.

Особое положение Финляндии, однако же, стало предметом пристального внимания и критического отношения со стороны России, когда там в 1890-е годы усилились реакционные тенденции. Заговорили о необходимости оккупации Финляндии с целью обеспечения безопасности Петербурга. По мнению славянофилов, присоединение Финляндии к России не сделало Финляндию ее частью, а наоборот, привело к усилению сепаратизма. Путешествие из России в Финляндию воспринималось как поездка за границу, что, впрочем, нравилось русским. Финляндия стала для них безопасным местом.

В 1898 г. генерал-губернатор Финляндии Н. И. Бобриков объявил, что необходимо наладить более тесные связи между империей и Финляндией. В манифесте императора от 15 февраля 1899 г. была сделана попытка изменить финское законодательство. Его хотели сделать частью российского и подчинить ведению российских органов. Так начался «первый период угнетения». В 1912 г. «второй период угнетения» привел к появлению на основе российского законодательства «закона о равноправии», посредством которого пытались изменить автономный статус финнов и Финляндии.

Все это способствовало тому, что в Финляндии началось общенациональное движение за независимость, наиболее заметным проявлением и вооруженной частью которого стало «движение егерей». Начиная с 1915 г. финны стали проходить военную подготовку в Германии, при этом имелась в виду борьба за независимость. Первоначально предполагалось осуществлять такую подготовку в Швеции, но этому воспротивилось ее социал-демократическое правительство. Военную подготовку прошли около 2 тыс. молодых людей, которые возвратились в Финляндию в начале 1918 года.

Октябрьская революция послужила детонатором и привела к объявлению 6 декабря 1917 г. Декларации о независимости. Финны хотели отделиться от России, хотя левые силы были склонны выжидать, пока революционная ситуация созреет и в самой Финляндии. Маннергейм внимательно следил за событиями в Финляндии. Подобно многим жившим в Петербурге финнам, Маннергейм считал, что прорусски настроенных людей в Финляндии не так много, как казалось, и что следовало бы активнее опираться на благожелательно настроенных лиц в Петербурге и в российском правительстве.

Еще тогда Маннергейм продолжал рассматривать Финляндию как часть России. Он был против политики угнетения, но как лояльный русский офицер не одобрял и противоправных действий. В самой Финляндии также довольно долго считали возможным существование Финляндии в составе России. В 1911 г. Паасикиви называл П. Свинхувуда фантазером за то, что тот говорил об отделении от России. Многие государственные деятели Финляндии полагали, что ей следует жить в государственном союзе с Россией.

Отказ Маннергейма от службы в России был предопределен отречением Николая II от престола: он как сторонник монархии служил прежде всего императору. Решение покинуть Россию созрело только после Октябрьской революции. Победа большевиков определила также и отношение Маннергейма к независимости Финляндии. По его мнению, Финляндии

следовало отделиться от большевизма и тех беспорядков, которые царили в России вследствие революции и последовавшей за ней гражданской войны. 18 декабря 1917 г. Маннергейм прибыл в Хельсинки ночным поездом из Петрограда в сопровождении своего денщика Карпатьяева. Огромного роста (194 см) бывший царский генерал был одет в гражданский костюм. У него были связи в стране, чтобы быстро вникнуть в ситуацию. Очевидно, он понимал, что на этот раз его шанс — связать свою жизнь с судьбой Финляндии.

Он прибыл в объявившую о своей независимости страну, суверенитет которой был подтвержден 31 декабря 1917 г. Советом Народных Комиссаров России во главе с Лениным. Внутреннее положение в Финляндии обострилось, страна была на грани гражданской войны. Левое крыло социал-демократической партии, представители которого руководили ею, стремилось к революции по образцу России. Оно создало вооруженную организацию в лице красной гвардии. Требования революционеров были подкреплены состоявшейся в ноябре всеобщей стачкой. Во многих местах пролилась кровь. Часть красногвардейцев готовилась к революции, назначенной на январь 1918 года. Но лишь в начале января революционеры получили незначительное большинство в партии.

Буржуазия со своей стороны с весны 1917 г. стала создавать щюцкоровские организации для защиты законности и порядка. В Финляндии не было воинской повинности, а значит, у получившего независимость государства не было никакой военной силы. Поэтому правительство начало совместно с щюцкоровом вводить в стране воинскую повинность. Щюцкоровские отряды образовали костяк регулярной армии. Ее опорой должен был стать прибывающий из Германии егерский батальон. Между тем в Финляндии все еще находилось около 100 тыс. русских солдат, которые более или менее открыто поддерживали красногвардейцев и снабжали их оружием.

Таким образом, речь шла не только о внутреннем конфликте, присутствие русских солдат превращало гражданскую войну в национально-освободительную. Финляндия могла считаться свободной лишь после того, как с ее территории будут выведены иностранные войска. Присутствие в стране русских воинских частей стало основанием, чтобы просить помощь у Германии. Швеция решила остаться в стороне, соблюдая официальный нейтралитет.

В начале января 1918 г. Маннергейм был приглашен в состав военного комитета, поставившего перед собой задачу сформировать финские вооруженные силы. 14 января он был избран руководителем этого комитета, а 16 января регент Свинхувуд назначил его главнокомандующим. Вскоре он перебрался из Хельсинки в Остерботнию, где поддержка белым была наиболее сильна. 27 января начались военные действия. Щюцкоровцы под руководством Маннергейма отправились разоружать русские гарнизоны. На следующий день красная гвардия, не зная о действиях руководимых Маннергеймом щюцкоровцев, объявила в Хельсинки, что берет власть в свои руки. Промышленные центры на юге Финляндии стали опорными пунктами красных.

В стране началась гражданская война. В ходе ее южная Финляндия оказалась в руках красных, а остальная часть страны — в руках белых. В это время части Маннергейма получили офицерское подкрепление за счет демобилизовавшихся из России и добровольцев из Швеции. Оружие было получено из Германии. На основе щюцкора Маннергейм сумел сформировать армию быстрее и лучше, чем красногвардейцы. В красной гвардии почти не было людей, обладавших знаниями и опытом ведения боевых действий. Она действовала под руководством политиков и политруков. Русские офицеры давали советы и указания, но не привычных к воинской дисциплине и не приученных к порядку людей трудно было организовать.

Для руководимой Маннергеймом белой армии было важным то, что обучавшийся в Германии егерский батальон вернулся в феврале в Финляндию. Он принимал участие в сражениях первой мировой войны в Прибалти-

ке, где воевал против русских. Теперь он составил обученный костяк белой армии. Но прибытие батальона означало и то, что получившие образование в Германии офицеры заняли центральное место в вооруженных силах Финляндии. Им было нелегко смириться с тем, что белой армией командовал бывший царский генерал. Между ним и получившими подготовку в Германии офицерами его армии были разногласия, которые затем сказались на судьбе Маннергейма.

По вопросу получения непосредственной военной помощи со стороны Германии наблюдались расхождения между Свинхувудом и Маннергеймом. В марте, перед решающими схватками гражданской войны, последний получил информацию, что финское правительство решило принять предложенную Германией помощь, т. е. немецкие части. Позже Маннергейм настаивал на том, что согласился принять на себя верховное командование только при условии, что Финляндия не станет просить и не примет помощи у Германии. Он также говорил, что по возвращении в Хельсинки не знал о существовании егерского батальона. И все же, согласно достигнутой Свинхувудом договоренности, в начале апреля на южном побережье Финляндии высадилось около 10 тыс. немецких солдат под командованием генерала Рюдигера фон дер Гольца. Маннергейм полагал, что победить красных можно было бы и без помощи немцев. Более того, он считал появление германских войск фактором негативным. Политическое чутье подсказывало ему, что Финляндия должна своими силами отвоевать свободу.

Присутствие русских военных и поддержка большевиками красных тем не менее вынудили Свинхувуда заручиться поддержкой Германии на случай неблагоприятного развития ситуации. Дальнейшие события доказали правоту Маннергейма. Как Советская Россия в договорах с красными, так и Германия в договорах с белыми, готовили Финляндии роль некой части своих государств или зависимой территории. Первый из этих планов не удался из-за поражения красных в Финляндии, а второй - из-за поражения Германии в мировой войне.

Маннергейм торопил события, и парад победы под его командованием прошел в Хельсинки 16 мая 1918 года. На своем Нептуне он проехал по городу и принял парад армии, включавшей в себя и немецкие части. Перед их прибытием он добился присвоения себе звания генерала от кавалерии, чтобы быть по чину выше самого высокопоставленного германского военного в Финляндии. В результате не возникло проблемы чинов и связанного с этим этикета.

Весной 1918 г. красная гвардия потерпела поражение по всей стране. В ходе гражданской войны погибли примерно тысяча белых и немногим меньше 4 тыс. красных солдат. Помимо боевых действий, от рук террористов пало в общей сложности более 10 тыс. белых и красных. В концлагерях погибло еще около 12 тыс. красных. Группа лиц, составлявших ядро красной гвардии, бежала в Советскую Россию, в их числе и О. В. Куусинен. Война за независимость была жестокой, как все гражданские войны. После ее окончания страна оказалась в еще большей степени поделена на два лагеря. То, что десятки тысяч красных были согнаны в концлагеря, вызывало чувство протеста.

С именем Маннергейма как «белого генерала» еще долго было связано немало горечи. Он видел опасность такого развития событий яснее, чем кто-либо другой из финских политиков. Он пытался разрядить создавшуюся обстановку с позиции военного, полагая, что следует наказать лишь главных виновников, остальных же нужно помиловать. Гражданская война оставила за собой кровавый след. Даже в 20-ю годовщину ее окончания Маннергейм подчеркивал, что уже давно пора забыть, кто на чьей стороне воевал в 1918 году. Такую позицию Маннергейма учли левые силы, и потому стало возможным объединение всего народа вокруг него после нападения Советского Союза на Финляндию осенью 1939 года. Когда Маннергейму было в 1933 г. присвоено маршальское звание, он счел это признанием исторического значения войны за независимость.

Маннергейм постоянно размышлял не только о внутреннем положении Финляндии, но и о событиях в России. Уже в феврале 1919 г. он поручил составить план захвата Петербурга, намереваясь опередить в этом случае немцев. Однако он не успел даже попытаться осуществить этот свой план. Сразу же после окончания гражданской войны он сложил с себя обязанности главнокомандующего, а позднее, уже в качестве регента, даже спас Петербург от захвата немцами.

Причиной отставки Маннергейма стало усиление в стране германского влияния. Конкретно же это означало организацию финской армии по образцу германской и при помощи немецких консультантов. Армию хотели также подчинить находившемуся в Финляндии германскому генералу. Маннергейм не одобрял принятого финским политическим руководством, в первую очередь Свинхувудом и Паасикиви, решения, согласно которому рядом с финским главнокомандующим в армии будет германский начальник Генерального штаба. В результате он подал в отставку и уехал в Швецию. В дальнейшем Маннергейм не раз грозил сделать то же самое, чтобы заставить политическое руководство страны принимать нужные ему решения. Он мог так поступать, потому что имел однозначную и существенную поддержку в стране. Политическому руководству приходилось считаться с его популярностью в народе и принимать ее как политическую реальность.

После гражданской войны Финляндии предстояло решать вопрос о государственном устройстве, остававшийся открытым и в период обретения независимости и в ходе гражданской войны. Прогерманская ориентация и опыт гражданской войны говорили в пользу монархии. Летом 1918 г. эта идея активно обсуждалась. Королем Финляндии должен был стать германский принц Фридрих Карл Гессенский. Но после поражения Германии осенью 1918 г. ситуация изменилась. Главный сторонник ориентации на Германию Свинхувуд в декабре 1918 г. ушел в отставку, полагая, что его место займет Маннергейм, который в тот период активно занимался налаживанием связей Финляндии в основном с Парижем и Лондоном.

Маннергейм был готов стать символом новой внешнеполитической ориентации Финляндии. В качестве регента (декабрь 1918 г. — июль 1919 г.), будучи по своим убеждениям монархистом, он, однако, укрепил государственный строй Финляндии как республики, усилил роль вооруженных сил и попытался наладить связи со странами Северной Европы. Как глава государства он также занимался вопросами, связанными с положением в России. Западные руководители хотели осуществить интервенцию в Россию и таким образом поддержать белых. Маннергейм выступил в поддержку этой идеи. Большевики в то время находились в окружении белых армий.

Маннергейм считал, что Советская Россия представляет опасность не только для Финляндии, но и для всех стран Запада. Он предпочитал, чтобы белые построили новую Россию на началах либерализма и свободы, а также на многонациональной основе. В качестве условия помощи белым со стороны Финляндии он выдвигал признание ее государственной независимости. Однако Колчак и бывший некогда соратником Маннергейма в годы первой мировой войны Деникин отвергли такую возможность. Когда же они согласились на это условие, ситуация уже была другой. В качестве представителя белых в Хельсинки приезжал генерал Юденич. Он провел переговоры с Маннергеймом в турецком кабинете гостиницы «Сеурахуоне». В этом же помещении Маннергейм в 1941 г. познакомил своих генералов с германским планом войны против Советского Союза.

В октябре 1918 г. Маннергейм писал графине Любомирской, что сомневается, будет ли лучше большевистской России та новая Россия, которая, может быть, возникнет на ее месте. Однако он был убежден, что это обязательно произойдет. По его мнению, обе эти России представляли опасность для соседних стран. Он считал, что русские ничему не научились и ничего не забыли. И все же он понимал, что Россию невозможно уничтожить, стереть с географической карты. А раз дело обстоит именно так, то хорошо было бы совершить рыцарский поступок, освободив Петербург от

большевиков, и создать таким образом основу для хороших отношений с новой Россией, рассуждал Маннергейм.

Весной 1919 г., когда правительства Франции и Англии решились на интервенцию в советскую Россию, участие Финляндии в захвате Петербурга ими не предусматривалось, несмотря на то, что командовавший белой армией на территории Эстонии Юденич хотел этого. Великие державы не пожелали отвести Финляндии в этом деле ту роль, на которую рассчитывал Маннергейм. Финское правительство вело переговоры на эту тему с англичанами, но условия, которые выдвигал Маннергейм, не были приняты. К тому же финское правительство и парламент колебались, а Маннергейм не хотел действовать без их согласия.

Юденич двинулся на Петербург только осенью 1919 г., когда Маннергейм уже сложил с себя полномочия регента. Тогда он открытым письмом призвал президента республики поддержать Юденича, но это обращение не возымело действия. Впрочем, попытка Юденича была осуществлена слишком поздно: благоприятный момент был упущен. Во время войны-продолжения Маннергейму было гораздо легче принимать решения на этот счет, потому что он мог исходить уже только из интересов Финляндии.

Маннергейм стоял во главе государства всего семь месяцев. Его регентство закончилось, когда вступило в силу новое государственное устройство: 17 июля 1919 г. он ратифицировал конституцию республики Финляндии. Затем он выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах, но не был избран. Президентом стал республиканец-либерал К. И. Стольберг, видевший свою задачу в стабилизации государства.

Результатом гражданской войны и регентства было то, что Маннергейм остался в финском общественном сознании как герой войны, белый генерал и общественный деятель. Для белых он был борцом за свободу, героем войны за независимость, спасшим Финляндию от красных и освободившим ее от русских. Красные считали его генералом-«мясником», воевавшим на стороне классового противника. Впрочем, и в том, и в другом лагере не было полного единства взглядов на роль Маннергейма в судьбах страны.

Он держался в стороне от партийной жизни, но в государственных делах принимал участие. Он не вмешивался в политику в прямом смысле слова, но и не стоял в стороне от решения вопросов, определявших будущее нации. Он занимал достойное место в общественной и государственной жизни, сохранив при этом аристократическую отстраненность от будничных забот. Вместе со своим другом художником Аксели Галлен-Каллела Маннергейм участвовал в создании финских орденов и армейской формы. В большей части Европы к нему привыкли относиться как к заметной фигуре в политической жизни Финляндии, как к подлинному ее руководителю.

20-е годы Маннергейм провел в стороне от государственной жизни. Его общественная деятельность была связана в основном с работой на общественных началах в области здравоохранения, что имело большое значение для залечивания психологических травм, полученных жителями Финляндии в ходе гражданской войны. Он был председателем финского Красного Креста, председателем основанного им совместно с сестрой Общества защиты детей и председателем правления Хельсинкского акционерного коммерческого банка. Из Хельсинки, а также во время своих длительных зарубежных поездок, он внимательно следил за событиями, происходившими в мире. В 1932 г. он писал своему другу из Парижа, что «его начинает беспокоить развитие ситуации в мире»⁴. Многие зарубежные обозреватели считали его самым информированным в международных делах финским деятелем.

Маннергейм сохранял свой высокий статус, хотя и не занимал официальных постов. На праздновании 20-й годовщины завершения войны за независимость он сидел рядом с президентом Стольбергом. В 1936 г. Маннергейм представлял Финляндию на похоронах английского короля

Георга V в Лондоне и познакомился там с У. Черчиллем. Во время празднования 300-летия битвы под Лютценом он шел впереди шведского кронпринца и сидя отвечал на произнесенный королем Дании тост. У него были тесные связи с Германией, хотя он весьма настороженно относился к режиму Гитлера, которого считал выскочкой, не обладавшим хорошими манерами. Возможно, это представление о фюрере изменилось после того, как во время войны Гитлер навестил Маннергейма в день его 75-летия.

В начале 30-х годов волна европейских фашистских и правых движений захватила и Финляндию, правда, в весьма специфической форме. В те годы во всех странах, граничивших с Советским Союзом на западе, властвовали диктаторские режимы. Многие финские правые хотели, чтобы диктатором в их стране стал Маннергейм. Однозначно высказываясь в пользу того, что Финляндии нужна твердая власть, маршал предпочитал держаться в стороне от крайне правых движений, хотя многие его близкие друзья принимали в них участие. Но даже в отношениях с друзьями Маннергейм всегда соблюдал некоторую дистанцию. Он сознательно хотел создать себе образ национального героя, при жизни стать легендарной личностью. Он не соприкасался с личной жизнью даже самых близких друзей. Его собственная личная жизнь проходила по большей части за границей.

В связи с празднованием 30-летия завершения войны за независимость печатный орган социал-демократической партии газета «Suomen Sosialidemokraatti» писала, что «вызвавшие наиболее глубокую и обоснованную горечь у трудящихся концентрационные лагеря» нельзя ставить в вину Маннергейму, который выступал за широкомасштабное помилование красных. Социал-демократам было несложно сделать такое заявление, потому что Маннергейм по-прежнему выступал против односторонней ориентации исключительно на Германию.

В 1931 г. Маннергейм был избран председателем Совета государственной обороны и таким образом занял первый со времени регентства официальный пост. Совет обороны был учрежден в помощь президенту для обсуждения военных вопросов. Это был совещательный орган, но статус его не был точно оговорен. Маннергейму, который был талантлив, образован и честолюбив, такой не вполне определенный статус давал возможность расширить полномочия и усилить значение Совета обороны и его председателя. Занимая этот пост, он стремился укрепить финскую армию. Он был пессимистично настроен в отношении перспектив мирового развития и время от времени предупреждал об опасности возникновения войны. И не его вина, что к моменту нападения Советского Союза на Финляндию осенью 1939 г. она была недостаточно вооружена.

Еще в начале 1938 г. СССР по закрытым каналам обращался к Финляндии с предложением начать переговоры по пограничным вопросам, чтобы обеспечить безопасность Ленинграда на случай войны. Однако эти обращения не дали никаких результатов. В Финляндии не верили в возможность скорой войны и не понимали озабоченности соседней сверхдержавы собственной безопасностью. К тому же в Финляндии не знали всех особенностей советской дипломатии. 23 августа 1939 г. СССР заключил договор о ненападении с Германией, в секретном протоколе к которому страны Прибалтики и Финляндия объявлялись относящимися к сфере его интересов. Укрепление своей безопасности Советский Союз начал с Латвии, Литвы и Эстонии.

Для обеспечения безопасности Ленинграда СССР хотел получить некоторые финские территории: острова в Финском заливе, часть Карельского перешейка и Восточной Карелии. Однако финское правительство ответило отказом. Маннергейм стоял на более гибких позициях. Он высказался за уступки. Зная о неподготовленности Финляндии к войне, он считал, что необходимо избежать конфликта. Он настаивал также на том, что нельзя не считаться с авторитетом Советского Союза как сверхдержавы. Поэтому даже отрицательный ответ Финляндии необходимо облечь в обтекаемую и вежливую форму.

В свой последний вояж в Москву перед началом Зимней войны Паасикиви отправился, имея составленный Маннергеймом альтернативный проект, который касался военно-морской базы за пределами Ханко и территориальных уступок на Карельском перешейке. В отличие от своего правительства Маннергейм понимал, что сверхдержава не может просто отступить от своих требований, по крайней мере ей нужно дать возможность сохранить лицо. Он внушал правительству: «Вы должны обязательно достичь договоренности. Армия не способна сражаться»⁵. Но уже ранее было решено, что в случае начала войны Маннергейм станет главнокомандующим. Это логически вытекало из его функций председателя Совета обороны.

В то время Маннергейму было уже больше 70 лет, и он сам полагал, что не обязан руководить вооруженными силами страны, поскольку его советы не были приняты во внимание. Для него это была бы уже четвертая война. Он успел написать прошение об отставке, но события опередили его. 26 ноября советская артиллерия обстреляла финскую территорию, а 28-го СССР объявил о расторжении договора о ненападении с Финляндией. 30 ноября был осуществлен налет советской авиации на Хельсинки, и между обеими странами начались военные действия. В тот же день президент Финляндии К. Каллио назначил Маннергейма главнокомандующим вооруженными силами страны. Отказаться было невозможно. Никто другой не располагал таким авторитетом и влиянием. Маннергейм сам руководил военными действиями и направлял политику Финляндии в условиях войны. Любой другой на его месте подпал бы под власть правительства.

Эта война — не что иное, как продолжение войны за независимость и ее заключительный акт, заявил Маннергейм солдатам в приказе. Весь финский народ подчинился этому приказу, в том числе и левые силы, бывшие красные. Перед лицом внешнего врага нация объединилась, и во главе ее встал маршал Финляндии Маннергейм. Однако в СССР появилось так называемое правительство Териоки, сформированное под руководством Куусинена. В своем отношении к Финляндии СССР остался на уровне окопов гражданской войны. За нападение на нее он был исключен из Лиги Наций. Это была важная моральная поддержка для Финляндии, но в материальном плане ей приходилось воевать в одиночку.

Связанная договором Молотова — Риббентропа, Германия не помогла Финляндии в Зимней войне. Позиция Швеции разочаровала финнов, в том числе и Маннергейма, хотя под воздействием общественного мнения из Швеции в конце концов поступила помощь оружием и добровольцами. От Англии и Франции Финляндия получила некоторое количество боеприпасов. Между тем противник Финляндии был гораздо более мощным и намного превосходил ее в вооружении. То, что Финляндия успешно держалась в этой войне 105 дней, объясняется прежде всего высокой степенью национального единства. Свою роль сыграло также и то, что в течение осени 1939 г. основные оборонительные сооружения Финляндии были укреплены и составили так называемую линию Маннергейма, и хотя мощность ее и была преувеличена, все же в начальный период боев на Карельском перешейке она сыграла свою роль. Более надежной защитой оказалась зима. Она значила немало: финны были гораздо лучше подготовлены к войне в зимних условиях, чем их противник.

Начатое в первых числах февраля 1940 г. большое советское наступление на Карельском перешейке стало приносить результаты в середине февраля. Финны не выдержали мощного артиллерийского удара. К тому же СССР располагал сильной авиацией и танковыми частями, финнам нечего было им противопоставить. К этому времени на Западе стали всерьез задумываться о помощи финнам. Подход подкреплений в любом случае уже опоздал, да и вопрос о пропуске войск через Швецию не был выяснен. Западная помощь могла лишь повлиять на условия мира. Маннергейм уже давно выступал за заключение мира в том случае, если помощь оружием с Запада не поступит немедленно. Премьер-министр Рюти и министр иностранных дел Таннер также поддерживали Маннергейма.

Хотя условия мира были очень суровые, Финляндия избежала оккупации. Правительство вплоть до самого конца переговоров выражало свое несогласие с этими условиями, а в парламенте против заключения мира проголосовали 12 депутатов, в том числе будущий президент Урхо Кекконен. Маннергейм поблагодарил в приказе солдат: «Я воевал на полях многих битв, но еще никогда не встречал таких бойцов, как вы... Несмотря на вашу отвагу и самопожертвование, пришлось заключить мир на суровых для нас условиях, что все-таки можно объяснить... Ваши подвиги вызвали восхищение во всем мире, но после трех с половиной месяцев войны мы все еще остаемся почти в одиночестве»⁶.

Зимняя война закончилась заключением Московского мирного договора в марте 1940 года. Для Финляндии это означало утрату многих территорий. В качестве границы была избрана так называемая линия Петра I 1721 года. Финляндии предстояло эвакуировать с отделяемых территорий примерно 400 тыс. человек.

Время действия Московского договора называют в Финляндии периодом перемирия. Это очень показательно, ибо Финляндия не жила тогда мирной жизнью, а находилась в состоянии страха. События в Эстонии и других странах Прибалтики летом 1940 г. свидетельствовали о том, что Советский Союз последовательно осуществляет договор Молотова — Риббентропа. В отношении Финляндии СССР считал возможным обсуждать вопросы, связанные с никелевыми рудниками в Печенге, обороной Аландс-

ких островов и транзитом войск к переданной Советскому Союзу территории п-ва Ханко. Все это было очень болезненно для Финляндии.

Сразу же после Зимней войны Финляндия начала искать союзников на случай возникновения войны в Северной Европе. Оставшийся на посту главнокомандующего Маннергейм придерживался североевропейской ориентации. Вначале идея оборонительного союза со Швецией не нашла поддержки последней. Когда же к концу 1940 г. Швеция созрела для понимания этой идеи, Финляндия уже переориентировалась на Германию, а та, со своей стороны, готовила нападение на Советский Союз.

За время перемирия в Германии побывало примерно 70 финских офицеров. Визитеров из Германии также было немало. Уже весной 1940 г. Финляндия начала укреплять свою восточную границу. Маннергейм был знаком с 1934 г. с Герингом. Во время перемирия немцы осуществляли связь с Финляндией главным образом через Маннергейма. Всем прочим финским деятелям они не очень доверяли как руководителям государства. Личные посланники Геринга всегда наносили первый визит Маннергейму. Хотя он имел предубеждение против Германии, он не видел другого выхода, кроме поддержания связи с нею: неоткуда больше было ждать помощи, если бы таковая вдруг понадобилась.

В декабре 1940 г. президент Финляндии Каллио скончался на руках у Маннергейма при весьма драматических обстоятельствах от сердечного приступа, случившегося с ним на Хельсинкском железнодорожном вокзале. Еще до этого он отказался от обязанностей президента по состоянию здоровья. Новым президентом Финляндии был избран премьер-министр Рюти, англофил. Выбор не сделал его всенародным руководителем. Им, по-прежнему, оставался Маннергейм.

Перед президентскими выборами в Финляндии Молотов передал финском послу в Москве Паасикиви меморандум, в котором Маннергейм, Свинхувуд, Таннер и финский посол в Берлине Кивимяки были названы в качестве нежелательных с точки зрения отношений между двумя странами кандидатур. Только позже советское руководство иначе оценило Маннергейма. Новым премьер-министром был назначен Ю. Рангелл. Все финские правительства военных лет были коалиционными, в них участвовали представители наиболее значительных партий. На пост министра обороны Маннергейм предложил своего давнего друга генерала Р. Вальдана, который выполнял эти функции во время Зимней войны. Он имел военное образование, но сделал карьеру как коммерсант в Петербурге. Во время войны за независимость он возглавлял руководство армейским хозяйством, а в независимой Финляндии был одним из руководителей промышленности.

По мнению крупного финского политика К. А. Фагерхольма, в эти годы в Финляндии было два правительства: правительство Хельсинки и правительство всей остальной страны, которое возглавлял Маннергейм. И действительно, он обладал личным и связанным со своим положением политическим весом, по-видимому, не меньшим, чем правительство.

В мае 1941 г. немецкий генерал А. Йодль поинтересовался у своего финского коллеги генерала Хейнрикса, может ли Финляндия в случае войны оказать Германии помощь и возможно ли сконцентрировать в Северной Финляндии немецкие войска. Германия к тому времени оккупировала Норвегию, и переброска немецких войск в Северную Норвегию осуществлялась и по территории Финляндии. Йодль интересовался также способностью Финляндии вести войну против Советского Союза со своих юго-восточных районов. Финляндии, по существу, не приходилось еще отвечать на такого рода вопросы.

Как известно, Советский Союз начал боевые действия против Финляндии бомбардировками 22 и 25 июня 1941 года. Для Маннергейма это было существенно. Формально Финляндия не участвовала в осуществлении «плана Барбаросса», хотя немецкие самолеты и совершали атаки на советскую территорию из финского воздушного пространства. И в плане обязательств Финляндия не была связана с Германией, хотя финские военные знали о ее планах. Уже в августе 1940 г. Финляндия разрешила транзит немецких

войск через свою территорию в Северную Норвегию. Во время процесса над военными преступниками Рюти взял вину за это на себя. Но, видимо, Маннергейм тоже был причастен к этому: во всяком случае, немцы завязывали контакты именно через него.

Хотя Финляндия воевала на стороне Германии, все же для нее это была своя война. Маннергейм настаивал на этом и всегда это подчеркивал. Он как бы использовал немцев для защиты Финляндии, но старался при этом избегать далеко идущих военных услуг. Премьер-министр Рангелл объявил в парламенте, что начавшаяся в июне 1941 г. война является войной за независимость и направлена против большевизма. При этом Финляндия подчеркивала, что она ведет свою войну, не связанную с целями Германии. Только когда ситуация на фронте обострилась в 1944 г. до предела, президент Рюти формально привязал Финляндию к Германии, согласившись на выдвинутое ею за предоставление военной помощи условие не вступать в сепаратные мирные переговоры. Финляндия посчитала себя свободной от этого обязательства после того, как Рюти сложил с себя президентские полномочия. Договор этот не был одобрен ни правительством, ни парламентом.

Финские части быстро продвигались в сторону государственной границы страны, оговоренной в Тартусском мирном договоре 1920 г., и существовавшей до Зимней войны. Советский Союз сосредоточил свои силы в это время на срыве немецкого плана молниеносной войны. Часть пограничной территории Финляндии на севере страны была отдана немцам. Пересечение бывшей государственной границы 22 июля 1941 г. вызвало большой резонанс как в Финляндии, так и за границей. Многие финны считали, что после пересечения бывшей государственной границы освободительная война превратилась в агрессию. Под давлением Сталина Англия объявила из-за этого войну Финляндии 22 декабря 1941 года. По этому вопросу Черчилль вел переписку с Маннергеймом. Последний обосновывал продвижение финских войск желанием добиться наиболее благоприятных позиций с точки зрения организации обороны. Финляндия хотела иметь максимально короткую сухопутную границу, которая проходила бы между большими карельскими озерами.

Согласно планам германского командования, финские части должны были напасть на Ленинград со стороны Карельского перешейка, а также соединиться с немецкими войсками, обойдя Ладожское озеро с северной стороны. На этом направлении наступление было осуществлено, но соединение с немцами на р. Свирь оказалось не слишком крепким, потому что их наступление продвигалось медленнее, чем было задумано. В то же время Финляндия так и не начала наступления на Ленинград. Ее войска остановились недалеко от города. Маннергейм был против операции по захвату Ленинграда.

2 августа 1941 г. начальник Генерального штаба Германии Кейтель потребовал наступления на Ленинград. Маннергейм ответил, что Финляндия не намерена переходить на Карельском перешейке бывшую государственную границу. В своих воспоминаниях он пишет, что это было продуманное, по своему характеру чисто политическое заявление: Россия не должна видеть в Финляндии угрозу для своей второй столицы. Маннергейм отказался от своей давней мечты освободить Петербург от большевиков. Он сомневался в военном успехе Германии. Возможно, и его уверенность в крахе большевизма тоже стала ослабевать. Финляндия воздержалась от военных действий против Ленинграда. Ее летчики не получили приказа бомбить город, не обстреливала его и финская артиллерия. В дальнейшем это, возможно, оказало какое-то влияние на позицию Сталина в отношении Финляндии.

В ходе войны Маннергейм отверг и немецкий план перерезать Мурманскую железную дорогу, которая связывала Советский Союз с Северным Ледовитым океаном. Это была важная магистраль, по которой поступали грузы от союзников. При помощи финнов дорогу, по всей видимости, можно было довольно легко перерезать. Однако Маннергейм не пошел на

это. Основными причинами здесь, скорее всего, были нежелание без особой надобности раздражать западные державы и стремление остаться, насколько возможно, в стороне от военных целей Германии. Маннергейм предполагал, что участие финнов в перекрытии Мурманской железной дороги могло привести к объявлению Соединенными Штатами войны Финляндии.

После того как успех перестал сопутствовать немцам, Маннергейм прекратил на фронте все наступательные операции. Война на финском фронте перешла в позиционную уже в конце 1941 года. Линия его оставалась почти неизменной вплоть до лета 1944 г., когда началось наступление советских войск.

В разгар войны, 4 июня 1942 г., Маннергейму исполнилось 75 лет. Его 70-летие отмечалось в 1937 г. как национальный праздник. На этот раз Маннергейм хотел провести день своего рождения на фронте, а президент Рюти объявил, что поедет на юбилей, куда угодно. Из всех проявлений внимания к нему Маннергейм особенно отметил поздравительный адрес от рабочих, в котором выражалась признательность за его деятельность по укреплению единства нации. Маннергейм согласился принять участие в торжествах, если в них будет участвовать вся армия. Как главнокомандующий он хотел, чтобы это событие послужило ее сплочению. Его приказы свидетельствуют о том, что он старался ставить перед армией общие для всех ее частей задачи.

Вечером накануне дня рождения Маннергейм узнал, что Гитлер хочет лично приветствовать его. Это был единственный визит фюрера в Финляндию. Он продолжался 6 часов 15 минут. Основным стал праздничный обед, в котором приняло участие все военное и государственное руководство Финляндии. Несмотря на опасения Маннергейма, Гитлер не выдвинул в ходе визита требований, чтобы финны атаковали Мурманскую железную дорогу, либо осуществили какие-либо другие военные операции.

Визит должен был отдать дань уважения Маннергейму и подчеркнуть связь между Германией и Финляндией. Маннергейм писал о встрече с Гитлером: «Странно все же, что он испытывал потребность попытаться этим личным визитом стереть из памяти те неприятные воспоминания, которые остались в стране от враждебного отношения Германии к Финляндии во время суровой Зимней войны»⁷. Через месяц Маннергейм нанес Гитлеру ответный визит. В подарок он отвез ему автомат «Финляндия», которым, как говорят, Гитлер очень дорожил.

Еще до 75-летия Маннергейма в правящих кругах страны крепло убеждение, что Финляндии надо попытаться выйти из войны. Стало известно также, что Сталин направил президенту Рузвельту письмо, в котором подчеркивал значение нейтрализации Финляндии и отрыва ее от Германии. Однако попытки достичь мира не привели ни к чему вплоть до весны 1943 г., когда Соединенные Штаты предложили свои услуги, связывая это со сменой правительства в Финляндии, что и произошло в марте 1943 года. Маннергейм тоже стоял за выход страны из войны и старался не допустить еще большего втягивания Финляндии в военную политику Гитлера.

В конце лета 1943 г. Советский Союз выступил с новыми мирными предложениями, которые привели к началу переговоров весной 1944 года. Финляндия не приняла предварительных условий, выдвинутых Советским Союзом, и не сочла для себя возможным согласиться на интернирование немецких войск, находившихся на ее территории. Маннергейм считал, что и в этом вопросе надо идти на уступки. Многие даже сочли, что он устал вести войну, впрочем, заменить его не представлялось возможным.

В начале июня 1944 г. Советская Армия предприняла наступление на Карельском перешейке, а позднее и в Восточной Карелии. Фронт был прорван, и финским войскам пришлось отступать. Следовало спешить с мирными переговорами. В июне президент Рюти, министр иностранных дел Рамсей и министр обороны Вальден попытались склонить Маннергейма к тому, чтобы он взял на себя всю ответственность за судьбы страны и вступил в должность президента. Маннергейм отказался. В конце июня президент Рюти в личном письме Гитлеру обещал, что Финляндия не будет

стремиться к заключению сепаратного мира. Это было условием предоставления Германией военной помощи Финляндии, в которой она крайне нуждалась.

После достижения этой договоренности оставался только один путь к миру. Президент Рюти должен был подать в отставку до начала мирных переговоров. Это случилось в конце июля — начале августа 1944 года. 4 августа 1944 г. президентом страны был избран Маннергейм. Теперь ему предстояло вывести Финляндию из войны, не допустив ее раскола. Самым большим риском было повернуть оружие против бывших соратников. Похоже, что даже Сталин понимал роль Маннергейма в этих условиях.

Предпосылкой начала мирных переговоров являлось прекращение связей между Финляндией и Германией. 17 августа Маннергейм объявил Кейтелю, что не считает себя связанным обещанием, которое дал Рюти. Позже он направил Гитлеру письмо, в котором обосновывал свое решение тем, что такую большую страну, как Германия, невозможно полностью уничтожить, тогда как маленькую Финляндию можно стереть с лица земли. Речь шла о борьбе за выживание нации.

Гитлер считал, что большевики скоро отплатят Маннергейму за его слабость и расстреляют его. Но большевики оценили тот факт, что финны сумели вытеснить из своей страны немцев. Финские солдаты подчинились такому приказу потому, что его отдал Маннергейм. Война в Лапландии, которая велась с целью изгнания оттуда немцев, оказалась очень разрушительной, потому что немцы уничтожили многие гражданские объекты. В конце концов они оставили по себе недобрую память.

Перемирие между Финляндией и Советским Союзом вступило в силу 4 сентября 1944 г., а мирные переговоры начались 6 сентября. Соглашение о перемирии было подписано 19 сентября в Москве. В те дни у Маннергейма не было заметно и следа старческой усталости. Условия мира, очень суровые, были выполнены. Финляндии пришлось уступить Советскому Союзу в аренду расположенную близко к ее столице территорию Порккала под военную базу. Граница Петра I была восстановлена, Финляндия обязалась продолжать войну до полного изгнания немцев из страны.

Сильное напряжение сказалось на состоянии здоровья Маннергейма. Ему было 77 лет, и уже во время войны ему приходилось лечиться в Швейцарии. Внешними проявлениями нервного стресса стали экзема и другие аллергические заболевания. Весной 1945 г., когда нервное напряжение спало, он стал чувствовать себя лучше, но вскоре состояние его здоровья резко ухудшилось. Но в условиях мира он был нужен не меньше, чем во время войны. Положение страны было нестабильным. Недаром послевоенные годы очень точно называли «опасным периодом», поскольку руководителем Союзной Контрольной комиссии в Финляндии был Жданов, который, как известно, участвовал в большевизации в 1940 г. Прибалтики.

Маннергейм должен был создать предпосылки для возвращения страны к мирной жизни. Ситуацию нельзя было выпускать из рук. 8 августа 1944 г. он назначил новое правительство, которое возглавил промышленник А. Хакцель. После того как последний заболел во время мирных переговоров в Москве, главой правительства стал У. И. Кастрен. Но и это была переходная фигура. Новый период начался лишь тогда, когда 17 ноября 1944 г. премьер-министром Финляндии был назначен Ю. К. Пасикиви. В правительстве появились новые лица, в него вошли коммунисты, а также представители оппозиции, которых Маннергейм старался держать во время войны не у дел. Центр тяжести в политике постепенно начал смещаться в сторону правительства. Но до конца 1944 г. Маннергейм продолжал руководить военными действиями против немцев из своей ставки в Миккели.

Московский договор 1944 г. был лишь соглашением о перемирии, а мирный договор между союзниками и Финляндией был подписан только в 1947 году. Существование Союзной Контрольной комиссии, отсутствие мирного договора и включение в правительство коммунистов создали в Финляндии атмосферу страха: финны опасались, что при помощи Советс-

кого Союза коммунисты захватят власть в стране. Особую ненависть вызывал судебный процесс над военными преступниками.

По требованию Контрольной комиссии, а фактически Советского Союза, сначала была осуждена группа лиц, непосредственно виновных в военных преступлениях. Этот процесс показал, какое влияние имели коммунисты на вынесение приговоров. Затем, частично по их инициативе, начали раздаваться требования суда над политическими руководителями страны во время войны как над военными преступниками за то, что они начали войну, а потом затянули с ее завершением. Разуместся, финское законодательство не предусматривало такой ответственности. Судебный процесс над военными преступниками имел большое значение для развития внутреннего положения в стране: в самых широких слоях населения, в том числе и среди рабочих, затаилась ненависть к коммунистам. В конце концов правительству и парламенту все же пришлось принять закон, по которому бывший президент Рюти и семеро членов правительства военных лет были приговорены к тюремному заключению как виновники войны.

Маннергейм был решительно против такого законодательства и пытался добиться его смягчения. Он боялся и за себя лично, хотя никаких требований в отношении его не выдвигалось, если не считать выступлений финских коммунистов. В Москве видели тогда в Маннергейме прежде всего военачальника и противника, которому можно доверять. Он также являлся гарантом лояльности финского народа к условиям мирного урегулирования. Ведь сумел же он вывести страну из войны и даже направить финскую армию против ее недавних соратников, сохранив при этом единство нации. Генерал-лейтенант Савоненков посетил в начале 1946 г. Маннергейма, прикованного в то время к постели, специально для того, чтобы сказать, что Советский Союз не требует его привлечения к суду в качестве военного преступника. Позже Сталин говорил финскому премьер-министру Пеккале, что благодаря Маннергейму Финляндия не была оккупирована и таким образом она многим обязана старому маршалу.

Хотя при правительстве Паасикиви Маннергейм как президент был во многом отстранен от власти, он все же сделал немало для укрепления внешнеполитического положения Финляндии. Он хорошо понимал, что отношения с Советским Союзом следовало перевести на более прочную основу, чтобы он как великая держава мог доверять Финляндии, когда речь шла о его безопасности. С этой целью он изучил договоры о дружбе, заключенные Советским Союзом с соседними государствами. Еще в 1945 г. он говорил с руководителем Союзной Контрольной комиссии о необходимости сотрудничества СССР и Финляндии в вопросах обороны. Позже он представил Жданову несколько составленных на русском языке проектов договора о дружбе между двумя странами. Советско-финский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи был подписан в 1948 г. и стал краеугольным камнем двусторонних отношений в послевоенный период, когда Европа была разделена на два лагеря.

Здоровье Маннергейма продолжало ухудшаться, и ему приходилось надолго покидать страну для лечения за границей. В начале 1946 г. он был уже готов отказаться от президентского поста, но хотел оттянуть свою отставку до окончания суда над военными преступниками. После этого, как он считал, основные задачи, для решения которых его избирали президентом, были выполнены: страна находилась накануне заключения приемлемого мирного договора и можно было начинать ее восстановление. 4 марта 1946 г. Маннергейм объявил о невозможности дальнейшего исполнения им президентских обязанностей из-за ухудшившегося состояния здоровья. Его преемником был избран Паасикиви.

Последние годы своей жизни Маннергейм провел в Швейцарии. Он там не только лечился, но и работал над мемуарами, в которых подводил итоги своей жизни. Он постарался описать прежде всего историю независимой Финляндии, причем акцент делался не на его собственной жизни, а на судьбе нации⁸. Даже в мемуарах он сохранил аристократическое обаяние и некоторую отстраненность, на которых построил свой политический

образ и свою роль в национальной истории. Когда издатель попросил включить в мемуары побольше личных моментов, он добавил только два предложения: «О моей личной жизни того периода следует сказать, что в 1892 г. я женился на мадемуазель Анастасии Араповой. Ее отцом был покойный генерал-майор императорской свиты Николай Арапов, также бывший кавалергард»⁹.

Умер Маннергейм в Лозанне (Швейцария) 28 января 1951 года. Эта дата совпала с днем начала финской войны за независимость в 1918 году. Похороны Маннергейма состоялись в Хельсинки 4 февраля 1951 года. В последний путь его провожали десятки тысяч финнов. Сейчас в его хельсинкском доме в Кайвопуйсто находится музей Маннергейма.

В независимой Финляндии Маннергейм был вынужден оперировать в том же международном треугольнике, с которым познакомился еще в петербургских политических кругах и на фронте первой мировой войны: Россия — Германия — Финляндия. Но будучи военным, он играл при этом роль политического лидера, чье внешнеполитическое чутье имело большое значение. Во внутренней жизни страны его роль национального героя также была весьма существенна. Он был руководителем, которому в конечном счете доверял народ. Не принимая участия в будничной партийной политике, он выходил на сцену в решительные моменты. Все своей сущностью и даже манерами он подходил для ситуаций, когда надо было принимать крупные решения. Думается, что Маннергейм сознательно стремился быть руководителем, участвующим только в важных событиях. Его международные связи помогали ему играть роль, и не случайно немцы, да и другие тоже искали контактов именно с ним, желая знать, что происходит в Финляндии.

Как военачальник Маннергейм оставался фронтовым офицером старой школы. Его взгляды и проведенные им операции подвергались критике, и, возможно, не без оснований. И все же у него был дар настоящего руководителя — выбирать себе подчиненных. Его правой рукой в войнах был начальник оперативного отдела генерал А. Ф. Айро. Маннергейм как представитель старой школы фронтовых офицеров часто углублялся в детали, хотя и мыслил масштабно.

Занимая пост президента Финляндии он выполнил важную задачу: вывел нацию из войны к мирной жизни, сохранив ее единство, и дал ей надежду на лучшее будущее. По своему образованию и опыту он как нельзя лучше вписался в ту ситуацию, в которой оказался после возвращения в Финляндию. Как личность он обладал достаточным чувством драматического, чтобы увидеть себя в роли спасителя отечества. В этой роли он оказался нужен Финляндии трижды: в войне за независимость, в Зимней войне и в выводе страны из войны-продолжения.

Отношение к Маннергейму в Финляндии мялось под воздействием обстоятельств, хотя в Соединенных Штатах, Франции, Швейцарии и англосаксонских странах Маннергейм на протяжении долгих лет оставался одним из самых известных и уважаемых финнов, роль которого не вызывала сомнений. Для прошедшего войну поколения финнов он был прежде всего национальным руководителем, чье слово и авторитет вызывали доверие. Считалось, что на посту президента он спас то, что возможно было спасти в сложных условиях того времени.

С какими бы мерками ни подходили к оценке Маннергейма, его способность вывести Финляндию из войны, привести ее к миру и даже, более того, направить против ее бывшего союзника по оружию Германии являются уникальным примером в мировой истории. Маннергейм был не просто военачальником, на протяжении десятилетий он играл роль подлинного национального руководителя, и в этом качестве достиг апогея в период президентства. Но хотя он и разрабатывал договор между Советским Союзом и Финляндией и уважительное отношение к нему Сталина было общеизвестным, финская сторона не осмеливалась действовать от его имени.

О Маннергейме предпочитали не говорить, потому что для большей части финнов он оставался более значительным и не вызывавшим сомнений

национальным лидером, чем пришедшие ему на смену политики. И лишь в среде крайне левых, имевших тесные контакты с КПСС, Маннергейм неизменно рассматривался только как белый генерал. Когда коммунисты и другие левые радикалы вышли после войны из подполья на политическую арену, лишь немногие из них осмеливались публично заявлять о своем уважении к Маннергейму. Моральный климат в Финляндии в 60-е и даже в 70-е годы был таковым, что в политических кругах Маннергейма не ценили, и руководство Финляндии о нем не заговаривало.

Сейчас, когда происходит переоценка политики многих деятелей, в Финляндии возрос общественный интерес к Маннергейму и отношение к нему изменилось в сторону большего уважения. Правда, среди широких слоев народа оно, скорее всего, и не ослабевало. Наиболее яркое доказательство тому — выступление Мауно Койвисто 4 июня 1993 г. в день рождения Маннергейма. Президент Финляндии отметил, что в тех случаях, когда у нее был выбор, он делался верно, в том числе и до войны. Таким образом, Койвисто не стал дистанцироваться от политики военного и довоенного периода, как это было принято в течение десятилетий.

Если судить о Маннергейме без эмоционального «либо-либо» и оглядки на политическую целесообразность той или иной его оценки, прежде всего следует иметь в виду те периоды его деятельности, на которых основывается представление о нем как о национальном герое. Он был освободителем Финляндии, потому что руководил войной за независимость, но в то же время в качестве белого генерала гражданской войны был вынужден воевать против красных. Он как объединитель нации символизирует собой борьбу Финляндии за выживание в Зимней войне и войне 1941—1944 годов. Он же наметил нелегкий путь страны от войны к миру и к послевоенной политике. В международном плане Маннергейм останется в истории как руководитель маленькой нации, которая сумела выстоять под натиском большевиков и дала миру надежду на успех в борьбе против гегемонистских устремлений Советского Союза.

Примечания

1. JÄGERSKÖLD S. Mannerheim 1867—1951. Keuruu. 1983, s. 19.
2. MANNERHEIM G. Ratsaln halki Aasian. I - II. Helsinki. 1941.
3. JÄGERSKÖLD S. Op. cit., s. 71.
4. Ibid., s. 137.
5. Ibid., s. 170.
6. Ibid., s. 196--197.
7. MERI V. Suomen Marsalkka Mannerheim. Porvoo. 1988, s. 364.
8. MANNERHEIM G. Muistelmat. I—II. Helsinki. 1951 - 1952.
9. MERI V. Op. cit., s. 448.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

О Египте

Хочу рассказать о Египте: как складывались наши отношения с Египетским государством и с его новым руководством после революции, которая была совершена молодыми офицерами армии, возглавленными Насером и Амером. Еще король Египта Фарук обратился к Сталину с просьбой продать оружие, которое он хотел приобрести для борьбы против колониальных британских войск, расположенных в Египте. Сталин отказал. Не помню, какой был дан ответ, но нам в своем кругу он сказал: «Нет, нам не стоит совать нос в эти дела. Египет — это сфера влияния Великобритании». Когда нашелся какой-то повод (возможно, день рождения?), Сталин велел послать английской королеве в подарок соболью накидку. Это я говорю к тому, как мы тогда относились к Египту. Это не значит, что мы не хотели ему помочь. Наоборот, всемерно хотели, чтобы египетский народ как можно раньше освободился от колониальной зависимости, так как это было не только в интересах египетского народа, но и в интересах советского народа и вообще всего прогрессивного человечества. Просто Сталин считал, что еще не пришло должное время, хотя мы могли поставить Египту оружие. Думаю, что Фарук имел в виду получить его секретно. Однако какой может быть секрет при поставке оружия в страну, где расположены английские войска? Такой секрет сейчас же станет известен англичанам.

После первого переворота, который совершили там армейские офицеры, Насер и Амер еще не заняли ведущего положения. Возглавлял правительство какой-то генерал, который придерживался не прогрессивных, с нашей точки зрения, взглядов и, видимо, стоял за то, чтобы изгнать англичан, но сохранить в стране капиталистические устои. Сейчас не помню, сколько длился переходный период. Затем молодые офицеры свергли и этого главу государства. Во главе Египта стал Насер. Сначала политикой, которую он проводил, он тоже не давал и намека, что будет изменять в Египте социально-политический строй. Так что первое время после нового переворота и прихода к власти полковника Насера мы не могли определить, какого же направления во внешней и внутренней политике станет придерживаться его правительство, и склонялись к тому, что там, видимо, произошел один из тех военных переворотов, к которым все уже привыкли. В результате ничего особенного мы не ожидали. Да у нас и другого выбора не оставалось, кроме как ожидать и смотреть, что за направление будет взято новым руководством Египта.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—3, 6—9, 11—12; 1993, №№ 2—10.

Спустя какое-то время после второго переворота к нам опять обратились египтяне с просьбой оказать им помощь оружием. Они намеревались предпринять серьезные меры, с тем чтобы вытеснить английские войска из Египта, для чего надо было иметь сильную армию и оружие. Теперь мы решили оказать нужную помощь. Она была оказана на коммерческой основе, но по льготной цене. То есть мы продали им оружие, главным образом стрелковое и артиллерийское. Египтяне вели свою политику с достоинством, активнее стали действовать против англичан и требовать их ухода. Англичане поняли, что у них нет другого выхода, что придется с пониманием отнестись к национальным требованиям египтян, и согласились на вывод своих войск. Британские войска ушли. Это придало нам уверенности, и мы с бóльшим вниманием стали относиться к запросам египетского правительства. Стало проявляться и уважение к нему: там теперь не какое-то очередное правительство, пришедшее к власти в результате чисто военного переворота, а то, которое защищает национальные интересы народа. Значит, оно заслуживает поддержки в борьбе против колонизаторов.

Тем не менее определить политику и этого правительства опять было очень трудно. Какие социально-политические цели преследует оно? На какой основе думает развивать и укреплять свое государство? Крупные капиталы и банки не были затронуты при перевороте. По-видимому, к власти пришло буржуазное правительство. Но в наших интересах поддерживать и такое руководство, ибо его политика направлена против колониального господства и ослабляла Англию на Ближнем Востоке. Это было в интересах СССР, и мы поддерживали линию Насера. У Тито сложились лучшие отношения с Египтом. Кажется, когда Тито ездил в Индию, он проследовал на корабле через Суэцкий канал и побывал в Египте. Югославы много писали тогда о новой политике Египта и о египетском руководстве; отмечали его прогрессивность; говорили, что оно заслуживает помощи. У нас в то время еще не наладились заново хорошие отношения с Югославией, хотя они уже улучшались. Когда я встретился с Тито во время его визита в Советский Союз, то мы обменивались мнениями по международным вопросам, затрагивали и Египет. И Тито очень лестно отзывался о политике Насера.

Я ему говорю: «Мне непонятны его выступления, трудно разобраться, чего он хочет. Выступает за то, чтобы создать прогрессивный строй. Но как? Буржуазию он не трогает, банки не трогает. Нам пока трудно оценить, что это за политика, какие цели ставятся перед страной». Тито же доказывал: «Насер еще очень молодой человек, политически неопытный. К тому же военный человек. У него хорошие намерения, но он пока не нашел твердой точки опоры. Надо его где-то сдерживать, а где-то поддерживать. Он хочет хорошего для своего народа. С ним можно договариваться, можно оказывать на него полезное для коммунистического движения влияние, тем самым полезное и для народа Египта». То есть проявлялось желание влиять на Насера не в эгоистических интересах, а чтобы тесно переплести интересы тех, кто хочет влиять, и интересы народа, на руководство которого хотели влиять. Тут взаимные интересы. Вопрос о социализме — это не вопрос одного народа. Социализм приносит желанные плоды всем народам. Тут не заговор одной стороны против другой, а желание одной стороны поделиться своим опытом и оказать влияние на другую, чтобы она переняла опыт в собственных интересах.

В СССР все-таки проявляли к Насеру осторожность, но одновременно поддерживали его и предложили ему в достаточном количестве оружие. Продавали Египту и морское вооружение, торпедные катера, даже самолеты. Все вооружение — стрелковое, артиллерийское, танки, авиацию, морские военные корабли продавали в количествах, в каких нуждался Насер. А он в своих выступлениях, мне думается — под влиянием Тито, стал высказываться о возможности строительства социализма в Египте. Однако он имел своеобразные понятия о социализме. Тут мы его опять не могли понять и считали, что либо он не разбирается в теории, либо умышленно

путает, сбивая с толку недругов. Ведь при определенных условиях понятие социализма может стать расхожей нормой. Даже Гитлер свою партию назвал национал-социалистской. А какой у него был «социализм», знает весь мир. Поэтому мы с осторожностью относились к людям, которые брали на вооружение слово «социализм», но конкретно не разъясняли, как они его понимают, думают им пользоваться, какими путями хотят его достичь.

К тому времени у нас установились хорошие отношения и с правительством Сирии. Но мы поддерживали и Коммунистическую партию в Сирии, самую сильную в арабских странах. Возглавлял ее очень опытный лидер Багдаш. В Сирии довольно уверенным было демократическое движение в целом. Оно оказывало давление на правительство, стараясь вырвать социально-политические уступки для своего народа. Буржуазия Сирии была в большой тревоге, видя, как набирает силу компартия, оказывающая влияние на общественность страны. Правые круги начали искать возможность избавиться от коммунистического воздействия и удержать страну в рамках капитализма. И вдруг (для нас — вдруг) возник вопрос об объединении Египта с Сирией в одно государство.

В их печати развернулась пропаганда в пользу слияния. И в Египте, и в Сирии действовали довольно большие силы за объединение. Мы же в нем не видели прогресса: Сирия была буржуазно-демократической страной с легальной компартией, в ней установился парламентарный строй французского типа. Там для прогрессивных группировок условия были лучше, чем в Египте. В Египте же никакой демократии не существовало. Правила полковники, возглавляемые Насером. Партии функционировали только буржуазные или мусульманские, реакционного характера. Поэтому мы не поддерживали идею такого слияния и создания Объединенной Арабской Республики. Возможно, Насер копировал Советский Союз, имея в виду возможность вхождения в ОАР любой страны на равноправных началах? Не знаю.

Итак, Объединенная Арабская Республика, в которую все арабские страны смогут вступить, чтобы создать единое и великое Арабское государство? Насер имел в виду, что Египет станет руководящей силой при объединении. Видимо, когда-нибудь позднее ОАР сможет стать прогрессивным явлением. Но в те времена, когда Египетская Коммунистическая партия не существовала, а коммунисты находились в подполье или сидели в тюрьмах и народ не пользовался никакими демократическими правами, когда установилась военная диктатура, то такой строй не обещал Сирии ничего доброго. В печати советские руководители не выступали против политики Насера, не желая отталкивать его, но и не поддерживали. Зато поддерживали Багдаша, а Багдаш вел, насколько хватало сил у Сирийской компартии, борьбу против объединения с Египтом.

Когда произошел военный переворот в Багдаде и к власти пришел генерал Касем, мы приветствовали переворот, потому что в Ираке ранее был крайне реакционный и террористический режим. Давно пора было покончить с ним. Касем добился довольно легкой победы. Он командовал дивизией и, когда она проходила через Багдад, сверг правительство диктатора Нури Саида, агента британского империализма. Король был убит. Победила революция. Правильнее ее называть переворотом. Сначала Касем принял прогрессивное направление. Легализовалась Иракская коммунистическая партия, за ней и другие прогрессивные течения. Мы всемерно поддерживали Касема и официально признавали, что там началась революционная ломка прежнего общественного строя.

Когда был совершен переворот в Багдаде, Насер отдыхал в Югославии. К тому времени свершилось образование ОАР. Сирия попала под руководство Насера, демократические условия в ней были ликвидированы. Компартия попала в трудное положение. Сирию стали стричь под египетскую социально-политическую гребенку. Мы, конечно, не поддерживали этого, выступали против. Наша позиция обижала Насера и не располагала его к нам. Вполне понятно. Он правильно понимал, что мы поддерживаем

коммунистов, которые борются против Египта, против Насера. Из Белграда поступила телеграмма от Тито с просьбой Насера принять его в СССР инкогнито. Мы ответили положительно.

Насер прилетел в Москву. Наше руководство предварительно обменялось мнениями по всем вопросам, которые могли быть затронуты, и определило свое отношение к ним. С Насером поручили встретиться мне, один на один. Присутствовали, естественно, люди из МИДа, переводчики и стенографистки. То было мое первое личное знакомство с Насером. Он произвел на меня хорошее впечатление: молодой человек, собранный, умный, с располагающей улыбкой. Он понравился мне, если говорить о сугубо личном впечатлении. Встретились мы за городом, в Ново-Огареве. Вместе с Насером был его будущий посол в Москве Галев, очень интересный и заслуживающий уважения человек. Он хорошо знал русский язык и служил Насеру переводчиком. У меня имелся наш переводчик, так что налажился полный контакт. Приступили к обмену мнениями. Мы начали говорить об объединении Сирии с Египтом, критикуя его. Насер стал доказывать полезность объединения. Но у нас фигурировали доказательства того, что объединение ничего хорошего Сирии не даст, следовательно, никаких положительных результатов не будет и для Египта, объединение носит искусственный характер. Насер вел себя во время беседы уверенно, а порою, я бы сказал, проявлял даже агрессивность. «Что же вы поддерживаете Багдаша? Вы хотите, чтобы Багдаш руководил нами? Этого мы не потерпим, это просто невозможно».

Насер сводил дело к тому, что Багдаш выступает против объединения, а мы поддерживаем Багдаша, и в этом заключается ошибка. Говорил, что мы не разбираемся в арабских вопросах и стоим на ложном пути, смотрим на объединение не собственными глазами, а глазами Багдаша, который исходит из узко политических позиций. Затем Насер дал понять, что это только начало. Потом объединение будет разрастаться. Я в ответ говорил, что сильный Египет нас не беспокоит. Наоборот, мы довольны. Все, что в наших силах, делаем и будем делать, чтобы Египет укреплялся, как и весь арабский мир. Мы в принципе с одобрением относимся к идее единого арабского государства. Нас его возникновение не испугало бы. Не в том дело. «Мы хотим дружить с вами,— сказал я, — и силачивать наши усилия в борьбе против реакционных сил. Зачем нам выступать против объединения арабских стран? Если же мы сейчас, в конкретных условиях, такое объединение не поддерживаем, то исходим из своих взглядов, считая, что вы ошиблись, когда пошли на него. Да и сейчас ошибаетесь, если думаете, что извлечете какие-то особые выгоды для Египта. Наоборот, такое объединение ослабляет ваши позиции».

Насер с моими доводами не соглашался, не понимал меня. Я привел ему такой пример: «Господин президент, у вас коммунисты в подполье, их руководство сидит в тюрьмах, а в Сирии коммунисты пользуются свободой. У вас нет и не было настоящего парламентарного строя, а сирийцы привыкли к парламенту. Там есть разные партии, есть парламент, люди публично высказывают свою позицию и голосуют за нее. Там существует буржуазная демократия. Из арабских стран Сирия самая демократическая страна. Сейчас вы ее фактически лишили парламента. Если номинально он и остался, то реально вы взяли решение всех вопросов на себя. Разве такой шаг будет укреплять ваш союз? Нет, это временное явление. Начнется борьба, и в этой борьбе вы потерпите поражение. Кроме того, жизненный уровень в Сирии значительно выше, чем в Египте. Теперь вы объединились, и материальные ресурсы тоже объединяются. Кто выигрывает? Выигрывает Египет, проигрывает Сирия. Она экспортировала пшеницу, теперь экспортировать не будет. Ведь Египет потребляет больше, чем производит. Следовательно, все излишки пойдут Египту, Сирия лишится валюты, необходимой для развития экономики. Опять пострадает Сирия. Вы поспешили и потом пожалсете о своем решении. Оно вам, как у русских говорят, выйdet боком».

«Нет, -- возражает, -- не согласен. Вы не разбираетесь в арабских

делах». Потом выдвинул новый довод: «Если уж говорить по-честному, то не я хотел объединения, сирийцы сами нас подталкивали, они форсировали это объединение, а мы пошли на него». Тут я согласился: «Это верно. Мы понимали, что главной силой, которая форсировала объединение, а может быть и инициативу проявила в этом вопросе, была сирийская буржуазия. Почему она это сделала? Потому что в Сирии нарастала революция, укреплялись демократические силы. Коммунисты все больше овладевали общественным мнением. Поэтому правые круги дрожали перед такой перспективой и настолько перепугались, что увидели спасение себя и своих капиталов в объединении с Египтом. Вашими руками они хотят подавить прогрессивные силы Сирии, соглашаясь при этом пойти на какой-то ущерб для себя лично. Они считали, что в основном выиграют, сохранив свою собственность, банки, капиталы и буржуазный строй, который, по их мнению, находился под угрозой. Одним им не справиться с прогрессивными силами внутри Сирии. Вот их замысел. Мы же полагаем, что позиция, которую занимает Багдаш, прогрессивна. Естественно, мы на его стороне. Вы потом пожалеете об объединении, ОАР развалится».

Мы просидели там целый день, пообедали на свежем воздухе возле Москвы-реки. Условия там очень хорошие, погода стояла чудесная, отличный подмосковный летний день. Несмотря на острую полемику, нами не было проявлено страстей, которые могли бы обострить личные отношения. Каждый из нас держался в рамках, чтобы не нарушить дружеского характера беседы. Происходил не диспут, а анализ положения дел на Ближнем Востоке. Велся разбор обоюдных высказываний, делалась попытка правильного анализа событий и определения дальнейшей политической линии. Мы оба остались каждый при своем мнении. Да другого и быть тогда не могло. В личном же плане пребывание у нас президента ОАР произвело хорошее впечатление на меня и на других товарищей, с которыми он встречался. Но никаких официальных приемов не было, приехал он инкогнито.

Потом Насер забеспокоился: «Мне нужно возвращаться. Такие события в Ираке! Я сейчас же лечу в Югославию и оттуда морем плыву в Александрию». Я высказал ему свои соображения: «Господин президент, не советую вам возвращаться через Средиземное море. Переворот, совершенный в Ираке, создал в том регионе возбужденное состояние, США и Англия приводят в боевое состояние свои воинские части и флот, возникла напряженность. Вы не пользуетесь симпатиями в западных странах, потопить в море Ваш корабль ничего не стоит. Доказать, по какой причине затонул корабль, на котором находился президент ОАР, будет невозможно. Да и как доказывать? Вы поплывете на невооруженной яхте, да если бы она была и вооруженной, то ничего не смогла бы поделать. Там шныряют подводные лодки, курсируют самолеты. При желании отделаться от президента более удобного случая даже ожидать нечего. Советую лететь самолетом через Баку, Иран и Ирак в Сирию». Он согласился.

У нас были тогда неплохие отношения с Ираном. Поэтому воздушным пространством Ирана мы могли воспользоваться, но об этом надо было договариваться специально. «Думаю, — сказал я Насеру, — что шах Ирана не откажет. Когда он был у нас, мы чувствовали, что он проявляет интерес к улучшению наших отношений. Мы же всегда стояли на позициях добрых отношений с Ираном, как и с другими соседями». Когда Насер согласился с моим планом отлета на нашем самолете, мы попросили у Тегерана разрешения пропустить советский самолет, хотя, конечно, не сказали, что на нем полетит президент Египта. Быстро получили разрешение на пролет. Насер отбыл, и в скором времени пришло сообщение, что он благополучно прибыл в Сирию. А из беседы с ним я понял, что переворот в Ираке был неожиданностью для него. Для нас он тоже оказался совершенно неожиданным. У нас имелись какие-то сведения о Касеме. Говорили, что он входил даже в какие-то контакты с коммунистами, но это были мимолетные и непостоянные контакты. Для нас он оставался неизвестным лицом.

Египет же эти события очень взволновали. Возможно, Насер питал

надежду, что сможет установить с новой властью в Багдаде более тесные связи и что Ирак будет следовать за Египтом. Вполне понятное желание, но такие расчеты не оправдались, как не оправдались и наши расчеты касательно Ирака. Мы надеялись, что в Ираке тоже победят прогрессивные силы, что Касем проявит социальную мудрость в выборе прогрессивного пути для своего народа. Однако он оказался человеком неопределенного политического направления, каким-то неровным. Правда, это уже другой вопрос, на котором я сейчас останавливаться не буду. Зато мы многое приобрели ранее, когда наше вмешательство в пользу Египта при нападении на него Франции, Англии и Израиля высоко подняло авторитет СССР в арабском мире, особенно в египетском народе. Насер говорил тогда много лестного в отношении политики Советского правительства. А мы помогали искренне, без всяких условий, с идейных позиций оказывая помощь, с тем чтобы все колониальные народы смогли завоевать независимость. Наша акция основывалась на гуманных, а не на каких-либо меркантильных интересах.

Сам СССР ни в чем не нуждался. В том числе в богатствах Объединенной Арабской Республики. У нас есть почти все, что они у себя производят или добывают. У нас есть и нефть, и рис, и прочее, чем богат Ближний Восток. Мы вообще более богатая страна. Если у нас чего-то недостает, так некоторых изделий, которые мы стараемся приобрести в других странах не путем войны или каких-то махинаций, а на торговой основе, как практикуется среди всех цивилизованных народов. Что имел в виду Насер, когда заявлял, что война с трехсторонним агрессором была прекращена в результате помощи Советского Союза? Грубо говоря, наше обращение к Эйзенхауэру с идеей слить под флагом ООН военные усилия СССР и США против агрессоров, напавших на Египет, было политическим ходом. Мы-то понимали, что Эйзенхауэр не захочет объединяться с нами против своих союзников по НАТО, но хотели сорвать тот покров миротворца, который он напялил на себя, и показать истинное лицо политического деятеля, придерживающегося тех же позиций, что и агрессор, только, может быть, не согласного со временем и местом начала агрессии. А почему, когда война прекратилась и положение нормализовалось, Израиль отступил с занятых им территорий? Он тогда вместе с французами и англичанами захватил обширные земли. Когда англичане и французы вывели свои войска, Израиль тоже отвел свои. Видимо, имелось соглашение между этими тремя державами. И второе обстоятельство: мы поставили вопрос в ООН и добились осуждения агрессии, а сами заявили публично о наборе наших добровольцев в египетскую армию: танкистов, летчиков, артиллеристов, других военных специалистов.

Да, мы хотели оказать Египту реальную поддержку, послав туда людей, которые в совершенстве владели современным оружием. Это тоже подтолкнуло Израиль к пониманию необходимости отвода войск и освобождению территорий, захваченных в результате тройственного нападения на Египет. Считаю, что этот факт оказался очень существенным для нашей политики, и мы правильно его использовали, поставив условие Израилю: если он не послушается рекомендаций ООН, то столкнется с такой военной силой Египта, в составе войск которого могут быть и наши добровольцы. Это тоже весьма высоко было оценено египетским народом и Насером. Вот о чем он говорил в своих выступлениях. Но после нормализации положения выявилось различное понимание принципов переустройства Египетского государства. Мы видели непоследовательность Насера. Тито же говорил, что тот просто не понимает некоторых вещей, однако ему надо по-прежнему помогать. А мы считали, что Насер вводит в заблуждение свой народ, начав пропагандировать какой-то особый путь, путь к арабскому социализму.

Теперь насчет победы Египта: если раньше Насер объяснял ее нашим вмешательством, то после обострения, которое у нас наметилось, стал говорить, что Египет победил потому, что помог Аллах. Когда у нас вновь установились дружеские отношения, я ему намекал другой раз: кто же

помог? Мы или Аллах? Он улыбался. Ведь на Аллаха все можно свалить — и помощь, и успех, и провал. Как русские валят на своего бога, так и египтяне валят на Аллаха. Тем не менее наши отношения неуклонно улучшались, несмотря на отдельные обострения, особенно по вопросу объединения Египта с Сирией, в результате чего была загнана в подполье Сирийская коммунистическая партия. Когда она критиковала Насера, то он свой гнев переносил на нас, для чего, конечно, имелись основания. Мы не предпринимали решительных шагов в пользу СКП, но идейно были на ее стороне и поддерживали ее через печать. Это раздражало Насера, и он соответственно реагировал в своих контрвыступлениях.

Давняя мечта египетского народа — полнее использовать реку Нил в своем хозяйстве, ее гидроресурсы, заставить Нил крутить турбины и получать электрический ток. Когда Насер пришел к власти, этот вопрос стал в Египте интенсивно муссироваться. Была достигнута договоренность с банками США, и Египту обещали кредиты для постройки плотины на Ниле. Египтяне обольщали себя, что смогут реализовать мечту, которую лелеяли веками, с помощью США. Потом то обстоятельство, что Египет вырвался из фарватера политики США и Англии, ударило по империалистам, и однажды было объявлено, что банки США отказывают в обещанных Египту кредитах. Это взорвало, так сказать, Насера, и он объявил о национализации Суэцкого канала. Политическая температура подскочила вверх, ситуацию потянуло к международной напряженности. Обслуживающий персонал на Суэцком канале — лоцманы, инженерные служащие и другие — были Западом отозваны, Египет оказался без кадров. Запад считал, что Египет сам себя дискредитирует, что он не справится с трудностями и канал перестанет действовать. Это создаст для Египта финансовые и политические трудности.

Существовал международный порядок пользования Суэцким каналом. Египетское правительство обратилось к нам с просьбой оказать помощь. Мы сейчас же дали своих лоцманов, инженеров и других специалистов, чтобы египтянам как можно безболезненнее освоить управление каналом. Все получилось хорошо. Но политический накал страстей был невероятный. Именно необдуманная политика США, политика с позиции силы, даллесовская линия нажима помогла нам сблизиться с Египтом, а Египту — легче разобраться в том, кто его враги и кто — друзья. СССР, хотя наша печать порою и выступала с какими-то критическими замечаниями, неизменно в трудные для Египта минуты становился на его сторону и поддерживал справедливую борьбу против колонизаторов и за укрепление независимости. Стали к нам приезжать всякие египетские делегации. Приехали и военные во главе с главнокомандующим Амером. Мы вновь оказали им помощь, в которой они нуждались. И египтяне довольно основательно укрепились нашим вооружением, получив ракетные и торпедные катера, несколько подводных лодок и многое другое, включая самолеты.

Затем египтяне стали обращаться к нам с просьбой помочь им построить Асуанскую плотину на Ниле. Мы сначала отказывались. Думаю, что это Тито посоветовал им обратиться с просьбой к СССР. И не просто с просьбой, а с убедительной просьбой, с дружеским нажимом согласиться на строительство плотины. Почему я так полагаю? Как-то мы, встретившись с Тито, беседовали о Египте. Он стоял горой за Насера, всегда доказывая, что ему надо помогать. Тут он был абсолютно прав. Жизнь и история подтвердили верность его рассуждений. И сейчас мы имеем наилучшие отношения с Египтом. Это в интересах и Египта, и Советского Союза, и всех прогрессивных сил. В начале переговоров о плотине они велись с нашими посольскими работниками в Египте. Потом к нам приехали Насер и Амер. Последний (я и сейчас переживаю) трагично кончил свою жизнь, совершив самоубийство в результате катастрофы, которую потерпела египетская армия. Он как главнокомандующий нес первую ответственность за нее. В какой степени персонально он был виновен в катастрофическом поражении, мне трудно судить. Амер, в общем, производил впечатление порядочного человека, преданного делу Египта, понимал

необходимость братских отношений египетского народа с народами СССР. Это на меня действовало подкупающе. Я относился к нему с доверием, раз он подходил к дружбе между нашими народами не конъюнктурно, а искренне верил в то, что дружба с СССР - в интересах египетского народа, поднятия его экономики, культуры и благосостояния.

Амер, когда приезжал в СССР, всегда просил о встрече со мной. И, согласно решениям ЦК партии, я с ним встречался, выслушивал его и высказывал наши соображения. Однажды он настойчиво, а он умел проявить настойчивость, хотя и без назойливости, стал убеждать меня, что СССР очень выгодно, если появится сильный Египет. Потом подошел к главному: «У нас сейчас слабая экономика, без Асуанской плотины поднять ее нельзя. Слаба энергетика, Асуанская плотина даст возможность на треть увеличить поливные земли». Я отвечал, что согласен, но потребуются большие капиталовложения, а это нам пока не под силу. Затем мы обменялись мнениями у себя в руководстве. Как нам поступить? И мы поручили нашим экономистам проработать вопрос, изучить имеющиеся предложения. Наши очень долго изучали, потом доложили, сколько это может стоить и за какое время мы сумеем построить Асуанскую плотину. Показали, что такая сделка не только политически, но и экономически может быть для нас выгодной. Надо, конечно, понимать некоторую условность этой выгоды: она будет в том, что мы укрепим друга, его экономику, закрепим дружеские отношения между нами. Тут экономика перерастает в политику. К тому же затраченные деньги --- не бросовые, они возвратятся в виде поставок. Египтяне могли поставлять длинноволокнистый хлопок, рис, другие товары. Так что наши затраты --- не подарок, а кредит, который реально будет оплачен. Кроме того, мы получали дополнительную оплату в виде доверия к нам всех арабов и других слаборазвитых народов, особенно в Африке. Будет ясно, что на СССР можно опереться, он бескорыстен, с пониманием относится к нуждам народов, которые освобождаются от колониальной зависимости. Тут даже не экономическая составляющая была для нас главной, а политическая.

Сплотить и рядом политический интерес бывает важнее экономического. Укрепление арабских стран ослабляет враждебный нам лагерь. Если мы не будем бороться за укрепление наших связей с освобождающимися народами, то империализм станет искать каждую щель, чтобы пролезть в нее и закрепить все за собой. Тогда нам противопоставятся более обширные территории и силы. Это вынудит нас больше тратить на содержание армии и флота. Вот как оборачивается дело. Вроде бы мы сначала экономически проигрываем, но если глубже изучить дело, то мы не только не проигрываем, а получаем выигрыш. Поэтому, когда мы всесторонне обсудили ситуацию и взвесили доступное, то решили, что можем построить Асуанскую плотину, и согласились с египетским предложением.

Так мы подписали договор с Египтом о строительстве Асуанской плотины. Когда повели переговоры, то Египет настаивал, чтобы мы взяли на себя работы как подрядчик: столько-то работы стоят, в такие-то сроки выполняются, потом он начинает расплачиваться за капиталовложения и компенсировать наши затраты. Мы отказались от такой формы договора на том основании, что, если мы возьмем на себя роль подрядчика, нам придется нанимать египетскую рабочую силу. Мы выступим и как администраторы. Могут возникнуть (да и всегда возникают) конфликты между подрядчиком и наемной рабочей силой. И вместо того, чтобы выглядеть другом египетского народа, станем как бы его эксплуататорами. То, что мы строим для них за наши средства, --- одна сторона дела. Но с теми людьми, которые у нас работают, мы сталкиваемся уже в другом качестве, не как страна, которая дала кредиты, а как сторона, которая ведет работы на подрядных условиях, нанимая рабочую силу. Конфликты будут возникать именно с населением Египта. Мы этого не хотели и отказывались от такой формы проведения работ всюду, где давали кредиты. Так было и с Индией, когда мы подрядились построить для них металлургический завод в Бхилаи и другие предприятия. Таковую же политику мы проводили

и раньше. По-моему, она проводится и сейчас. Это единственно правильная и разумная линия.

Итак, мы сказали: беритесь строить сами, а техническое руководство будет полностью за нами, и оборудование наше, и проект будет разработан нашими специалистами. Его доложат вашему правительству. Вы сами его рассмотрите и станете утверждать. Так шаг за шагом наши отношения с Египтом улучшались и начали перерастать в дружеские. Заключение договора о строительстве Асуанской плотины все перевернуло. Египетское руководство стало правильно понимать нашу политику, дружественную в отношении всех стран, которые выходят на дорогу борьбы за освобождение или, уже освободившись от колонизаторов, перестраивают хозяйство на новых основах. Имею в виду здесь и социалистический путь развития, и несоциалистический. Мы уверены, что все люди рано или поздно поймут необходимость, полезность и прогрессивность социалистического пути. Но знали, что надо проявлять терпение и не навязывать своих идей строительства социалистического общества. Нужно дать возможность людям самим сделать выбор, с тем чтобы они видели, что сами сделали выбор, и правильный выбор. Тогда они будут бороться за создание новой системы, за ее укрепление и развитие.

Нашими инженерами был создан проект плотины. А наши специалисты — самые опытные в мире касательно гидростроительства. Это объясняется тем, что за короткий отрезок времени в СССР инженерами и учеными были построены грандиозные гидроэлектростанции с мощными гидротурбинами, накоплен большой опыт. На основе такой практики наши инженеры и ученые сумели прийти к наиболее прогрессивным техническим решениям. Когда советские инженеры взяли имевшиеся проекты строительства Асуанской гидроплотины и изучили их, то увидели, что можно найти более толковые решения с более экономичным способом строительства, создать более рациональные и экономически более эффективные условия эксплуатации гидроузла.

Египетские руководители поставили вопрос о поездке советской делегации в Египет для ознакомления с условиями строительства на месте и установления более тесных отношений между инженерами и рабочим персоналом. Руководители делегаций, приезжавших из Египта, говорили, чтобы я лично возглавил делегацию Советского Союза. Тем самым они стремились завязать более прочные взаимоотношения, преследуя цели и получения экономической помощи, и поддержки политики, которую проводит египетское правительство. У меня, не скрою, имелось очень большое желание побывать в Египте, посмотреть своими глазами на сказочную страну с древней культурой. Меня приглашали приехать к моменту закладки строительства Асуанской плотины, но я не имел такой возможности, поблагодарил за внимание и приглашение. Всегда, когда его делали вновь, отвечал в полусутоливом тоне: «Как вы меня приглашаете, когда у вас коммунисты сидят в тюрьмах? Коммунисты не имеют права на легальное существование в Египте. Мы знаем их руководство; знаем, что многие его члены и другие представители прогрессивного движения находятся в заключении. И я не хочу подвергать себя такой же опасности, не хочу составить им компанию, хотя это хорошие компаньоны. Мы уважаем вас, но уважаем и коммунистов, которых вы держите в тюрьме. А я как коммунист не хочу увеличить тюремное население Египта». Амер в ответ улыбался: «Нет, у Вас не совсем правильная информация». Он и другие египетские руководители доказывали, что, мол, их коммунисты — не такие, как в Советском Союзе. Поэтому они вынуждены их сажать в интересах своего народа и государства. Такие доводы я слышал не только от египетских лидеров. Но я отвечал: «Нет, таких сказок мы уже наслушались вдоволь».

Руководители всех государств, где коммунисты сидели в тюрьмах или же находились в глубоком подполье, утверждали, что у них не такие коммунисты, как в СССР. Помню, как во время гражданской войны мне приходилось беседовать с некоторыми интеллигентами после так называемого ущемления буржуазии, которое мы провели в 1920 г. в Екатеринодаре

под руководством товарища Фурманова. Он был тогда начальником местного политуправления и возглавлял проведение названной кампании. В доме, где я жил, хозяева были очень хорошие люди, но имели неправильное представление о социализме, революции и коммунистах. Они не одобряли происходившее на Кубани. Один тамошний шахтер говорил: «Мы за московских коммунистов, потому что они не такие, как екатеринодарские». Мы разъясняли непонятное и горячо спорили. Так что аргументы, которые выдвигали египетские руководители, для меня были не новыми.

Время шло. Работы развернулись. Асуанская плотина и новые фабрики успешно строились. Мы кредитовали строительство производства лечебных препаратов, металлургического завода, еще каких-то предприятий. Не мы там строили, строил Египет, а мы кредитовали строительство, вели техническое руководство, наши инженеры фактически руководили этим строительством. Это все больше укрепляло доверие руководителей Египта к нашему государству. Египетское руководство сложилось из офицеров. Тамошние офицеры — выходцы не из рабочего класса, а скорее из рядов средней буржуазии. Они имели имущественное положение, которое позволяло им получить и общее, и военное образование. В их составе были, конечно, люди разного социального положения и материального обеспечения. Поэтому внутри у них тоже не существовало социального монолита. По-разному члены руководства относились и к нам. Так было везде, во всех странах мира. Когда идет революционный процесс, то он протекает болезненно.

А сейчас? Только что закончилась гражданская война, которая тянулась в Нигерии два с половиною года. Возникла она в результате того, что страна освободилась от колониальной зависимости, но руководство в Нигерии сложилось не монолитное, его члены подвергались различному влиянию и преследовали разные интересы. Столь же разношерстное по составу руководство было на первых порах и в Египте. Сейчас оно уже сцементировалось, потому что прошло много времени и некоторые элементы отсеялись или их отсекали, а на их месте выросли новые силы. Вначале там говорили об арабском социализме, потом некоторые стали говорить о научном социализме. Но строительство Асуанской плотины сблизило нас не только с руководством, а и с египетским народом. Приехали наши инженеры и рабочие ведущих профессий, которые вплотную столкнулись с египетскими инженерами, техниками и рабочими. Египетские рабочие — это бывшие крестьяне. Наши обучали их и работали вместе с ними, на одних и тех же машинах. Всем создавались равные условия, а это сближает, больше располагает друг к другу, возникает доверие между людьми.

Строительство плотины подвигалось к завершению первого этапа: перекрытию русла. Это основной этап строительства, потом идут наращивание плотины и монтаж гидротурбин. Тут египтяне стали проявлять настойчивость, чтобы я, наконец, приехал к ним, на их торжество. Для них ведь Асуанская плотина — нечто особое, священная мечта народа. Однако я опять отказывался, говоря о неправильной политике, которую там проводили в отношении прогрессивных сил страны. Когда я разговаривал с полком Галебом, который обращался ко мне с приглашением, и повторял свои доводы, то этот умный человек понимал меня. Затем состоялось образование ОАР. Я спрашивал Галеба: «Как у вас прошло с Сирией?» «Да, говорит, — прошло так, как Вы и предсказывали. Мощные силы поднялись вскоре на борьбу за выход Сирии из ОАР». В то время маршал Амер находился в Сирии и был задержан или попал под домашний арест. Потом они его отпустили.

Провал объединения Египта с Сирией еще больше повысил наш авторитет в глазах руководителей Египта. Случилось как раз так, как мы предупреждали. Существует письмо, которое мы послали Насеру. И в некоторые другие страны тоже его послали, чтобы ознакомить кого надо с нашим пониманием вопроса. Сначала мы изложили все, как при беседе, которую я проводил с Насером, а записывал тогда Галеб. В письме мы это подтвердили. Послали текст Насеру, а Касему зачитали. Познакомили

и других арабских лидеров. Мы-то искренне были на их стороне и делали все, что в наших силах, чтобы укреплять режим, который создан в Египте. Терпимо относились к тому, с чем были не согласны в их внутренней политике, считая, что это временно, они поймут свои ошибки и сами в них убедятся. Поэтому мы и критиковали их, и давали им кредиты, всячески помогали.

Наступило время торжеств в связи с перекрытием русла Нила. Египтяне приглашали меня не только на праздник перекрытия русла, но и отдохнуть у них, ознакомиться с Египтом. Ну и, конечно, провести полезные беседы. Они утверждали, что у них буквально лишь несколько коммунистов еще находятся в тюрьме, но президент обещает, что к нашему приезду все они будут освобождены. Мы согласились на такую поездку. Она состоялась в мае 1964 года. Меня сопровождали министр иностранных дел Громыко, заместитель министра обороны Гречко, другие товарищи. Гречко поехал в ожидании, что будут поставлены военные вопросы. Громыко был необходим при решении общих проблем международной политики. Встреча соответствовала моему рангу и нашим отношениям. Беседы, которые состоялись во время нашего там пребывания, были дружественными. Мы ознакомились с городами страны, с объектами, которые были возведены при нашем содействии и уже работали, давая продукцию. Это очень подняло наш авторитет. Так, мы построили завод по изготовлению лекарств. Египтяне раньше платили за лекарства огромные деньги, покупая их в Англии. А тут сами стали выпускать лекарства. Они подешевели, создали лучшие возможности для рядовых людей. А в Египте жители очень бедные, малообеспеченные, цены особенно били по их карману. Теперь там стали задешево удовлетворять запросы больных.

Ездили мы и на другие заводы. Везде народ с большой симпатией встречал нас, выражая свою радость. Ведь мы оказываем ему помощь в строительстве предприятий. Кроме того, тысячи людей получили работу. Настал день перекрытия русла Нила. Мы с Насером поехали на Асуанскую плотину. Поездка произвела на меня очень хорошее впечатление. Насер был лидером, его авторитет был колоссален, встречали его повсюду с энтузиазмом и возгласами «Насер! Насер! Насер!». Я-то знаю, как такое делается. Иной раз искусственно формируются нужные толпы. И в Египте тоже, видимо, так поступали. Но я видел и неподдельный энтузиазм народа в адрес своих руководителей, а главным образом Насера. К нашему приезду в Асуан туда же прибыл президент Алжирской республики Бен Белла, приехали премьер-министр Йемена, президент Иракской республики Ареф.

С Арефом у нас сложились плохие отношения. Мы считали его человеком непрогрессивного направления. Да и лично неприятным. С ним трудно было разговаривать. Насер дал торжественный обед для своих гостей. Как раз перед этим поступило известие, что Ареф учинил расправу с прогрессивными силами Ирака. И я заметил Насеру: «Очень неприятно. По нашим сведениям, Ареф арестовал или даже уничтожил многих людей. Даже сидеть рядом с таким человеком противно». А распределение мест за президентским столом складывалось так, что я сидел где-то рядом с Арефом. Насер возразил: «Думаю, что Ваша информация неверна. Не считаю, что Ареф так поступил, тем более в момент, когда сам находится в Египте в качестве моего гостя и должен встретиться с Вами. Он очень хотел с Вами встретиться и установить более тесные отношения с Советским Союзом». Я ему: «Сомневаюсь. Согласно его политической линии и выступлениям, подобное просто незаметно». «Сейчас узнаю», — заторопился Насер. Спустя какое-то время говорит мне: «Ареф клялся, что такого он не делал, это вымыслы буржуазной прессы. Ничего этого не было, враки. Я верю ему, потому что он весьма религиозный человек: он все свое время, выражаясь фигурально, стоит на коленях, бьет поклоны и молится Аллаху, обращаясь к нему со всевозможными просьбами. Ареф врать не может, я уверяю Вас».

Обед прошел торжественно, а затем я беседовал с Арефом, который сам поднял тот же вопрос: «Информация, которую Вы получили, неверна. Она, видимо, сообщается лицами, которые хотят, чтобы не улучшились

отношения Ирака и Советского Союза. Я такого не делал, и я этого никогда не сделаю». Я ему: «Очень рад, что Вы так заявляете и что этого не произошло. Но мы получили такую информацию. Возможно, информация была неточна». Наилучшее впечатление произвел на меня Бен Белла: культурный, образованный человек, разбирающийся в вопросах строительства социализма и в марксизме. Он стоял на позициях построения научного социализма и сам говорил, что нет другого истинного социализма кроме научного, марксистского. Очень он понравился мне и своей внутренней политикой. Алжирская коммунистическая партия, правда, находилась на нелегальном положении, но это было достаточно условное нелегальное положение, ибо жила она свободно, в открытую располагался ЦК АКП. Все видные деятели компартии были народу известны. Мне рассказывали сами алжирские коммунисты, что Бен Белла приглашал влиятельных лиц из АКП и говорил: «Что вам нужно? Занимайте посты в профсоюзах, включайтесь в дела просвещения, культуры, экономики. Везде, где нужны культурные люди и где вы можете быть полезными, подключайтесь к этому. Нет никаких препятствий к внедрению вас в государственный аппарат и в общественные организации. Правительство ничего не станет предпринимать против вас».

На перекрытие (а там обставили все грандиозно) собралось огромное количество народа. Министр, который непосредственно отвечал за строительство Асуанской плотины, произнес рапорт. Потом состоялся пуск. Насер сказал мне. «Пропну Вас, так как хотя плотина-то наша, но вы ее строите. давайте вместе нажмем кнопку взрыва перемычки, направляющей воду по новому руслу через туннели». Это была честь для меня. Я поблагодарил за нее и с удовольствием согласился. Мы вместе нажали кнопку, раздался взрыв, вода хлынула по новому направлению. Потом говорили, что какие-то два человека задержались в туннеле, и их смыло. Утверждали также, что они были спасены. Но кто знает, так ли это было? Имела место непредусмотрительность. Возможно, и провокация. Но торжество не было омрачено. Надо было видеть (передать это словами я не могу), как светились торжеством лица, как искрились глаза у арабов, когда они смотрели на мощные потоки нильской воды. Прокладывался путь к завершению плотины и монтажу энергетических агрегатов, которые станут работать на новый порядок в Египте.

Меня предупредили, что в Асуане особенно сухой климат. Там дождь выпадает раз в несколько лет. Поэтому Асуан обладает специфическими лечебными свойствами. Сказали, чтобы я приготовился к таким условиям. А что тут готовиться? Приехали мы туда и сразу вроде бы залезли в духовку. Спасения нет нигде, солнце жжет, только помещение, в котором я разместился, было хорошим, с искусственным охлаждением воздуха. Решил я принять холодный душ. Но это только называется «холодный»: вода нагрета солнцем, и даже когда нальешь в ванну воды и погружаешься в нее, не чувствуешь охлаждения тела. А я хотел немного прийти в себя до вечера, когда был назначен митинг. Перед митингом состоялось собрание наших специалистов и рабочих. У них имелся свой клуб, и они пригласили меня для выступления. Я с радостью согласился, побеседовал с ними, рассказал о положении дел в СССР. И положение дел в стране было в целом хорошее, и настроение у наших людей тоже было очень хорошее.

Вечером, при заходе солнца, собрался митинг. Днем людям невозможно было сидеть на открытом воздухе и выслушивать речи ораторов. Выступил Насер. Он говорил о социализме, который они строят и будут строить далее. Насер отошел от обычного своего стандарта, который ранее повторял много раз, насчет арабского социализма, и говорил теперь о научном социализме, хотя и не сослался на Маркса и Ленина. Это, собственно говоря, одно и то же. Но я думаю, что в то время ему еще нелегко было сразу перестроиться не только в силу своего внутреннего понимания социализма, а и потому, что он, видимо, учитывал настроение некоторых своих противников и, главным образом, союзников, которые еще не дошли до такого понимания. В любом случае, его речь была шагом вперед, и мне было приятно его слушать.

У меня тоже была подготовлена небольшая речь, и я выступил. Слушатели и меня встретили по-доброму. Потом выступил Бен Белла, который произнес очень хорошую речь. За ним говорил Ареф. Но мне невозможно было согласиться с его речью. В политическом отношении она была путаной. Ареф говорил только об «арабском социализме» и очень много об Аллахе. Его выступление заметно отличалось от того, что произнесли Насер и Бен Белла. Зато речь президента Йемена ничем не выделялась и была построена, как передовица газеты. Она не вызвала энтузиазма у слушателей, но и не было сказано ничего такого, против чего следовало бы возражать. Учитывая взгляды этого президента (а он был не коммунистом, но военным человеком), требовать от него чего-то особенного было незачем. Деятель без особых претензий, он демонстрировал, однако, что искренне хочет установления дружеских отношений с СССР. Мы в ответ поддерживали его, оказывая Йемену военную и техническую помощь. Тогда йеменцы строили морской причал. В их республике не существовало крупных сооружений помимо морского причала. Внутреннее положение властей оставалось непрочным, так что их президенту было не до строительных объектов. Он вел войну против эль-Бафра.

Эль-Бадр — интересная личность, весьма оригинальный человек. Я с ним встречался пару раз, когда он был еще наследным принцем. А на митинге я сидел рядом с Бен Беллой. Когда выступал Ареф, Бен Белла все время поворачивался в мою сторону и смеялся, демонстрируя, что не согласен с некоторыми высказываниями оратора. Под конец речи, когда окончательно выяснилось ее содержание, Бен Белла начал меня уговаривать снова выступить. Я ему: «Это неприлично, я уже выступал, мне было дано слово, и я использовал предоставленную мне возможность, сказав все, что нужно было сказать. Сейчас у меня нет заготовки. И будет плохо расценено, если я предъявлю вдруг кому-то какие-то претензии, большие, чем положено гостю». «Нет, что Вы,— начал он меня уговаривать,— поверьте, Ваше выступление будет хорошо воспринято, и не страшно, что у Вас нет текста, я уверен, что Вы найдете, что сказать: и Вы скажете полезное и Арефу, и слушателям». Я-то, когда отказывался, имел в виду и Насера: ему будет неприятно. Поэтому ответил: «Чего сейчас вступать в спор и открывать дискуссию с Арефом? Это неприлично делать на митинге, в гостях у президента ОАР». Тут вмешался Насер, услышавший меня: «И я советую Вам выступить. Вступайте в полемику, не называя лично Арефа, но выскажите свою точку зрения. Она будет полезна и для других слушателей. Иначе сложится впечатление, что вроде бы мы с ним во всем согласны». Тут я пошел навстречу: «Ладно, я выскажу свою точку зрения, Вы-то ее знаете, поэтому не будьте ко мне в претензии, раз настаиваете, чтобы я выступил».

Дали мне вновь слово. Я стал говорить о научном социализме. У Арефа прослушивалась примерно такая структура речи: мы арабы, поэтому идем в социализм арабским путем. С такой точкой зрения я боролся, еще когда вел ранее дискуссию с Насером. Теперь для Насера это был уже пройденный этап, а Ареф то же самое повторял: дескать, мы верны арабскому народу, не разделяя его на классы и рассматривая арабов как единое целое. Вот я и затронул данную тему в своем выступлении: «Некоторые тут говорят об арабском народе в целом. Я хотел бы поставить в этой связи такой вопрос: арабский народ, как и все народы, обладает не единой, монолитной, а сложной структурой. Есть арабы-капиталисты, есть арабы-помещики, есть арабы-крестьяне, есть арабы-рабочие. За интересы каких именно арабов борются такие ораторы? Арабы-крестьяне хотят получить помещичью землю, а помещик не хочет отдавать ее; он хочет чтобы крестьяне работали на него и на его земле. Рабочие-арабы трудятся на арабов-капиталистов, а арабы-капиталисты хотят, чтобы арабы-рабочие трудились как можно больше, чтобы как можно длиннее был рабочий день, чтобы трудящиеся получали как можно меньше, но побольше прибыли получали капиталисты. Рабочие-арабы хотят своего: чтобы меньше длился рабочий день и была побольше заработная плата. Так за каких арабов выступают все же такие ораторы? За рабочих и крестьян? Или за помещиков

и капиталистов?» И другие, элементарные для марксистов, доводы я приводил тогда. Все они понятны простым людям, все доходчивы. Кому было нужно понять, поняли, что я полемизировал с Арефом.

Конечно, во мне возникли некоторые сомнения: как поймут меня рабочие и служащие на митинге? Среди рабочих плотины абсолютное большинство составляли неграмотные, которых воспитывали именно в арефовском понимании арабского социализма. Уже это для них стало прогрессом. Всем было понятно, что надо защищать арабов. Ведь много лет Египет оставался под пятой британских колонизаторов, затем арабские народы повели борьбу против Израиля, который захватил их земли. Поэтому у них и выработалось такое понимание дела: когда говорят об интересах арабов, то острие направлено против внешнего врага. Внутренние вопросы классовой борьбы затушевывались или подчас полностью скрывались. Компартии в арабских странах находились в подполье или же были в своем большинстве довольно слабыми. Если обнажить классовый состав арабского общества, то как поймут это рабочие? Выявилось, что египтяне очень внимательно слушали меня, а наш переводчик хорошо переводил мои фразы, и их принимали бурным одобрением. Когда я закончил, слушатели очень страстно проявили это свое отношение к выступлению. Бен Белла остался доволен: «Очень здорово получилось». Насер тоже похвалил.

Думаю, что Насер тут проявлял вежливость, он хвалил меня как хозяин гостя. Но Бен Белла, действительно, понимал все правильно. Он-то и был инициатором дела, толкнувшим меня на выступление, и у меня не возникло сомнений, что он говорил мне именно то, что думал. Вскоре митинг закрылся. Ну, а Ареф? Он тоже все понял. Я считал его ограниченным человеком. Но тут не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, что мое выступление полемизировало именно с его речью. Однако он являлся президентом, и к нему благосклонно относились и Насер, и Бен Белла. Когда я указывал им на его недостатки, они соглашались. Бен Белла высказался довольно откровенно: «Товарищ Хрущев, Ареф идет вместе с нами и никуда от нас не уйдет, останется с нами до конца. Мы должны его поддерживать, потому что пока он не все понимает. Наступит время, и он поймет. Другого-то, лучше него, там пока нет. Он выступает за арабское единство, как он его понимает. Но в любом случае он за единство с нами, и нам не надо его отталкивать, будем его поддерживать. Без него туда придут другие люди, которые станут проводить иную политику». Я ответил: «Действительно, лучше проявить терпение, ничего пока не поделаешь». В сказке о Коньке-горбунке есть такие слова: «Коли глупым ты родился, завсегда отец бранился». Приходится иметь дело с таким человеком, каков он есть. И мы тогда втроем договорились более терпимо относиться к Арефу. Я успокоил Насера и Бен Беллу, сказав, что согласен с ними, что не надо делать булавочных уколов, которые могли бы Арефа раздражать или охлаждать; что, наоборот, мы станем его поддерживать.

Когда я возвратился в Москву, то мы и у себя, обменявшись мнениями, решили последовать совету Бен Беллы. Передали нашей печати и братским компартиям, что следует избрать такую тактику, которая толкала бы Арефа в правильном направлении и одновременно считалась с его сегодняшними взглядами. Это была не принципиальная уступка с нашей стороны, а наоборот, попытка мобилизовать силы. А на митинге в Асуане советские люди, которые знали арабский язык, рассказывали мне: «Арабы очень внимательно слушали и исключительно хорошо восприняли Ваше выступление». Какой-то наш специалист ездил с арабским шофером. Этот шофер, сидя в машине, слушал все речи, в том числе и обе мои, и высказался: «Я впервые в жизни встретил такое толкование арабского единства. Сказано было откровенно и очень правильно. Действительно, и мы, арабы, имеем разные интересы». То классовое расчленение, о котором я говорил там довольно резко, для нас азбучно, а для арабов — нечто новое. Никто у них так вопрос не ставил, особенно из руководящих кадров. Наверное, так говорили коммунисты, но они были в подполье. Они в народной толпе еще не имели массы последователей. Марксистские идеи не выплескивались на

простых людей. И я остался доволен тем, что смог посеять семена правильного понимания структуры общества: что оно является классовым и что классы имеют свои интересы, которые противоречат друг другу.

Согласно плану пребывания в гостях у Насера, была предусмотрена поездка на Красное море. Там нас ждали корабли, на которых мы будем жить несколько дней. Насер говорил, что любители ловить рыбу могут делать это, там рыбы много, а мы пока побеседуем между собой и проведем общую беседу с представителями других арабских государств. Повторюсь, что присутствовали представители Йемена, Алжира и Ирака. Сирия после разрыва союза с Египтом не хотела присутствовать. Поехали мы на море. На кораблях оказалось немного свежее, чем в песках Асуана. На морском воздухе все-таки дышалось легче. Рыболовы принялись за свою забаву, а представители государств провели встречи с беседами. Беседы были полезны: они уточняли и выясняли наши точки зрения.

При обмене мнениями мы находили больше точек соприкосновения и больше взаимопонимания, нежели вопросов, которые еще требовали доработки и созревания: вопросы международного характера, внутреннего строительства, единства тех стран, которые стоят на позициях борьбы с колониализмом, неоколониализмом и за мирное сосуществование. Главная проблема внутреннего характера — о путях развития: какой путь избрать — буржуазный или социалистический? Насер выступал за путь научного социализма. Если же Ареф говорил об арабском социализме, так это не потому, что он противопоставлял свою точку зрения точке зрения Насера. Нет, Насер являлся для него абсолютным авторитетом. Просто то, что стало ясно Насеру, еще не дозрело в голове Арефа.

Я не говорю о Бен Белле, который из них ближе всех стоял к нам, марксистам. Хотя он не высказывался открыто за марксизм-ленинизм, но фактически в своей деятельности руководствовался этим учением, однако знал, что должен как-то дать своему народу созреть, подойти к правильному пониманию марксистско-ленинского учения. Нельзя отрываться от собственного народа, чтобы не противопоставить себя ему и не позволить классовым врагам использовать невежество неграмотных людей. Сейчас не знаю, в каком положении находится Бен Белла. Когда его свергли (я узнал об этом из газет), то посчитал, что произошла большая потеря для стран социализма и коммунистического движения. Я полагал, что в потенции он коммунист. Политика, которую он проводил, стратегически не противоречила коммунистической. Тактически же он вел ее разумно.

Красное море — теплое море, но я не купался. Другие наши товарищи купались там и ловили рыбу. Внешне, по берегам, это море похоже на Каспийское и так же окружено песками. Вид и со стороны берегов, и с моря довольно унылый: пустыня и барханы. Пришло нам время покинуть море и снова прилететь в Асуан. Оттуда мы продолжили свой путь по Египту: посетили одну из древних столиц Египетского царства Луксор, — с богатейшими историческими памятниками, которые теперь срочно требовалось спасать, потому что их затопляла вода нового водохранилища. Пребывание там было кратким, но насыщенным. Вид на Нил с борта самолета таков: тянется река узкой полоской, вид довольно грустный, только на небольшом пространстве вправо или влево от Нила можно увидеть зеленую растительность, все остальное — безжизненная пустыня. Это и из географии известно, но тут возникает особое ощущение, когда пустыню наблюдаешь с воздуха: вот она, рукой подать, полоска зелени, край жизни, а дальше безводный простор и смерть.

Когда мы беседовали с Насером и с вице-президентом Амером, они рассказывали мне о воинской подготовке в Египте. Оказывается, они готовили специальные отряды, которые могли бы существовать в пустыне с питанием на подножном корму: ели ящериц, змей и им подобных. Получалось, что и в пустыне человек может продержаться довольно долго, если его хорошо обучить. Иная перспектива расстилалась перед глазами в районе Александрии. Там располагались организации, разрабатывавшие проекты освоения плодородных земель, возникающих в результате созда-

ния Асуанской плотины. Это огромные площади. Добавлялась целая треть к уже освоенным землям. Для Египта очень весомо! Ведь надо помнить, что тут поливные земли высокой ценности. Урожай снимают дважды, а по некоторым культурам и трижды в год.

Собственно говоря, что такое --- год? У них чередуются периоды тепла и безморозного холода. Вообще-то там холода не бывает. Зато земля там в столь большой цене, что Асуанская плотина приобрела небывалое значение для египетского народа. Расширились посевные площади, создавались лучшие условия обеспечения страны продовольствием и техническими культурами вроде хлопка. Когда мы осматривали окрестности Александрии и ехали с Насером в одной машине, ему вдруг стало дурно, глаза у него закатились, он откинулся на спинку сиденья. Остановили машину. У меня это вызвало большую тревогу. Когда ему стало лучше, он сказал, что плохо себя чувствует, испытывает головокружение и ехать дальше не может. Извинился, пересел в другую машину и вернулся в Александрию. Нам же с Амером предложил, чтобы мы продолжили прежний маршрут.

Там мы попали в какой-то район со множеством планировщиков и архитекторов, которые разрабатывали план застройки новых населенных пунктов. Принцип у них действовал такой: идти по старой дорожке. То есть землю, которую они получают в результате сооружения Асуанской плотины, нарезать участками мелким хозяевам и вести дело с той же техникой, что существует сейчас и существовала тысячи лет назад. Ходит буйвол, за ним погонщик. Животное крутит колесо, оно вычерпывает воду и по желобам подает на рисовые поля. Точнее — на маленькие клочки земли. Встречались и такие миниатюрные хозяйства, которые человек поливал вообще вручную. И постройки там соответственные. Зрелище ужасное, люди живут буквально в норах, как сурки. В результате нищенского положения в деревнях Насер даже не предложил мне заехать в какой-нибудь населенный пункт для осмотра хозяйства. Мы в основном ехали по дороге, и мне показывали: а вон там живут люди. Всюду встречалась масса обездоленных. Непрогрессивное начало освоения новых площадей было заложено уже в самой основе. Но я не высказывал своих впечатлений, а слушал и смотрел. Однако когда слушаешь и смотришь, то сравниваешь.

И я сравнивал с нашими среднеазиатскими республиками. Налицо — большое сходство в условиях ведения сельского хозяйства. Поливное, как на Ниле, хозяйство имеет место и в Узбекистане, и в Туркменистане, и в Таджикистане. Там тоже живут, главным образом, на поливных землях. Без полива ничего не получишь. Имею в виду их главные культуры: хлопок, рис, фрукты. Если убрать полив, все опять превратится в пустыню. У нас велись широким фронтом механизированные работы по нивелировке площадей и прокладке каналов. А в Египте все это было им недоступно и неизвестно, не говоря уже о нашем размахе. И когда я увидел, как они думают осваивать свои земли, то стал критически относиться к их планам. Долго колебался: стоит ли высказать Насеру свои сомнения? Не хотел дать повод подумать, что я толкаю их на какие-то радикальные меры вроде коллективизации или других крупных форм ведения сельского хозяйства.

Вернулись в Александрию, где жили несколько дней. Обедали в отведенном мне дворце, роскошных палатах. Вечером Насер пригласил меня к себе на, выражаясь по-нашему, дачу. Довольно-таки приличную и большую. Он имел возможность в дачном зале принимать добрый десяток лиц. Там мы и собрались, но без Амера. Тут я все-таки не утерпел. Как гласит поговорка, «не терпится мастеровому». Меня гнодала внутренняя потребность высказать свои соображения, объяснив ему, что мои слова ни в какой степени не являются рекомендациями и никого ни к чему не обязывают. Когда мы оставались наедине, я ему говорил «товарищ». «Товарищ Насер, у меня возникли некоторые мысли, только я колеблюсь, говорить Вам о них или же нет». Он глядел вопросительно своими ясными глазами с подкупающим, теплым, человеческим выражением лица. Он мне очень нравился, да и сейчас я испытываю к нему большую симпатию. «О чем же Вы думали?» Я ему: «О землях, которые в стране готовятся к освоению. Хотел спросить:

как думаете их освоить?». «Разделим их. У нас много безземельных людей, нужда колоссальная».

Это для меня не ново. Я хорошо знал, что у них больше рабочих рук, чем неба, а тем более земли. Крестьяне нуждались в увеличении своих наделов; многие просто ждали, когда получат землю в результате возведения Асуанской плотины. Отвечаю: «Конечно, это большое дело, богатство страны возрастет. Но Вы разрешите мне высказать свои соображения? И прошу заранее, поймите правильно и не обижайтесь, что, мол, гость ведет себя навязчиво. То, что я скажу, ни к чему не обязывает. Ваше дело, как в дальнейшем Вы станете относиться к тому, что я высказал». «Пожалуйста, я Вас слушаю». «Я бы на Вашем месте не дробил землю, а создал государственные хозяйства вроде тех, которые мы в советских условиях называем совхозами, то есть государственные сельскохозяйственные предприятия. У нас имеется большой опыт. В Узбекистане, Туркмении, Таджикистане мы тоже создали такие хозяйства. Поэтому имеем возможность заключить, какова рентабельность, как окупаются вложенные в них средства». Тут я по памяти оперировал далее укрупненными цифрами.

«Расскажу, как делают у нас. Сейчас мы как раз ведем большие работы в Голодной степи. Там вопрос освоения земель зависит только от капиталовложений и количества воды. Мы отказались создавать на этих землях колхозы и сразу создаем совхозы, строим поселки городского типа со всеми коммунальными удобствами и службами — школами, детскими яслями, детскими садами. Одним словом, возводим все, что нужно для живущих там и работающих людей. Это требует, конечно, больших капиталовложений. Но опыт, который мы имеем, показывает, что достаточно трех хороших урожаев, чтобы окупить затраты. А хорошие урожаи на поливных землях зависят только от качества их обработки и от умения обрабатывать землю. Можно получать, как минимум, 30 центнеров хлопка с гектара, а можно и больше. Лучшие хозяйства у нас получают больше. Если оценить урожаи не в сырцовом хлопке, а в изделиях из него, то, как сообщают наши экономисты, капиталовложения окупаются буквально за полтора — два с половиной урожая на новых землях. Пусть у Вас получится — за четыре. Все равно, за четыре года Вы окупите все капиталовложения и начнете получать огромные накопления. Если бы вы создали госхозы, получился бы буквально печатный станок, который бы печатал Вам деньги. Кроме того, Вы создали бы рабочие места для большой группы населения, привлеки ее в качестве рабочей силы для госхозов. Повысили бы и ее культуру, и ее квалификацию. Ее заработок оказался бы тоже на должном уровне. Завертелась бы работа не так, как сейчас, когда осел крутит колесо и поливает уголья. Вы не обижайтесь, я видел такое еще в учебнике о Египте старого времени. Там на картинках был изображен этот же способ орошения».

Отношения у нас с Насером были хорошие, и я позволял себе допускать вольности, считая, что он все правильно поймет и не обидится. «Это способ полива, какой был в Египте при Рамсесе I. А теперь такой же при Насере I. Прошли целые тысячелетия. И что изменилось? Ничего. Потому что в основе лежит мелкое хозяйство при отсутствии техники. На маленьком кусочке земли человек не может поставить насос, не может применить хлопкоуборочную машину, сеялку. Туда даже засхать нельзя и развернуться негде, все вытопчется. Поэтому я считаю, что Вы закладываете непрогрессивные условия ведения сельского хозяйства. Если Вы разделите и раздадите всю новую землю, то крестьянин, конечно, станет Вас боготворить за доброе дело, но Вы не сможете применить технику. И заложите сразу то, из-за чего превратитесь буквально в раба своей земли, где все основывается на ручном труде. Лишите себя доходов, не сможете распоряжаться теми доходами, которые будут получать крестьяне, должны будете пользоваться системой налогов».

Малая производительность труда, в результате — малые доходы для государства, следовательно, малые доходы и для народа. Если бы вы согласились с моей точкой зрения, то Вам надо только снарядить авторитетную правительственную делегацию, которая приедет к нам

в Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и посмотрит на наши новые хозяйства, увидит наши проекты, нашу технику, сооружения по распределению воды и прочее. Там все сделано на современном уровне. Эффективно работают все хозяйства, где сидят разумные руководители. Теперь можете поступить так: Вы меня не слышали, я Вам ничего не говорил, никто и ни перед кем ничем не обязан».

Он внимательно выслушал меня и сказал: «Нам это не подойдет. Во-первых, у нас нет кадров. Во-вторых, такая коррупция, что установить контроль будет невозможно. Хозяйства станут убыточными». «Дело Ваше. Я высказал только свои соображения, а Вам решать, Вы лучше знаете свою страну и свой народ. Как Вы решите, это меня не касается и не обижает. Вы лучше знаете, что здесь полезно, а что вредно. А насчет того, что нет кадров, и насчет коррупции — пустяки. У нас тоже воруют. И у вас будут воровать. Но даже при ворах, которые неизбежны, раз есть возможность сбывать товар и получать дополнительные доходы, Вы будете извлекать больше пользы для народа и для своего бюджета. Повторяю, возникнет монетный двор. Вы получите миллионы и миллионы.

А кадры возьмите из армии. Пошлите часть офицеров в Советский Союз, они поработают год — два, а пока Вы подготовитесь к приему большой воды от Асуанской плотины, у Вас появятся обученные кадры. Они получают теоретические агрономические знания и пройдут практическую школу. Можно обучить и рабочих-трактористов, которые научатся водить тракторы, управлять сеялками и хлопкоуборочными комбайнами. Мы можем предоставить свой полигон, чтобы Вы могли там обучать своих людей. Это дело постепенное и наживное. Сразу и у Вас, видимо, не пойдет. Ну и что же? Опыт досоветского времени ничем не отличается от опыта феллахов, которые на буйволах посредством крутки поливают воду. Узбеки, таджики и туркмены пользовались таким же способом. Когда же мы приступили к строительству крупных колхозов и совхозов, появилась другая организация работ, другие поля, другие способы полива.

Раньше мы осуществляли нивелировку площадей, выравнивая их, и строили земляные каналы. Это приводило к сильной утечке воды. Складывалось нерентабельное хозяйство, требовались большие работы по исправлению ирригационной системы, каждый сезон ремонтировались каналы, восстанавливались земляные насыпи. Но когда я был во Франции и слетал к границе Испании, то увидел там орошаемое хозяйство, которое меня очаровало. Там сделали железобетонные лотки, разводящие воду. Нет утечки воды, не надо делать насыпи, что очень трудоемко. Нивелировка для распределения воды тоже упрощается. Лотки стоят на подставках, остается только придать нужный наклон и рассчитать, сколько и из какой точки подать воды и в какое время. Все это поддается расчету. Изготовление лотков механизировано, налажен монтаж. Мы послали туда своих инженеров, они воспользовались любезностью французов и изучили их опыт. Сейчас мы его применяем у себя. Считаю, что эта система очень эффективна и легко может быть внедрена в египетских условиях.

Многое другое египтяне смогут тоже увидеть, если приедут к нам. Они поднимут бухгалтерские книги, весь учет — к их услугам. Все сумеете проверить на полях и потом взвесить, выгодно это или нет. Если выгодно, то делайте. Если нет, отбросьте. Но то, что невыгодно нам, я бы никогда не посмел советовать другим. Кооперативный план был предложен Лениным и потом подтвержден жизнью. Там, где проводилось кооперирование крестьян и разумно создавались совхозы на деловой основе, с подбором хороших кадров, они себя оправдали. А сколько у нас разворовывалось? Сколько у нас убыточных совхозов? Сколько загубленных колхозов? Сколько было погублено людей в результате бестолкового проведения коллективизации? Но это уже другой вопрос, вопрос истории и анализа допущенных ошибок или извращений при кооперировании. Он к вам не относится. Вы сейчас возьмете сразу все лучшее, что накоплено опытом советского народа». Тут Насер стал более внимательно слушать меня и задавать разные вопросы. Он сказал: «В такое-то время я за Вами заеду, поедем

к нам, там соберется все египетское руководство, мы побеседуем». «Пожалуйста, я пообедаю и буду Вас ждать».

В Египте пребывание было приятно мне и тем, что мусульмане не пьют спиртного, хотя не все верующие придерживаются рекомендаций пророка. В Египте и на обедах, и на торжествах, и в семейных условиях мы пили только соки, причем замечательные и разнообразные, из различных фруктов, приятные и утоляющие жажду. При тамошней жаре это единственное спасение. Хочу выразить признательность пророку, который рекомендовал не пить спиртных напитков. У меня стал многолетней привычкой режим, при котором мне на обед хватало 20 минут. Когда я обедал один, то никогда не пользовался спиртными напитками, даже в годы юности. Вот пообедал и опять готов вступить в строй... Дождался я назначенного часа, приехал Насер вместе с Амером. Как-то Насер сказал мне один на один: «Товарищ Хрущев, я и Амер — одно лицо. Что можно говорить мне, говорите и Амеру, что Амеру, то и мне. Мы близкие друзья». Я это видел воочию. Они даже жили рядом. И их семьи были тоже, как одна семья. И дети их дружили между собой. Я радовался, что два таких друга являются ведущими лидерами в новом деле переустройства египетской экономики и политики.

Когда мы уселись в машину, Насер улыбнулся и сказал: «Товарищ Хрущев, я подумал о нашем разговоре и рассказал Амеру. Мы обменялись мнениями, и хочу сказать, что Вы сделали очень соблазнительное, заманчивое для нас предложение». Тут вступил в разговор Амер: «Я считаю, что именно таким путем надо организовывать хозяйство. Это единственно прогрессивный путь». Я ему: «Если Вы считаете мое предложение прогрессивным и если оно полезно Египту, то я буду рад, испытывая моральное удовлетворение, что в какой-то степени оправдал затраты на поездку к вам, присоветовал доброе дело. Это буквально историческое дело! Если у вас сейчас заложат мелкое, частное поливное хозяйство, то Египту не совершить революции в сельском хозяйстве. Ваши владеющие землей крестьяне ведут хозяйство технически примитивно. Перестройте и укрупните хозяйства, объедините их.

Я-то знаю, чего стоит провести коллективизацию. Потребуется невероятные усилия. Зато если создать на новых землях совхозы и они станут хорошим примером, то на каком-то этапе будет возможно приступить к перестройке частных мелких хозяйств. Последнее я сейчас и не упоминаю, потому что коллективизация сопряжена с невероятными трудностями. Вам будет еще сложнее, чем нам. Поэтому правильнее установить на новых землях тот порядок, который вы сами считаете разумным. Если же повторять то, что сложилось исторически, то сами себя накажете, лишите возможности иметь резервы капитала в интересах государства для развития сельского хозяйства, тяжелой промышленности, промышленности средств производства и средств потребления». Оба слушателя признали сказанное справедливым.

Потом в Александрии Насер проинформировал собравшихся о нашей беседе и стал доказывать, что если провести мои мысли в жизнь, то будет оказана большая помощь Египту, а развитие сельского хозяйства пойдет в правильном направлении. Возникнет возможность организовать производство на высоком уровне, с применением современной техники и минеральных удобрений. Причем я видел, что он не повторяет буквально мои слова, а говорит с личной убежденностью в том, что это единственно правильный путь и им надо воспользоваться. Для достройки Асуанской плотины потребуются еще годы, но и для подготовительных работ по освоению новых земель тоже потребуются годы. Все совпадает.

Тут же они начали обсуждать конкретные вопросы: кого послать во главе делегации в Узбекистан, чтобы на месте изучить опыт, который следует перенести на новые земли? Главой делегации назвали премьер-министра Али Сабри. Он являлся ближайшим другом Насера, они были знакомы еще до переворота. Вместе с ним решили направить к нам агрономов, бухгалтеров и других, кто разобрался бы в экономическом эффекте

государственных хозяйств. Договорились все взвесить и подсчитать, чтобы решение было принято не на основе интуиции, а после глубокой технической и экономической проработки. Никакого скептицизма я не заметил. Может быть, кое-кто и выражал сомнения в глубине души, но открытых таких высказываний не было.

Почему я полагаю, что «может быть»? Ведь какая это ломка для хозяйственного уклада, сложившегося тысячелетиями! Надо также иметь в виду, какие надежды возлагал простой народ на получение земли после постройки плотины. Вода — источник существования людей. Заранее велась пропаганда, была создана республиканская организация, которая конкретно занималась разработкой дела, вовлекала в нее массу людей, причем самых активных: архитекторов, агрономов, экономистов. Не такое это легкое дело сразу повернуть на 180 градусов от индивидуального раздела по клочкам земли и стать на путь обобществления. Там, правда, не получалось обобществления, потому что земля сразу являлась государственной. Но все равно большая ломка, в какой-то степени принятие социалистической системы хозяйства. Не все люди в их руководстве были подготовлены для такого шага. Так что сомнения законны. Но надо бы проявить терпение, разъяснить людям экономическую выгоду. Прежде всего именно экономическую выгоду. Но она повлечет за собой и политическую ломку.

Уже после того, как я перешел на пенсию, то из газет узнал, что египетская делегация приехала в Советский Союз, возглавлял ее премьер-министр. Мне было приятно читать, что мой совет действовал и после того, как я перестал занимать высокое положение. Это свидетельствовало о том, что Насер лично убедился в правильности моего совета. Как дальше станет развиваться хозяйство на новых землях в Египте, не могу сказать. Из наших газет я ничего не смог выудить. В сообщениях нашей печати вообще разобраться невозможно. Я только читал подтверждение того, что в результате ввода Асуанской плотины получен способ увеличить обрабатываемые земли дополнительно на треть, так что цифра о количестве приращиваемых земель подтвердилась, но организационные формы их использования мне неизвестны.

Еще когда мы обсуждали в Египте сельскохозяйственные проблемы, у нас родилась мысль — создать там образцовое хозяйство на каком-то количестве гектаров, укомплектовать его современной техникой, дать ему техническое и агрономическое руководство. Такое хозяйство будет служить конкретным примером социалистического образа ведения дел в условиях Египта. Не помню, на какой конкретной площади рекомендовалось создать такое хозяйство, но для СССР это была бы сильная экономическая помощь. Мы составили свои предложения и послали их оттуда в Москву, разъяснив, чем они вызваны. Сказали, чтобы у нас обсудили этот вопрос и подготовили решение. Такие же показательные совхозы за наш счет мы организовали в Китае и Индии. В Индии они сыграли особенно большую роль в пропаганде нашей техники и социалистического способа производства. Там возникло крупное хозяйство. Индийцы сами постепенно расширили и стали обучать свои кадры на новой основе. Правда, в капиталистических условиях оно оставалось капиталистическим предприятием, потому что основные средства производства находились в частных руках. Но, во всяком случае, мы продемонстрировали прогрессивное направление обработки земли. И в Индии, и в Египте земля обрабатывалась деревянной сохой, крестьянин лазил в грязи. Сейчас в ряде мест это можно увидеть уже только на картинках. Для людей старшего поколения есть что и с чем сравнивать.

Когда из Москвы был быстро получен ответ и мы сообщили руководству Египта о нашем даре, Насер расплылся в улыбке, глаза у него засверкали от удовольствия. Но потом я оказался не у дел, и осуществлять конкретное наблюдение за реализацией этой идеи мне уже не довелось. До меня доходили слухи, что некоторые люди доньше не понимают значения нашего примера, конкретной помощи странам, приглядывающимся к социалистическому порядку ведения хозяйства. Оказание помощи — это не только внедрение социалистических начал, что тоже имеет большое значе-

ние, но и конкретная помощь нашим друзьям, которые видят, что социалистические страны не только на словах, но и на деле помогают слаборазвитым странам скорее поднять свою экономику и жизненный уровень. Порою говорят, что, мол, Хрущев поехал туда, всех одарил, разбазаривает государственные средства. Думаю, что такие рассуждения исходят от людей, которые сами же и принимали эти решения, потому что я единолично, без разрешения правительства и ЦК партии, ничего не делал и сделать не мог. Вонючий слухок нущен же в конъюнктурных целях. Или проявляется недопонимание важного политического акта. Но так как на сей крючок могут попасться люди с ограниченным политическим развитием, хотел бы высказать по этому поводу свои соображения.

Безвозмездная дарственная помощь другим странам имеет довольно большие последствия, и не только политические, когда мы приобретаем друзей, а и материальные. Вспоминаю, как мы впервые побывали в Афганистане по приглашению его короля и правительства. Возглавлял нашу делегацию Булганин. Беседуя, мы почувствовали озабоченность короля отсталостью своей страны в культуре и в экономике. Афганцы метались, ища выход. Мы видели, как американцы «ухаживали» за Афганистаном. США — богатая страна, имеет возможность вложить свои средства в такие отрасли и сооружения, которые очень наглядны и эффективны. Эффективны не только в экономическом, но и в политическом отношении.

В то время США обкладывали нас своими военными базами, создали военную организацию СЕАТО, в которую вошел Пакистан. Индия в нее не вошла, поэтому янки обхаживали и Индию, где имеются довольно сильные консервативные элементы, выступавшие против Советского Союза. Но правительство Индии возглавлял прогрессивный политик, покойный ныне Неру, который твердо стоял на позициях неприсоединения к военным блокам. В Афганистане янки брались проводить дорожные работы за свой счет. Что за этим кроется? Конечно, не благотворительная цель, не сочувствие нуждающимся людям, не желание оказать помощь бедному. Так почти не бывало и редко бывает. Используя тяжелое экономическое положение страны и оказав ей эффективную помощь, США желали навязать свои политические условия. Даже не прикрываясь фиговым листком, намеревались создать там ракетную базу. Представьте себе, что США сумели бы навязать Афганистану свои условия экономической помощи, взамен получив согласие на создание военной базы...

Мы со своей стороны тоже предложили Афганистану помощь, одновременно с США. Выделили ему какую-то сумму в валюте, хотя ее у нас было и не так уж много. Но хотели показать свое расположение к Афганистану. Важно, чтобы Афганистан учел наши интересы и не разрешил США использовать свою территорию для создания военных баз. Но афганцы вежливо поблагодарили нас и отказались. Мы были и удивлены, и огорчены. Что это значит? Они же наши соседи. Почему отказались? Король нам ничего не объяснял. Но я думаю, что он не хотел получать безвозмездную помощь, чтобы не связывать себе руки. Мог подумать, что Советский Союз захочет вслед за своей помощью внедриться в Афганистан, сначала пришлет своих людей вроде специалистов, потом придут пропагандисты. Жди переворота или каких-то других акций, направленных против существующего правительства. Мы проглотили эту пилюлю. Вот вам конкретный пример того, что безвозмездная помощь имеет не только экономическое, но и политическое значение, хотя мы старались внедрить в сознание руководителей Афганистана, что не преследуем политических целей.

Шло время. Оно само проверяло нашу политику на конкретных фактах. Приехали в Афганистан наши специалисты, занимались они непосредственно делом, которое им было поручено — техническими и экономическими вопросами. Складывалось и укреплялось доверие к ним. Поняв, что наши представители не ведут пропаганды, афганцы стали сами проявлять интерес и обращаться к нам с просьбами. Мы построили им хлебозавод, аэродром, учебное заведение, взялись строить дорогу от нашей границы до Кабула. Она имела большое политическое и стратегическое значение, проходя не-

вдалеке от афганских границ. По мере наших сил и возможностей и далее мы продолжали помогать Афганистану. Конечно, мы несли материальные издержки.

Капиталы, которые мы отдавали Афганистану, для нас не были лишними. Мы нашли бы им применение и в своей стране. Поэтому кое-кто может сказать, что это был неразумный поступок. Но он неразумен только с точки зрения неразумных людей. Если бы Афганистан не стал нашим другом и туда внедрились бы американцы, что получилось бы? Они поставили бы там базу! Сколько затем нам потребовалось бы капиталовложений для своих контрбаз в Средней Азии?! То, что мы потратили на безвозмездную помощь Афганистану, капля в море по сравнению с этими затратами. Вот как надо рассматривать безвозмездную материальную помощь! Вот на что идут средства, которые мы отрываем от своих нужд и отдаем соседям, чтобы расположить их к себе и укрепить добрые взаимоотношения.

Так что надо смотреть, как говорил Козьма Прутков, в корень. Исходя из сугубо внешних впечатлений о деле, можно обвинить правительство в разбазаривании народных средств. А если посмотреть в корень, то получится в конечном счете экономия народных средств. Нет таких средств, которые оказались бы слишком велики для завоевания дружбы соседних народов. Самое ценное, если сосед относится к соседу с доверием и не разрешает врагам своего соседа создавать военные базы на его территории. Вот как надо это понимать. В меньшей степени мы готовы были пойти тогда на такие затраты и для Ирана. Но тут мы получили информацию, что Иран поддался уговорам США. Мы чувствовали, что в Иране колеблются. Приезжал к нам их шах-ин-шах. Он произвел впечатление умного человека, волевого и властного, знающего, чего хочет. У нас имелись спорные пограничные вопросы, не существовало твердой границы, зафиксированной в договорах. Разграничительная линия не удовлетворяла ни ту, ни другую сторону. Эти вопросы мы быстро решили во время визита шаха. Тогда же подняли вопрос о сооружении плотин на пограничной реке при взаимном разделении затрат, что было бы полезно и для Ирана, и для Советского Союза. Уже находясь на пенсии, я узнал, что такой договор в конце концов заключен. Иран, наконец, понял взаимную экономическую и политическую выгоду. Мы очень не хотели, чтобы Иран стал плацдармом США против СССР, и поэтому во время переговоров и в переписке с шахом критиковали его за то, что он предоставил военные базы самолетам США. Хотя шах-ин-шах заверял нас, что такого договора у них нет, мы относились к его словам с недоверием. А недоверие, в свою очередь, порождало большие затраты для укрепления нашей границы.

А если бы Египет стал плацдармом США? В то время они уже имели там свою военную базу. После революционного переворота египтяне требовали ее ликвидации. Руководство Египта понимает, что такая политика пойдет во вред египетскому народу, и отказалось идти в фарватере империалистических стран, хочет проводить независимую политику, политику неприсоединения к блокам. Этот термин придуман в Югославии и имеет свой смысл. Я предпочитаю иметь в мире больше стран, не присоединившихся к блокам, чем стран в составе военных блоков, направленных против СССР. Сейчас у нас существуют дружеские отношения с арабскими странами, и не только с Египтом. Это нам очень выгодно. Материальные затраты на наш дар — капля в море при наличии тех материальных ресурсов, которые Советский Союз затрачивает на оборону. Чем больше друзей будет на наших границах, тем лучше. Если они проводят политику мирного сосуществования и не позволяют империалистическим странам создавать на своих территориях военные базы, направленные против социалистических стран, то тут и дураку понятно, что наши затраты окупаются сторицей и материально, и политически.

В случае военного конфликта глупая экономия может обернуться большой кровью. Если разразится военная катастрофа, то мы заплатим именно кровью за былую ограниченность. Вот чем я руководствовался, когда предлагал преподнести в дар дружественному египетскому народу

оборудование для сельскохозяйственного производства. У русского народа сложилась хорошая традиция, я помню ее с детства. Бывало, если хозяйка идет в гости в другую деревню, то она никогда не пойдет с пустыми руками, обязательно завяжет в узелок лепешку, пирог или яичек. У нас в Курской губернии больше пекли пироги. Это очень хорошая традиция. Так и тут. Речь шла не о разбазаривании, а, наоборот, о сбережении наших средств. Конечно, все надо делать с умом и знать меру, иначе за счет раздачи народных средств можно прослыть добреньким дядюшкой. Считаю, что наша политика была разумной и полностью окупилась.

Во время пребывания в Египте мы обсуждали и военные проблемы. Я сам не разговаривал с военными. Военные училища и военные объекты посещал Гречко. А я военных баз не посещал, чтобы это не явилось плохой демонстрацией. Зачем дразнить гусей? Египтяне просили о помощи, чтобы мы дали им современное оружие в большом количестве и на льготных условиях. О безвозмездных поставках речи не велось, хотя и такие пожелания нам можно было бы оправдать. В принципе договорились о поставках нашего вооружения на льготных условиях. Тут во время переговоров я выступал в роли скряги, не откликался на все их просьбы. «Мы же к войне против агрессора готовимся,— упрекал Насер меня. И в ваших интересах защитить Египет, сохранить его таким, какой он есть». Да, это разумно.

Мы все же дали Египту ракетные и торпедные катера, согласились продать им самолеты МИГ-21 (раньше мы МИГ-21 не продавали). Договорились и о другом вооружении, самом передовом. Конечно, оно было передовым тогда, но вооружение быстро меняется. Что сегодня передовое, завтра оказывается устаревшим. Ведь научная конструкторская мысль работает непрерывно, обновляет и совершенствует средства уничтожения человека. Люди и на той, и на другой стороне делают все, чтобы усовершенствовать средства самоистребления. А это воистину самоистребление: мы стоим стеной против НАТО, НАТО против нас. И социалистические страны вынуждены тратить на оборону средства, не приносящие дивидендов для экономики. Пока существуют две антагонистические системы, капиталистическая и социалистическая, это, вероятно, неизбежно.

При переговорах там по военным проблемам я вновь страдал только от одного — от жары. Нам, людям сравнительного Севера, попавшим в их климатическую среду, без привычки трудно даже спать. Но такой климат является и предпосылкой богатства. Когда в детстве я изучал в церковно-приходской школе Закон Божий, в той книге говорилось о рае. Если исходить из ее картинок и из рассказов попа, создавалось впечатление, что в Египте или в Индонезии находится земной рай. Это впечатление складывается от богатства природы: разнообразной зелени, необычайных птиц. Все вокруг сказочно и необычайно красиво. Понравилось нам в Египте и зрелище, открывающееся глазам с вышки, сооруженной для обозрения Каира. Наверху там площадка с вращающимся рестораном. Можно пить кофе и обозревать окрестности. Я впервые посетил такое техническое сооружение. Позже побывал на Останкинской башне, любовался Москвой и ее окрестностями. Тоже очень впечатляющее зрелище.

Еще одно, так сказать, попутное замечание. В Египет мы следовали на корабле. Прошли Босфор, Дарданеллы, прошли мимо греческих островов. Когда проплывали возле Стамбула и других турецких городов, то вспоминали, как Ленин установил с Турцией добрые отношения, которые после второй мировой войны испортил Сталин. Он повел непродуманную политику в отношении Турции и через грузинскую печать предъявил ей территориальные претензии. Турция шарахнулась от нас и попала в объятия США, предоставила им свою территорию для военных баз. Это нам дорого обошлось, да и сейчас стоит немало. Вот еще один результат неразумного правления Сталина. Только теперь мы вновь начали налаживать с Турцией добрые отношения, и я вижу, как уменьшается недоверие и укрепляется дружба. Это полезно и для Турции, и для Советского Союза.

(Продолжение следует)

Российская монархия, реформы и революция

А. А. Искендеров

Глава четвертая. *Трудные судьбы российских реформ и горькая участь реформаторов*

В XX столетие Россия вступала с ясным осознанием необходимости обновления своего общества и государства. На рубеже XIX и XX вв. мало кто из серьезных российских политиков сомневался в необходимости, более того — в назревшей исторической неизбежности глубоких социально-экономических и политических преобразований, которые вывели бы Россию в ряд наиболее развитых стран мира, и не хотел бы лично приобщиться к обновленческому процессу, начало которому было положено еще великими реформами эпохи Александра II. Необходимость реформ диктовалась экономической слабостью России, ее значительным отставанием от передовых индустриальных государств Европы и США, политической нестабильностью в стране. В среде серьезных российских политиков не возникало в ту пору и сколько-нибудь существенных расхождений в оценке состояния государственных дел, особенно в тех областях жизни, которые в первую очередь нуждались в глубоком реформировании. Вместе с тем о целях и характере дальнейших реформ, путях и методах их проведения шли достаточно острые и жаркие споры, в которых сталкивались неоднозначные, порой диаметрально противоположные суждения.

Российские реформы конца XIX — начала XX столетия справедливо связывают с именами двух выдающихся государственных деятелей — Сергея Юльевича Витте и Петра Аркадьевича Столыпина, личный вклад которых в разработку и практическое осуществление программ обновления России был чрезвычайно велик. Это были действительно наиболее яркие звезды на российском политическом небосклоне. И тем не менее, как ни велики их личные заслуги, сводить всю гигантскую работу по переустройству огромной Российской империи только к деятельности этих лиц было бы объективно неверно и исторически несправедливо. И дело не только в том, что рядом с ними находилось немало талантливых людей, искренне заинтересованных в успехе реформ и усердно трудившихся ради этого, но и в том, что многие идеи, получившие в те годы практическое воплощение, зарождались и разрабатывались задолго до того, как эти деятели возглавили реформаторское движение.

Программы реформ, представленные этими двумя политиками, имели много общего как по своему содержанию и социальной направленности, так и по методам и средствам их претворения в жизнь. Налицо была определен-

ная преемственность реформаторской линии развития России, взаимообусловленность и взаимодополняемость данных программ, а это, в свою очередь, свидетельствовало о том, что они объективно отражали состояние экономики и государственных дел и правильно учитывали настрой русского общества, крайнюю остроту политического противостояния различных социальных сил, многочисленных партий и всевозможных организаций. Многие из того, что проводил в жизнь Витте, когда он занимал высокие государственные посты, вызревало в умах его предшественников. Так же и столыпинские реформы вобрали в себя многое из того, что достаточно отчетливо проступало еще в программе Витте.

Однако в подходах этих деятелей к разрешению животрепещущих проблем, негативно влиявших на всю российскую жизнь, вызывавших внутреннюю нестабильность и подрывавших международный авторитет России, в их экономической политике и особенно в практической деятельности легко обнаруживаются и весьма существенные различия. В литературе и на уровне массового сознания довольно прочно утвердилось малообоснованное мнение, будто реформаторство Витте, окрашенное якобы в либеральные тона, имело ярко выраженный прозападный, конституционно-демократический характер, тогда как реформы Столыпина изображались с нарочитым подчеркиванием их консерватизма и даже крайней реакционности.

Столь упрощенный, сколь и прямолинейный подход основывался, разумеется, не на объективном и всестороннем анализе как самих реформ и их социальных последствий, так и политических взглядов и реальных дел самих реформаторов, а на второстепенных, часто малозначимых фактах, субъективных и предвзятых подходах и оценках, связанных, в частности, с их социальным происхождением и национальной принадлежностью, отношением к ним императора и двора или некоторых политических партий и их лидеров и т. д. Витте, в силу его «голландского происхождения» должен был непременно нести на себе черты прозападного деятеля, а его политика ориентирована прежде всего на Запад. Столыпин же, если следовать этой логике, должен был занимать антизападную позицию и выступать в роли некоего «русского националиста», отстаивая русскую идею и русскую исключительность. Так, собственно, и писали некоторые историки. Но в реальной жизни все обстояло значительно сложнее, да и события развивались не столь однозначно и прямолинейно, как казалось этим исследователям.

Витте действительно с большим пониманием относился к западноевропейскому опыту, высоко его оценивал, признавая тот неоспоримый факт, что, как он говорил, «со времени Петра Великого наше культурное развитие шло под сильным влиянием Запада, что и ныне к Западу и его культуре тяготеет большинство нашей интеллигенции». В этом он видел проявление не только и, пожалуй, не столько экономической и культурной отсталости России, сколько присущие всем народам «известные общечеловеческие черты и чувства». А поэтому, утверждал он, «как бы ни была исторически отлична наша среда от среды западной, между нами всегда найдется много поразительных аналогий»¹. Но при этом в главном вопросе, который особенно волновал российскую демократическую общественность и от решения которого в конечном счете зависел успех реформ, а именно в вопросе о введении в России конституции и установлении конституционно-монархического строя, занимал далеко не либеральную позицию. В этом вопросе она практически ничем не отличалась от той, что отстаивали такие откровенно консервативные деятели, как М. Н. Катков, В. К. Плеве, К. П. Победоносцев, П. Н. Дурново.

«Можно верить, что каждое государство в своем политическом развитии,— писал Витте,— неизбежно должно прийти к конституции, как более совершенной форме правления. Можно считать, что правительственная администрация есть несовершенное, неспособное к улучшениям, отживающее средство управления, которое — чем скорее, тем лучше — должно уступить свое поприще другой, молодой, более совершенной

системе самоуправления, и что возможно широким, последовательным и правильным развитием этой последней системы единственно обеспечивается благо народа. Лично я не разделяю такой точки зрения, но я ее понимаю. Если стоять на этой почве, то, имея перед собой пример Запада, нам следует прилагать все усилия к скорейшему и правильному развитию начал самоуправления»². Однако сам он, по его же собственному признанию, придерживался как раз противоположной точки зрения: «Можно верить,— и лично я исповедую это убеждение,— что конституция вообще «великая ложь нашего времени»³ и что, в частности, в России, при ее разноязычности и разноплеменности, эта форма правления неприменима без разложения государственного режима»⁴. Такую позицию никак не назовешь ни либеральной, ни демократической.

Некоторые западные исследователи усматривают различия в программах и государственной деятельности Витте и Столыпина в том, что первый, по их мнению, отдавал предпочтение политическим факторам и в этом видел главное средство преобразования российского общества, в то время как второй шел к той же цели, но применял в основном экономические и социальные методы и средства⁵. В доказательство этого тезиса обычно приводят слова Столыпина, заявившего в своем большом интервью агентству Рейтер 13 июля 1906 г., что в России существует два движения: социальное с аграрным и рабочим вопросом, и политическое. «Первому мы совершенно сочувствуем, со вторым же нужно считаться сообразно с обстоятельствами»⁶. Из этого вовсе не следует, что Столыпин игнорировал или недооценивал политические факторы. Он, пожалуй, был первым среди российских государственных деятелей, кто ясно осознавал необходимость соединения экономических реформ с политическими, сотрудничества с Государственной думой, чтобы придать своим реформам большую законность и более устойчивый характер. Столыпин ничуть не меньше и не слабее, а, может быть, даже сильнее, чем Витте, ощущал необходимость изменения политического климата в стране ради умиротворения общества. По мысли Столыпина, твердое ведение государственных дел в духе истинного либерализма должно было послужить тем основанием, которое надежно обеспечивало бы умиротворение и создавало нормальные условия для парламентской деятельности⁷. При этом не следует забывать, что оба эти политика, при всей их несхожести, до конца оставались приверженцами монархического строя, верой и правдой служили короне и не допускали мысли, что осуществляемые ими реформы могут хоть в какой-то степени поколебать, а тем более изменить политическую систему российского самодержавия.

Что же составляло существо реформ Витте и Столыпина? Какие идеи они закладывали в свои программы? Что из задуманного ими удалось осуществить, а что так и осталось на бумаге и почему? Эти вопросы, находившиеся в центре внимания российской общественности той поры, не менее оживленно обсуждаются и в наши дни, порождая широкий спектр мнений. Анализируя ход и результаты реформ Витте и Столыпина, многие исследователи, как правило, сосредоточивают свое внимание в первом случае на кредитно-финансовой системе, созданной Витте, а во втором — на земельных отношениях. Это были действительно стержневые линии развития реформ. Но этим не исчерпывалась их сущность. Если не принимать во внимание и должным образом не учитывать политические, духовно-нравственные, культурные, психологические и иные аспекты реформ, а также особенности российских условий, в которых они осуществлялись, то вся картина преобразовательной и обновленческой деятельности обоих реформаторов будет выглядеть неполной, и даже в какой-то мере искаженной. Поэтому принципиально важно, чтобы все направления реформаторского процесса, которые в реальной жизни были тесно связаны между собой и дополняли друг друга, рассматривались не изолированно, а в их единстве и взаимообусловленности.

В основном и главном их программы совпадали, во многом дополняя одна другую. И руководствовались они одной общей идеей, которую

кратко можно определить как стремление в относительно короткие исторические сроки преодолеть экономическое отставание России и вывести ее на уровень наиболее развитых индустриальных государств Европы. Витте полагал, что этого можно достичь за 10 лет. Столыпин рассуждал более трезво и реалистично: он рассчитывал на срок до 20 лет. Хорошо известна его фраза, сказанная в 1909 г. в одном из интервью: «Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России»⁸.

Дело, разумеется, не в сроках, которые Витте и Столыпин определяли своим реформам. Тем более что в те годы назывались куда более осторожные сроки — в 50 и даже 60 лет. Этим двух деятелей различали прежде всего неодинаковые подходы к последовательности этапов, выработке механизма, выбору средств и инструментов для осуществления преобразований. Витте считал стержневым направлением реформ, их основой кардинально измененную и значительно укрепившуюся финансовую систему, рассматривая ее как главное условие успешного реформирования всех остальных сторон государственной жизни. Не случайно он писал в своих воспоминаниях: «Покуда я устраивал финансы империи и не упрочил ее кредит до степени, соответствующей великой державе, на что я употребил одиннадцать лет упорного труда, хотя часто шел против течения и гладил против шерсти, меня переносили; когда увидели, что финансы империи упрочены, а между тем я назвал настоящим именем (ребячеством) дальневосточную авантюру и всячески удерживал от последних приступов этого ребяческого беснования, приведшего к войне, меня от дел уволили»⁹.

Витте и в самом деле удалось осуществить то, чего до него не мог сделать никто, хотя и предпринимались для этого немалые усилия, а именно построить денежное обращение на золотой основе и таким образом значительно укрепить кредитно-финансовую систему страны, превратив российский рубль в твердую валюту, которая вплоть до первой мировой войны высоко котировалась не только в Европе, но и во всем мире. Конечно, нельзя при этом не учитывать, что стабилизация и упрочение российских финансов достигались за счет резкого повышения налогов, особенно косвенных, и что одним из существенных источников поступлений денег в казну служила введенная по настоянию Витте государственная винная монополия.

Доходы от продажи винно-водочных изделий в отдельные годы достигали почти трети всех бюджетных поступлений. В 1902 г. в казну поступило средств на общую сумму в 1905 млн. руб., из них доходы от продажи водки, или питей, как именовались в официальной статистике алкогольные напитки, достигали 523,641 млн. руб., или 27% всех поступлений¹⁰. Только за февраль 1911 г. в России было продано, по официальным данным, 7 494 668 ведер спирта и винно-водочных изделий (в переводе на 40°), что принесло государству доход в 64 046 284 руб., а с начала 1911 г. по 15 мая того же года было продано 15 435 478 ведер спиртного, и доход от винной операции составил 131 818 460 рублей. За тот же период 1912 г. казенная продажа питей несколько снизилась, до 14 806 626 ведер, соответственно сократились и доходы, составившие 126 784 476 рублей¹¹. В 1914 г. из 3,5 млрд. руб. государственного дохода почти миллиард рублей поступил от винной монополии¹². Доходы от продажи водки полностью покрывали расходы на армию.

Проблема «пьяного бюджета» остро волновала российское общество. По этому поводу шли запросы и гневного содержания письма, адресованные правительству, Государственной думе и самому императору. Многие предлагали резко сократить производство и потребление спиртных напитков в стране. С трибуны Государственной думы неоднократно звучали призывы к борьбе с этим злом, которое, как отмечали многие депутаты, в иных местах и в иных случаях принимает характер чуть ли не стихийного бедствия. Раздавались обвинения и в адрес Витте, которого считали едва ли не главным виновником разрушения физического и нравственного здоровья русской нации. В письме на имя царя некий Г. Ф. Паршин из Ростова-на-Дону утверждал, что от пьянства «во всей России разрослось величайшее

зло, настали семейные разлады, раздоры, грабежи, убийства, пошлость, нахальство, грубость, непочет, как к родителям, так и к начальству, а в школах к воспитателям; поголовное пьянство молодого учащегося поколения, а по деревням пьянствуют даже девки и малолетки, да ведь от этого не ждать добра». И за все это он винил Витте, который «до лучшего не додумался, чтобы спаивать народ ядовитым зельем, разорять и довести до забвения, грубости, разбоя и на этом создавать достояние государства»¹³.

Комиссии, создаваемые на разных уровнях, в том числе и Государственной думой, для выработки мер борьбы с пьянством, настаивали на необходимости принятия таких мер, которые «обращали бы внимание руководителей финансовой политики, а также и частных лиц, на приближение момента введения более радикальных мер в интересах народного отрезвления, дабы устранить тем самым поводы и основания к расчетам, исходящим из наблюдавшегося до сих пор роста питейного дела». Вместе с тем почти все комиссии, признавая необходимость решительных и даже радикальных мер, были убеждены в том, что их немедленное осуществление не даст желаемых результатов и может даже «поколебать государственный бюджет и внести замешательство в хозяйственные расчеты заинтересованных кругов»¹⁴.

Несмотря на критику со стороны широкой российской общественности, Витте, учитывая реальное, отнюдь не блестящее состояние финансов, не намерен был отказываться от «пьяного бюджета». При весьма высоких темпах роста промышленного производства, которыми были отмечены два последних десятилетия XIX в., экономическое положение России продолжало оставаться достаточно уязвимым, поскольку сохранялся и довольно значительный разрыв между уровнями промышленного развития России и передовых европейских государств.

В докладной записке Николаю II в феврале 1900 г. Витте, анализируя положение российской промышленности, отмечал, что и в промышленном, и в торговом отношении Россия очень отстала от главнейших зарубежных государств и что несмотря на быстрый рост фабрично-заводского дела, Россия «остается страной по преимуществу земледельческой, а при сложившемся ныне строе политических и экономических международных отношений земледельческая страна, не имеющая своей собственной промышленности, достаточно развитой, чтобы удовлетворять главным потребностям населения продуктами отечественного труда, не может почитать свою мощь непоколебимой; без своей собственной промышленности она не может достигнуть настоящей экономической независимости, а опыт всех народов наглядно показывает, что только хозяйственно самостоятельные народы оказываются в силе проявлять в полной мере и свое политическое могущество». Отсюда следовал вывод: «В настоящее время более широкое и быстрое развитие промышленности становится первостепенной государственной задачей»¹⁵.

В своем подходе к решению этой ключевой задачи Витте исходил из того, что богатство страны, экономическая и в значительной степени ее политическая мощь заключаются в трех главных факторах: природных богатствах, капитале (как материальном, так и интеллектуальном) и труде; эти факторы тесно взаимосвязаны между собой. Из трех факторов лишь первый, по мнению Витте, наличествовал в полной мере, поскольку по своим природным богатствам с Россией мало кто мог сравниться. Что же касается второго фактора, т. е. капиталов, то их явно не хватало. Российская империя, считал Витте, была «весьма слаба капиталами, накопленными ценностями главным образом потому, что она создана непрерывными войнами, не говоря о других причинах». В то же время третий фактор, по его мнению, мог быть успешно задействован, поскольку Россия «может быть весьма сильна трудом физическим по числу жителей и интеллектуальным, так как русский человек даровитый, здравый и богобоязненный»¹⁶.

В докладе царю Витте подчеркивал, что необходимо не только создавать национальную промышленность, нужно параллельно «заставлять ее дешево работать, нужно в возникшей промышленной среде развить более

деятельную и стремительную жизнь,— словом поднять ее, количественно и качественно, на такой высокий уровень, дать ей такую могучую силу, чтобы она была не только питающимся, но и питающим органом отечественного хозяйства»¹⁷. Капиталы, знания и предприимчивость — вот та «животворящая сила», которая, по мнению Витте, может и должна содействовать росту промышленности, придать ей здоровое соперничество и сделать ее вполне независимой.

При этом особое значение он придавал привлечению иностранного капитала, рассматривая это как единственный способ ускоренного развития отечественной промышленности. Не соглашаясь с теми, кто выступал против притока иностранного капитала, который, по мнению критиков, стремится поглотить все доходы развивающейся российской промышленности и ведет к распродаже национальных богатств страны, Витте утверждал, что ограничение притока иностранных капиталов, размеры которого к тому же обыкновенно преувеличиваются, способно лишь отдалить становление в России зрелой и полноценной промышленности. Он писал: «Прилив иностранных капиталов невыгоден прежде всего для тех предпринимателей, для коих невыгодно всякое соперничество вновь учреждаемых предприятий; в этих жалобах сытых, ревниво охраняющих свои монопольные прибыли, участвуют не только отечественные капиталисты, но и иностранные, уже занявшие выгодное место в русской промышленности»¹⁸.

В осуществлении своей промышленной политики Витте исходил из трех основных принципов, которые включали в себя одновременно цель, к которой он стремился, и средства, с помощью которых она достигалась. Он был убежден в том, что в условиях России ускоренного развития промышленности можно добиться лишь с помощью государства, располагающего огромной политической и экономической властью. Речь шла прежде всего о таких мощных рычагах воздействия на всю экономическую ситуацию, как Государственный банк и Министерство финансов, строго контролировавших деятельность коммерческих банков и различных акционерных компаний. Вторым чрезвычайно важным рычагом воздействия государства на ход промышленного развития России служила его политика в отношении иностранных инвестиций, привлечению которых в промышленность и железнодорожное строительство Витте придавал исключительно большое значение. И наконец, важным условием и средством промышленного подъема страны он считал расширение имеющихся и освоение новых внешних рынков для российских промышленных товаров. Взоры Витте были обращены в первую очередь на рынки Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, где Россия, по его убеждению, могла завоевать достаточно прочные позиции.

Отсюда то внимание, которое правительство уделяло постройке железных дорог, и прежде всего сооружению Сибирской железной дороги, открывавшей доступ к портам Тихого океана, а следовательно, и к обширным рынкам на Дальнем Востоке. Начало строительству этой магистрали положил во Владивостоке цесаревич Николай Александрович, когда в мае 1891 г. возвращался из Японии на родину. Через два года Александр III назначил его председателем Комитета по Сибирской железной дороге¹⁹. Витте придавал исключительно большое значение этому строительству, высоко оценивал роль этой магистрали как важного звена всей экономической структуры страны, а также с точки зрения возможного расширения торговых отношений с дальневосточными соседями России, в первую очередь с Китаем.

Указанные меры, равно как и установленная Витте система покровительства и защиты национальной промышленности, в том числе с помощью таможенной политики, способствовали динамичному промышленному развитию страны. Ее рост происходил на благоприятном экономическом фоне, подготовленном промышленным подъемом России в конце XIX века. Достаточно сказать, что за период с 1877 по 1897 г. добыча каменного угля увеличилась в стране с 110 млн. до 684 млн. пудов, нефти — с 13 до 478, выплавка чугуна — с 23 до 113, стали — с 3 до 74, производство железа — с 16 до 30 млн. пудов. Как отмечал Витте,

такое возрастание промышленности за сравнительно короткий срок само по себе представляется весьма значительным. По темпам роста Россия находилась тогда впереди всех экономически развитых государств. Из этого Витте делал вывод: «Страна, которая оказалась в состоянии в два десятилетия более чем утроить свою горную и фабрично-заводскую промышленность, таит в себе богатый запас внутренних сил для дальнейшего развития»²⁰.

Экономическая реформа Витте привлекала к себе внимание не только крупных западноевропейских капиталистов, но и вызывала доверие мелких держателей акций к российским государственным займам.

В экономической программе Витте несколько особняком стояла аграрная проблема. Разумеется, он понимал важность и серьезность решения этого вопроса для России, но не располагал достаточно продолжительным временем его реализации. К тому же аграрные отношения не являлись предметом его профессионального интереса и специального внимания. Он не считал себя большим знатоком в этой области, откровенно признавал, что мало знал коренную Россию, особенно крестьянскую, и ему требовалось приложить немало усилий и затратить значительное количество времени, чтобы по-настоящему вникнуть в эту проблему. Практически до 1904 г. Витте оставался ярким защитником поземельной крестьянской общины, которая к тому времени уже превратилась в серьезное препятствие на пути совершенствования земельных отношений и развития сельскохозяйственного производства.

Безоглядная вера в общину, роль и место которой в аграрной истории России он явно преувеличивал, мешала Витте глубоко вникнуть в сущность аграрно-крестьянской проблемы и выработать эффективные способы и средства ее разрешения. Неоднократно выступая в Государственном совете с резкой критикой тех, кто рассматривал общину как тормоз, сдерживавший развитие производительных сил в сельском хозяйстве, Витте проявил себя в этом вопросе явно недальновидным политиком, хотя и чувствовал, что в такой стране, как Россия, с ее громадным сельским населением, без кардинального решения этой проблемы и без переустройства крестьянского быта государственная машина не сможет успешно функционировать, поскольку ей будет недоставать топлива, под которым он понимал экономическое состояние общества, и прежде всего положение основной массы населения — крестьянства.

Отстаивая сохранение земельной общины в прежнем виде, Витте, судя по всему, находился под определенным влиянием тех сил, которые беспокойному индивидуалистическому Западу пытались противопоставить мирную общинную Русь, рассматривая общину едва ли не как главное условие сохранения старых порядков. Впрочем, для многих политиков уже тогда было ясно, что община не обеспечивает охранительной политики царизма в деревне. Витте же, как и большинство членов Государственного совета, продолжал отстаивать идею сохранения общины. Парадоксально, что в отстаивании общинного строя России смыкались крайне правые и крайне левые силы. Первые идеализировали общину, рассматривая ее как инструмент, с помощью которого можно предотвратить нежелательный ход общественного развития под воздействием коренных политических и экономических преобразований. Что касается демократических сил, то, как справедливо отмечал исследователь аграрных отношений И. В. Чернышев, «в типичном для отсталой земледельческой страны способе эксплуатации господствующими классами крепостных масс — путем равномерного наделения землею всех «крестьян для получения с них равного» дохода — демократия увидела осуществление социалистического идеала Запада — „права на труд“»²¹. Тем самым община рассматривалась этими силами как экономическая основа построения социализма в крестьянской стране.

Суть спора, в который втянулись самые широкие российские круги, включая правительственные и представительные учреждения, сводилась, в сущности, к двум основным вопросам: во-первых, что, с точки зрения

сохранения существующих порядков, предпочтительнее — община или частная собственность на землю и, во-вторых, что целесообразнее для борьбы с ростом массовых революционных настроений в крестьянстве: роспуск общины и возможность свободного выхода из нее или же по-прежнему удерживать крестьян в общине?

Постепенно, по мере развития экономических реформ, позиция Витте стала меняться, и в конце концов он, еще недавно пытавшийся доказывать преимущества общины перед частным землевладением, принял сторону тех, кто доказывал, что община исторически себя изжила и не имеет уже никакой жизненной силы. Но такое переосмысление им своей позиции пришло слишком поздно, лишь в 1904 г., а время, необходимое для радикальных аграрных преобразований, было в значительной мере упущено. В записке по крестьянскому делу, относящейся к 1904 г., он поддержал мнение местных сельскохозяйственных комитетов, признававших, что «преуспевание сельскохозяйственной промышленности ближайшим образом зависит от такого улучшения правового положения нашего крестьянства, которое содействовало бы развитию в нем духа хозяйственной предприимчивости и самодеятельности; вне этого, а также просвещения крестьянской среды, всевозможные меры в области экономики и техники сельского хозяйства принесут, по мнению комитетов, лишь ничтожную пользу, не оправдывающую значительных затрат, которые потребуются с этой целью из народных же средств»²².

Вся тяжесть острейшего аграрного кризиса, переживаемого Россией, к разрешению которого Витте даже не подошел, легла на плечи Столыпина, занявшего в 1906 г. пост премьер-министра. Аграрная проблема с самого начала стала центральной в его программе социально-экономических реформ. Это было вызвано рядом объективных причин. Наиболее серьезная из них состояла в сильном отставании сельскохозяйственного производства от мирового уровня, и как следствие этого — крайне низкий уровень жизни основной массы крестьянства. И без того тяжелейшее положение, сложившееся в этой жизненно важной для России отрасли народного хозяйства, усугублялось голодом в результате неурожая 1891 и 1892 гг., охватившим десятки губерний, главным образом черноземных, а значит и наиболее хлебородных.

Известный русский историк А. А. Корнилов, лично производивший в те годы подворные переписи крестьян во многих губерниях, писал: «Голод девяностых годов заставил призадуматься и правительство, которое ясно увидело, что крестьянский вопрос не может считаться окончательным и что палиативы восьмидесятых годов лишь отодвинули дело от настоящего его разрешения». Это вполне может быть отнесено и к оценке состояния дел в сельском хозяйстве в начале XX в., ибо положение практически мало изменилось. Автор, семь месяцев проведенный среди голодающих крестьян, описывает, в какой ужасающей нищете жил крестьянский люд. Ему неоднократно приходилось — в Тамбовской, Воронежской и Тульской губерниях — посещать деревни, в которых половина дворов были безлошадные и три четверти изб топились «по-черному». Чуть ли не половине крестьян центрально-черноземных губерний, пишет Корнилов, печка с трубой представлялась роскошью²³.

Другой не менее важной причиной было то, что осуществление столыпинских реформ началось в годы, отмеченные острейшими социальными конфликтами, широким размахом революционного движения, приведшего к революции 1905—1907 годов. Реформы призваны были предотвратить революционный путь развития России и вернуть ее на рельсы цивилизованных эволюционных перемен, необходимость которых мало у кого вызывала сомнение. К тому же русско-японская война с необычайной яркостью обнажила глубочайшие пороки в самой системе власти и управления государством, некомпетентность и коррумпированность в высших ее эшелонах, включая военные сферы.

В таких непростых условиях развертывалась реформаторская деятельность Столыпина. Приступая к осуществлению своих реформ, он, конечно

же, отдавал себе отчет в том, что у Российской империи это был, по существу, последний шанс сохранить свою государственность и выйти на качественно новый виток развития, способный обезопасить ее от всякого рода случайностей. Он прекрасно понимал также, что провал реформ может оказаться губительным для России, не говоря уже о его собственной судьбе. Риск был слишком велик, но он не дрогнул и смело пошел на него. Возможно, именно тогда ярко проявилась главная черта характера этого мужественного человека — глубокое осознание им своего долга перед Россией и острое чувство своей ответственности за ее будущее. Столыпин не питал никаких иллюзий относительно сложности той задачи, разрешение которой он взял на себя, вполне осознавал и свой личный риск. Но он верил в то, что такая политика будет сочувственно встречена «благомыслящими элементами российского общества»²⁴.

Мемуаристы, а вслед за ними и авторы ряда исследований, высказывают мнение, будто подлинным творцом реформ был вовсе не Столыпин, что основные идеи реформ рождались и проектировались в министерствах задолго до того, как он занял пост премьер-министра, и роль его свелась лишь к тому, что он «вдохнул жизнь» в существовавшие уже проекты, открыл им дорогу в жизнь. Определенная доля правды в подобных рассуждениях, безусловно, есть. В то же время было бы неправильно и необъективно ограничивать заслуги Столыпина исключительно административной деятельностью. Способности и государственный ум Столыпина в полной мере проявились не только в том, что он понимал необходимость радикальных изменений во всех практически сторонах жизни российского общества, но и в четком определении сущности и целей преобразований, а также форм, методов и приемов их достижения.

Существовали разные проекты переустройства российской деревни. Для того чтобы оценить их и выбрать наилучший нужно было обладать и солидными знаниями и иметь серьезный практический опыт.

Еще в своем литовском имении и будучи предводителем уездного дворянства, а затем во времена саратовского губернаторства Столыпину приходилось вплотную заниматься проблемами крестьянского быта. Уже тогда он имел достаточно четкие представления и о сельской общине, и о хуторском хозяйстве, как и о многих других сторонах жизни российского крестьянства. К моменту переезда в Петербург и еще до занятия высоких государственных постов, у него сложились основные идеи как обновлять и обустраивать Россию. Это нисколько не помешало, а наоборот, стимулировало ту тщательность, с которой он изучал многочисленные наработки и проекты, имевшиеся в министерствах, стремясь взять все лучшее, и прежде всего то, что отвечало его представлениям о характере реформ. Став главой правительства, он тут же распорядился представить ему все проекты реформ. Благодаря такому подходу его программа приобрела еще более стройный и конкретный характер.

Основные идеи своей аграрной программы, ее цели и главные черты Столыпин изложил в концентрированном виде в ряде выступлений на заседаниях II и III Государственной думы. Его обращение к Думе было для него вполне естественным. Столыпин, чтобы о нем ни говорили и ни писали, относился к немногочисленной категории российских государственных деятелей (отличаясь, кстати, в этом от Витте), не на словах, а на деле понимавших необходимость законодательного органа, который имел бы представительный характер, т. е. избирался народом. Поэтому с самого начала своей деятельности на посту премьер-министра он стремился «изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа» правительства и Думы, «найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду»²⁵.

Было еще одно обстоятельство, с которым не мог не считаться Столыпин, а именно, настроение широкой российской общественности, напрямую связывавшей разрешение аграрной проблемы с деятельностью избранного народом законодательного учреждения. Выражая эти настроения, Корни-

лов писал: «В настоящее время мы стоим, таким образом, в крестьянском вопросе, как и во многих других вопросах русской жизни, на распутье. Перед нами прошел целый калейдоскоп мероприятий, или, точнее говоря, предначертаний, которые остаются, однако же, не согласованными ни между собой, ни с теми требованиями жизни, которые были заявлены в последнее время десятками тысяч сознательных представителей русского общества. Надо думать, что крестьянский вопрос получит свое окончательное и полное решение вместе со всеми другими насущными вопросами русской жизни, как только управление судьбами русского народа попадет в руки законно избранных его представителей»²⁶.

Какими основными идеями руководствовался Столыпин, приступая к осуществлению реформ, и к достижению каких целей они должны были привести? Главным звеном во всей цепи реформ он считал решение аграрного вопроса. Он полагал, что крупные преобразования, направленные на внутреннее устройство России, «останутся поверхностными, не проникнут вглубь, пока не будет достигнуто поднятие благосостояния основного земледельческого класса государства». Обращаясь к депутатам III Государственной думы, он говорил: «Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание»²⁷.

Насущная необходимость решения аграрного вопроса диктовалась, по мнению Столыпина, тем, что в российском обществе «самой больною, самой слабою частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь». Именно поэтому вопрос о земле — кому и на каких правах она должна принадлежать, — или, как тогда говорили, о землеустройстве, выходил на первый план. Но как его решить? Одни предлагали очень простой, но совершенно неприемлемый для государства способ: взять и разделить все 130 тыс. существовавших тогда поместий. Такой подход Столыпин отклонял, он напоминал историю с тришкиным кафтаном. «Нельзя укрепить больное тело, — говорил Столыпин, — питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом — смысл государственности, в этом оправдание государства, как одного социального целого»²⁸.

«Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы»²⁹. При этом в проведении аграрных преобразований правительство делало ставку не на «пьяных, слабых и убогих, а не разумных и сильных». Именно в них Столыпин видел тот новый слой крестьянства, который своим личным трудом на принадлежащей ему земле поднимет обнищавшую и истощенную землю и сделает Россию процветающей державой. «Пробыв около 10-ти лет у дела земельного устройства, — говорил он, обращаясь к думским депутатам, — я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»³⁰.

Столыпин прекрасно понимал, что в стране, находящейся в состоянии перестройки, аграрная реформа, как и любые другие реформы, должна

была опираться на прочное законодательство, пронизанное одной общей руководящей мыслью: «создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не отразит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, т. е. не будут прочно установлены»³¹.

Аграрное законодательство, обеспечивавшее юридическую базу реформам, состояло из ряда указов. Начало аграрным преобразованиям положил указ от 9 ноября 1906 г., который был введен в действие в период между I и II Думами и опирался на статью 87 «Основных законов». Несмотря на свое достаточно скромное наименование «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», он устанавливал, что каждый домохозяин, владевший надельной землей на основании общинного права, мог укрепить в свою личную собственность причитающуюся ему часть земли. Главная цель указа состояла в том, чтобы содействовать процессу выхода крестьян из общины, ибо общинные порядки стесняли и не давали возможности наладить самостоятельное хозяйствование. Указ позволял домохозяевам, у которых земли было больше устанавливаемой нормы, сохранять за собой эти излишки. Вполне правомерно расценивается исследователями этот указ как серьезнейший удар по сельской общине. Указ как бы придавал законодательную силу решению, принятому первым дворянским съездом, проходившем в Петербурге в 1906 г. и недвусмысленно заявившем о необходимости полной ликвидации общинного землевладения как главного препятствия, тормозящего проведение глубоких аграрных преобразований. Столыпин активно поддержал решение дворянского съезда и Совета объединенного дворянства и повел решительное наступление на общину.

Вопрос об общине стал рассматриваться общественностью едва ли не как центральный пункт в аграрной платформе правительства. По позиции, занятой в отношении к общине, определялись сторонники и противники столыпинской аграрной реформы. Одни видели в разрушении общины чуть ли не посягательство на святая святых всего уклада российского крестьянства. Другие одобрительно отнеслись к идее ее ликвидации, связывая с этим надежды на то, что эта мера неизбежно пробудит в русском крестьянине чувство хозяина и заставит его всерьез заняться предпринимательством. Те, кто стоял на охранительных позициях, включая и немалую часть депутатов I и II Дум, не поддержали указа, который в силу этого был законодательно оформлен лишь в ходе работы III Думы. Выступая с думской трибуны, Столыпин заявил, что «правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность трудолюбивому крестьянину, т. е. соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится»³².

Помимо указа от 9 ноября 1906 г., который получил законную силу лишь 14 июня 1910 г., после того как был одобрен III Думой и Государственным советом, важное значение имел закон о землеустройстве, принятый 29 мая 1911 г. и отменявший существовавшие ограничения, связанные с приобретением и владением земель. Он существенно расширял права и функции землеустроительных комиссий, занимавшихся вопросами хуторского и отрубного землепользования. Поэтому, подчеркивал Столыпин, «все силы и законодателя и правительства должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы единственного источника нашего благосостояния — земли. Применением к ней личного труда, личной собственности, приложением к ней всех, всех решительно народных сил необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля — это залог нашей силы в будущем, земля — это Россия»³³.

Столыпин прекрасно понимал, что сильный, свободный крестьянин-хозяин, еще недавно страдавший от нищеты, бесправия и невежества, в одночасье не появится. Для этого необходимо изменить существующие условия и создать такие предпосылки, которые бы развивали и укрепляли в российском крестьянине не только чувства хозяина своей земли, но и делали его осознанным гражданином своего Отечества. «Нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы, — говорил он. — Необходимо думать и о низах, нельзя уходить от черной работы, нельзя забывать, что мы призваны освободить народ от нищенства, от невежества, от бесправия»³⁴. Конечно, правы те мемуаристы и исследователи, которые полагают, что укреплению гражданственности на селе Столыпин придавал исключительно большое значение, прекрасно понимая, что без этого, возможно, решающего, компонента земельной реформы все попытки изменить прежний социальный фундамент российского общества могут оказаться тщетными. Но для того чтобы это чувство гражданственности появилось у крестьянина и постоянно укреплялось, необходимо было приложить огромные усилия, направленные на резкий подъем всего народного образования и просвещения.

Если попытаться выделить главные компоненты или составные части земельной реформы Столыпина, то их можно свести к пяти моментам:

Во-первых, это система мер, связанных с разрушением отжившей архаичной системы общинного землевладения, ставшей серьезной преградой на пути развития производительных сил в сельском хозяйстве, и создание на обломках общины новых отношений и новых хозяйств.

Во-вторых, это формирование достаточно широкого слоя крестьян-собственников, владеющих землей на правах частной собственности и ведущих самостоятельное хозяйство, активно заинтересованных в результатах своего труда.

В-третьих, это широкое переселенческое движение, ставившее своей целью наделение безземельных и малоземельных крестьян землей за счет освоения огромных земельных площадей, главным образом на просторах Западной Сибири.

В-четвертых, это широкое строительство сельских школ, вовлечение в систему народного образования огромных масс сельского населения, просвещение народа, без чего — и это хорошо осознавали реформаторы — невозможно превратить российского крестьянина, в массе своей неграмотного, в подлинного хозяина-собственника, осознающего свою роль в складывавшейся системе новых производственных отношений, а себя — как гражданина великой России, способного выражать и отстаивать свои интересы, национальные и государственные интересы страны.

Наконец, в-пятых, это реорганизация системы управления государством, особенно местного управления, создание такой системы, в том числе и путем введения начал самоуправления на региональном уровне, которая была бы способна обеспечить успешное завершение земельной реформы.

Была, разумеется, еще одна неотъемлемая часть столыпинской реформы: ее резко выраженная антиреволюционная направленность. Авторы реформы, в том числе и сам Столыпин, не только не скрывали, но постоянно подчеркивали эту ее цель, полагая, что в случае успешного осуществления аграрной реформы революционное движение в России лишится массовой базы, будет полностью парализовано, и постепенно сойдет на нет. К слову сказать, это великолепно понимали и представители революционных сил и движений. Отсюда их невероятно жесткая позиция по отношению к столыпинской реформе, полное ее неприятие, что отразилось на выводах и оценках, которые длительное время оставались господствующими в советской исторической науке, да и сегодня еще не до конца преодолены.

В оценке аграрной реформы Столыпина, как и личности реформатора, и поныне существуют полярные мнения. Проводимым им аграрным преобразованиям нередко приписывается то, что им не было свойственно, но в то же время замалчиваются или намеренно искажены тракуются те аспекты реформы, которые не вписываются в рамки всевозможных предвзятых схем

и стереотипов. При этом как тогда, так и теперь, упор делается на то, чтобы доказать, с какой жестокостью, не останавливаясь ни перед чем, Столыпин проводил свои реформы. Постоянное упоминание о полевых судах, виселицах, покрывших чуть ли не всю территорию России, в одной связке с аграрной реформой не случайно. С легкой руки кадета Ф. А. Родичева появилась расхожая фраза о «стольпинских галстуках»³⁵. Акцент на насильственных действиях Столыпина должен был вызывать резко негативное отношение и к реформатору, и к его реформам. Так же не случайно родилась и приписываемая Столыпину формула «умиротворение, а потом реформы»³⁶, в которой акцент делался на слове «умиротворение», звучавшем как синоним насилия, с помощью которого оно могло быть достигнуто.

Было бы нелепым отрицать или преуменьшать факт применения властями насильственных методов против революционных сил, в том числе и в ходе аграрной реформы. Однако, как это ни покажется парадоксальным, для Столыпина главным было все же не карательные меры, а стремление решать экономические и социальные проблемы с помощью реформ, и прежде всего, конечно, с помощью аграрных преобразований³⁷. Кстати, и полевые суды существовали не в таких масштабах, как это обычно изображалось в нашей литературе. Это была скорее запоздалая реакция на бурные революционные события 1905–1907 годов. Нельзя, очевидно, не учитывать и того факта, что на самого Столыпина не раз совершались покушения, в результате которых тяжело пострадали некоторые члены его семьи.

Любые реформы, в том числе и стольпинские, надо оценивать по их результатам, т. е. по степени реализации их целей. Серьезные расхождения в оценке итогов стольпинской аграрной реформы во многом объясняются разными подходами к пониманию самой ее сути и социальной направленности. Несмотря на достаточно широкий спектр вопросов, по которым ведутся дискуссии о Столыпине и его политике, водораздел проходит именно по этому вопросу, четко выделяя две основные точки зрения. Если отбросить малозначащие нюансы и отдельные признания, которые не меняют принципиальных оценок и позиций, то можно назвать, с одной стороны, тех авторов, которые считают, что Столыпин своими реформами стремился укрепить существующий общественный строй и в этом видят главный их смысл, а с другой — тех, кто более объективно оценивает именно реформаторскую деятельность Столыпина, исходя из результатов реформ и их последствий.

Весьма характерно, что первую точку зрения отстаивали, а некоторые продолжают отстаивать, в основном отечественные историки, а сторонниками второй выступали и выступают, как правило, зарубежные исследователи, не зашоренные идеологическими стереотипами и способные более объективно проследить и ход реформ, и их реальные итоги. Над многими отечественными историками довели, с одной стороны, известные ленинские оценки Столыпина и его земельной реформы, которые носили не столько научно-объективный, сколько политический характер, а с другой — представление о Столыпине как о великорусском шовинисте, эксплуатировавшем националистические и патриотические чувства, в силу чего и сама реформа не могла не быть реакционно-черносотенной.

И хотя при этом делались иногда осторожные оговорки, вроде той, что с экономической точки зрения она, стольпинская земельная реформа, имела некоторые прогрессивные черты, заменяя архаическую общинную форму землепользования более рациональными формами, что открывало новые возможности для роста производительных сил в земледелии, принципиальной оценки реформ они не меняли: приклеенный к ней идейно-политический ярлык препятствовал объективному рассмотрению хода проведения реформы, ее результатов, причин неудач и не столь радужных последствий реформаторской деятельности Столыпина.

Стало уже чуть ли не хрестоматийным утверждение, будто стольпинская аграрная реформа была рассчитана исключительно на сохранение российской монархии и укрепление феодальных порядков. Даже авторы луч-

ших работ по рассматриваемой проблеме, называя Витте и Столыпина великими прагматиками в политике, видят их заслугу лишь в том, что они «были мастерами приспособлять феодальную форму правления к развивавшимся буржуазным отношениям»³⁸. Что касается оценки их реформы, то этот вопрос оказался не таким простым и однозначным, каким мог показаться при поверхностном взгляде на него. Разумеется, Витте и Столыпин были убежденными монархистами, и вполне естественно, что свое реформаторство они направляли на то, чтобы содействовать укреплению существующих общественных и государственных порядков. Однако одно дело — субъективное желание и стремление к определенной цели и совершенно другое — объективный ход реформы. В данном случае желаемое и действительное далеко не всегда и не во всем совпадали. Более того, на определенных этапах сама логика развития реформ выводила их за пределы заранее очерченных рамок. Поэтому вряд ли справедливо указанных реформаторов считать выразителями феодальных отношений и отвергать их связь, пусть и не вполне осознанную, с новыми буржуазными отношениями. Само это сведение реформ Витте и Столыпина к реализации исключительно охранительных функций ничего не прибавляет к пониманию сути реформ.

Уже само стремление Столыпина взаимодействовать с Государственной думой в принятии необходимых для успешного продвижения реформ целой серии законодательных актов говорит о том, что он не только допускал возможность преобразования самодержавия в конституционную монархию, но и верил в реальность такого исхода. Об этом же свидетельствует отношение Столыпина к общине, которую он считал не только серьезной помехой для роста производительных сил в сельском хозяйстве, но и непреодолимой преградой на пути становления гражданского общества. Этот крайне важный вопрос обходят своим вниманием многие отечественные исследователи. В некоторых работах, появившихся за рубежом, как серьезное достижение реформаторской деятельности Столыпина высоко оценивается то, что он своими реформами, по сути дела, впервые включил крестьян как органическую часть в формировавшееся в России гражданское, правовое общество. Как справедливо отмечает историк русского зарубежья М. Раев, «в правовом и культурном плане крестьянин стоял в стороне от формирующегося в конце XIX века гражданского общества. Как представителям образованных классов, так и правительству следовало бы понять, что, не включив крестьянина в гражданское общество, Россия не сможет стать либеральной, прогрессивной и благоденствующей страной (не надо упускать из виду, что крестьянство составляло по меньшей мере 80—85% населения).., [Столыпин] первым решил обращаться с крестьянином как с гражданином, таким же, как все прочие граждане империи, и как с предпринимателем»³⁹.

Разумеется, сбылись не все надежды, возлагавшиеся на реформы, проводившиеся Витте и Столыпиным. Несомненно, однако, что прямым их следствием был признанный экономический прогресс России в начале XX века. Однако трудно согласиться с той точкой зрения, что столыпинская реформа потерпела полный провал, не достигнув ни одной из целей, которые перед ней ставились. Более того, утверждается, что даже в том случае, если бы аграрный курс Столыпина был бы в полной мере реализован и увенчался успехом, то и тогда это лишь усилило бы социально-экономический прогресс в стране, но «он не был бы таким, какой нужен, чтобы выдержать все более ужесточавшееся соперничество с великими державами за историческое выживание, сохранение ранга и позиций великой державы» и «если бы все осуществилось по-столыпински, страна и впредь была бы гораздо ближе к Турции, чем к Франции или Германии»⁴⁰. Эти выводы основываются на той же ложной посылке, будто Столыпин пытался осуществить свои реформы, не затрагивая всей политической надстройки российского общества. Но в том-то и дело, что столыпинские реформы, даже если сам Столыпин и не предполагал этого, с объективной необходимостью привели бы к изменениям в политическом и общественном строе страны. Именно это пугало правящие монархические круги, которые

делали все, от них зависящее, чтобы устранить Столыпина с политической арены и таким образом остановить дальнейшее развитие аграрной реформы. Если бы вся реформаторская деятельность Столыпина сводилась лишь к тому, что он, по словам В. И. Ленина, «пытался в старые мехи влить новое вино»⁴¹, то непонятно, почему правящая верхушка общества была настроена к нему столь враждебно.

От объективной оценки российских реформ и их итогов зависит решение одного из наиболее запутанных и остро дискутируемых вопросов, беспристрастному научному анализу которого мешали идеологические представления и стереотипы. Речь идет об определении уровня экономического и социального развития России и характера российского общества в первые годы XX века. Здесь имеются две крайние точки зрения. Сторонники одной явно завышают этот уровень либо в угоду неверно понимаемого и трактуемого ими понятия патриотизма, либо исходя из желания любыми способами доказать правильность марксистского тезиса о наличии в России всех необходимых предпосылок для победы социалистической революции, и прежде всего о высокой степени зрелости российского капитализма. Сторонники противоположной, но тоже крайней точки зрения склонны если не полностью игнорировать, то во всяком случае недооценивать серьезные сдвиги, происходившие в экономике, и продолжали рассматривать Россию как страну, где феодальные отношения даже в XX в. проявлялись не в виде пережитков, хотя и очень сильных, а чуть ли не определяли характер общественного развития. Обе эти точки зрения опираются больше на искусственно созданные идеологические и политические конструкции, а не на объективный анализ реальной исторической действительности.

Единственно верной при оценке деятельности великих реформаторов может служить непредвзятость при определении результатов реформ и объективное выяснение причин, не позволявших намеченным целям быть осуществленными в полной мере. Итак, каковы же итоги реформ, инициаторами и проводниками которых выступали Витте и Столыпин? В какой мере им удалось изменить социально-экономический облик России? Какой она стала в результате реформ? Сначала приведем некоторые статистические данные, характеризующие экономическое положение России в рассматриваемый период, а также показывающие эволюцию развития страны под воздействием реформ. За период с 1890 по 1913 г. общий объем промышленной продукции возрос в 7 раз, а в крупном фабрично-заводском производстве составил 43% вместо 26% в конце прошлого века. За тот же период в 6 раз возросла добыча угля, более чем в 5 раз увеличилась выплавка чугуна, в 13 раз — выплавка стали⁴². Удельный вес России в мировом промышленном производстве за тот же период увеличился вдвое и составлял, как и Франции, 6%⁴³. Таких темпов роста промышленности не знала ни одна из индустриально развитых стран мира.

Разумеется, надо учитывать, что в европейских странах и США уже был достигнут гораздо более высокий индустриальный уровень. Стартовая база России была иной. Если в конце XIX в. на одного жителя производилось чугуна в Великобритании 13,1 пуда, в Германии — 8,1 пуда, во Франции — 3,96 пуда, то в России — только 1,04 пуда; каменного угля было добыто на одного жителя в Великобритании 311,7 пуда, в Бельгии — 204 пуда, в США — 162,4 пуда, в Германии — 143,8 пуда, во Франции — 50,7 пуда, а в России — лишь 5,8 пуда⁴⁴. И тем не менее в годы, когда проводились реформы, развитие России было динамичным. Страна заметно продвинулась по пути индустриализации, успешно преодолевая экономическую отсталость и выходя на уровень наиболее развитых европейских государств. И хотя Россия продолжала находиться, так сказать, во втором эшелоне капиталистических государств, оставаясь, как принято считать, страной среднего уровня капиталистического развития, тем не менее, по прогностическим оценкам, базирующимся на уровне экономического развития, достигнутом страной к 1913 г., к середине XX столетия Россия вполне реально могла занять одно из ведущих, если не ведущее, мест в мире как великая промышленная держава. К сожалению, реформы не были доведены до конца.

Что касается итогов столыпинской аграрной реформы, то определенное представление о них дают такие данные. К 1 января 1916 г. выделились из общины и укрепили землю в личную собственность 2,5 млн. дворохозяев, что составляло 27% всех общинных дворов, имевших 15,9 млн. десятин, или 14% всех общинных земель. Наиболее активным выход из общин был в 1908—1910 годах. Тогда вышло более половины всех выделившихся дворов. С 1911 г. выход из общины резко сократился. Для сравнения отметим, что по данным земельной переписи 1905 г., в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 12,3 млн. дворов, владевших 138,9 млн. десятин надельной земли. На общинном праве ею владели 9,2 млн. дворов, или 76,7% всех дворов, которым принадлежало 100,7 млн. десятин, или 80,4% всей надельной земли. Вместе с казачеством на общинном праве находилось 77,2% дворов и 83,4% надельных земель⁴⁵.

Важным результатом аграрной реформы является рост сельскохозяйственного производства, которое росло, хотя и не такими темпами, как промышленность. Так, если среднегодовой урожай пшеницы в 1904—1908 гг. по 63 губерниям составлял 866 млн. пудов, то в 1910 г. он был равен 1137 млн. пудов, т. е. вырос более чем на одну треть⁴⁶. Заметно увеличился российский экспорт пшеницы, что также является показателем укрепления аграрного сектора экономики. В 1909—1913 гг. Россия вывозила ежегодно 724,4 тыс. пудов хлеба, более пятой части общего сбора зерновых культур⁴⁷. Конечно, экспорт российского зерна в больших количествах осуществлялся не потому, что его было в изобилии (в 1908—1913 гг. на душу населения приходилось лишь 4 ц зерна, это более чем в 2 раза меньше, чем в США и Аргентине и почти в 5 раз меньше, чем в Канаде). Экспорт зерна давал России зарабатывать валюту, в которой она остро нуждалась. В то же время нельзя отрицать и того, что экспорт российского зерна, которое охотно покупали на мировом рынке, свидетельствовал об определенном уровне развития земледелия, способного поставлять продукцию высокого качества. Тем не менее аграрная реформа, несмотря на определенные сдвиги в развитии сельского хозяйства, не дала тех результатов, на которые рассчитывали реформаторы, и прежде всего сам Столыпин.

В связи с этим возникает один из сложнейших и «вечных» вопросов: почему почти у всех реформ, проводившихся в России, такая трудная и в чем-то даже трагическая судьба?

Причин, по которым не удалось осуществить задуманное, было немало, к тому же они сильно разнятся как по своему характеру, так и по степени воздействия на ситуацию. Если говорить о причинах, действовавших в силу их объективной природы, то чтобы их преодолеть, требовался, во-первых, значительно более продолжительный период времени, чем тот, который история отпустила России на осуществление экономических реформ. Во-вторых, нужны были более значительные усилия и более слаженные действия самих реформаторов. Слишком большую негативную роль сыграли субъективные факторы, оказавшие куда более сильное воздействие на ход и исход реформ, чего явно не учли да и не могли, очевидно, полностью предусмотреть реформаторы.

Едва ли не основная из сдерживавших реформирование причин состоит в том, что реформы проводились в условиях, когда сохранялись весьма сильные феодальные и полуфеодальные отношения, которые пронизывали практически все государственные, политические и хозяйственные структуры. Реформы постоянно наталкивались на сопротивление сил, представлявших старую Россию. Будучи вынужденными считаться с этими весьма значительными трудностями и одновременно борясь с ними, реформаторы часто шли на политические уступки и социальные компромиссы, что приводило либо к замедлению темпов реформ, либо вовсе к отступлению от первоначально провозглашенных целей. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, Витте и особенно Столыпин пытались соединить несоединимое: феодальную по своей природе государственную власть с реформами, нацеленными на модернизацию российского общества и вывод его на уровень промышленно развитых стран Европы.

Феодальное мышление, которое существовало не только на уровне верховной власти, но и в значительной мере владело массовым общественным сознанием, сдерживало развитие реформ. Как справедливо отмечают Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин, оно, в сущности, определяло «отношение верховной власти к предпринимательству и предпринимателям, банковской системе и финансовым отношениям. Царь считал невозможным какие бы то ни было проявления биржевой стихии. Министерство финансов стремилось командовать банками. Государственный банк играл роль банка банков и использовался как средство государственного воздействия на экономику. Правительство сдерживало образование предпринимательских организаций, контролировало акционерное учредительство»⁴⁸. Подобное государственное регулирование, делают вывод эти ученые, имело феодальное происхождение.

Вторая причина, тесно связанная с первой, заключается в том, что реформы, насаждавшиеся сверху, не имели широкой социальной базы. Отсюда стремление решать многие проблемы путем усиления государственного вмешательства в экономические отношения, что не могло не сдерживать свободное развитие капиталистического предпринимательства в Российской империи. Более того, желая добиться быстрого экономического эффекта, правительство часто ориентировалось не на форсирование российского частного предпринимательства, а на широкое привлечение иностранного капитала. Нарождавшаяся российская буржуазия не имела еще достаточных рычагов — ни экономических, ни политических, чтобы успешно противодействовать иностранному капиталу, не позволить ему овладеть командными высотами в российской экономике. Слишком неравными были силы и экономические возможности, которыми располагали иностранные инвесторы и пытавшиеся упрочить свои позиции российские предприниматели. Утверждения же, что уже в начале века российский капитал ни в чем в сущности не уступал западноевропейскому, приобрел те же ярко выраженные монополистические черты и мог таким образом чуть ли не на равных конкурировать с последним, остаются малоубедительными.

К числу важнейших причин следует отнести и то обстоятельство, что реформы далеко не везде и не всегда находили широкую поддержку у населения, особенно сельского. К тому же слишком жесткие, нередко откровенно насильственные меры, к которым прибегали власти всех уровней при проведении аграрных преобразований, вызывали недовольство даже среди тех слоев российского общества, в чьих интересах они осуществлялись. Разумеется, аграрная реформа не обошлась без насилия и принуждения, особенно когда приходилось преодолевать чересполосицу, ликвидировать межи, устранять другие неудобства, связанные с внутринадельным расположением участков земли, что нередко выливалось в открытые столкновения местного населения с силами правопорядка. Однако масштабы и характер таких столкновений явно преувеличивались исследователями.

К ряду весьма серьезных, хотя и не всегда должным образом учитываемых факторов, существенно повлиявших на ход реформ, следует отнести характер отношений, которые складывались между императором и его ближайшим окружением и теми, на ком лежала главная ответственность за проведение реформ и их конечные результаты. Реформы не получили должной динамики, проводились недостаточно последовательно, не избежали серьезных сбоев и даже поражений, что во многом объясняется тем, что эти отношения складывались далеко не безмятежно, что им сопутствовали недоверчивость, подозрительность, а временами и откровенная враждебность. Наша историография долгое время недооценивала роль личности и личностных отношений в общественном развитии. Между тем весь исторический опыт — российская история лишь подтверждает это — свидетельствует о том, что личностный фактор всегда играл исключительно большую роль в истории. Сложись иные, более дружественные, более искренние и более доверительные отношения между теми, от кого в наибольшей степени зависел и сам характер реформ, и методы их осуществле-

ния, результаты реформ могли быть другими, да и развитие страны приняло бы совершенно иные очертания. Отношения между правительством, непосредственно руководившим ходом реформ, и тропом развивались крайне сложно и непредсказуемо: правительство пребывало в состоянии постоянного напряжения, на улаживание конфликтов и трений приходилось затрачивать массу времени и сил, что отвлекало от решения главных проблем, стоявших перед страной, и тормозило ход реформ.

За внешней респектабельностью, подчеркнутой вежливостью и мнимым расположением друг к другу скрывалась неискренность, подозрительность, близкая к прямой враждебности. Академик Е. В. Тарле определял отношения между царем и Витте как далеко не дружественные: «Если бы нужно было в двух словах определить взаимоотношения между этими двумя людьми, то ближе всего к действительности было бы такое утверждение: со стороны Витте по отношению к Николаю — недоверие и презрение; со стороны Николая по отношению к Витте — недоверие и ненависть»⁴⁹.

Витте вплоть до своей кончины пребывал в атмосфере подозрительности и слежки. Департамент полиции вел постоянное наблюдение за всеми перемещениями Витте, проходившего под кличкой «Хозяин», его переписка подвергалась перлюстрации, заносились в специальный дневник имена лиц, посещавших его, и тех, кого посещал он. И при всем том Департамент полиции не был удовлетворен тем, как велось наблюдение. Об этом свидетельствует письмо, направленное директором этого ведомства одному из своих высокопоставленных чиновников, непосредственно руководившему наблюдением за Витте. В письме, в частности, говорилось: «В дневнике учрежденного за «Хозяином» наблюдения, данные коего периодически докладываются мною г. министру внутренних дел, обращает на себя внимание безрезультатность проследки большинства выездов «Хозяина», являющаяся, по-видимому, последствием того, что намечаемые наблюдением места посещения названного лица, за немногими исключениями, остаются без должных установок.

Признавая всю затруднительность ведения за «Хозяином» наблюдения и, в частности, точного выяснения мест кратковременных его посещений, я не могу не отметить того обстоятельства, что и места более длительных пребываний его, при разъездах по городу, не всегда получают надлежащее освещение. Так, например, по настоящее время остается невыясненным, у кого именно «Хозяин» 4 ноября пробыл 1 час 45 минут в доме № 33 по Сергиевской улице, а также по какому поводу и у кого имел место 20 ноября в доме № 46 по Литейному проспекту съезд, в котором принял участие «Хозяин», пробыв там 2 часа 40 минут. Сообщая об изложенном, прошу Вас, Ваше высокоблагородие, принять меры к тому, чтобы вышеуказанным наблюдением постигались в будущем более определенные результаты и чтобы все проблемы в этом отношении за прежнее время по возможности были пополнены»⁵⁰.

Слежка продолжалась и после кончины Витте. В Париж 28 февраля 1915 г. была направлена срочная телеграмма, предписывавшая агентам секретной спецслужбы: «Немедленно совершенно неофициально устройте, чтобы полиция охраны имущества опечатала все бумаги на вилле умершего сегодня графа Витте». 5 марта из Парижа агент секретной службы Красильников передал директору Департамента полиции шифротелеграмму, в которой говорилось: «Секретарь посольства Татищев доложил послу, что на вилле графа Витте ничего не оказалось. Во время пребывания там граф пользовался письменным столом дочери, из которого, уезжая, все вынимал и увозил с собой». Аналогичного содержания сообщение председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин получил от министра внутренних дел Н. Маклакова 6 марта 1915 г.: «Имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству для сведения, что в вилле покойного статс-секретаря графа Витте в Биаррице никаких бумаг не оказалось»⁵¹. Агенты искали рукопись воспоминаний, над которой Витте усиленно работал в последние годы. Это хорошо было известно властям, опасавшимся, что в мемуарах могут содержаться сведения, порочащие высших сановников и самого государя

императора. Однако, как видно из этих телеграмм, обнаружить записи Витте, которые действительно содержали немало критического в отношении Николая II, так и не удалось. Витте, конечно, прекрасно понимал, от кого исходила слежка за ним, почему и вынужден был принимать меры предосторожности. Тем более кажется удивительным и даже странным, что буквально за несколько дней, а, возможно, и часов до своей кончины он обратился к Николаю II со следующим письмом:

«Ваше императорское величество. Эти строки дойдут до Вас, государь, когда я буду на том свете. Припадаю к стопам Вашим с загробным молением. Как бы ни судили современники о настоящем, беспристрастная история внесет в свои скрижали великие дела Ваши на пользу Богом вверенного Вашему величеству народа. В Ваше царствование Россия получила прочную денежную систему, в Ваше царствование расцвела отечественная промышленность и железнодорожное строительство, в Ваше царствование с народа сняты многие тяготы, уничтожены выкупные платежи и круговая порука и проч. и проч. Но что русский народ не забудет, покуда будет жить, это то, что император Николай II призвал народ свой к совместным законодательным трудам.

Это Ваша бессмертная заслуга перед русским народом и человечеством! Историки, возвеличивая Ваши деяния, упомянут о Ваших сотрудниках, в числе коих был Витте, которого в воздаяние заслуг его перед Вами и родиною Вы возвели в графское достоинство. Передайте, всемилостивейший государь, мой графский титул любимейшему внуку моему Льву Кирилловичу Нарышкину: пусть он именуется Нарышкин граф Витте. Я не стану утруждать Вас объяснением семейных моих отношений,— я заявляю только, что любил этого моего внука как только дед может любить своего внука. За такую милость я буду постоянно молить на том свете Всевышнего о Вашем и благополучии Ваших близких.

Будьте счастливы, государь. Да хранит Вас Христос! Ваш бывший всегда и во все времена верный слуга граф Витте -- ныне Ваш богомолец... Петербург»⁵².

Трудно сказать, чего здесь больше: верноподданнической лести, желания увековечить свои собственные заслуги перед Россией (не случайно же Витте упомянул лишь те деяния, которые так или иначе связаны с его именем) или просто стремления обеспечить благополучие своего внука, а может быть, и того, и другого и третьего. Как бы то ни было, факт остается фактом: отношения между Николаем II и Витте были далеко не безоблачными. Довольно часто они омрачались взаимной неприязнью и нескрываемой враждебностью. Кстати, сам царь довольно спокойно и даже с нескрываемой радостью встретил кончину Витте. В письме императрице Александре Федоровне он признался: «Смерть графа Витте была для меня глубоким облегчением. Я увидел в ней также знак Божий»⁵³. Думается, что этим все сказано.

Отношение Николая II к Столыпину также не отличалось особенно большим дружелюбием. Правда, на первых порах, когда Столыпин только приступал к реформам, император поддерживал практически все его начинания. Однако по мере того, как реформы набирали силу, а вместе с этим рос авторитет и влияние премьер-министра, царь и его ближайшее окружение все больше и откровеннее стали высказывать недоверие к нему, опасаясь, как бы своими деяниями и быстро растущей популярностью он не затмил самого царя, которому очень не по душе была самостоятельность Столыпина в принятии решений, его последовательность и решительность в делах. Столыпин понимал, что не все, что он делал и говорил, правильно воспринималось и оценивалось Николаем II. Тем не менее он отстаивал свои убеждения, даже если царь их не разделял. В России это мог себе позволить далеко не каждый премьер-министр.

Читая письма Столыпина царю, ясно осознаешь, как непросто было ему всякий раз доказывать то, что казалось совершенно очевидным. Правда, делал он это достаточно корректно и уважительно по отношению к самодержцу, не желая вызвать у него раздражение, но в то же время и не

отступая от своей принципиальной позиции. Его не смущало и то обстоятельство, что в окружении царя находилось немало лиц, которые не только мечтали, но и все делали для того, чтобы обострить отношения между ним и императором. Одним из таких лиц был П. Н. Дурново, изрядно потрудившийся на этом поприще. Определенное представление о непростых взаимоотношениях между царем и премьер-министром дает письмо Столыпина Николаю II от 1 мая 1911 года: «Ваше императорское величество. Вы изволили обратиться к моей совести, и я мучительно в эти дни передумал поставленный мне вопрос. С одной стороны — упрек, который мне ставят некоторые, что я поддался личному чувству, чувству гнева, а главное сомнение, что я непрошеною мерою мог поставить Ваше величество в положение неудобное по отношению к лицу, сослужившему Вам и России в 1905-ом году большую службу. С другой стороны — государственная необходимость, спокойное течение государственных дел!

Начну с последнего. Когда Ваше величество повелели мне остаться на моем посту, передо мною во весь рост встал вопрос о непреодолимом препятствии на моем пути в виде стены, которую я не могу сдвинуть с места. Я разумею искусственную обструкцию, создаваемую мне в Государственном совете. Неутомимая деятельность П. Н. Дурново в этом направлении продолжится несомненно и впредь, что доказывается только что появившимся в печати памфлетом против правительства, вдохновленным, по общему отзыву, им.

Все это будет неистощимым источником для постоянного беспокойства Вашего величества, так как дела будут задерживаться в учреждении, которое, по природе своей, не должно это делать. Кроме этих двух сторон дела, есть еще третья — внешняя.

По моим сведениям, П. Н. Дурново уезжает завтра, в понедельник, за границу. Через 2—3 недели сессия Государственного совета заканчивается. Следовательно, оказываемая ему милость не будет иметь реальных последствий. Мера будет понята поэтому лишь как демонстрация, доказательство какого-то нового поворота в политике. При разгоряченности, нервности и Думы и Государственного совета это поведет лишь к новым осложнениям и неприятностям, к колебаниям и по вопросу об окончательном принятии закона, проведенного по статье 87-ой.

Поэтому раз Ваше величество изволили так милостиво дозволить мне высказать свое мнение, не по намерению даже, а по летучей мысли, которая лишь промелькнула в голове Вашего величества, я, чувствуя, с одной стороны, государственную свою ответственность перед Вами, государь, а с другой стороны, страшась заграждать от кого бы то ни было, хотя и политического противника, источник милости царской, осмеливаюсь высказывать свое глубокое убеждение в том, что самое мудрое решение было бы отложить вопрос о милости до того времени, когда он естественно возникнет, при возобновлении занятий законодательных учреждений.

Вашего императорского величества верноподданный П. Столыпин.

Простите, государь, за смелость моего чистосердечного мнения, высказываемого мною по долгу службы и присяги, и верьте, что я менее всего хотел бы влиять на свободу Вашего решения»⁵⁴.

Это письмо было написано спустя два месяца после того, как Столыпин, убедившись в том, что вокруг его имени плетутся всевозможные интриги, искусственно создаются преграды, мешающие нормальной работе, намеревался уйти в отставку. Тогда, а точнее 9 марта 1911 г., император обратился к нему с письмом, в котором просил отказаться от этой мысли. Обращаясь к Столыпину, царь писал: «За прошедшие четыре дня со времени нашего разговора я всесторонне взвесил и обдумал свой ответ.

Вашего ухода я допустить не желаю. Ваша преданность мне и России, ваша пятилетняя опытность на занимаемом вами посту и главное ваше мужественное проведение начал русской политики на окраинах государства побуждают меня всемерно удерживать вас. Говорю это вам вполне искренно и не по первому впечатлению.

Теперь посмотрелся, что говорят и думают вокруг вас. Какое

единодушное сожаление, даже уныние вызвали одни слухи о вашем уходе. Неужели после всего этого вы еще будете упорствовать? Конечно, нет. Я вперед знаю, что вы согласитесь остаться. Этого требую я, этого желает честный русский. Прошу вас, Петр Аркадьевич, приехать ко мне завтра, в четверг, в 11 час. утра. Помните — мое доверие к вам осталось таким же точным, каким оно было в 1906 г. Глубоко уважающий вас Николай»⁵⁵.

Есть немало оснований сомневаться в искренности заключительных слов о доверии царя к Столыпину, которое, как сказано в письме, осталось таким же, как и прежде. Отношения между ними уже были не такими, как в 1906 г. и даже еще два-три года тому назад. Они резко изменились в худшую сторону и продолжали ухудшаться. Об этом со всей очевидностью свидетельствует разыгравшаяся вскоре киевская трагедия и все то, что ей предшествовало. По свидетельству многих, непосредственно соприкасавшихся со Столыпиным в последние месяцы его жизни, он пребывал в крайне подавленном состоянии, чувствовал себя отвергнутым всеми, и прежде всего, конечно, императором. Особенно остро эту изоляцию он почувствовал в Киеве, куда прибыл в конце августа 1911 г., чтобы сопровождать Николая II в его поездке на Украину.

Как вспоминал впоследствии товарищ министра внутренних дел генерал Курлов, который обеспечивал безопасность и охрану царя и его свиты, Столыпин говорил ему, что его положение поколеблено и что из отпуска, который ему был высочайше разрешен до 1 октября, он уже не вернется в Петербург ни в должности председателя Совета министров, ни в должности министра внутренних дел. «И действительно, — пишет генерал, — имелись некоторые признаки, о которых говорил Столыпин. Лучшим и самым чувствительным барометром для определения положения всякого крупного должностного лица является неуловимое на первый взгляд, но ясное для всякого более или менее опытного человека, отношение к нему придворных кругов. Я вспоминаю, как рабски держалась толпа их пред всесильным председателем Совета министров во время поездок царя в Полтаву и Ригу, как почтительно склонялась она перед ним в Петербурге. Совсем иное было в Киеве. Здесь для Столыпина не нашлось места в придворных экинажах, сопровождавших царский кортеж, и он должен был ехать в наемной коляске, что очень затрудняло его охрану. Ему не нашлось места и на пароходе, на котором государь отправился в Чернигов из Киева»⁵⁶.

1 сентября 1911 г. в Киевском оперном театре во время торжественного спектакля, на котором присутствовал Николай II, выстрелами с близкого расстояния Столыпин, занимавший место в первом ряду партера, был смертельно ранен. До сих пор многие моменты, связанные с этим убийством, недостаточно ясны. Во-первых, сама личность убийцы — Д. Г. Богрова — вызывает споры. Одни утверждают, что он был двойным агентом: состоял на службе у Киевского охранного управления и одновременно с этим примыкал к лево-эсеровскому движению. Другие полагают, что за спиной убийцы действовала какая-то другая сила, и потому было предпринято все, чтобы она осталась неведомой. Не до конца выяснены мотивы покушения. Удивление у многих вызвала поспешность, с какой было проведено «расследование», и скорая казнь террориста. Подозрения пали и на верховную власть, которая не только не препятствовала совершению этого преступления, но, возможно, и сама организовала его⁵⁷. Это подозрение усиливалось удивительным безразличием и абсолютным нежеланием властей докопаться до истины и выяснить все обстоятельства этого преступления.

Определенные подозрения вызывало и поведение царя. В дневниковых записях Ю. В. Готье содержится упоминание о его разговоре с С. С. Подлипским, состоявшим в родственных отношениях со Столыпиным, который на вопрос Готье, можно ли думать, что Столыпина убили из дворца, а не террорист, ответил, что и «он думает то же, т. е. что убийство было замышлено людьми дворца»⁵⁸.

Не исключал полностью возможность такого именно исхода А. И. Гуч-

ков, заявлявший, что с того момента, как был убит Столыпин, у него «впервые явилось какое-то недружелюбное чувство по отношению к государю, связанное с убийством Столыпина и его поведением после смерти Столыпина»⁵⁹. Поведение царя и на самом деле выглядело достаточно странным и непонятным. Он не пожелал участвовать в похоронах Столыпина и быстро покинул Киев. Уезжая из Киева, прямо на вокзале царь, к большому удивлению провожавших его министров, произвел назначение нового премьер-министра — В. Н. Коковцова. Прямых доказательств причастности царя к убийству Столыпина никто пока не привел, но, судя по косвенным данным, полностью исключить эту версию тоже нет оснований. Тем более, что причины, которые побуждали корону устранить Столыпина, были. Искали лишь повод и способ, как от него избавиться.

И дело не только и даже не столько в том, что Столыпин стал заслонять царя, хотя и этот момент нельзя недооценивать. Реформы Столыпина шли гораздо дальше и глубже, чем те реформы, которые осуществлялись до него, включая и реформы Витте. В случае, если бы их удалось осуществить в полном объеме, это значительно подорвало бы основы самодержавного строя. В этом заключалась объективная сторона столыпинских реформ. Именно это больше всего страшило царя и его ближайшее окружение. Они сознавали (подчас интуитивно) вполне реальную опасность, которую несли им реформы, и поэтому боролись с ними всеми доступными средствами. В провале столыпинских реформ были заинтересованы и левые силы, для которых их успех мог обернуться не чем иным, как серьезным поражением.

Таким образом, объективно реформы Столыпина не устраивали ни императорский двор, ни левый фланг российских политических сил. Поэтому в ликвидации Столыпина объективно были заинтересованы как крайне правые, так и крайне левые силы. Вполне допустимо предположить, что убийца Столыпина представлял интересы обеих этих сил.

Физическое устранение Столыпина привело к тому, что в правительственных кругах стало, по словам М. В. Родзянко, «одолевать крайне правое течение, стремившееся сократить и принизить значение народного представительства»⁶⁰.

Россия вновь оказалась на историческом перепутье. С уходом с политической сцены такого выдающегося реформатора, каким был Столыпин, российский государственный корабль круто накренился вправо и медленно поплыл навстречу новым опасностям. Если в свое время уход Витте и замена его крайне реакционным В. К. Плеве стали своего рода прологом к революционным событиям 1905—1907 годов, то устранение Столыпина вполне можно считать началом конца эволюционного реформирования российского общества.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.). Stuttgart. 1903, с. 45.
2. Там же, с. 211.
3. Эти слова принадлежат К. П. Победоносцеву. Так озаглавлена одна из статей, помещенных в его «Московском сборнике». Победоносцев, а вслед за ним и Витте, полагал, что введение в России конституционного строя и учреждение Государственной думы как полноправного представительного органа приведут к серьезным отступлениям от исконно российских традиций и не будут содействовать установлению внутреннего мира и спокойствия в стране (Московский сборник. М. 1896, с. 31—52).
4. Самодержавие и земство, с. 211.
5. См. ASCHER A. The Revolution of 1905. Stanford. 1992, p. 222.
6. Русские ведомости, 15.VII.1906.
7. Там же.

8. Интервью, данное Столыпиным газете «Волга» в сентябре 1909 г. — История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6. М. 1968, с. 355.
9. ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М. 1960, с. 354. В другом месте он писал: «Надеюсь, что финансовая история признает, что никогда кредит России на международных и отечественном денежном рынках не стоял так высоко, как он стоял, когда я был министром финансов. Не моя вина, что ребяческие затеи с войной его уронили и уронили, вероятно, надолго» (там же, с. 500).
10. См. Вестник финансов, промышленности и торговли, 1903, № 42.
11. Статистические сведения об экономическом и финансовом состоянии России. Составлены канцелярией Совета министров 15 мая 1912 года. СПб. 1912, с. 30.
12. ОЛЬДЕНБУРГ С. С. Царствование императора Николая II. М. 1992, с. 470.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 601, оп. 1, д. 2454, л. 1.
14. Там же, ф. 579, оп. 1, д. 439, л. 1.
15. Докладная записка Витте Николаю II. Февраль 1900 г. — Историк-марксист, 1935, № 2—3, с. 133, 138.
16. ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М. 1960, с. 500.
17. ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 1026, л. 5.
18. Там же, л. 7.
19. В рескрипте царя, в частности, говорилось: «Ныне, назначая Вас председателем Комитета Сибирской железной дороги, я поручаю Вам привести это дело мира и просветительной задачи России на Востоке к концу» (ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 6, л. 1).
20. Цит. по: Историк-марксист, 1935, № 2—3, с. 131.
21. ЧЕРНЫШЕВ И. В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг. 1918, с. 106.
22. ВИТТЕ С. Ю. Записка по крестьянскому делу. СПб. 1904, с. 3—4.
23. КОРНИЛОВ А. А. Крестьянская реформа. СПб. 1905, с. 249, 247—248.
24. Русские ведомости, 15.VII.1906.
25. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. 1. СПб. 1907, с. 167—168.
26. КОРНИЛОВ А. А. Ук. соч., с. 267—268.
27. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия первая. Часть I. СПб. 1907, с. 308—309.
28. Сборник речей Петра Аркадьевича Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного совета и Государственной думы (1906—1911). СПб. 1911, с. 38.
29. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Часть I, с. 309.
30. Сборник речей Петра Аркадьевича Столыпина, с. 40.
31. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. 1, с. 107.
32. Сборник речей Петра Аркадьевича Столыпина, с. 38.
33. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Часть I. СПб. 1908, с. 2283—2284.
34. Там же, с. 2283.
35. Выступая в ходе прений при обсуждении правительственной декларации, депутат Думы, известный земский деятель, один из лидеров кадетской партии Ф. И. Родичев заявил, что «в то время, когда русская власть находилась в борьбе с эксцессами революции, только одно средство видели, один палладиум в том, что г. Пуришкевич называет муравьевским воротником и что его потомки назовут, быть может, столыпинским галстуком» (Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия первая. Часть I, с. 396). После этих слов в зале заседания поднялся невообразимый шум и председатель вынужден был покинуть свое место. По возобновлении заседания Родичев вновь взял слово и принес свои извинения. Он сказал: «Я беру свои слова назад. Я не имел намерения оскорбить ни Государственную думу, ни депутата Пуришкевича, ни, тем более, председателя Совета министров. Я принес свое личное извинение председателю Совета министров и настаиваю в настоящую минуту только на одном: в мои намерения никаких оскорблений не входило и слова мои должны быть восстановлены в стенограмме в том виде, в каком я их произнес. Думаю, что со временем вы сами убедитесь в том, что я говорю не только совершенно искренне, но и соответственно вполне объективной правде» (там же, с. 397). Тем не менее решением Думы за оскорбление главы правительства к Родичеву была применена высшая мера взыскания — он был удален из собрания на 15 заседаний.
36. Формула «сначала успокоение, а потом реформы», приписываемая Столыпину, на самом

- деле, как справедливо замечает С. Г. Пушкарев, ему не принадлежит (см. ПУШКАРЕВ С. Г. Обзор русской истории. М. 1991, с. 354). Это делается для того, чтобы сосредоточить внимание не на реформах, а на том, что им предшествовало, т. е. на той политике, которую Столыпин проводил как министр внутренних дел, применяя крайне жесткие меры для подавления революционных выступлений, в том числе и крестьян.
37. Сильный перехлест сквозит в утверждении, что «главными орудиями проведения реформы были административный нажим и явное насилие» (История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6, с. 376).
 38. См. Реформы или революции? Россия 1881—1917. Материалы международного colloquium историков. СПб. 1992, с. 13.
 39. РАЕВ М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи. Лондон. 1990, с. 252—253.
 40. АВРЕХ А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М. 1991, с. 263.
 41. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 20, с. 329.
 42. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6, с. 331—338.
 43. КУЧИНСКИЙ Ю. Очерки по истории мирового хозяйства. М. 1954, с. 27.
 44. См. Докладная записка Витте Николаю II, с. 132.
 45. См. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность). История СССР, 1991, № 2, с. 60.
 46. Торгово-промышленная газета, 8(21).IX.1910.
 47. См. История СССР, 1991, № 2, с. 66.
 48. Реформы или революция?, с. 17.
 49. ТАРЛЕ Е. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. Л. 1927, с. 7—8.
 50. ГАРФ, ф. 6с/102, оп. 1, д. 240, л. 154.
 51. Там же, т. 2, л. 76, 77, 79.
 52. ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 1204, л. 7. Дата на письме отсутствует.
 53. Цит. по: ПАЛЕОЛОГ М. Царская Россия накануне революции. М. 1991, с. 169.
 54. ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 1352, л. 12—13.
 55. Там же, л. 3, 4.
 56. КУРЛОВ П. Конец русского царизма. М.-Пг. 1923, с. 152.
 57. Как утверждает А. И. Гучков, Столыпин не раз говорил Шульгину: «Вы увидите, меня как-нибудь убьют, и убьет чин охраны» (Александр Иванович Гучков рассказывает... М. 1993, с. 114).
 58. См. Вопросы истории, 1991, № 6, с. 165.
 59. Александр Иванович Гучков рассказывает..., с. 116.
 60. Архив русской революции. Т. VI. Берлин. 1922, с. 12—13.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том четвертый. Вооруженные силы Юга России

Глава XVI. *Наша и английская политика в Закавказье. Батумское ген.-губернаторство. Юго-Западная республика*

Закавказская проблема стояла перед нами не менее остро, чем вопрос о Северном Кавказе. Главной целью моей было удержание в государственной связи с Россией закавказской окраины или по крайней мере территориальное ограничение распада. В этом стремлении своем я встретил противодействие и новообразований и Англии.

С осени 1918 г. в Батуме, Тифлисе, Баку и Эривани в полуофициальном положении находились представители Добровольческой армии¹, связь с которыми была всегда до крайности затруднительной. Полученные ими лично и письменно указания от меня и военного управления, относительно направления Добровольческой политики, сведены были позднее в общую инструкцию, данную мною ген. Баратову, когда в июле он был послан официально в Тифлис, в качестве главного представителя моего в Закавказье. Эта секретная инструкция, помеченная датой 2 июля 1919 г., является, таким образом, истинным отражением всей нашей политики в Закавказье — от начала и до конца — и ключом к уразумению последовавших там событий.

Инструкция

Главному представителю в Закавказье Главнокомандующего
Вооруж. сил Юга России

Вам надлежит осуществить следующие задачи и руководствоваться следующими основаниями:

А. По части военной

1. Принять все меры для скорейшего и полного вывоза из Закавказья в распоряжение Главного начальника снабжения всех видов военного российского имущества, принадлежащего бывшему Кавказскому фронту.

2. Предложить всем русским офицерам, находящимся в Закавказье, прибыть в распоряжение Дежурного генерала штаба главнокомандующего.

3. Принять меры к обеспечению остающихся в Закавказье семейств офицеров, отправляемых и находящихся в составе Вооруж. сил Юга России.

4. Принять все меры к обеспечению связи с Тифлисом.

Б. По части политической

Имея в виду, что все Закавказье в пределах границ до начала войны 1914 г. должно быть рассматриваемо как неотделимая часть Российского Государства, Вам надлежит подготавливать почву для безболезненного воссоединения этих областей в одно целое с Россией под верховным управлением общероссийской государственной власти.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, №№ 2, 4—12.

Что касается будущего государственного устройства, то, не предвещая частных его до волеизъявления всего населения Российского государства, необходимо иметь в виду, что в решении этих вопросов примут участие представители всех областей и народов России и что широкая внутренняя автономия в делах местной, краевой и народной жизни составляет одно из оснований будущей государственной жизни России.

Одновременно с тем, впредь до окончательного установления общегосударственной российской власти, допускается самостоятельное управление этих областей, ныне в них образовавшееся и существующее.

В частности: а) по отношению Грузии:

Главное командование Вооруж. сил Юга России требует полного очищения грузинскими войсками Сочинского округа, с отводом их за реку Бзыбь.

По выполнении этого неперемennого условия, возможны два положения во взаимоотношениях с Грузией: 1) если ею будет признана принадлежность Грузии к Российской государственности и прекращены гонения на русских людей, силою обстоятельств находящихся в Грузии,— то возможно установление вполне дружеских отношений, с восстановлением свободного товарообмена и со снятием таможенных ограничений; 2) если же указанные выше в п. 1 условия Грузией осуществлены не будут, то, сохраняя нынешнее состояние товарообмена и таможенных ограничений, возможно лишь обоюдное обязательство на прекращение военных действий.

До отвода же войск из Сочинского округа за р. Бзыбь, какие-либо иные взаимоотношения, кроме готовности к боевому противодействию против этого покушения на целостность Российской государственности, не представляются возможными.

б) По отношению к Азербайджану:

Главное командование Вооруж. сил Юга России, считая Азербайджан неотделимой частью России, допускает временное самостоятельное управление Азербайджана впредь до окончательного установления общероссийской государственной власти и не имеет никаких намерений к переходу в наступление южнее границ Дагестанской области, если со стороны Азербайджана не будут проявлены какие-либо попытки к агрессивным действиям.

в) В отношении Армении:

Вполне сочувствуя стремлениям армянской народности к ее объединению в этнографических границах и считая армян тесно связанными в их исторических и экономических интересах с Единою, Неделимою Россией, в пределы которой входит наиболее цветущая часть Армении, главное командование Вооруж. сил Юга России, так же как и в отношении Грузии и Азербайджана, допускает временное управление Армянских областей, впредь до окончательного установления общероссийской государственной власти, не имея никаких агрессивных в отношении Армении намерений, но всемерно стоя на страже Единства Российской Государственности.

В связи с этим на Вашей обязанности лежит:

1. Охранение и защита интересов всего постоянного русского населения в Закавказье и православной русской Церкви.

2. Забота о русских беженцах, ныне водворенных на места своих постоянных жительств в Закавказье;

и 3. Периодическое осведомление Военного управления о военном-политическом состоянии края.

В. По части экономической на Вас возлагается:

а) Содействие и обеспечение свободного хождения по всему Закавказью денежных знаков, устанавливаемых к обязательному обращению на всей территории Вооруж. сил Юга России и

б) в зависимости от выполнения временными властями Грузии и Азербайджана основ взаимоотношений, указанных выше в инструкции по части политической, подготовка соглашений по снятию таможенных границ и по установлению товарообмена, а также защита интересов гражданских управлений при главнокомандующем в получении различных предметов и оборудования, принадлежащих Российскому государству, оставшихся в пределах Закавказья².

В Сочинском и Сухумском округах, насильственно захваченных грузинами,—

бесправное положение аборигенов и русского элемента, гнет грузинской власти, неумеренная грузинизация и разорительная экономическая политика создавали очаг недовольства и брожения, готовых ежеминутно вылиться в восстание. Помимо принципиального непризнания захвата, Добровольческая власть не могла оставаться равнодушной к тем расправам, которые чинились над русским, армянским, абхазским населением, не желавшим мириться с фактом захвата, к тем постоянным жалобам и призывам, которые раздавались оттуда. Не могла, не входя в слишком очевидную коллизию с провозглашенной идеей единства России, с традицией заступничества за элементы, тяготеющие к русской государственности. В эту распрю мы вовлекались невольно и неизбежно — не только в силу побуждений государственных, но и под напором единодушного в этом вопросе общественного мнения.

Было, впрочем, и исключение... Когда собравшийся в Тифлисе 1- 7 июня «2-й закавказский съезд русских граждан», искусственно подобранный, раскололся³, большая часть его членов покинула съезд, а оставшийся социалистический блок, совместно с представителями сектантских общин, получив крупную субсидию от грузинского правительства, отдал себя под покровительство его и грузинского совета рабочих и солдатских депутатов. В вынесенной ими резолюции говорилось о «лояльном отношении ко всем Закавказским республикам», о федеративном объединении их с «революционно-демократической Россией» и о том, что «в стремлении Добровольческой армии, исполняющей волю реакционных черпосотенных сил, завоевать Закавказье кроется смертельная опасность для всех закавказских народов и российской трудовой революционной демократии»... Это заявление, впрочем, не воспретяствовало совету просить и у главного командования крупное денежное пособие...

Я требовал от Грузии очищения Черноморской губ. до ее южных границ по р. Бзыби и, чтобы создать столь желательный для нее «буфер», допускал нейтрализацию Сухумского округа — с введением в нем местного абхазского управления.

От Азербайджана я требовал свободы сообщений по Каспийскому морю и приморской ветви Владикавказ. ж. д., урегулирования торговых сношений (нефть) и недопущения снабжения советской России. И только.

Насильственный захват территорий Грузии и Азербайджана не входил в мои планы и был политически нецелесообразен. Но правительства этих новообразований не могли, или по тактическим соображениям не хотели, отнестись с доверием к нашей политике. Официальная печать их с необыкновенным жаром подогрела ненависть к нам, возбуждала страсти, искажала до самоочевидной нелепости наши намерения и планы, облекая свою хулу не только против Армии и ее вождей, но и против России в формы, по грубости и оскорбительности первосходящие даже большевистские плакаты. Такой же был нередко тон речей в парламентах.

И хотя при этих условиях все более нарастало в русском обществе и Армии враждебное настроение против грузинского и азербайджанского правительств, и лицам, стоявшим у власти, необыкновенно трудно было сохранять самообладание, попытки примирения интересов наших с закавказскими новообразованиями продолжались, и военно-политическая работа командования — явная и тайная — не выходила из рамок, начертанных в наказе Баратову.

В конце концов, главной, вернее, единственной причиной борьбы на Кавказе являлось противоположение идеи Единой России идее полной независимости кавказских новообразований. Все остальное было лишь крупными или мелкими, важными или маловажными поводами.

Какие тайные инструкции давало английское правительство своим представителям в Константинополе и Закавказье, и в какой мере последние вносили в свои заявления и деятельность элемент личного усмотрения, это мы узнаем не скоро, если вообще когда-либо узнаем. Но сопоставление того обильного, хотя зачастую противоречивого материала, которым располагало правительство Юга, определяло безошибочно основные вехи английской политики.

Осень и зима 1918 г. прошли под знаком продолжения мировой войны. Поэтому военная экспедиция англичан в Закавказье не вызвала большого противодействия в социалистических кругах парламента и страны. Но к концу года, когда задача вытеснения германских и турецких войск и влияния была выполнена, давление тред-юнионов и левой общественности, находившихся под сильным влиянием Москвы, значительно возросло, и английское правительство вынуждено было изменить официальные мотивы помощи противобольшевистским организациям.

В одном из своих многочисленных объяснений в парламенте Ллойд Джордж излагал эти мотивы следующим образом: «Вопрос о признании большевистского правительства никогда не подымался и никогда не обсуждался. Большевистское правительство совершило тяжкие преступления против союзных подданных, что делает невозможным признание его, даже если бы оно было цивилизованным правительством. Другая причина заключается в том, что в этот самый момент они атакуют наших друзей в России. Я чувствую отвращение ко всем большевистским учениям, мы оплакиваем их ужасающие последствия — голод, кровопролитие, разрушение, разорение и ужас, но военная интервенция все же была бы поступком величайшей глупости.

Но меня спросят, в таком случае, почему мы поддерживаем Колчака, Деникина и Харькова (?)⁴. Я буду совершенно откровенен. Когда был подписан Брест-Литовский договор, обширные области и многочисленное население в России восстали против подписавшего этот договор правительства и по нашему побуждению образовали армии. Большевизм угрожал распространить свое господство на восставшее против него население, которое было организовано по нашему требованию. Если бы мы сейчас же по достижении поставленной нами цели сказали бы: «Спасибо, Вы нам больше не нужны. Пускай большевики режут вам горло» — мы были бы недостойны считать себя великой страной. Это наше дело помогать нашим друзьям, и потому мы их снабжаем материалами. Всякий, кто знает Россию, понимает, что она должна быть спасена ее собственными сынами. Единственное, что они просят, это чтобы их снабжали необходимым вооружением, дабы дать им возможность сражаться для своей защиты и освобождения. Поэтому я считаю, что помощь Колчаку, Деникину и Харькову вовсе не есть отклонение от основной политики Великобритании — невмешательства во внутренние дела другого государства.

Следующая задача нашей политики состоит в том, чтобы не допустить проявления вооруженного большевизма в союзных странах. Вследствие этого мы организуем силы всех союзных стран, окружающих Россию от Балтийского до Черного моря, и снабжаем эти страны необходимым снаряжением для установления преград против большевистского вторжения».

Заявление Ллойд Джорджа, повторенное не раз потом им самим, Черчиллем и Бонар Лоу, в части, касавшейся роли Англии в создании белых армий, получило большое распространение в мировой прессе и было надлежаще использовано большевистской пропагандой. Широкое национальное и патриотическое движение, возникшее самостоятельно по всей России, низводилось до степени служебного начала английским интересам. Но пусть будет неправда, если она во спасение.

Итак, главной целью английского правительства, по словам его представителей, была «поддержка своих друзей»... Некоторый диссонанс в эти заявления вносили более откровенные речи представителей могущественного английского капитала... Так, в декабре 1918 г. председатель 4-х кавказских нефтяных компаний⁵ на годовом собрании в Лондоне говорил: «На Кавказе — от Батума до Баку и от Владикавказа до Тифлиса, Малой Азии, Месопотамии, Персии — британские войска появились и были приветствуемы народами почти всех национальностей и верований, которые взирают на нас как на освободителей — одних от турецкого, других от большевистского ига. Никогда еще в истории наших островов не было такого благоприятного случая для мирного проникновения британского влияния и британской торговли, для создания второй Индии или Египта. Но слабые голоса наших политических деятелей под пятой демократии глушат все эти стремления. Русская нефтяная промышленность, широко финансируемая и правильно организованная под британским началом, была бы ценнейшим приобретением истории»...

Официально англичане пришли в Закавказье с программой Верховного союзного совета: самоопределения народов по Вильсону, сохранения status quo в отношении границ до решения мирной конференции и невмешательства во внутренние дела новообразований. Поскольку и как проводились эти идеи в жизнь, мы видели и увидим в главах, посвященных жизни Кавказа. Однажды на один из моих бесчисленных протестов по поводу закавказской политики англичан екатеринодарская миссия прислала объяснение⁶: «Во время заключения перемирия с Германией, когда главные принципы, руководящие Мирной конференцией, должны были быть выработаны заранее, ни в одной части России не было правительства, которое могло бы считаться правительством Объединенной России, и не было никакой связи

между различными силами, борющимися против большевиков. Даже в районе, занятом теперь ВСЮР, Дон тогда притязал на самостоятельность, и власть главнокомандующего Добр. армией была очень ограничена на Кубани.

Россия, кроме как через Мурман и Владивосток, была оторвана от сношений с союзниками. Принцип самоопределения мелких народностей был преобладающим: Грузия, Азербайджан, Армения и так называемое горское правительство имели своих представителей в Париже и Лондоне, которые требовали полного отделения от России. При таких обстоятельствах общие указания, даваемые британским войскам, первоначальная задача которых была принудить неприятеля к эвакуации Закавказья, заключалась в том, чтобы в ожидании решения Мирной конференции охранять порядок и поддерживать правительство, находящееся у власти, пока оно будет вести себя подобающим образом.

Русские представители в Закавказье и даже командование ВСЮР, не сумев оценить этих основных принципов, часто обращались к британским военным властям в Закавказье с требованиями, которые шли вразрез с полученными ими распоряжениями и неминуемо бы ввели нас в войну с упомянутыми республиками, что было бы противно принципам, одушевляющим Мирную конференцию».

Фактическая обстановка вызывала, однако, сомнение в такой объективности. Желая войти в непосредственные сношения с закавказскими английскими властями, я командировал в январе 1919 г. ген. Эрдели в Батум, Тифлис, Баку и Закаспий. Его поездка дала много интересного материала, тем более, что английские генералы, не искушенные в дипломатии и политике, были в достаточной мере откровенны.

Прежде всего английский главнокомандующий, ген. Мильн, посетивший в это время Закавказье, уклонился от встречи с ген. Эрдели под тем предлогом, что «при назначении главнокомандующим войск Восточного фронта он не получил инструкций входить в сношения и переговоры с Добровольческой армией. На его обязанности было иметь переговоры с представителями закавказских народностей и областей, по их вопросам и нуждам, и потому на территории Закавказья вести переговоры с Добровольческой армией он не может». Точно так же ген. Эрдели было сообщено, что «приезд его в Тифлис не желателен, и поему английское командование не может взять на себя заботу об его приезде»⁷.

Ген.-губернатор Батума Коллис объяснил последнее обстоятельство «происходящими сейчас важными событиями»... По его сведениям, «грузинская республика будет признана союзниками как самостоятельное государство и, может быть, с полным отделением от России; на очереди стоит даже вопрос о том — присоединить или нет Батумскую область к Грузии». По этому вопросу ген. Мильн запрашивал мнения Коллиса, и последний был в большом затруднении, откровенно сознаваясь в своей полной неосведомленности в истории Аджарии и Батума. Рамки status quo, по-видимому, несколько раздвигались...

Прождав разрешения на дальнейшую поездку целых две недели, Эрдели проездом через Тифлис был неожиданно приглашен Уоккером, с которым имел продолжительную беседу. Уоккер сообщил о существовании трех проектов разрешения судеб Закавказья: «1. Присоединение его к России в границах 1914 г., с автономным управлением в различных областях. 2. Признание самостоятельности образовавшихся республик, с полным отделением их от России. 3. Образование соединенных штатов на Кавказе — в отделе от России или в конфедерации с ней»...

И Уоккер, и Томсон (в Батуме) были в высокой степени любезны, но высказались совершенно определенно, что поддержание идеи общей русской государственности не входит в их задачу, что на Добровольческую армию они смотрят только как на одно из противобольшевистских образований, и никакого русского влияния в ущерб самостоятельному развитию местных «государств» в оккупированной зоне, впредь до решения Мирной конференции, не потерпят.

Эта идея могущественной и целебной силы «мирной конференции» и ее компетенции разрешать самостоятельно, без самой России, ее судьбы проводилась чрезвычайно настойчиво всеми союзными представителями на Юге. Она встречала признание среди кавказских новообразований и казачьих самостийных групп и вызывала глубочайшее негодование среди всех национально мыслящих элементов русского общества. Протест и противодействие этому международному насилию были, поэтому, нашим правом и обязанностью. Зима 1918-1919 г. пройдет в острых столкновениях на этой почве с английским правительством и командованием.

Останутся ли английские войска в Закавказье и надолго ли, это зависело, очевидно, от течения переговоров на Версальской конференции, от настроения парламента и рабочей партии, наконец, от хода событий в самом Закавказье. Во всяком случае, до весны 1919 г. надежды англичан на длительность и прочность их оккупации были еще велики.

В этот период мы увидели наибольшее развитие их политики вытеснения русского влияния в крае, поддержания его раздробленности и создания почвы для перманентных конфликтов межплеменных и межправительственных, как будто для того, чтобы наличием их оправдать необходимость британской оккупации. Первое и второе достигались внушением закавказским новообразованиям мысли о неизбежности признания их самостоятельности и поддержкой их в столкновениях с Добровольческой армией; третье не требовало ни труда, ни искусства: горючего материала было слишком много, и стоило лишь поднести спичку, чтобы вызвать пожар.

В связи и в большой зависимости от направления английской политики протекала жизнь Закавказья. В середине ноября англичане заняли Батум. Турецкая оккупация, длившаяся девять месяцев, оставила известные следы в политических настроениях города и области.

Во-первых, пестрое интернациональное население города-порта изменило свой состав благодаря бегству весной 1918 г. значительного числа русских и грузин, боявшихся турецкой расправы. В волне русского беженства уходили, главным образом, пролетариат и революционная демократия, и потому оставшееся население представляло довольно однородное и сплоченное ядро буржуазного и служилого элемента. Русский национальный совет в Батуме возглавлялся вначале ген. Терменом, а с ноября 1919 г. прис. поверенным, лидером местных кадетов П. М. Масловым — фактическим основателем и душою совета. В городе существовали также малодетельные национальные советы грузинский, греческий, еврейский, польский и мусульманский.

Во-вторых, временное турецкое владычество, с сопровождавшими его реквизициями, поборами, воинской и трудовой повинностью и жестокими мерами административного воздействия, вызвало большое разочарование в местном аджарском населении, покончив надолго, если не навсегда, с основанным на исторических легендах тяготении его к Турции. Сообразно с этим усилились симпатии аджарцев к России. Местного «аджарского» сепаратизма в области не существовало вовсе⁸, если не считать одного эпизода: потомок владетельного бека, полковник русской службы Джемал-бек подымал народ, организовывал вооруженные четы и предлагал город Батум и свои услуги сначала Грузии, потом Турции, с тем чтобы остальная территория Аджарии стала автономной областью под его наследственным правлением. Затея эта не имела никакого успеха, кроме пожалования Джемал-беку ордена и чина паши правительством султана. Картвелы по происхождению, мусульмане по вере — аджарцы сохраняли привитую им турками ненависть к грузинам.

Еще во время турецкого господства Русский национальный совет вошел в связь с командованием Добровольческой армии, признавая ее объединяющим центром и запрашивая директивы. Когда в Батуме появился ген. Уоккер, Совет представил ему меморандум о положении края, громадной культурной роли русского населения в области в течение 40 лет и проект-схему административного ее устройства. Ген. Уоккер призвал председателя совета Маслова и предложил ему организовать «Совет по управлению Батумской областью» под руководством английского генерал-губернатора. По взаимному соглашению в состав совета, для придания ему надлежащего авторитета в глазах смешанного населения города, были назначены представители различных национальностей⁹, во главе с русским председателем (Маслов) и его заместителем (С. А. Анисимов). Все постановления совета подлежали утверждению военного губернатора, бригадного генерала Кук-Коллиса.

«Совет по управлению», находясь в полном согласии с Национальным комитетом, так же как и он, считал себя в подчиненных отношениях к главному командованию Юга и просил руководящих указаний. В основной цели, которую поставил себе совет, мы сходились вполне: «Необходимо отстоять Батумскую область с Батумом и сохранить этот первостепенной важности порт и единственный в своем роде по красоте и богатству дарами природы край за Россией»... Маслов запрашивал, «как поступать в тех случаях, когда английское командование отдает распоряжение,

идушее в ущерб русским интересам? Проявлять ли уступчивость в предвидении лучшего будущего или категорически отстаивать свое мнение, не останавливаясь перед постановкой вопроса об отказе от власти». Я отвечал: «Не задираясь по мелочам, в основных вопросах русской государственности прямо, открыто и резко защищать русскую идею, не останавливаясь ни перед чем».

Также категоричны и беспепелляционны были притязания на Батум Грузии. Вся грузинская печать с необыкновенной страстностью относилась к батумскому вопросу, разжигая национальный шовинизм в своей стране, впадая не раз в истерику и, по обычаю, допуская бульварное сквернословие в отношении своих «врагов — русских». «Батум и мусульманская Грузия — наши, писала «Сахалко Сакке»¹⁰. — Они — мы. Они должны быть наши. Мы должны быть вместе, непременно вместе, иначе невозможна наша жизнь, наша независимость, наша национальность, это — неизбежно, это — главный очередной вопрос нынешнего дня... Мы должны осуществить это объединение, ничего для него не жалеть и принести в жертву все... Мы должны вернуть себе Батум»...

Грузинское правительство наводняло город и область грузинами во главе с агитаторами и террористами; по области ходила безвозбранно шайка Аслам-бека, проповедуя вражду против России, побуждая аджарские селения к принятию грузинского подданства; отряды грузинских войск сосредоточивались к Нотанеби, возле Батума, бряцая оружием и нервируя батумский совет.

Таким образом, в батумском вопросе столкнулись три стороны: Россия, Грузия и Англия. За кулисами стояла еще временно вышедшая из игры, побежденная, но не оставившая своих притязаний на Батум — Турция. Территориально к первой группировке примыкали верхняя и нижняя Аджария, сохранявшие привязанность к своей метрополии, посылавшие с таким заявлением делегацию к англичанам; ко второй — Кобулетский район и аджарцы города, поддававшиеся несколько грузинской пропаганде — в общем около 10% коренного населения. Политически — к русской группе примыкали все прочие, кроме грузин.

Третья сторона — англичане — хранили в тайне свои намерения и цели, а видимая непоследовательность их заявлений и действий приводила в раздражение и нас, и грузин. Неопределенность положения «русского вопроса» на мирной конференции служила покровом этой непоследовательности. Так, английские представители высказывали не раз предложение, что Батум перейдет то к Грузии, то даже к Армении, питая тем грузинский шовинизм и создавая натянутые отношения к русскому направлению со стороны местного армянского совета.

Английский губернатор устранял русскую администрацию в Артвинском округе и передавал ее темным туркофильским элементам, находившимся в связи с так наз. Юго-Западной республикой¹¹. В начале апреля он распустил «Совет по управлению», обвинив его в ведении «личной политики» и в неудачных финансовых мероприятиях, заместив все должности английскими офицерами, причем во главе гражданского управления был поставлен еврей Харрис — до войны маклер Лондонской биржи. Одновременно распоряжением губернатора спускался «с почестями» русский флаг, развевавшийся на батумо-грузинской границе, и заменялся британским, а в пограничном районе расклеивались объявления, что слухи о присоединении Батума к Грузии ложны и «Батум всегда останется Батумской провинцией...» (?)¹².

Англичане реквизируют богатые запасы нефти, бензина и друг. — в качестве приза, взятого «у немцев»; большие русские военные запасы — в качестве военной добычи, захваченной «у турок»; брали под свой «протекторат» Артвинскую опытную станцию и богатейшее Чаквинское имение; устанавливали произвольный курс фунта, понизив вдвое местную валюту; сравнивали рубль с грузинской боной, уронив почти вдвое курс рубля. Одновременно они отдавали ВСЮР большое количество ненужного им боевого имущества крепости, до некоторой степени принимали меры к облегчению населению продовольственного вопроса и к помощи российским пенсионерам.

Граница с Грузией была свободна для въезда всех агитаторов и членов грузинской мафии, тогда как в отношении лиц, следовавших с территории Юга России в Батум, англичане установили требование персонального разрешения из Константинополя от штаба Мильна¹³, норму — не более 150 человек в один пароходный рейс, притом только имущих. В Новороссийске и других портах скопились, поэтому, толпы беженцев — в обстановке грязи, тифа и голода.

Англичане отдали Грузии «по техническим соображениям» участок жел. дор. Батум — Нотанеби, и первым следствием этого было удаление всего русского жел.-дор. персонала и появление в Батуме грузинского агитационного поезда с знаменательным девизом: «Кто не с нами, тот против нас». Шовинистическая литература на русском и местных языках наводнила край. Опытные грузинские агенты терроризировали русское население, преимущественно видных общественных деятелей, применяя угрозу подметными письмами, разбойные нападения и убийства, и русский национальный совет вотще взывал к английской власти о принятии более действительных мер охраны от злоумышленников.

Наряду с этим английским губернатором разрешались повсеместно митинги, устраиваемые грузинами с призывом присоединения к Грузии и выступления против Добровольческой армии. На мой протест по этому поводу английская миссия дала весьма оригинальное разъяснение ¹⁴: «Британский губернатор, будучи уверен, что область настроена враждебно по отношению к грузинам, разрешил организовать собрания в Батуме, Артвине и друг., чтобы дать возможность населению проявить свое недоброжелательное отношение к Грузии. Его политика увенчалась полным успехом ¹⁵... Губернатор, установив, таким образом, публично антигрузинскую ориентацию населения, запретил дальнейшие собрания».

Русское правление и Русский совет Батума неоднократно просили меня поставить в городе небольшой Добровольческий гарнизон для охраны порядка и символического изображения государственной связи Батума с Россией. Англичане воспрепятствовали этому, но разрешили открыть в Батуме вербовочное бюро для комплектования Добровольческой армии. Взявший на себя эту работу ген. Натиев — аджарец по происхождению — возбудил против себя сильно и англичан и грузин. Опасности для Грузии ген. Натиев не представлял никакой. Весь итог его работы выразился в привлечении 40 офицеров и 300 солдат — армянских беженцев, мало пригодного элемента.

В мае ген. Натиеву запрещены были всякие формирования и предположено было заменить его другим лицом. Но грузинская разведка приписывала Натиеву формирование «Закавказского корпуса», предназначенного для покорения Грузии, и грузины решили убрать его со своего пути. 15 июня Натиев и его адъютант, проходившие по людной улице города, были убиты наповал шайкой грузин во главе с офицером. Это событие возмутило глубоко русские круги и в ответ на мой протест вызвало весьма уклончивый ответ английской миссии: «Британскому военному губернатору известны те лица, которые убили генерала Натиева. Попытка задержать их была сделана, но они скрылись в Грузию. Не имеет смысла доносить об них грузинскому правительству, которое будет защищать своих агентов; но если они, как то ожидается, вернуться, то их арестуют» ¹⁶.

Так шли дела, писались ноты, заявлялись протесты — мною, батумским русским правлением, потом русским национальным советом, далеко не всегда достигавшие практических результатов. Но иные средства, более активные, нам были недоступны: по бедности, материальной зависимости от англичан, по недостатку вооруженных сил и несклонности к методам, практиковавшимся грузинами... Во всяком случае, наша борьба оказывала, без сомнения, сдерживающее влияние на темп сложного процесса — отрыва от метрополии русской окраины, не оставляя ее вконец беспризорной.

В конечном результате английская политика в Батуме вооружила против себя всех. Я просил английскую миссию разъяснить — «имею ли я в лице английского командования в Закавказье друзей или врагов?». Русский национальный совет констатировал, что, «к сожалению, ожидания и надежды русских людей, связанные с прибытием союзников-англичан, не оправдались, ибо, по-видимому, они являлись сюда не для выполнения союзнических обязательств и помощи пострадавшей России, а для преследования своекорыстных — не только экономических, но и политических — интересов» ¹⁷.

Наконец, грузинское правительство и печать, в свою очередь, ополчились против англичан. «Здесь, в Тифлисе, — писал официоз правительства «Борьба», — произошло наше взаимное понимание (с английскими властями) и были изысканы один общий язык, одни общие пути. В Батуме имеет место диаметрально противоположная политика». Орган грузинских соц.-рев. «Шорма» изливал свою злобу: «Грузинское общество с радостью встретило весть о переходе Батума в руки

англичан, так как оно надеялось, что благородное британское командование поймет, что Батум является сердцем Грузии, и последняя никому его не уступит, пока в ней будет жить чувство собственного достоинства. Добровольцы и Деникин поняли это, и потому Батум они превратили в гнездо интриг, подкупа и шпионажа. Не проходит дня, чтобы они не бросали в нас отравленные стрелы. И Грузия вынуждена переносить это унижение только потому, что этот бессовестный и продажный народ опирается на престиж и авторитет Британии».

Такие изо дня в день повторяющиеся выпады некультурной, лишенной традиций и чувства меры грузинской прессы, поощряемой правительством¹⁸, сыграли, без сомнения, немаловажную роль в наших взаимоотношениях.

Англичане потребовали от турецкого командования очищения русского Закавказья до границ 1914 г. к половине января. В связи с этим в Карсской области вместо турецкого военного управления образовалась «Юго-Западная республика»¹⁹. Правительство ее («Шуро»), исключительно из мусульман, было поставлено турками и находилось всецело в руках видных деятелей партии «Единение и прогресс» — Нури-паши (брат Энвера) и Халил-паши. «Республика» имела свои «войска» — тысяч 5—6 плохо организованных банд, в изобилии снабженных турками оружием и боевыми припасами; в состав их были турецкие офицеры и немало аскеров.

Англичане отнеслись с большим интересом к новообразованию, но хранили полное молчание относительно его будущей судьбы, приводя тем в крайнее беспокойство претендентов на Карское наследие — Грузию и Армению. Со времени турецкого нашествия большая часть русского населения и почти все армянское население бежало из Карсской области, в которой образовалось фактическое преобладание турецкого элемента. Все земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь, всякое добро беженцев попало в руки турок, и теперь «Юго-Западное правительство» противилось всеми способами возвращению беженцев.

Политическое положение «республики» к концу декабря было весьма сложное. В Карсе сосредоточились три власти: английский губернатор полк. Тимперлей, турецкий — начальник 12-й дивизии и «Шуро»; там же находились и войска трех армий: английский гарнизон, турецкая дивизия и местные формирования. Турки, впрочем, вскоре ушли.

Политические настроения правительства и населения определялись неизбежностью предстоящей ликвидации, расчетов и расплаты и выражались совершенно определенно: «Если не турецкая, то только русская власть». Делегация, встречавшая в Карсе первых английских представителей, приветствовала их непривычными для английского уха словами: «Мы рады вас видеть как союзников, победителей и как дорогих гостей на русской территории»... Мой представитель в Армении полк. Лесли, прибывший в Карс 31 декабря, был встречен на границе области — депутацией от населения, в Карсе — представителями «Шуро» и турецкого командования. Все они выражали пожелания о скорейшем присоединении области к России и назначении русского губернатора как единственный бескровный выход из запутанного положения межплеменной распри. С таким же заявлением дважды впоследствии правительство обращалось к англичанам и посылало делегацию в Америку и Европу.

Английское командование не имело вовсе своей политики в карсском вопросе или она была чересчур маккиавелистической, во всяком случае, по отношению к России — вполне определенной: ген. Уоккер ставил непременным условием возвращения русских беженцев в Карсскую и Батумскую области, чтобы они «не вели пропаганды большевистской и за воссоединение этих областей с Россией»²⁰. Такие же приказы в Карсе отдавал английский губернатор. В то же время полк. Тимперлей, покровительствовавший полутурецкому правительству «Юго-Западной республики», тормозил возвращение в край армянских беженцев, и ген. Бич²¹ заявлял армянскому правительству твердо и решительно, что Карсская область Армении не принадлежит»²²; ген. Уоккер «не видел препятствий» к занятию грузинами Посхова²³, а когда грузинские войска Квинитадзе приступили к занятию этого участка, это вызвало вооруженное сопротивление мусульман и заявление карсского губернатора, что наступление грузин «будет считаться направленным против Великобритании»...

В конце марта обстановка круто меняется: туркофильские тенденции англичан

исчезают окончательно, сменивший Тимперлея новый губернатор Карса ген. Ассер свергает «Юго-Западное правительство», заключает в тюрьму его членов и видных турецких деятелей, и власть переходит единолично к губернатору и образованному им смешанного национального состава Совету. Совет правит только три недели. Пользуясь произошедшим замешательством, грузинские войска вторгаются в северную часть «республики» и занимают Ахалцык и Ардаган, но по требованию англичан очищают последний. В свою очередь, армянские войска с согласия англичан занимают всю Карсскую область, которая входит в состав Армении, и в Карсе водворяется армянский губернатор.

Жизнь области, в которой причудливой мозаикой переплелись взаимно враждебные народности, где даже в наиболее благоприятных районах армяне составляли лишь относительное большинство населения²⁴, приняла после этого иной колорит: там, где турко-татары давили армян, армяне стали давить турко-татар, и атмосфера ненависти становилась все напряженнее, все гуще...

Среди этой обстановки не менялись лишь судьбы русского населения, небольшими оазисами вкрапленного в область²⁵: не проявляя в отношении русских ни особенной вражды, ни племенной и религиозной нетерпимости, просто пользуясь безвременьем, их грабили и притесняли и турки, и татары, и армяне. Карсский национальный совет обращал постоянно свои взоры на Екатеринодар, посылал туда горькие жалобы и искал там заступничества и экономической помощи...

Глава XVII. Грузия

Своеобразную картину представляла из себя жизнь Грузинской республики. Для европейского общественного мнения, благодаря усилиям грузинской заграничной делегации,— это была маленькая культурная страна, окруженная недругами и героически борющаяся за свое существование, имеющая свободно избранное социалистическое правительство, пользующееся народным доверием; страна, текущая млеком и медом и нуждающаяся только в признании *de jure* и в надлежащих границах, чтобы явить миру «чрезвычайно интересный пример нового демократического типа организации государства». Действительность далеко не соответствовала этому идиллическому представлению.

Власть (правительство, парламент и Учредительное собрание) находилась в руках небольшой тесно сплоченной группы, члены которой обладали большим опытом революционной деятельности. Их связывало и племенное (большинство имеретинцы), и зачастую кровное родство, партийная принадлежность (с.-д. меньшевики)²⁶ и общая работа по разрушению — вначале из подполья, потом с вершин — российской государственности²⁷. В их однородности и узком кастовом составе была и сила, и слабость: внутренняя дисциплина, с одной стороны, и оторванность от населения, отсутствие технически подготовленных сил — с другой.

Грузинское крестьянство, составлявшее до 90% населения, получив добавочную землю за дорогую плату, не считало себя вовсе облагодетельствованным. При первобытных способах землепользования, крайней бедности в сельскохозяйственных орудиях и инвентаре, оно и не могло почувствовать сколько-нибудь заметного улучшения своего быта. Между тем, общие условия жизни с каждым днем становились все тяжелее. Падали «боны», росла дороговизна, усиливался товарный и продовольственный голод. Грузинские газеты отмечали новое растущее зло — nepoтизм, кумовство, землячество,— наложившее отпечаток на все правительственные учреждения и приведшее к небывалому взяточничеству, спекуляции и хищениям.

Не устанавливался и правопорядок. «Высокие фразы и лозунги,— писал орган национал-демократов «Сакартвелo»,— щедро бросаются правительством в народ, а последний жаждет мира и спокойствия и испытывает то тяжелое положение, когда личность человека не ограждена правосудием закона и самой администрации. К несчастью, деятельность нашей правящей партии всегда измеряется партийными расчетами, и только этим объясняется бесконечная анархия и беспорядки, существующие в нашей стране». Известная пристрастность в осуждениях политических противников, видевших причину зла в одном лишь правительстве, не исключает, вероятно, большой доли и его ответственности.

Грузия не выходила из финансово-экономического кризиса. Первое полугодие

показало наглядно, что она живет исключительно русским наследством, бюджета свести нельзя и что это обуславливается не только лихолетьем, что было бы естественно и непредотвратимо, но и природной бедностью страны²⁸. Поэтому, не только по мотивам политическим, грузинские правители тянулись к сухумскому табаку, к батумским субтропическим культурам и к богатым Закаталам. Министр финансов Журули сводил государственную роспись теоретически с превышением в четыре раза расходов над доходами (600 милл. и 150 милл.), практически ожидал восьмикратного превышения расходов и представлял, поэтому, один за другим законы об усилении налогового обложения.

Но так как население городов было ничтожно численно и очень бедно, налоговый пресс должен был прижать исключительно крестьянское население. А это было политически небезопасно и практически не осуществимо: деревня, как и везде, замкнулась в свой уклад, не платила налогов и не хотела нести государственных повинностей.

Надежды на экономическую помощь Англии также не сбылись: англичане, ввиду непрочности положения, уклонялись от участия своим кредитом и капиталом в хозяйственном восстановлении Грузинской республики. В грузинской общественности английская экономическая политика производила такое впечатление, как будто «англичане хотят поставить Грузию перед собою на колени»...

В Тифлисе наряду с правительственными учреждениями восседал совет рабочих и солдатских депутатов — «полномочный орган» почти несуществующего, и во всяком случае ничтожного численно, пролетариата Грузии. Этот тяжелый привесок составлял традицию соц.-дем. правительства, с которой нельзя было рвать, не вступая в слишком большие противоречия со своей партийной идеологией, и который к тому же опирался на «национальную гвардию». Оттуда предъявлялись невероятные экономические требования, с трудом удовлетворяемые правительством в ущерб вопиющим государственным нуждам. Туда грузинские правители несли еще свои утопии, свой деланный пафос и революционное словоблудие, которым после их русского опыта не могло быть более места ни на кафедре парламента, ни в практической деятельности правительства.

Вообще положение соц.-дем. интернационалистов, ведущих шовинистическую политику, было необыкновенно трудным, и вождь грузинских соц.-дем. Жордания оправдывался перед русской социал-демократией, из состава которой вышли грузины, классической по своей изворотливости фразой: «Соц.-дем. партия Грузии является организацией не национальной, а территориальной, с призывом поддерживать независимость Грузии»²⁹. Достоинно внимания, что даже такая позиция правящей партии была неприемлема для грузинских национал-демократов, которые жестоко нападали на правительство за его пристрастие к русским меньшевикам — «к злощастной русской демократии», которая «не является уже никакой политической силой в России»... «Думать и заботиться ныне о восстановлении дружбы с Россией — это было бы не только осмеянием великого исторического акта, но и беспримерным политическим шантажом... Все счета со всем, что является русским, должны быть покончены»³⁰.

Совдеп являлся связующим звеном с советской Россией, отношения с которой официальной Грузии никогда не прерывались; тем более, что, кроме столкновения летом и осенью 1918 г. в районе Сочи — Сухуми, грузины вооруженной борьбы с большевиками не вели. Чхеидзе в Париже усиленно подчеркивал, что «Грузия никогда и не вступит в борьбу с советской Россией... Мы не согласны с большевизмом, но мы являемся противниками того, чтобы внешние силы препятствовали развитию советской республики»³¹. Гегечкори в тифлисском совдепе должен был оправдываться против обвинения в «двусмысленной и соглашательской политике по отношению к Добровольческой армии в сентябре 1918 г.». «Правительство являлось врагом советской России, — говорил он, — из-за анархического характера советской власти»; теперь же выяснилось, что «советская власть все более эволюционирует в сторону социализма и, поэтому, возможно и необходимо выровнять единый фронт».

В Москве находилась не признаваемая официально, но исполняющая некоторые консульские обязанности грузинская дипломатическая миссия; Москва и Тифлис обменивались какими-то подозрительными радиogramмами; большевистские комиссары, бежавшие с Северного Кавказа, пользовались в Тифлисе полной свободой,

вниманием и были в тесном содружестве с тифлисским совдепом, снабжая его литературой и деньгами. Уже *post factum*, осенью 1919 г., по поводу большевистских восстаний мин. иностр. дел Рамишвили докладывая Учредительному собранию давно известные истины: «Кавказский областной комитет большевиков действовал по директивам Москвы и, прежде всего, выполнял стратегические поручения московского правительства. В Грузии на организацию восстания большевиками было израсходовано 12 милл. руб.»³².

Это культивирование грузинскими соц.-дем. большевизма велось отнюдь не для внутреннего потребления, а исключительно для экспорта: в глубоком нашем тылу образовался форпост большевизма, который имел в Тифлисе свой печатный орган, работал пропагандой, деньгами, формированием и посылкой агитаторов и интернированных красноармейцев на Черноморское побережье, в южную Осетию и вообще повсюду сеял вражду против Добровольческой армии.

Это было для Грузии хотя и несколько опасно, но вместе с тем полезно. И грузинское правительство не прочь было расширить рамки противодобровольческого фронта привлечением в орбиту своего влияния другого сильного и влиятельного в Закавказье центра российского большевизма — бакинской рабочей конференции. На призыв тифлисского совдепа к объединению для вооруженной борьбы с армиями Юга России (май — июнь) конференция откликнулась горячим сочувствием и предложением немедленного, не позже половины июня, созыва всех совдепов Закавказья в Тифлисе.

Это предложение было неожиданным и слишком опасным, возбуждая мысль о троянском коне, так как ни бакинские организации, ни большевистские комиссары, принимавшие участие в заседаниях тифлисского совдепа, не слишком скрывали свои истинные намерения — водворения в Закавказье московской советской власти. Правительство Жордания согласилось вначале на созыв съезда, но под условием, чтобы темой его была исключительно «деникинская опасность»; потом предъявлены были новые условия, чтобы «бакинские рабочие предварительно признали руководство в борьбе с генералом Деникиным за правительством Грузии».

Все эти требования подозрительно быстро и охотно принимались бакинцами... Разговоры, тем не менее, все затягивались и, наконец, правительство взяло обратно данное на созыв съезда разрешение. Произошло это не без серьезной борьбы. Меншевистским лидерам пришлось самоотверженно тушить раздутый ими самими пожар: в бурном заседании тифлисского совдепа бакинские делегаты скорбели, что «рука бакинского пролетариата повисла в воздухе», и называли грузинских меньшевиков социал-предателями; последние заявили, что «рука, протянутая большевиками, тянется к горлу грузинских меньшевиков» и что «Зурабов³³ и большевистские комиссары — тайные и явные агенты генерала Деникина». Так говорил командующий народной гвардией, грузинский большевик Джугели, отрекаясь от русского большевизма.

В результате тифлисский совдеп принял резолюцию, гласившую: переговоры выяснили коренные разногласия между пролетариатом Грузии и Баку: «Коммунисты перед лицом деникинской опасности пытаются использовать момент для того, чтобы навязать демократам Грузии свою тактику, направленную к полному разрушению Грузинской республики; при таких условиях созыв Закавказского рабочего съезда в данный момент нецелесообразен». Тем не менее заседание выразило уверенность, что, «независимо от всяких политических разногласий, в борьбе с деникинской контрреволюцией весь пролетариат Азербайджана и Армении выступит так же сплоченно, как и пролетариат Грузии».

Этот эпизод вызвал охлаждение, но разрыва не произошло. Большевистские организации и деятели приберегались для разрушительной работы вне пределов Грузии. Грузины пользовались ими, они пользовались грузинами. Их не хотели трогать, быть может, не смели — в предвидении всяких политических возможностей...

Даже в ноябре, после ряда большевистских восстаний, когда Рамишвили испросил у Учр. собр.³⁴ декрет против пришедших большевиков, он облек его в такую тонкую и туманную форму: «Временно для борьбы с анархией предоставить мин. вн. дел право запретить существование на территории Грузии такой партии, которая представляет часть иностранной партии и подчиняется руководству главных партийных органов, находящихся в иностранном государстве, если она действует против

независимости Грузии или вмешивается в ее внутренние дела; и вместе с тем закрыть печатный орган подобной партии». Конечно, никаких санкций для арестов и изгнания целых категорий русских граждан и закрытия русских газет, если они были не большевистского толка, от собрания не требовалось. Велик был страх грузинских правителей перед Москвой и не напрасен.

Для характеристики специфических приемов грузинской дипломатии нелишне заметить, что информированный ею начальник штаба Уоккера серьезно уверял полковника Зинкевича о существовании «документальных данных, что русское главнокомандование ведет в Грузии пропаганду большевизма»³⁵.

Культивируя очаги брожения против Добровольческой армии, Грузия с равным вниманием относилась к комитету бежавших из Темир-хан-Шуры бывших городских правителей, возглавленному Цаликовым, Джабагиевым и Богдановым, игравшими ранее видную роль в деле подчинения Сев. Кавказа советской власти. На грузинские деньги они издавали свой печатный орган, вели агитацию и находились в тесном контакте одновременно с тифлисским совдепом и с эрзерумским штабом.

Партийная диктатура, nepoтизм, злоупотребления, голод, безденежье, бандитизм и прочие недуги, разъедавшие страну, ставились — правильно или неправильно — в вину правительству и подрывали доверие к нему в народе. Правительство Жордания не имело сторонников в партиях меньшинства³⁶ и тяготилось дорогостоящей, иногда слишком опасной поддержкой пролетариата (совдеп). Необходимо было отвлечь общественность и партии от внутренних больных вопросов и объединить вокруг себя и националистические, и большевистские элементы одной общей идеей, выполнением одной общей задачи.

Таким громоотводом, сулившим к тому же неограниченные и, вероятно, неповторяемые возможности, благодаря замутившейся политической жизни России, стали внешние завоевания и в обратном преломлении — опять-таки препятствующая им «деникинская опасность».

Грузинские меньшевики-интернационалисты простирали свои руки к Закатальскому округу³⁷, населенному лезгинами; они подавляли вооруженной силой сопротивление Южной Осетии³⁸, стремившейся к национальному объединению с Северной; устремлялись к Сочи, Батуми, Ардагану, к северным уездам Армении. Результатом такого национального шовинизма и империалистических стремлений был целый ряд местных восстаний, грузино-армянская война и то хроническое состояние «вооруженного нейтралитета», прерываемого вспышками локальной войны на Черноморском побережье, которое в равной мере ослабляло и нас, и грузин и доставляло торжество третьей стороне — московской власти.

Для ведения такой политики нужна была армия. Серьезного боевого испытания грузинская армия не имела, и потому от оценки ее боевых качеств я воздержусь. Численно в начале 1919 г. она составляла около 8—10 тыс., сведенных в две пехотных дивизии и одну кавалерийскую бригаду, с большим количеством артиллерии — до 100 орудий. Командный состав состоял исключительно из офицеров-грузин русской службы, во главе с ген. Гедевановым, Квинитадзе и Эристовым.

Независимо от этой регулярной армии имелась еще «национальная гвардия» под начальством Джугели, находившаяся в большей зависимости от совдепа, чем от правительства. Численность ее простиралась до 10—12 тыс., хотя более половины состава распускалось обыкновенно по домам. Комплектовалась она исключительно добровольцами по рекомендации с.-д. партии, совдепа и профес. организаций, относилась пренебрежительно к регулярной армии и враждебно к грузинскому офицерству и отличалась отсутствием дисциплины, бесчинствами и невысокими боевыми качествами. Правительство, тяготясь своими преторианцами, не решалось, однако, расстаться с ними и лишь в июне вошло с представлением в Учред. соб. о реорганизации армии, которая должна была впредь состоять из 4-х отд. бригад, из которых только одна — национальной гвардии.

Грузинская армия была очень бедна денежными ресурсами, но зато богаче всех армий Кавказа, не исключая и Добровольческой, артиллерией, боевыми запасами и военным снабжением, захваченными с быв. Кавказского русского фронта. Насколько богаче, что все это в изобилии посылалось грузинским правительством сочинским повстанцам, ингушским, чеченским и дагестанским сепаратистам, поднявшимся летом 1919 г. против власти Добровольческой армии.

27 ноября 1918 г. радиограмма из Тифлиса, составленная в специфических тонах

грузинского пафоса, поведала «всем» «о предательском нападении на станции Воронцово на грузинскую пограничную стражу... армянских войсковых частей». Министр Гегечкори, свидетельствуя об исключительном миролюбии Грузии, заявлял «протест перед лицом всего мира» против «вероломных действий» армянского правительства... Дело обстояло несколько иначе.

В III томе «Очерков» я говорил о том, как летом 1918 г. Грузия при содействии германцев односторонним актом — вторжением войск — разрешила спорный вопрос владения Борчалинским уездом, с относительным большинством армянского населения³⁹, и объявила о включении в состав своих границ армянских территорий, оккупированных тогда турками⁴⁰. В октябре, ввиду частичного очищения турками Лори, армяне заняли его, вступив в вооруженное столкновение с грузинами, быстро улаженное.

Вскоре после этого грузинское правительство предложило армянскому разрешить спорные вопросы на Кавказской конференции в Тифлисе, созываемой к 27 ноября. Опасаясь, что армяне останутся там в меньшинстве, эриванский парламент потребовал первоначально договориться о спорной границе между собой (т. е. грузины с армянами). Грузины согласились, послав в Эривань с надлежащими полномочиями своего дипломатического представителя Мдивани.

Тем временем началась эвакуация турецких войск, и турецкое командование в последний раз перед уходом своим сыграло злую шутку над обоими своими историческими врагами: армянское правительство было извещено, что турки очистят занятые районы 23 ноября, после чего армяне могут вступить в него; такое же сообщение сделано было грузинам, но срок был указан 21 ноября... Когда двинулись армяне, они встретили в спорных районах грузин. 22-го грузинский ген. Макаев, вступив без боя в Ахалкалаки⁴¹, доносил своему правительству: «Население встретило радостно с хлебом-солью»... Войска его двинулись дальше на юг, вытесняя армянские части, согласно приказу, не вступавшие в бой.

Между тем, в Борчалинском уезде вдоль ж. д. линии Тифлис — Александрополь армянские селения, не вынеся бесчинств и реквизиций грузинских гарнизонов, начиная с 27 ноября, начали восставать поголовно и во многих местах прогнали грузин. Для усмирения восставших двинулись грузинские войска с бронепоездами и приступили к расправе, в которой местами приняло участие и татарское население.

Армянское правительство дважды обращалось с протестом в ультимативной форме в Тифлис⁴² и, не получая ответа, по единогласному решению парламента, 30 ноября предписало своим войскам «занять армянскую часть Борчалинского уезда, до реки Храм, без объявления войны».

Только 4 декабря получен был ответ грузин. Возлагая всю ответственность «за братоубийственное столкновение» на армянское правительство, не приславшее в Тифлис своих делегатов, где их тщетно ждали⁴³, Грузия предлагала «прекратить враждебные действия, занять старые границы и созвать армяно-грузинскую конференцию»⁴⁴. В тот же день последовал ответ армянского правительства, требовавшего вновь предварительного вывода грузинских войск из армянской части Борчалинского уезда, так как «правительство Армении не может оставаться безучастным зрителем того, как войска соседнего государства бесчинствуют в принадлежащей Армении территории и расстреливают граждан Армении».

Вмешательство англичан⁴⁵, предложивших перемирие с тем, чтобы до заключения мира обе стороны оставили спорные области (Лори и Ахалкалаки), также не увенчались успехом: армянский парламент принял предложение, но грузины не ответили и не прислали своих делегатов в назначенный день и пункт⁴⁶. И война продолжалась.

Одновременно по всей Грузии под предлогом, что «армяне производят повсюду тайную мобилизацию», были предприняты репрессии против армян. А все лица — «подданные Эриванской республики призывного возраста, т. е. от 18 до 45 лет», — были объявлены военнопленными и направлены в концентрационные лагеря в Кутаис⁴⁷. Войска ген. Силикова в течение двух недель нанесли грузинам ряд серьезных поражений, захватили три бронированных поезда, 28 орудий, до 75 пулеметов, несколько сот пленных и военные склады, и в середине декабря подошли на переход к Тифлису. Но 16-го они потерпели неудачу у Шулавера и отошли на 10 верст к Садахло.

В это время вторично, уже в ультимативной форме, англичане потребовали

прекращения военных действий, назначив срок — полночь на 19-е. В этот день противники, торопясь каждый создать более благоприятное для себя стратегическое положение, вели встречный жестокий бой, к полночи явно склонившийся на сторону армян.

Условия, предписанные воюющим сторонам, были тяжелы и несправедливы по отношению к Армении: войска ее отводились в исходное положение, существовавшее до начала военных действий, тогда как грузины оставались на занятой линии; в Борчалинском уезде введена была смешанная армяно-грузинская администрация, а в Ахалкалакском, сплошь населенном армянами, — грузинская, под контролем англичан. Как будто нарочно создавались очаги брожения и недовольства.

Хотя сношения наши с Арменией, даже дипломатические, совершенно не налаживались, но грузинское правительство считало само или, может быть, с умыслом внушало англичанам, что совпавшие по времени частичное продвижение Добровольцев в Сочинском округе к ст. Лоо и армянское наступление в Тифлисском направлении являлись «общим широко задуманным планом против Грузинской республики». И ген. Уоккер открыто грозил мин. ин. дел Армении Тигратяну, что, «если армяне совместно с Добровольческой армией нападут на Грузию, он со своими войсками выступит на ее защиту»⁴⁸.

С осени 1918 г., после разрыва переговоров с Грузией⁴⁹, войска Добровольческой армии на Черноморском побережье занимали передовыми частями с. Лазаревское, между Туапсе и Сочи, имея перед собой у станции Лоо грузинскую национ. гвардию ген. Кониева.

Положение русских войск было ненормальным в военном отношении — «ни мира, ни войны» — и весьма тягостным в морально-политическом. В Сочинском округе продолжались спешное расхищение грузинами русского казенного и частного имущества, всевозможные притеснения, аресты и высылки элементов, тяготевших к России, и, вместе с тем, покровительство большевикам и вооружение их. Шли повальные грабежи и разбои. Десятипроцентный сбор натурой со всех продуктов сельского хозяйства и товаров вызвал прекращение подвоза и торговли и усилил еще больше голод... Население Сочинского округа целым рядом депутатий и письменных постановлений обращалось в Екатеринодар с просьбой об избавлении от грузин; с той стороны фронта слышна была часто ружейная пальба, временами артиллерийская; прорывавшиеся через грузинский кордон русские и особенно армяне — жители окрестных селений — приносили на наши передовые посты рассказы о творимых над ними расправах и просьбы о помощи. В то же время из Сочи приходили воззвания и газеты российской революционной демократии («Свободная Мысль»⁵⁰ Цвангера и гагринские «Телеграммы»), жалкие по содержанию, от имени «всего населения» поддерживавшие грузинскую оккупационную власть и одновременно с приведением демагогических посулов грузинских комиссаров обливавшие потоками грязи Добровольческую армию.

9 декабря, в связи со вспыхнувшей армяно-грузинской войной, неожиданно для нас началась эвакуация грузинскими войсками Сочинского округа. Я приказал войскам продвигаться вперед и, не вступая в бой с грузинами, занимать оставляемую ими территорию Черноморской губернии. 16 декабря грузины оставили ст. Лоо, которая и была занята нашим полком. Дальнейший отход грузинских войск приостановился, и противники стояли на р. Лоо в течение целого месяца, не вступая в бой.

Через несколько дней перехваченные документы разъяснили несколько обстановку: 15 декабря «командующий Приморским фронтом» ген. Кониев сообщил населению⁵¹, что «правительством приказано освободить Сочинский округ от войск республики Грузии», но что «всем административным учреждениям и должностным лицам (надлежит) оставаться на своих местах и продолжать исполнение служебных обязанностей». 16 декабря Кониев пояснил мотивы этого распоряжения: «Сочинский округ по соглашению с англичанами признается нейтральным. В силу этого соглашения вступление вооруженных войск какой бы то ни было армии или государства на территорию округа не может иметь места... Управление в округе остается грузинским»...

Такое вмешательство англичан, без предварительного согласия главного командования и даже без уведомления его, вызвало протест наш, обращенный к ген. Пулю. Ввиду того что Сочинский округ составляет искони неотъемлемую часть

русской Черноморской губ., ген. Драгомиров от моего имени просил содействия Пуля к немедленному введению русских войск и русской администрации во всем округе. Это обращение, равно как и ряд других — по вопросам о расхищении грузинами имущества и притеснения русских людей в Сочинском округе — оставались Лондоном и Константинополем без ответа. Вместе с тем 9 января мы получили через английскую миссию сообщение ген. Уоккера⁵² о том, что он «получил инструкцию поддерживать грузин, пока их поведение (?) удовлетворительно», и что поэтому «дальнейшее продвижение войск Д. А. в Сочинском округе без предварительного сношения с ген. Уоккером не должно иметь места». Это требование английского начальника дивизии, о существовании которого мы тогда узнали впервые, вызвало вновь мое обращение к Мильну⁵³, в котором я подтверждал, что «в этом крае должна быть немедленно водворена русская власть» и что я «не могу допустить с его стороны подобное несправедливое отношение к русским интересам».

Между тем, на почве притеснений грузинами вспыхнуло восстание армянских селений⁵⁴, охватившее весь прифронтный и адлерский районы. В наши руки попала телеграмма комиссара Хочолава, после заседания с участием ген. Кониева доносившего правительству выяснившиеся причины восстания, которое легко было бы предотвратить, «если бы местные власти в лице комиссаров, а также регулярные войсковые части стояли на должной высоте». «Мне самому, — писал он, — пришлось лично видеть результаты ряда недопустимых деяний, хищений и грубого отношения к населению со стороны солдат». Хочолава, ввиду грозных событий, 17 января требовал «или уходить, или закрепить положение» и получил ответ правительства, что оно «в ночном заседании (на 18-е) постановило Сочинский округ не очищать». Грузинские войска предприняли широкую карательную экспедицию: в течение нескольких дней шли бои, грузинская армия громила армянские села; к нам доходили вопли о помощи. Дабы положить конец этому кровопролитию, я приказал войскам Приморского отряда занять Сочинский округ.

21 января наши с боем перешли р. Лоо и заняли Сочи, где были встречены с большою радостью населением; в течение ближайших четырех дней Добровольцы очистили от грузин весь Сочинский округ, и начальник дивизии, ген. Черепов, дойдя до р. Бзыби, послал грузинам телеграмму о прекращении им военных действий ввиду окончания возложенной на него задачи. Генерал Кониев и его начальник штаба полк. Церетели были взяты в плен; в Сочи интернировано 43 офицера и 700 солдат, причем офицерам оставлено оружие, а солдаты были обезоружены. Все воинские чины и оружие были отправлены морем в Грузию.

Тем временем начались репрессии со стороны грузин: старик ген. Шатилов и другие наши представители в Тифлисе, многие русские офицеры, даже из числа не имевших отношения к Добр. армии, в Сухуме, Поты, повсеместно были арестованы и ввергнуты в тюрьмы; грузины арестовали также и выслали президиум заступившегося за русских офицеров русского национального совета (Лебедева и Шубинского), вообще усилили репрессии в отношении русских граждан⁵⁵ и в моральном и материальном отношении. Так, в четверг на страстной седмице грузинская милиция вторглась в Тифлисский кафедральный собор во время богослужения и потребовала прекращения службы. Ввиду единодушного протеста клира и молящихся служба была закончена, после чего грузины опечатали собор, отняли его у русского прихода. 24 февраля грузинское правительство обнародовало закон, по которому были конфискованы земли русских землевладельцев, бежавших в свое время от турецкого нашествия и не успевших к сроку, указанному в законе, именно к 1 февраля, т. е. на 23 дня ранее опубликования самого закона, вернуться в места своей оседлости. Это было уже прямо надругательством и над русскими людьми и над правом.

Под влиянием нашего наступления начались восстания абхазцев и армян в Сухумском округе, и представители его вновь обратились ко мне с просьбой избавить абхазский народ от насилий, могущих вызвать кровавую смуту. 1 февраля я отправил телеграмму ген. Мильну и Уоккеру (№ 176), указывая необходимые и неотложные меры для умиротворения Абхазии и устранения поводов взаимных столкновений наших с Грузией: «1) объявить Сухумский округ нейтральным, 2) немедленно вывести оттуда грузинские войска и администрацию, 3) возложить поддержание порядка на абхазские власти, свободно ими самими выбранные, и на военные отряды, сформированные из абхазцев»...

Сочинский эпизод принял совершенно неожиданный для нас оборот. 3 февраля нашей радиостанцией принята была телеграмма «всем, всем» из Тифлиса, подписанная воен. мин. Георгадзе. В ней обычным стилем грузинской дипломатии наше наступление названо было «актом самочинно-грубого насилия и вероломства». «Сочинский округ занимался нами,— писал министр,— по соглашению и настоянию (!) английского командования... 31 января (н. ст.) грузинским правительством было получено от английского командования в Константинополе письменное заявление, что со стороны ген. Деникина не будет предпринято никаких враждебных действий против Грузинской республики»...

Вслед за сим ген. Уоккер сообщил грузинскому правительству телеграмму «верховного союзного командования», что «британское правительство приказало (!) ген. Деникину вывести свои войска из Сочи». При посещении Уоккера 8 февраля делегацией парламента, принесшей ему благодарность по поводу этого решения, Уоккер заявил: «Последнее время отношение грузинской печати к Великобритании очень часто меняется... Несмотря на это, великобританское правительство, если и имеются какие-либо нарушения его политики к Грузии, всегда готово исправить таковые к выгоде грузинского народа»... Посланный Уоккером полк. Уайт прибыл в Сочи и предъявил требование о немедленном выводе войск Добровольческой армии из Сочинского округа, в котором «будет установлен английский контроль». Получил ответ, что «Сочинский округ очищен не будет»⁵⁶.

Английская миссия ген. Пуля, которую, очевидно, не информировали ни Константинополь ни Тифлис, находилась в весьма неловком положении. Ген. Уоккер выразил крайнее возмущение против деятельности екатеринодарского представителя, ген. Пуля, не предотвратившего этот эпизод, и в беседе с одним из чинов Добровольческой армии заявил, что Пуль, очевидно, совершенно не осведомлен о направлении «политики Его Величества» и должен получить указание в Константинополе. Ген. Пуль был вызван в Константинополь и к нам не вернулся.

Сменивший его 3 февраля ген. Бриггс, к нашему удовлетворению, оказался истинным и благородным другом России. Проявляя исключительную заботливость в деле снабжения русских армий, относясь горячо и искренне к нашим нуждам, невзгодам и успехам, он вместе с тем оказывал неизменно большую моральную поддержку и командованию и русской идее. Везде, где ему приходилось выступать — на Донском кругу, среди кубанских самостийников, на Чеченском съезде,— мы слышали от него полные достоинства и спокойствия призывы к единству, к поддержанию государственной связи с Россией. Он был добрый англичанин и исполнительный подчиненный. Но не раз, исполнив свой долг — предъявив мне в сухой и настойчивой форме неприятные для нас требования Лондона, в тот же день — мне это стало известно впоследствии документально — кроме моего отказа посылал и свой личный обоснованный протест против распоряжений Лондона.

Только с приездом ген. Бриггса пришли запоздалые ответы на мои обращения к ген. Мильну⁵⁷. Мильн писал, что письма мои препровождены «правительству Его Величества». Британия «не имеет намерения вмешиваться в дела образованных в Закавказье правительств». Мильн охотно поддерживал бы русские интересы в Грузии, но это невозможно ввиду позиции, занятой русскими в Сочинском вопросе; просил «прийти к дружелюбному соглашению с Грузией». Но одновременно я получил через ген. Бриггса ноту ультимативного характера⁵⁸:

«Я получил указание Военного Министерства предложить Вам немедленно прекратить операции против Сочи. Затем обратить Ваше внимание на постановление мирной конференции от 24 января, в силу которого захват силою спорной территории будет серьезно вменен в вину захватчику.

Если генерал Деникин не согласится ожидать решения из Парижа и не воздержится от перехода в район южнее линии Кизил-Бурун — Закаталы и далее по Кавказскому хребту до Туапсе на Черном море, то правительство Его Величества может оказаться вынужденным задержать (или отменить) помощь оружием, снаряжением и одеждой».

Все это было уже слишком поздно. Запоздалое вмешательство англичан не соответствовало ни русским интересам, ни достоинству русской армии, ни просто справедливости. Путем личных бесед с ген. Бриггсом и предъявлением ряда документов, относящихся к Сочинскому вопросу, я приобрел в нем фактического защитника наших интересов. При этом установлено было, что главное командова-

ние никогда не давало никому заверения или обещания не занимать Сочинского округа.

Такое ложное убеждение, повлекшее за собой приведенную выше ноту Мильна грузинскому правительству, создалось в Константинополе благодаря докладу Уоккера, который *post factum* оправдывал его тем выводом, который был им сделан из слов, сказанных якобы ген. Эрдели во время их беседы 20 января: «Ген. Деникин не имеет никаких агрессивных намерений относительно Грузии и, более того, не мог бы осуществить их, если бы хотел»... Донесение ген. Эрдели от 20 янв. (№ 6) и последующий доклад категорически опровергали и факт произнесения им этой фразы⁵⁹, и возможность ошибочного толкования Уоккером нашей позиции в Сочинском вопросе. Эрдели заявил тогда вполне определенно: «Мы не думаем о завоевании, а о возвращении принадлежащего нам по праву», и на вопрос Уоккера — «удовлетворило ли бы нас установление русской администрации в Сочинском округе, но с грузинскими войсками», — Эрдели ответил категорически: «Нет, войска должны быть выведены, и округ занят нами»⁶⁰.

Результатом всех этих событий было следующее: ген. Уоккер вскоре покинул свой пост; в Гаграх появилась рота англичан во главе с полк. Файнсом, ставшая по р. Бзыби, между расположением обеих сторон, с которых было взято обещание не возобновлять военных действий и не переходить реку; англичане признавали *status quo*, не облакая признания в декларативные формы, чтобы не подчеркивать некоторый урон, понесенный британским престижем⁶¹.

Непосредственные отношения с грузинским правительством у нас решительно не налаживались. Грузины внушали англичанам, что я «отказываюсь принять грузинских представителей»⁶². Это было совершенно неверно. Гегечкори в январе 1919 г. сообщал доверительно некоторым лицам, не без намерения осведомить Екатеринодар, что им посылается дипломатическая миссия в составе «политических врагов правительства» (?)⁶³ к кубанскому правительству, но с главной целью «завязать конфиденциальные сношения с Добров. армией»⁶⁴.

Попытки сближения сделаны были и путем посылки в середине февраля к ген. Эрдели, находившемуся в то время в Баку, кн. Амилахвари, который от имени Жордания и Гегечкори зондировал почву относительно вступления в сношения с Добровольческой армией. Эрдели, обобщая свои впечатления, объяснял эту перемену тем, что «в Грузии замечается поворот к нам, сильное недовольство англичанами и тревога за будущее; боязнь, что англичане съедят Грузию и весь Кавказ и что единственная опора — это мы и Россия». Если известные круги и поддерживают непримиримость, сепаратизм и ненависть к Деникину, Колчаку, то «в массе все больше и больше наблюдается поворот к нам, (который) по-видимому начинает учитываться руководящими кругами»⁶⁵. Не без влияния на изменение настроения было, конечно, и тяжелое экономическое положение Грузии, отрезанной от производительных районов Сев. Кавказа.

Какие бы ни были мотивы, руководившие грузинскими правителями, этот вопрос был встречен у нас с полным удовлетворением. И прибывший 10 февраля в Екатеринодар грузинский «уполномоченный» на Кубани Вачейшвили телеграфировал своему правительству о полученной гарантии неподвижения Добровольцев дальше Бзыби, о прекращении военных действий и о возможности начать переговоры; просил «срочно, по радио мандата правительства на имя Чичинадзе, Вачейшвили и Кикнадзе для ведения переговоров со штабом Добр. армии»⁶⁶.

Проходили недели, а Тифлис молчал. Первая пора растерянности прошла, благоразумие смолкло вновь, и грузинские меньшевики не рисковали не только примирением с главным командованием, но даже вступлением с ним в официальные дипломатические отношения дать оружие в руки своим политическим противникам — соц.-федер. и нац.-демокр. и «скомпрометировать» себя в глазах грузинского совдепа, русской революционной демократии и, главное,.. Москвы. На Сочинском фронте возобновилось прежнее, чреватое опасностями положение: ни мира, ни войны.

Весна 1919 г. была периодом тяжелых боевых испытаний для армий Юга: оставление французами Одессы, потеря почти всего Крыма, критическое положение Донского фронта и угроза Тихорецкой со стороны Царицына требовали сосредоточения всех сил на угрожаемые направления. Получив письменное ручательство ген. Бригса, что, «ввиду занятия британскими войсками линии р. Бзыби, исключается

всякая возможность каких бы то ни было наступательных действий со стороны грузин против Добровольческой армии⁶⁷, я ослабил значительно Сочинский фронт. Между тем, вскоре оттуда начали приходить тревожные сведения: грузины мобилизовали два возраста, вооружили интернированных в Веро большевиков и отправляли их в Сухумский округ, подвозили к Бзыби тяжелую артиллерию и понтоны.

Во второй половине марта грузины сосредоточили за Бзыбью 5—6 тыс. шт[ыков] и до 20 орудий, явно готовясь к нападению. На глазах у английской роты грузины строили второй мост через Бзыбь, и на протест по этому поводу начальника нашего отряда ген. Бурневича полк. Файнс ответил, что «это к военному делу не относится» (?)... Английские посты пропускали беспрепятственно с грузинского на наш берег всех желающих, не исключая и грузинских солдат, требуя только, чтобы они были безоружны... Был даже случай, что на глазах у английского офицера и караула грузинские солдаты на нашем берегу захватили Добровольца — поручика Бенуа, абхазца по происхождению, и увели его через мост в свое расположение...

Вновь начинались какие-то странные недоразумения, которые английская миссия при всем желании предотвратить не могла, так как части 27 англ. дивизии подчинялись командованию в Тифлисе.

В то же время при содействии грузин в Сочинском округе подымалось восстание зеленых. Это движение имеет свою сложную историю, на которой я остановлюсь в другом месте; здесь же ограничусь лишь указанием на специально местные черты его характера.

Революционные организации обосновавшихся в Черноморье российских социалистов, совместно с покровительствующими им грузинскими властями, усиленно внушали крестьянам мысль, что при содействии англичан округ может быть «нейтрализован», и это избавит их от реквизиций, податей, налогов, вообще от несения всяких государственных повинностей, в том числе и от набора. И потому, когда объявлена была в середине марта мобилизация 4-х призывных классов, военнообязанные стали уходить поголовно в леса, там организовывались в отряды, снабжаемые в изобилии оружием и патронами от грузин. И 26 марта поднялось вооруженное восстание в д. Пластунской, распространившееся вскоре на весь район Сочи — Красная Поляна — Адлер. А 31-го были закончены и приготовления грузин к переходу в наступление.

Ему предшествовали два странных обстоятельства. 24 марта полковник Файнс обратился к начальнику нашего передового отряда с запросом — «Получены ли им приказания о выводе русских войск из Гагринского района» и, если нет, то просил «обратиться к ген. Деникину за соответствующим приказанием». А 3 апреля, т. е. накануне наступления грузин, получена была телеграмма ген. Мильна, извещающая о том, что «грузины предполагают атаковать (Добровольцев), несмотря на то, что им известно, что это явится актом враждебным по отношению к (англичанам)». Миссия добавляла⁶⁸, что ген. Мильн предпринимает шаги, дабы этому воспрепятствовать, и советовала удержать наши черноморские отряды «от враждебных действий и отвести войска к северу как можно дальше».

4 апреля получена была мною телеграмма грузинского главнокомандующего, ген. Гедеванова⁶⁹: «Во избежание возможности кровопролитного столкновения между Грузинской и Добровольческой армиями, необходимо немедленно разрешить вопрос об установлении пограничной линии, которою, по нашему мнению, является река (нерасшифровано)⁷⁰.

Для того чтобы я имел возможность совместно с Вами действовать против общего врага — большевиков, и для сглажения существующих между русскими и грузинами неприятных недоразумений нужно Ваше срочное согласие по этому вопросу. Ваше согласие даст мне возможность обеспечить Ваш тыл так, как Вам будет желательно, и убедить наш народ в Вашем дружественном отношении к нему»⁷¹ (из протокола заседания 8 мая 1919 г. в присутствии ген. Бриггса).

И, словно в разъяснение истинного смысла происходящего, через несколько дней мы прочли воззвание от «Штаба национальной гвардии» Джугели — всем сочинским «товарищам»: «...Цель предательского врага выбить из наших рук доблестное красное знамя, восстановить деспотизм, торжество темных сил и раздавить нашу свободу и демократию... Объединившись и тесно сомкнувшись вокруг красного знамени с оружием в руках, будем биться на смерть с силами реакции, наступающими (!) на революционную Грузию. Долой черную реакцию! Да здравствует революционная демократия! Да здравствует социализм!»⁷².

В тот же день, когда получена была телеграмма Гедеванова, с рассветом грузинские войска, перейдя беспрепятственно линию английских постов и реку Бзыбь, ударили на слабый наш передовой отряд — Кавказский офиц. полк ген. Ушака. Ушак отбил атаку; но вскоре обнаружилось, что все высоты в тылу заняты зелеными, и отряду почти в полном окружении пришлось отходить за р. Мзымту, пробиваясь с большими потерями. Сухопутное сообщение с Сочи было отрезано. Только 7 апреля высланные из Сочи подкрепления расчистили тыл отряда от повстанческих банд и овладели Адлером и Пластунским — центром восстания, после чего оно пошло на убыль и вскоре замерло. Грузины продвинулись до Мзымты, но вскоре отошли, остановившись за р. Мехадыр, и начали расправу с армянскими селами...

Ввиду открытия военных действий грузинами, я приказал закрыть границу, выслать всех грузинских официальных представителей за пределы Вооруж. сил Юга и воспретить заход наших судов в грузинские порты. Войскам Черноморья приказано было перейти в наступление и выбить грузин из Сочинского и Сухумского округов.

Начались приготовления по сбору сил и подготовке десанта⁷³. Тем временем ген. Бриггс, принимавший горячее участие в наших делах, снесясь с Константинополем, сообщил мне, что главнокомандующий (ген. Мильн) считает действия грузин «прямым нарушением данных британскими властями указаний» и «посылает британские войска для предотвращения дальнейших продвижений»⁷⁴. Ввиду этого ген. Бриггс просил меня не предпринимать наступления, выражая твердую уверенность в мирном разрешении вопроса.

Англо-грузинские переговоры затянулись. Грузинское правительство опять, как в начале года, выразило пожелание начать переговоры с главным командованием при посредстве английского представительства. Генерал Бриггс взял на себя лично эту миссию и в начале мая поехал в Тифлис, ознакомившись предварительно с моими требованиями⁷⁵. После двух заседаний, 8 и 10 мая (в Батуме и Тифлисе), выяснивших, между прочим, что инициатором приглашения был ген. Гедеванов, по-видимому, искренне стремившийся к примирению с Добр. армией, ген. Бриггс пришел к заключению, что он «напрасно потерял время, так как у грузин не было желания идти на уступки».

Основное требование об очищении грузинами Черноморской губ. отводом войск за Бзыбь было отвергнуто⁷⁶; о нейтрализации Сухумского округа, тем более, они не хотели и слушать, и потому дальнейшие прения имели чисто академический характер, выясняя лишь общие взгляды грузинского правительства на отношения к России вообще.

Вероятно, с большим удивлением и впервые грузинские правители услышали из уст английского генерала такие фразы: «Англичане и итальянцы уйдут, но Россия останется навсегда; и дружеские отношения с нею — это лучшее, что может быть... Лига наций еще не вылилась в определенную форму... Мирная конференция закончится, Россия же будет великой и могущественной, и вы подготавливаете себе не особенно благоприятную будущность... Генерал Деникин (считает, что) не имеет права и полномочий изменять границы областей России до Всероссийского народного собрания, которое одно может разрешить этот вопрос»...

К сожалению, позиция ген. Бриггса была не особенно прочной, когда Гегечкори не без иронии предложил ему вопрос: «Мы желали бы слышать — личное ли это мнение ген. Бриггса или... британского командования»... Так как «мы имеем сведения, что вопрос о границах будет разрешен не на Всероссийском собрании, а на Парижской мирной конференции... Мы имеем уверенность, что Британское правительство поддержит нашу независимость от России»...

Эта уверенность во всемогуществе Мирной конференции была у грузинских правителей очень прочной, а перспектива решить вопрос своего суверенного существования и территориального распространения при отсутствии России — слишком заманчивой... Этим обстоятельством, в гораздо большей степени, чем стратегическими соображениями, обоснована была та торопливость, с которой велись грузинские захваты, та цепкость, с которой отстаивались приобретаемые ими границы «Великой Грузии». Поставить Мирную конференцию перед свершившимся фактом — это казалось самым главным. Вопрос же о «народном волеизъявлении» представлялся уже более легким: для этого существовали такие

влиятельные факторы, как усиленная колонизация, национальная гвардия и... Мцхетский замок.

12 мая ген. Бриггс вернулся из поездки, а 23-го прибыл из Лондона в Новороссийск... его заместитель ген. Хольман. Приезд последнего был полной неожиданностью для ген. Бриггса, которого Британское правительство не уведомило о предстоящей смене. 30-го мы провожали с душевным сожалением «друга России и нашего друга», заслужившего глубокое уважение в русском обществе и в Армии.

Роль ген. Бриггса на этом не кончилась. Он защищал интересы России и Армии Юга в Лондоне — в военном министерстве и парламенте, ездил в Бухарест и Варшаву — убеждать Братиано и Пилсудского в необходимости общих усилий для освобождения Европы от мировой угрозы русского большевизма, в необходимости кооперации с Вооруженными силами Юга⁷⁷. Осенью 1919 г. он вновь посетил Ростов, Харьков, Киев, желая возобновить связь с русскими армиями для наиболее целесообразной помощи им.

Удаление ген. Бриггса казалось странным и необоснованным, так как преемник его, ген. Хольман, с первых же шагов своих стал вести ту же дружественную нам политику.

Все на Черноморском побережье осталось по-прежнему. Ген. Мильн, будучи у меня 9 апреля, заявил, что он потребовал отхода грузин за Бзыбь, то же повторила английская миссия 12 июня. Но, видимо, британский авторитет был уже недостаточен ни для предупреждения, ни для ликвидации столкновения. Или, вернее, Лондон не желал подкрепить его аргументом более веским, чем бумажные ноты.

Грузины остались на Мехадыри. Между правительствами ВСЮР и Грузии по-прежнему не существовало официальных отношений. Граница была закрыта. А войска двух армий стояли на побережье друг против друга в постоянной боевой готовности, рискуя каждую минуту тем, что в силу какого-либо непредвиденного случая «заговорят сами» ружья и пушки.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. «Тифлисский центр» негласно возглавлялся ген. от инф. Шатиловым; полк. Лазарев состоял при английском командовании в Баку и сносился с азербайджанским правительством; полк. Лесли состоял при армянском правительстве. С марта 1919 г. в Батуме находился при английском командовании ген. Романько-Романовский.
2. Подписано нач. воен. управ. ген. Лукомским и нач. отдела ген. Вязьмитиновым, утверждено главнокомандующим.
3. Причиной было исключение бакинск. представителей — несоциалистов. Отколовшаяся несоциалистическая часть съезда образовала «Закавказ. рус. нац. комитет», поддерживавший по-прежнему связь с главным командованием Добармии.
4. Эпизод с «ген. Харьковским» служил долго предметом острословия южных газет.
5. «Bibi-Eibat Oil Company Ltd.».
6. Нота от 1 августа, № 1293, на имя начальника штаба главнокомандующего.
7. Донесения Эрдели 12 и 18 января, № 3 и 5. Позднее на протест мой против такого оскорбительного отношения к представителю главного командования ген. Мильн выразил «сожаление по поводу происшедшего недоразумения», объяснив, что он не был уверен в полномочиях Эрдели... Сношение британской миссии 25 марта, № 134.
8. Такие «удивительные» факты приходится оговаривать, ввиду того поветрия самоопределения, которое охватило российские народы. Не многим, вероятно, известно о кратковременном существовании суверенной «Ингерманландии», в юго-западн. уголке Петроград. губ., серьезно протезируемой соседним сувереном — Эстонией.
9. 2 грузина, 1 грек, 1 мусульманин, 1 еврей, 1 поляк и 1 армянин, позднее еще 2 аджарца. По определению Маслова, только один грузин — сепаратист, прочие все — русофилы.
10. Орган груз. соц.-федералистов.
11. См. ниже.
12. Объявление за подписью капитана Крейна снято в районе Чаквы.
13. Нота от 22 февраля, подписанная полк. Кизом.

14. Нота от 1 августа 1919 года.
15. Собрания проходили не везде так благополучно, как уверяли англичане.
16. Нота 1 августа, № 1293, полковника Киза.
17. Особое постановление 28 апреля 1919 года.
18. Пресса находилась всецело в руках мин. вн. дел Рамишвили.
19. Территория ее включала, кроме того, Артвинский округ (условно), Зачорохск. край и Ахалцикский уезд Тифлисской губернии.
20. 13 января 1919 года. Из ответной речи Уоккера на приветствие Закавказск. рус. нац. совета.
21. Из штаба ген. Мильна, ведавший в Тифлисе развед. и политическ. отделом.
22. Доклад ген. Томилова от 11 февраля 1919 г. и свидетельство военного министра Армении ген. Карганова.
23. Северо-западная часть Карсской области, спорная между турками, армянами и грузинами.
24. В двух уездах --- Карсском и Кагызманском — 35—37%.
25. 32 селения, не более, чем 12 тыс. оставшихся на местах жителей.
26. В правительстве --- все с.-д., кроме одного; в Учред. собрании --- 109 с.-д. из общего числа членов 130.
27. Главнейшие посты занимали: Ной Жордания — председатель правительства; Георгадзе — военный министр; Рамишвили — министр внутренних дел; Гегечкори — министр иностранных дел; Лордкипанидзе (акушер по специальности) — министр путей сообщения...
28. Хлеба Кахетии и Карталинии не хватало на всю республику; садоводство и виноделие встречали конкуренцию районов, более близких к рынкам сбыта; угли имели лишь местное значение; лес по бездорожью не вывозился вовсе; фабрик и заводов не было; главный предмет экспорта, далеко не покрывавший ввоза — марганец (добыча до 50 мил. пудов в год).
29. Из речи 4 декабря на объединенном заседании с.-д. организаций.
30. Орган н.-д. «Питало Клдэ»
31. Апрель 1919 года.
32. «Колоссальность этой суммы, говорил Рамишвили, — будет очевидна, если ее сравнить с расходами, произведенными всеми политическими партиями на выборах в Учредительное собрание, — 500 тысяч рублей».
33. Лидер большевиков в совдепе.
34. Открылось 27 февраля, 13 марта им был санкционирован единогласный акт бывш. «Национального совета» о самостоятельности Грузии.
35. Доклад начальника ген. штаба Армении, полк. Зинкевича, от 17 августа 1919 года.
36. Соц.-федер., нац.-дем. и соц.-рев.
37. В составе Азербайджана.
38. Нагорные части Горийского и Душетского уездов Тифлисской губ.
39. По данным 1916 г., 43,5% армян, 1,5% грузин.
40. Ахалкалакский уезд Тифлисской губ., Казахский --- Елизаветпольской и часть Александропольского --- Эриванской губ.
41. В Ахалкалакском уезде, по данным 1916 г., армян 76,4%, грузин 7,3%.
42. Телеграммы от 26 и 29 ноября, мин. ин. дел и мин.-председ.
43. Это заявление находилось в противоречии с нотой от 17 ноября грузинского дипломатического представителя Мдивани, который между прочим писал, что он уполномочен грузинским правительством на окончательное разрешение вопроса о границах, соглашение по каковому вопросу он представит на утверждение правительства. Официоз грузинского правительства «Борьба» (18 дек.) уверял, впрочем, что соглашение с Мдивани было достигнуто, и он возвращался с проектом в Тифлис, когда армянское правительство послало свой ультиматум.
44. Радиограмма Гегечкори.
45. Капитан Грин, посланный ген. Томсоном. Уоккер прибыл в Тифлис позднее.
46. 6 декабря на ст. Самаян ожидали кап. Грин и армянские делегаты.
47. Грузинское правит. сообщение от 16 декабря. В одном из заседаний армянского парламента подсчитывали потом громадные деньги, нажитые с богатых армян на этом предприятии грузинской администрацией.
48. Свидетельство военного министра Армении --- ген. Карганова.
49. См. т. III, гл. XXXIII.
50. «Орган Сочинского комитета с.-д. рабочей партии».
51. Приказы №№ 11 и 12.
52. Письмо, подписанное полк. Кизом, № 129.

53. Письмо от 14 января, № 45.
54. В Сочинском округе 36,7% сельского населения — армяне.
55. Заявление Уайта 8 февраля, письмо его 7 февраля и телеграмма начальника штаба Романовского 10 февраля, № 02 072.
56. Нужно заметить, что и «грузинские граждане», и просто грузины, пребывавшие на территории ВСЮР, никогда не подвергались никаким ограничениям, и тем из них, которые состояли на государственной службе, предоставлено было продолжать ее.
57. Письмо от 29 января 1919 г., полученное 3 февраля.
58. От 6 февраля.
59. По смыслу фраза была бы правильной — в отношении этнографической Грузии, но не Черноморской губ.
60. В ноте от 25 января ген. Уоккеру Гегечкори излагал этот эпизод следующим образом: «Нотой от 31 января — 1 февраля (нов. ст.) за № 124 5, Ваше Превосходительство сообщили мне по поручению высшего британского командования, что Великобританское правительство предложило ген. Деникину соблюдать целостность грузинского правительства (республики?) и воздержаться от вмешательства в его внутренние дела. Грузинское правительство считало, что эта нота является для нас достаточной гарантией». Таким образом, гарантии Грузии даны были Уоккером за два дня до встречи и разговора с Эрдели.
61. Официальное признание границы по р. Бзыби было сделано впервые в ноте ген. Кори грузинскому правительству 29 мая 1919 г., т. е. два месяца спустя после того, как грузины перешли ее (см. ниже).
62. Из письма ген. Мильна 29 января 1919 года.
63. Первоначально предполагалось послать А. В. Мдивани (соц.-фед.), ген. Имнадзе и полк. кн. Амилахвари (оба правые). Первый грузинский посланец на Кубань Чхенкели еще в ноябре добивался от грузинского правительства «мандатов и присылки делегации на основах взаимности» (радиограмма его от 4 ноября, № 22/340).
64. Доклад зам. председателя Закавказского русского национ. совета Семенова от 16 января и доклад пор. Полунина от 26 марта, № 62.
65. Письмо к ген. Драгомирову от 15 февраля 1919 года.
66. Вачейшвили имел еще с декабря полномочия от правительства «на заключение экономического договора по принципу товарообмена, не связывая заключение договора с вопросом о Сочинском округе». (Телегр. воен. мин. Георгадзе.) Такая постановка вопроса встретила категорический отказ главного командования.
67. Нота от 18 февраля 1919 года.
68. Нота № 344 от 3 апреля.
69. Отправлена *первого* апреля по телеграфу через англичан.
70. Оказалась Мехадырь.
71. Самый факт перехода грузин в наступление ген. Гедеванов объяснял впоследствии следующим оригинальным образом: «Когда мы стояли на реке Бзыби, в Сочинском округе произошли волнения. Причины их мы не знали (!) и думали, что там имеет место большевистская пропаганда. Чтобы остановить распространение восстания, мы решили перейти в наступление».
72. Воззвание датировано 7 апреля. По поводу его ген. Гедеванов заявил впоследствии, что национальная гвардия «подчинена непосредственно правительству», а ему лишь «в тактическом отношении... и многие вопросы она решает самостоятельно». Из того же протокола.
73. К 20 апреля в Сочинском районе удалось стянуть всего до 2800 штыков при 13 орудиях. Ослаблять главные фронты не представлялось возможным, а слабый в то время Черноморский флот был занят у Акманайских позиций (Крым).
74. Нота 8 апреля, № 66387.
75. Не повторяю их, так как они были изложены в инструкции Баратову; прибавил пожелание нейтрализации Сухумского округа, не ставя, однако, вопрос этот ультимативно.
76. Ген. Гедеванов мотивировал необходимость границы по Мехадыри тем, что тогда «мы (грузины) будем владеть узким коридором, удобным для прикрытия Грузии от находящихся с нами в войне или недружелюбно настроенных к нам армий» (!). Гегечкори: «Мы хотим иметь такую границу, которая нас вполне обеспечит от проникновения большевизма». Рамишвили: «Линия эта — естественная граница Абхазии». Протокол заседания 10 мая 1919 года.
77. При некотором противодействии со стороны мин. ин. дел Керзона.

ИСТОРИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

К истории крестьянских движений в России

А. А. Кизеветтер

Александр Александрович Кизеветтер — известный историк, профессор Московского университета, талантливый лектор и публицист, один из лидеров партии кадетов, член ее Центрального комитета — принадлежал к горестной плеяде наших соотечественников, имена и научные труды которых долгие годы находились под запретом.

Родился он 10 мая 1866 г. в Петербурге. Его предки со стороны отца происходили из Тюрингии: прадед был кузнецом в Зандергаузене, дед — музыкантом, переселившимся в Россию и обосновавшимся в Петербурге. Отец Кизеветтера, юрист по образованию, заведовал архивом Главного штаба. Мать, урожденная Турчанинова, была внучкой протоиерея, церковного композитора и дочерью выпускника Духовной академии, преподавателя истории. От отца Кизеветтер унаследовал прямоту суждений, демократизм, чувство собственного достоинства и чести. Мать воспитывала в детях (кроме Александра в семье росли старшая дочь Анна, младший сын Иван и племянница матери Наталья) уступчивость и деликатность. Эти черты впоследствии проявлялись в характере Александра Александровича.

Во второй половине 60-х годов XIX в. семья переехала в Оренбург, где отец служил представителем военного ведомства в Совете при оренбургском генерал-губернаторе. Здесь Александр прожил 16 лет, до поступления в 1884 г. в Московский университет. «Я вступал в университет, писал он в книге воспоминаний, — с подлинно религиозным чувством, как в храм, исполненный святыни»¹. На историко-филологическом факультете в эти годы преподавали выдающиеся ученые.

В. О. Ключевский пленял студентов «неотразимо необыкновенным сочетанием силы научной мысли с художественной изобразительностью изложения и с артистическим искусством произнесения. Те, кто слушали этот курс из уст самого Ключевского, — вспоминал Кизеветтер, — хорошо знают, каким существенным дополнением к его словам служили виртуозные интонации его голоса»². Лекции и семинары П. Г. Виноградова были настоящей школой научного исследования. Талантливо популяризировал историю Реформации и Великой Французской революции В. И. Герье. С. Ф. Фортунатов — блестящий знаток политической истории — знакомил с этюдами из жизни английского парламента. Н. Я. Грот учил искусству философских прений... Лекции П. Н. Милюкова, в те годы приват-доцента университета, производили на студентов сильное впечатление тем, что он вводил слушателей в свою творческую лабораторию. «Эти посещения (занятия проходили в доме Милюкова. — *М.В.*) были не только приятны по непринужденности завязывавшихся приятельских отношений, но и весьма поучительны, — вспоминал Кизеветтер. — Тут уже воочию развертывалась перед нами картина кипучей работы ученого,

с головой ушедшего в свою науку. Его скромная квартира походила на лавочку букиниста. Там нельзя было сделать ни одного движения, не задев за какую-нибудь книгу. Письменный стол был завален всевозможными специальными изданиями и документами. В этой обстановке мы просиживали вечера за приятными и интересными беседами»³.

Втянутый в научную атмосферу своего факультета, Кизеветтер посещал лекции популярных профессоров и других факультетов — М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева, Н. А. Зверева, А. И. Чупрова. Он успевал и на заседания Юридического общества, где восхищался умом, красноречием и манерами Муромцева (что, по его признанию, способствовало его «общественной зрелости»). Кизеветтер «ушел с головой в книги и делил все свое время между аудиторией и публичной библиотекой Румянцевского музея»⁴. Иногда он «предавался театральному запою», совершая «вылазки» на галерку Малого театра, где переживал «минуты высочайшего эстетического наслаждения» от игры М. Н. Ермоловой, Г. Н. Федотовой, Л. П. Никулиной, А. П. Ленского, членов семьи Садовских, А. И. Южина. Любовь к театру сохранилась на всю жизнь. Со многими из актеров — Ермоловой, Федотовой, Южиным — позднее у Кизеветтера сложились дружеские отношения; в его архиве хранятся их фотографии с теплыми дарственными надписями.

После завершения учебы Кизеветтер был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. Он преподавал также историю в средней школе, географию и историю в Лазаревском институте восточных языков; читал лекции по русской истории на «коллективных уроках», на Высших курсах Герье, в Обществе воспитателей и учительниц, на педагогических курсах; вел курс истории русской литературы в Московском художественном училище живописи, ваяния и зодчества.

В университете у Кизеветтера были специальные курсы; лекций по истории крестьянской реформы, по внутренней политике России в первой половине XIX в., по русской историографии. В 1898 г. он стал приват-доцентом Московского университета. «Я увидел его впервые на университетской кафедре в Москве, — вспоминал М. В. Вишняк, — где... он читал курс лекций о реформе 61-го года в громадном зале, заполненном филологами-историками и юристами. Прямой, в черном сюртуке, с прославленной бородой «Черномора» и неустойчивом пенсне на черном шнурке, Кизеветтер казался стройным, представительным и несколько чопорным. Когда же сходил с кафедры, он точно терял в росте и выигрывал в обыденности»⁵.

Весьма важным для Кизеветтера было то, что он вошел в сложившуюся к тому времени группу ученых-единомышленников. К их числу относились его учителя Ключевский, Виноградов, Милюков и сверстники О. П. Герасимов (впоследствии товарищ министра народного просвещения), Д. М. Петрушевский, Р. Ю. Виппер, а также А. А. Кудрявцев — ученик Виноградова, с которым Кизеветтер, по его словам, «слился душой». Смерть Кудрявцева в 1893 г. в 30-летнем возрасте глубоко потрясла Кизеветтера. Год спустя он женился на вдове Кудрявцева, Е. Я. Кудрявцевой (урожденной Фраузенфельдер), и взял на себя воспитание ее детей — Всеволода и Натальи. В 1895 г. родилась его дочь Екатерина (по мужу Максимович), которая недавно скончалась в Праге.

Семейная жизнь Кизеветтера удалась. Жена помогала ему в научной работе, разделяла его политические убеждения. По признанию Кизеветтера, уже в эти годы его манила «легальная общественная деятельность». Он сотрудничал в московском Комитете, а затем в Комиссии, созданной при учебном отделе Общества по распространению технических знаний. Председателем Комиссии был П. Г. Виноградов, а членами ее — В. И. Вернадский, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков, П. И. Новгородцев, В. А. Гольцев, П. Н. Сакулин и другие. Комиссия издавала программы для самообразования по отдельным отраслям знаний, составляла книги для чтения по разным предметам, организовывала чтение лекций по стране. Кизеветтер с лекциями по русской истории побывал в Твери, Нижнем Новгороде, Костроме, Смоленске и других городах.

Научная работа всегда была для Кизеветтера главным делом. Она началась под руководством Ключевского уже на третьем курсе университета. Он «с головой погрузился в памятники исторической старины», изучая историю служилого землевладения в России XVI—XVII веков. «Окидывая мысленным взором все свое прошлое, я могу «в твердом уме и полной памяти» сказать, — отмечал Кизеветтер, — что истинное душевное удовлетворение я испытывал только там, в архиве,

погружаясь мыслью в смысл старинных текстов, стараясь не пропустить в них ни малейшего намека, ни малейшей черточки, которые могли бы доставить мне какой-либо блик света на занимавшие меня исторические вопросы»⁶. Милоков свидетельствовал, что, когда Кизеветтер приступал к исследованию, то «сразу становился аскетом, отказываясь от живописания и от составления «отвлеченных формул». Он тут только прислушивался к голосу источников, стараясь подслушать в них биение жизни»⁷.

Выбор темы магистерской диссертации «Посадская община в России XVIII столетия» Кизеветтер объяснял причинами научного и политического свойства. Труды своих предшественников (А. П. Пригоры, Д. И. Дитятин, Л. О. Плошинского), анализировавших государственные акты и структуру и деятельность политических учреждений, он считал «недостаточными» и не объясняющими возникновение общественных отношений. Убеждения конституционалиста диктовали необходимость искать исторические предпосылки представительных учреждений в России. К этому добавлялась еще потребность испытать самый процесс исследовательской работы: «Меня манила к себе такая работа,— подчеркивал Кизеветтер,— при которой мне пришлось бы воссоздавать картину известного исторического процесса на основании мозаического подбора мельчайших фактов, рисующих повседневное течение былой действительности»⁸.

Документальную основу работы составил огромный материал, извлеченный из архивов Главного и городских магистратов, Камер-коллегии и Сената, других учреждений. Приступая к изучению посадской общины, Кизеветтер стремился найти свой, новый угол зрения в ее освещении, «выяснить те реальные условия, в которых протекала фактическая жизнь городской общины»⁹. Он изучил «социальный грунт», на котором строились центральные и областные правительственные учреждения, и общественные силы, «которые приводили в движение или тормозили его колеса»¹⁰. Кизеветтер проанализировал социальный состав посадской общины, посадские службы и тягла, городское самоуправление и пришел к выводу, что разряды посадского населения совпадали с делением общины на экономические группы: купечество трех гильдий, цеховые ремесленники и «подлые люди». Права же различных слоев посадской общины определялись их социальным положением, зависимостью от тягла и служебных обязанностей. «Типичная» посадская община XVIII в. представлялась Кизеветтеру «небольшой пирамидкой» с широким основанием в виде «подлого» гражданства и очень тонкой верхушкой в виде малочисленной группы первостепенных купцов. В этих условиях мирское самоуправление выражало интересы городской верхушки, зависимой от государственной власти. Социальный анализ, как видно, являлся определяющим в исследовании данной темы.

Защита магистерской диссертации в 1903 г. (по вышедшей книге) прошла успешно. Оппоненты В. О. Ключевский и М. К. Любавский отмечали новаторский характер исследования. Обществом истории и древностей российских при Императорском университете Кизеветтеру «Посадская община в России XVIII столетия» была присуждена премия Г. Ф. Карпова, а рецензентам М. М. Богословскому и Е. В. Петухову — золотые медали. Кроме книги Кизеветтер за эти годы опубликовал статьи о «Домострое», об Иване Грозном и его противниках, о реформах Петра I, о городских наказах Уложенной комиссии 1767 г. и другие.

В первые годы нового столетия Кизеветтер начал сотрудничать в журнале «Русская мысль» и газете «Русские ведомости». Это сблизило его со многими общественными и политическими деятелями, писателями. Он стал постоянным участником знаменитых «Телешовских сред», встречался с Л. Андреевым, И. Бунным, М. Горьким, Б. Зайцевым, Ф. Шаляпиным, был в дружеских отношениях с А. Чеховым, заведовавшим беллетристическим отделом «Русской мысли», широко общался с театральным миром. Часто встречи элиты русской интеллигенции происходили в доме Н. В. Давыдова — ректора Университета Шанявского, председателя Литературно-театрального комитета Малого театра. У Давыдова в Левшинском переулке, вспоминал Кизеветтер, «по пятницам в продолговатой столовой... усаживался в тесноте, да не в обиде — цвет науки, литературы и искусства... На одном краю стола садились всегда рядом Ключевский и актер Ленский. Далее вперемежку следовали философ Лопатин, актриса Федотова, актер Южин, Фохт, Садовская, Яблочкина, профессор Мануйлов»¹¹.

Революция 1905—1907 гг. всколыхнула российское общество, четко обозначились

позиции всех классовых сил, степень их радикализма и демократизма, пределы и возможности политической активности. Не остался безучастным к событиям и настроениям общества и Кизеветтер. Он принял участие в обсуждении программы журнала «Освобождение», признававшего необходимость политических реформ и объединения всех оппозиционных самодержавию сил. Кизеветтер одобрял создание «Союза освобождения» и поддерживал его программу, пристально следил за ходом революционной борьбы, земским движением. В октябре 1905 г. он участвовал в учредительном съезде кадетов. «Решив вступить в эту партию,— писал он,— я посещал эти заседания»¹².

Программные положения партии — создание конституционного государства (конституционной монархии), культурное самоопределение наций, решение аграрного вопроса (увеличение наделов крестьян с частичным отчуждением помещичьей земли за денежное вознаграждение), отмена сословных привилегий, равенство всех перед законом и установление демократических свобод — отражали убеждения Кизеветтера. Он активно пропагандировал программу кадетов, выступал на собраниях, политических банкетах, митингах, писал листовки-воззвания, разъясняющие смысл политических событий.

Кизеветтер принимал участие в руководстве (совместно с П. Д. Долгоруковым, В. А. Маклаковым, Ф. Ф. Кокошкиным) московским губернским комитетом партии кадетов, являлся членом ее городского комитета. В январе 1906 г. на II съезде партии он был избран членом ее Центрального комитета. Это было время бурных политических страстей и споров. 2 февраля 1906 г. Кизеветтер выступал с докладом о программах правых и левых партий. Н. А. Рожков, его коллега по научным архивным изысканиям и политический противник, социал-демократ, оспаривал истинность декларируемой кадетами свободы, утверждал, что их аграрная программа выгодна землевладельцам и эволюционирует вправо. Кизеветтер отвечал, что он приветствует появление в России всяких политических партий как признак оживления политической жизни, что он не берется судить, чего больше в программе социал-демократов — критики или пророчества, что диктатура в переводе с латинского означает «чрезвычайная охрана» и поэтому она не может быть совместима со свободой¹³ и т. д.

Сторонник парламентских форм государства, Кизеветтер был одним из самых ярких ораторов во время предвыборной кампании I и II Государственных дум. Московский комитет партии кадетов включил его в число пропагандистов ее программы накануне выборов в I Думу. Он выступал по нескольку раз в день, вместе с приехавшим из Петербурга Милюковым вел борьбу с октябристами за приоритет своей политической платформы. «Ах, что это была за зима! Конечно, на все мои научные кабинетные и архивные занятия пришлось махнуть рукой»¹⁴. Докторскую диссертацию, над которой Кизеветтер уже начал работать, пришлось отложить.

Глубоко волновала Кизеветтера деятельность I Думы, особенно положение кадетской фракции, возможность реализовать ее программу; он переживал нажим правительства на Думу и ее роспуск. Выпущенное кадетами, трудовиками и социал-демократами «Выборгское воззвание», призывавшее оказывать правительству пассивное сопротивление, Кизеветтер признавал политической ошибкой, неверным учетом психологии момента и поворотом в сторону левых политических течений. Успех в политической борьбе он искал «не в судорожных вспышках, а в планомерном и терпеливо-устойчивом устремлении к своим целям, не смущаясь необходимыми временными остановками»¹⁵. Вместе с П. Д. Долгоруковым и В. А. Маклаковым Кизеветтер был избран депутатом от Москвы во II Государственную думу. В воспоминаниях он описал сложные перипетии политических разноречий в Думе, ее деятельность, лозунги, столкновения с царской властью.

Общественно-политические события никогда целиком не поглощали Кизеветтера: «Я по природе вовсе не политик. Я — ученый и писатель»¹⁶. И все же участие в общественно-политической деятельности он считал своим гражданским долгом, своей нравственной обязанностью. Милюков свидетельствовал, что на свою политическую карьеру Кизеветтер смотрел «как на досадное отвлечение» и упрекал его самого за «отход от науки для политики»¹⁷. Работа над темой о законодательстве Екатерины II, начатая Кизеветтером еще в 1904 г., продолжалась. В 1909 г. он защитил докторскую диссертацию по книге «Городовое положение Екатерины II.

Исторический комментарий». Это было блестящее источниковедческое исследование.

Автор установил, что источниками «Городового положения» являлись «Жалованная грамота дворянству», остзейские, шведские, немецкие законодательные акты и проекты, материалы, собранные Уложенной комиссией 1767 г., и показал, что давал каждый из этих источников Екатерине II. Анализ фактического материала привел Кизеветтера к выводу, что императрица проводила продворянскую, в интересах правящих кругов, политику и тенденциозно использовала данные перечисленных выше источников. Выступая оппонентом на защите, Ю. В. Готье отметил, что источниковедческое исследование значительно помогло решению конкретно-исторических вопросов: как думала Екатерина, под влиянием какой культурной и правовой рецепции сложилось «Городовое положение», как на практике осуществлялась мысль закона¹⁸.

Дальнейшие исследования Кизеветтера свидетельствовали о постоянстве его интереса к событиям XVIII века. Он давал новую оценку деятельности Екатерины II. Согласно общепринятой тогда схеме, изложенной в трудах В. А. Бильбасова, А. Г. Брикнера и отчасти П. Н. Милюкова, Екатерина II, охваченная идеями Просвещения, цель своей политической программы видела в уравнивании сословий, уничтожении крепостного права и деспотизма и лишь во второй период своего правления стала «дворянской царицей». Кизеветтер считал, что с самого начала своего царствования Екатерина защищала только интересы дворянства и никогда не намеревалась отменить крепостное право; просвещенный абсолютизм нисколько не противоречил самодержавно-дворянской направленности ее политики.

Значительным было внимание Кизеветтера и к вопросам общественного сознания, к историко-культурным процессам, идеологии, к народным движениям.

Преподавательская работа в Московском университете, в Университете Шанявского, на Высших женских курсах отнимала много времени. Кизеветтер читал общие и специальные курсы по истории России XVIII и XIX столетий. На слушателей его лекции производили неизгладимое впечатление. Особенность их состояла в талантливом сочетании яркой выразительной формы с глубоко научным содержанием. Кизеветтер придавал важное значение историко-философским обобщениям, анализу конкретного материала, использовал сравнительно-исторический метод, принцип историзма. В его лекциях проявлялся живой интерес к личности. Созданные им исторические портреты Ивана Грозного, Александра I, М. М. Сперанского, А. А. Аракчеева, Александра II, деятелей реформ 60-х годов XIX в. отличались глубоким проникновением в эпоху, в условия и факторы, влиявшие на поведение этих деятелей, в их психологию.

Милюков полагал, что среди учеников Ключевского Кизеветтер в большей мере, чем кто-либо другой, напоминал самого Ключевского и по манере читать лекции, и по склонности к определенным фактам и явлениям, и по подходу к историческому материалу. В характеристике, которую написал Ключевский Кизеветтеру в 1910 г. в связи с предполагавшимся замещением им должности профессора, о нем говорилось как об «образованном, опытном и талантливом преподавателе», а его труды были названы «капитальными исследованиями»¹⁹. Министерство народного просвещения, однако, не утвердило Кизеветтера на эту должность.

В 1911 г. в истории Московского университета произошло важное событие. Уничтожение его автономии, вмешательство полиции в жизнь университета привели к митингам протеста, студенческим сходкам. Ректор А. А. Мануйлов и два его помощника — профессора М. А. Мензбир и П. А. Минаков — подали в отставку, так как в этих условиях не могли обеспечить нормальный ход учебного процесса. Министерство, возглавляемое Л. А. Кассо, уволило подавших в отставку профессоров. Но на занимаемые должности они были выбраны Советом университета, поэтому, считая увольнение неправомерным, большая группа профессоров — В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, П. Н. Лебедев, В. П. Сербский, К. А. Тимирязев, Н. А. Умов, В. К. Цераский, С. А. Чаплыгин и другие (среди них и Кизеветтер) — покинула университет. Протест против давления сверху, солидарность с коллегами ярко отразились в этом факте.

Теперь преподавательскую деятельность Кизеветтер сосредоточил в Университете Шанявского, на Высших женских курсах, в Коммерческом институте, во главе которого стоял его близкий друг П. И. Новгородцев. Наряду с преподаванием

Кизеветтер занимается публикацией своих трудов. Вышли два сборника его статей: «Исторические очерки» (1912 г.) и «Исторические отклики» (1915 г.), составленные в основном из опубликованных ранее статей по русской истории XVIII и XIX веков. Увидела свет и его монография «Гильдия московского купечества» (1915 г.). Эта работа продолжала темы, затронутые в его книгах о посадской общине и «Городовом положении», и доказывала на основе архивных источников, что роль городских учреждений XVIII и XIX вв. зависела от первостатейного купечества, его экономического положения.

Первую мировую войну Кизеветтер воспринял как тяжелое национальное бедствие и рассматривал ее не только как борьбу за торговые пути и рынки, но и как столкновение милитаризма с культурой. «Наше русское и наше славянское дело,— писал он,— сливается воедино с общеевропейской борьбой против главного гнездилища милитаризма, и мы оказываемся в стане поборников культуры»²⁰.

Февральскую революцию 1917 г. Кизеветтер встретил восторженно, а день отречения от престола Николая II считал величайшей датой в истории страны, ибо она освобождалась от деспотизма. Парламентскую республику в новых условиях Кизеветтер признавал единственной формой политического строя, которая может предотвратить тираническое правление и установить ответственность партий перед обществом. Появились статьи Кизеветтера в защиту установления парламентаризма, конституционной свободы, с осуждением большевизма и его программы. Он приобщал свой голос к сторонникам доведения мировой войны до победного конца, одобрительно относился к ноте Милюкова, которую оценивал как протест против автократических устремлений со стороны большевиков, требовавших прекращения войны.

Убеждения Кизеветтера, естественно, не могли привести его к признанию Октябрьской революции. Он был принципиальным противником насильственных методов борьбы и выступал сторонником антитезы Февральской и Октябрьской революций. Первую он связывал с идеями общенационального объединения, вторую рассматривал как заговор меньшинства.

При советской власти Кизеветтер продолжал работать в Московском университете, куда возвратился в марте 1917 г.; читал лекции по русской истории на драматических курсах при Малом театре. В 1920 г. А. А. Кизеветтеру, Р. Ю. Випперу и М. М. Богословскому как «проводникам буржуазной культуры» было запрещено чтение лекций в высших учебных заведениях, им разрешалось работать лишь с начинающими учеными. Материальные трудности заставили Кизеветтера работать какое-то время в архиве Министерства иностранных дел, служить лектором в «Союзе кооперативных объединений» Московской области. Он принимал также участие в кооперативном издательстве «Задруга», которое имело и свою книжную лавку. Здесь продавались журналы, программы «Начальных курсов» по литературе и истории, проводились консультации. За прилавками этой книжной лавки стояли В. А. Мякотин, П. С. Мельгунов и А. А. Кизеветтер.

Сложная обстановка в стране, неоднозначное отношение новой власти к интеллигенции тяжело сказались на судьбе Кизеветтера. Как бывший член ЦК кадетской партии он привлекал пристальное внимание ВЧК. За период с 1918 по 1922 г. его трижды арестовывали. В один из арестов его жена обратилась за помощью к хорошо знавшему Кизеветтера по университету М. Н. Покровскому. Он, однако, советовал ей «успокоиться на мысли, что все хлопоты напрасны и что Кизеветтера не выпустят»²¹. Александр Александрович считал, что своим освобождением он был обязан Д. Б. Рязанову и хлопотам швейцаров и служащих Университета Шанявского, с уважением относившихся к известному профессору. В третий раз Кизеветтера арестовали в 1922 г. в Иваново-Вознесенске во время чтения лекции и месяц продержали в заключении. В августе в его квартире был произведен очередной обыск, а сам он оставлен под домашним арестом.

В то время готовилась депортация большой группы интеллигенции. Эта мера находилась в русле таких мероприятий советской власти, как процесс В. Н. Таганцева, по которому был необоснованно расстрелян Н. С. Гумилев, процесс над ЦК партии эсеров, и другие. Инакомыслие преследовалось. Депортация оценивалась советскими властями как «гуманная мера». «Правда» опубликовала 31 августа 1922 г. информацию под названием «Первое предупреждение». В ней говорилось: «Высылка активных контрреволюционных элементов из буржуазной интеллигенции является первым предупреждением Советской власти к этим слоям».

Историк литературы Н. М. Мендельсон записал в своем дневнике: «Из Москвы высылают около 60-ти человек. Наверное высылаются Бердяев, Кизеветтер, Стратонов, Розенберг, Айхенвальд, Ясинский... Из Петербурга — Лосского, Селиванова... Мотивы: за пять лет существования Советской власти ничем активно не проявили своего сочувственного к ней отношения». И далее: «Говорят.., что Кизеветтер прощен и не высылается. А он все распродал, квартиру передал и сейчас не знает, как быть»²².

Московская группа профессуры, предназначавшаяся к высылке из страны, получила разрешение на выезд в Германию. Вечером 28 сентября 1922 г. из Петербурга на немецком пароходе «Обер-бургомистр Хакен» Кизеветтер с семьей отплыл в Штеттин, оттуда все высланные были отправлены в Берлин и затем разъехались по разным странам. Кизеветтер оказался в Чехословакии, в Праге. В этой стране уже образовалась большая русская колония, находившаяся под покровительством президента республики Т. Масарика. Начало «русской акции» было положено в 1921 г. организацией Комитета помощи русским студентам и Автономной учебной комиссии, задача которой состояла в том, чтобы обеспечить работой русских ученых.

В Праге с этой целью были созданы профессиональные корпорации: Союз русских академических организаций за границей, Педагогическое бюро по делам средней и высшей школы, Объединение русских учительских и студенческих организаций и другие; основаны Русский юридический институт, Училище техников путей сообщения, Кооперативный институт, Коммерческо-бухгалтерские курсы и другие. Кизеветтер сразу же включился в деятельность этих организаций. Он вошел в состав Академической группы, Педагогического бюро, стал председателем историко-филологического отделения Учебной комиссии, был членом Русского института в Праге, профессором русской истории в Русском юридическом институте, возглавляемом Новгородцевым, в Русском педагогическом институте. Вместе с Новгородцевым он принимал участие в создании Русского народного университета в Праге, читал курс русской истории на философском факультете Карлова университета.

Он много ездил по Чехословакии, читал лекции по русской истории и культуре. Ни одно сколько-нибудь крупное мероприятие в среде русской эмиграции не проходило в эти годы без его участия. В сентябре 1928 г. он был делегатом съезда ученых и съезда писателей в Белграде. В числе 12 членов съезда ученых Кизеветтеру была вручена звезда св. Саввы — один из высших орденов Югославии. В 1930 г. он был избран председателем V съезда русских ученых за границей, на котором присутствовали А. И. Куприн, П. Б. Струве, Е. Ф. Шмурло, С. В. Завадский. Почти ежегодно Кизеветтер выступал на так называемых Днях русской культуры, проводившихся специально созданными эмигрантскими комитетами. На этих собраниях отмечались памятные даты А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого; Ф. И. Шаляпин пел «Бориса Годунова», И. А. Бунин рассказывал о русской литературе.

Активное участие Кизеветтер принял в создании Русского заграничного исторического архива в Праге. Его основной целью было собирание материалов по истории российских революций 1905 и 1917 гг., мировой войны, документов, связанных с историей русской эмиграции. Александр Александрович возглавил совет архива и его учено-административную комиссию. В итоге деятельности архива был собран огромный фонд русских дореволюционных и советских газет, журналов, эмигрантских изданий; специальный отдел содержал архивные источники по различным вопросам русской истории.

Научно-патриотическое значение имело создание Русского исторического общества. Председателем его был Шмурло, товарищем председателя (с 1930 г. — председателем) — Кизеветтер. Общество ставило своей целью сохранение традиций русской исторической школы, преемственной связи дореволюционной и эмигрантской науки, консолидацию профессиональных сил.

В эмиграции Кизеветтер постоянно печатал свои статьи и рецензии в газетах и журналах «Сегодня», «Slavia», «Руль», «Современные записки» и других; опубликовал второе издание своей работы о М. С. Щепкине, книгу о русских артистах (на чешском языке); брошюру о Московском университете, участвовал в создании его истории. Совместно с П. Милюковым, Ш. Сеньобосом и А. Эйзманом Кизеветтер подготовил курс русской истории для французского читателя. В 1931 г.

в Берлине вышла в свет книга Кизеветтера «Исторические силуэты. Люди и события», состоящая в основном из ранее напечатанных в России очерков о Екатерине II, Г. А. Потемкине, Т. Н. Грановском и литературоведческих статей о «Войне и мире» Л. Н. Толстого и о «Горе от ума» А. С. Грибоедова.

Для уяснения общетеоретических взглядов Кизеветтера в последний период его жизни определенный интерес представляют статьи «Об общих построениях русской истории в современной литературе» и о евразийстве. Он выступал против точек зрения Б. Э. Нольде и И. И. Бунакова (Фондаминского). Первый из них утверждал, что русский народ не способен к государственному творчеству, апатичен и архаичен; второй считал, что свойством русской души является склонность к крепостническому укладу, эталоном которого служит Московское царство Ивана Грозного. Таким образом, Кизеветтер выступал как против построений, в которых русская история совершилась без народа, так и против мнения о том, что русский народ лишен истории.

Он решительно осуждал идею признания России Евразией. Теория евразийства во главу угла ставила мысль о «месторазвитии» (Восточноевропейская равнина, Сибирь, Средняя Азия), которое предрекало преобладание в историческом процессе восточных, азиатских элементов. По его мнению, декларация евразийцев о том, что Россия призвана синтезировать положительные начала Европы и Азии, означает не что иное, как утверждение приоритета азиатчины и чингисхановских заветов. Кизеветтер выступал против евразийского противопоставления русской и западноевропейской культур, полагал, что отрицание линейного общечеловеческого прогресса строится на зыбких основаниях. Историю России он не мыслил без участия народа, признавал присущие ей общие с европейскими странами в социальном и политическом плане черты и в то же время видел специфические особенности ее замедленного развития. Он считал, что принадлежность к европейской культуре не может лишить Россию национального своеобразия, как не лишаются такого своеобразия Англия, Германия и другие европейские страны: «наличность» своеобразия не противоречит «наличности» общечеловеческих культурных начал.

Политические убеждения Кизеветтера в эмиграции остались прежними. Он был сторонником демократической, парламентской формы государственного строя, резко осуждал советскую власть. Его глубоко волновали судьбы Родины, он писал на эти темы статьи, выступал с лекциями и докладами, но в эмигрантские политические организации не вступал. Монархические настроения русской эмиграции со ставкой на военную интервенцию были для него неприемлемы; он полагал, что изменение строя России может быть только результатом внутренних процессов и деятельности внутренних противосоветских сил, что эмиграция должна сыграть в этом процессе лишь вспомогательную роль.

Условия жизни русской эмиграции, особенно в первые годы, были трудными. Только в 1929 г. Кизеветтер въехал в благоустроенный кооперативный дом, построенный на средства самих эмигрантов (до этого его семья жила в квартире Вернадских, затем снимала загородные дома). В том же доме жили лидер эсеров В. М. Чернов, писатель Е. Н. Чириков, профессор гражданского права, знаток Пушкина С. В. Завадский, историк А. В. Флоровский. «Жители дома, — вспоминал о Кизеветтере Д. И. Мейснер, — могли видеть, как по утрам этот высокоталантливый лектор и оратор — многим русским эмигрантам живо памятен его лекции о прошлом их страны, о деятельности Петра I и об эпохе Екатерины II — выходит из своего дома бодрым, стремительным, но не совсем верным шагом... Кизеветтер торопится к трамваю на лекцию, собрание, в библиотеку или с маленьким складным стулом под мышкой в большой пражский парк — Стромовку, где он располагается в тени, обложенный книгами и рукописями. Иногда он задумчиво, а то и очень темпераментно беседует сам с собой, прохаживаясь по аллеям парка. В другой же раз, спеша по улицам Праги, тихонько напевает какие-то довольно бравурные песенки. Маленький, старый, с большой уже побелевшей бородой, с живыми беспокойными глазами и с неистощимым красноречием, щедро отмеренным ему судьбой»²³.

Жизнь становилась все труднее. Жена Кизеветтера тяжело болела, не помогла ей и операция, сделанная в Берлине. Семья горько оплакивала ее кончину. Умерла падчерица Наталья. Сам Кизеветтер страдал диабетом. «Вы спрашиваете, — писал он М. В. Вишняку 2 ноября 1932 г., — как я живу. Все прыскаю два раза в день

инсулином, и Бог весть, когда это кончится! Из-за этого не могу ездить на публичные лекции и отказываюсь от разных приглашений, то есть лишаюсь заработка. Читаю русскую историю в Карловом университете и получаю за это жалкие гроши»²⁴.

Огромным событием для Кизеветтера (и для всей эмиграции) было издание его воспоминаний. Это были размышления о России, подведение итогов пройденного пути. «В своей новой, прекрасной книге,— писал Кизеветтеру один из его почитателей,— ... на примере собственных переживаний Вы дали нам картину старой Москвы и художественно воссоздали обстановку, в которой выростали, крепили духом и вступали в общественную жизнь ее академические Златоусты, слово которых было делом создания, углубления и распространения русской культуры. Славная плеяда Ваших предшественников на этом поприще — назовем здесь только три имени: Грановский, Ключевский, Чупров — нашла в Вашем лице тем более достойного продолжателя, что Вы не свернули своего и их знамени среди неизмеримых, беспримерных потрясений нашего времени. Вырванный из родной почвы политической бурей, Вы и на чужбине не изменили своему призванию проповедника русской культуры, и ревностью апостола Вы разнесете драгоценнейшие ее дары по всем пределам временного расселения русских изгнанников»²⁵.

Жизнь, заполненная неутомимым трудом, не могла заглушить тоски по России. «Из-за чего в изгнании я томлюсь, // Из-за чего мне грубо путь заказан // К твоим полям, измученная Русь? Ведь я с тобой сыновней связью связан!»,— писал Кизеветтер, наделенный и поэтическим даром. А в письме к дочери из Юрьева в 1929 г. звучала надежда на возвращение: «Проснулся утром, испытал удивительное чувство: точно я волшебством перенесся в Россию. В коридоре слышались русские голоса, а с улицы доносился звон колоколов православной церкви»²⁶. Но надежда не осуществилась. Кизеветтер скоропостижно скончался 9 января 1933 г. в своей квартире в Праге. Вся русская эмиграция глубоко скорбела о кончине замечательного ученого, историка, так любившего Россию.

Помещенная ниже статья А. А. Кизеветтера²⁷— итог размышлений ученого о российском крестьянстве и его роли в историческом развитии страны.

Публикация и вводная статья М. Г. ВАНДАЛКОВСКОЙ.

Примечания

1. КИЗЕВЕТТЕР А. А. На рубеже двух столетий (Воспоминания. 1881—1914). Прага. 1929, с. 31.
2. Там же, с. 51.
3. Там же, с. 87.
4. Там же, с. 38.
5. ВИШНЯК М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. Индиана. 1957, с. 170.
6. КИЗЕВЕТТЕР А. А. Ук. соч., с. 268.
7. МИЛЮКОВ П. Н. Два русских историка (С. Ф. Платонов и А. А. Кизеветтер).— Современные записки, Париж, 1933, т. LI, с. 325.
8. КИЗЕВЕТТЕР А. А. Ук. соч., с. 268.
9. КИЗЕВЕТТЕР А. А. Посадская община в России XVIII ст. М. 1903, с. IV.
10. КИЗЕВЕТТЕР А. А. Речь перед диспутом. - Русская мысль, 1904. кн. 1, с. 159.
11. КИЗЕВЕТТЕР А. А. На московском журфиксе.— Рувль, 7.IX. 1930.
12. КИЗЕВЕТТЕР А. А. На рубеже двух столетий, с. 390.
13. Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ), ф. 566, к. 19, д. 1, л. 20- 21.
14. КИЗЕВЕТТЕР А. А. На рубеже двух столетий, с. 441.
15. Там же, с. 442.
16. Там же, с. 466.

Вандалковская Маргарита Георгиевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

17. МИЛЮКОВ П. Н. Три поколения. Записки Русского исторического общества в Праге, кн. 3, Прага - Нарва, 1937. с. 14-15.
18. ГОТЬЕ Ю. Кизеветтер. «Городовое положение Екатерины II. Исторический комментарий». — Журнал Министерства народного просвещения, СПб., 1909, № 9, с. 206—219.
19. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Письма. Дневники, Афоризмы и мысли об истории. М. 1968, с. 457—458.
20. КИЗЕВЕТТЕР А. Наша первая победа.— Русские ведомости, 5.VIII.1914. См. также: КИЗЕВЕТТЕР А. А. «Изумительное» решение.— Там же, 28.VIII.1914; е г о ж е. Борьба за культуру. — Там же, 31.VIII.1914.
21. ФЛОРОВСКИЙ А. Александр Александрович Кизеветтер. Записки Русского исторического общества в Праге, кн. 3, с. 191.
22. РО РГБ, ф. 165, к. 1, д. 1, л. 4, 8.
23. МЕЙСНЕР Д. Миражи и действительность. М. 1966, с. 206-207.
24. РАЕВ М. Письма А. А. Кизеветтера Н. И. Астрову, В. И. Вернадскому, М. В. Вишняку. — Новый журнал, 1988, № 171-173, с. 526.
25. РО РГБ, ф. 566, к. 28, д. 53, л. 16.
26. Там же, д. 52, л. 26.
27. Статья была напечатана в сб.: Крестьянская Россия. Под ред. А. А. Аргунова, А. Л. Бема. С. С. Маслова. Кн. VIII—IX. Прага. 1924.

I. История крестьянских движений в России еще не написана. Собрано немало материалов, бросающих свет на отдельные их моменты. Были предпринимаемы попытки более или менее систематического обследования тех или иных эпизодов, относящихся к этим движениям. Но связанной истории крестьянских движений на всем пространстве исторической жизни России мы еще не имеем, а потому и не установлена еще и общая схема этих движений в их историческом развитии, не намечены основные переходные их моменты, не различены в должной мере их виды, отличающиеся друг от друга по своим мотивам, целям, формам и по своему отношению к другим современным им элементам общественного брожения.

Недостаточная выясненность всех этих вопросов породила ряд ходячих мнений, распространенность которых равняется только их необоснованности. Эти мнения принимаются на веру, повторяются как аксиомы, не требующие доказательств, и полагаются в основу различных обобщающих умозаключений.

Наибольшей распространенностью пользуются два таких ходячих положения. Сплошь да рядом приходится слышать утверждения о том, что русская крестьянская масса ни о чем ином не помышляла и не помышляет, ни к чему иному не стремилась и не стремится, как только к возможно большему расширению площади своего землепользования. Ублаготворите крестьянина в полной мере землей, и он останется глух и нем по отношению ко всяким другим вопросам политической жизни, и вы уже ничем не выбьете его из колеи полного политического безразличия.

С этой теорией глубокого крестьянского аполитизма конкурирует противоположная теория, приписывающая крестьянской массе склонность к активному бунтарству во имя чисто анархических идеалов, не мирящихся ни с какими формами государственной власти. С точки зрения первой теории, все крестьянские бунты и восстания во все времена руководились целиком стремлением к земельным захватам. Сторонники второй теории объясняют мятежные движения крестьянских масс исконной и стихийной враждой их ко всякой государственности.

Эти скороспелые обобщения могли возникнуть и распространиться только в силу того, что история крестьянских движений не была детально обследована во всем их объеме. Две методологические ошибки имели при этом особенно важное значение. Во-первых, отличительные черты крестьянских движений известного хронологического периода без фактической проверки распространялись на всю историю крестьянства и принимались за неотъемлемую принадлежность всех вообще крестьянских движений, вытекающую из основ крестьянского мировоззрения и крестьянской коллективной психологии. Во-вторых, сплошь да рядом не делалось

отчетливого различия движений подлинно крестьянских от движений иных социальных низов, все бралось за одну скобку и ставилось безраздельно на счет одного крестьянства.

Проследить влияние этих коренных ошибок на ходячие суждения о крестьянских движениях являлось бы очень важной и общественно полезной научной задачей. Здесь мы не можем заняться выполнением ее в сколько-нибудь значительном объеме. Но мы позволим себе привести несколько соображений и фактических справок, которые, быть может, пригодятся для правильной постановки затронутого нами вопроса.

Общеизвестно и бесспорно, что после отмены крепостного права, в течение всей второй половины XIX ст. и в начале XX ст., земельный голод служил основной пружиной крестьянских движений. Потребность в земле была столь настоятельна, что крестьянство, не обинуясь, подчиняло этой потребности все другие жизненные интересы и готово было ухватиться за любой способ, который обещал удачу в этом направлении, готово было пойти за любой политической программой, если только она сулила землю в наибольшем количестве. Самый крестьянский монархизм коренился в той мысли, что только монарх, вопреки господам, может дать народу землю, отняв ее у господ. А с другой стороны, революционно-социалистическая пропаганда в деревне извлекала свои относительные успехи лишь из заведомого недоразумения, которое пропагандисты обыкновенно не считали нужным особенно усердно рассеивать: крестьянину проповедовали обобществление земли, а он предпочитал понимать эту проповедь как обращение возможно большего количества земли в свою собственность и, поняв именно так даваемые ему обещания, охотно рукоплескал затем всем остальным частям столь заманчивой программы.

Из таких-то фактов иные делали то скороспелое заключение, что крестьянскому кругозору вообще недоступны какие-либо общественные стремления, помимо первобытной тяги к земле, ко всему остальному он безразличен и равнодушен. При этом как-то улетучивалось простое соображение: в видимом равнодушии и безразличии крестьянина к политическим вопросам мог ведь на самом деле таиться как раз чисто политический реализм, состоявший в стремлении выдвигать на первую очередь коренной и ближайший вопрос, затрагивающий неотложный насущный интерес, и этому вопросу подчинять все другие. И где же основание утверждать, что, добившись прочного земельного устройства, крестьянство, опираясь на свое материальное благосостояние, не обнаружило бы затем тяги и к другим жизненным благам, достижение которых требует активного участия в государственной и общественной жизни? Здесь помимо того общего соображения, что крестьянин есть человек и ничто человеческое не может быть ему чуждо, мы имеем полное основание опереться и на исторические факты.

В своем историческом прошлом крестьянин бунтовал не из-за одной только земли. Крестьянство выступало на арену политической борьбы и тогда, когда вопрос о малоземелье не имел для него значения. Завоевание личной свободы и стремление к достижению хотя бы минимальных условий достойного человеческого существования вызывали крестьянскую массу на сопряженную с огромными жертвами борьбу не в меньшей мере, нежели и тяга к земле. В XVI, XVII, XVIII веках и в первой половине XIX-го политический мотив в крестьянских движениях не уступал по своей силе мотиву экономическому.

Порой на этой почве разгорались движения, грозившие ниспровергнуть все устои государственного порядка. Дает ли это основание приписывать крестьянству природные анархические инстинкты? Очень рискованно спешить с утвердительным ответом на этот вопрос. Здесь прежде всего надлежит тщательно разграничить приемы борьбы от ее конечной цели.

Приемы борьбы действительно принимали подчас такой характер, что их можно было бы счесть за мятежные выступления против самого принципа государственности. Но сплошь да рядом то было лишь следствием того, что всякие иные формы отстаивания своих интересов были для крестьянской массы недоступны, тогда как самые цели этих движений не заключали в себе ничего анархического и сводились лишь к мечте о переустройстве государственного порядка на началах большей социальной справедливости. Притом анархический налет на этих движениях в значительной мере исходил как раз не от крестьянства, а от других слоев бунтующей массы.

У нас как-то повелось принимать без критики ту мысль, что при всех мятежных движениях минувших эпох крестьяне, холопы, казаки, вольные и гулящие люди, инородцы сливались в общую компактную массу, охваченную одним порывом. Это одно из крупных предубеждений, вредящих правильному пониманию исторических явлений. Перечисленные группы действительно весьма часто соединялись для общих выступлений, но это еще не значит, что они сливались при этих соединениях в однородное целое. Как раз наоборот: именно отсутствием такой слитности объясняется крах многих из этих выступлений. По состоянию источников далеко не всегда представляется возможность точно разложить то или иное движение на его составные социальные элементы. Но в тех случаях, когда это удается, нередко оказывается, что именно крестьяне в большей мере, нежели холопы, гулящие люди и казаки, склонны были противостоять анархическим эксцессам.

В течение ряда веков крестьянство прибегало к мятежам, отстаивая личную независимость и протестуя против неравномерности податных тягостей. Разумеется, все это слишком далеко от анархического отрицания всякой государственности.

II. Уже в XVI ст. источники вскрывают перед нами картину широкого движения низших слоев населения из центральных районов Московского государства на его окраины. Крестьянство играло значительнейшую роль в этом движении. Крупные боярские и монастырские вотчины центрального района заметно пустели по причине этого отлива населения от центра к периферии, и этим запустением, этим разбродом рабочего населения вызывался и тот сельскохозяйственный кризис центральных частей государства, который так обстоятельно заверен в нашей специальной исторической литературе, и крушение крупной землевладельческой знати той эпохи под ударами террористической политики Ивана IV.

Чем же вызывался этот отлив населения от центра на юг? То было явление многосложное. Прежде всего, здесь действовало влечение земледельческого люда к более плодородным пространствам черноземного района. На долгое время скученное на центральном суглинке военными опасностями, со всех сторон окружавшими Московскую Русь, земледельческое население по мере ослабления этих опасностей ринулось туда, где почва могла с наибольшей щедростью вознаградить труд земледельца. Итак, это было движение, в своей основе не только не противогосударственное, но, наоборот, направленное на удовлетворение потребностей народного хозяйства и, следовательно, укрепление государственного благосостояния.

В противоположность этому, стремление землевладельцев искусственно задержать земледельческое население на центральном суглинке ради обеспечения рабочими руками княжеских, боярских и монастырских вотчинных хозяйств, там расположенных, шло вразрез с общественной пользой, ибо не соответствовало поставлению земледельческого труда в условия, могущие обеспечить наибольшую его производительность. Крестьянин-землероб, врезавшийся тогда своей сохой в глубь окраинных в то время черноземных степей, несомненно, творил великое государственное дело.

К этому, однако, необходимо прибавить, что не одна лишь тяга к чернозему гнала крестьянина XVI в. на окраины государства. Покидая прежние места, пускаясь на заманчивый простор окраинных степей, крестьяне и бобыли спасались от закрепощения и от тяжелых государственных податей и повинностей.

При свете социальных изысканий, произведенных за последние тридцать — сорок лет, нет уже никакой возможности поддерживать старые представления о том, что XVI ст. было эрой крестьянской свободы, продолжавшейся вплоть до того момента, когда Борис Годунов при царе Федоре росчерком пера установил на Руси крепостное право. Теперь нам уже вполне хорошо известно, что правительственные указы конца XVI в. не внесли какого-либо перелома в положение крестьян и что в течение всего XVI ст. закрепостительный процесс делал быстрые успехи.

Главным образом, на почве крестьянской задолженности у землевладельцев возник тогда институт «крестьянской старины», и крестьяне, сидевшие на владельческих землях, разбились на две группы: новопорядчиков и старожильцев. Старожильцы уже в XVI в. формально были лишены права перехода, т. е. оказались закрепленными за владельцами тех земель, на которых они сидели. Но и свобода

новопорядчиков была чрезвычайно относительна. Отдельные владельцы получали сепаратные жалованные грамоты, прикреплявшие к ним их крестьян. Время от времени правительство назначало сроки, в течение которых крестьянский переход воспрещался повсеместно. Все свидетельствовало о том, что крестьянство быстро приближается к полному закреплению. И тайные побег крестьян от землевладельцев стали в XVI ст. распространеннейшим явлением. Крестьяне перебегали от одного господина к другому, а значительный процент этих крестьян направлялся за Оку и вливался там в колонизационный поток, о котором было сказано выше.

В источниках можно найти немало указаний на то, что бегущие на юг искали в степном просторе не только свободы от личной неволи, но и более легкой жизни в смысле свободы от государственных податей и повинностей. Бремя этих податей и повинностей быстро разрасталось по мере того, как затягивалась и расширялась та борьба с внешними врагами, в обстановке которой строилось Московское государство, и которая придавала такой напряженный характер этому государственному строительству. Для крестьянина это бремя получило сугубую тяжесть, ибо, неся государственные подати и повинности, крестьяне в то же время отправляли господские работы и платежи.

Государство и землевладелец как бы конкурировали друг с другом в извлечении из крестьянского кармана всего того, что можно было оттуда извлечь, и в эксплуатации личной рабочей силы крестьянина. Какая-либо льгота в отношении государева тягла сейчас же вызывала соответствующее увеличение господских повинностей, и крестьянин оказывался в безвыходном кругу, из которого для него было так соблазнительно выскочить путем побега на южную окраину, где, как он надеялся, его не так-то легко и скоро настигнут владельческое ярмо и царские пристава.

Весьма ошибочно было бы усматривать в этом движении какое-то восстание против самой идеи государственного порядка. То была лишь единственно доступная тогдашним социальным низам форма самообороны против одностороннего направления, по которому пошло тогда строительство этого порядка. То была самооборона против резкого социального неравенства, которое полагалось в основу этого порядка и должно было привести к полному порабощению низших слоев населения. Народная масса, лишенная государственного инстинкта, могла бы ответить на такую тенденцию государственного строительства анархическим бунтом, направленным на разрушение всяких государственных связей. Невозможно отрицать того, что мятежные выступления масс в XVII ст. сопровождалась и такими чисто анархическими эксцессами. Но все же основное существо этих движений было иное.

Массы беглого люда, скопившиеся к концу XVI в. на южных и юго-западных окраинах государства, пришли в открытое брожение впервые при появлении первого самозванца. Теперь уже вполне заверено, что самозванщина как орудие политической борьбы была изобретением не социальных низов, а общественных верхов. Первого Лжедмитрия выставили московские бояре с целью ниспровергнуть Бориса Годунова. Очень знаменательно, что бояре прибегли именно к такому средству. В этом сказалась их уверенность в том, что во имя наследственных прав законного царя всего легче будет поднять массы против Годунова. Расчет этот вполне оправдался. «Дмитрия воскреснувшее имя» оказало на массы действие электрической искры.

Ополчение самозванца, продвигаясь к Москве, словно катящийся снежный ком, по мере движения разрасталось, увеличивалось в объеме. К нему приставали казацкие отряды и разнообразные элементы населения юго-западной окраины Московского государства, среди которых не последнее место занимали беглые холопы и крестьяне. Они шли под знамена названного Дмитрия в надежде получить за оказанную ему помощь при достижении им отцовского престола великие и богатые милости.

Весьма знаменательно, что для вовлечения их в это движение потребовалась видимость легального титула. Они восставали за права законного наследственного царя не для разрушения государства, а для того, чтобы в рамках восстановленного законного государственного порядка получить облегченные и более согласные с социальной справедливостью условия существования. Последующие события скоро показали, что названный Дмитрий был не более, как орудием в руках боярских партий, и его мимолетное торжество лишь расчистило путь к престолу для представителя титулованной знати — князя Василия Шуйского.

Тогда всколыхнулись все противобоярские элементы населения. На Москву двинулись одновременно два ополчения — дворянское под предводительством Ляпунова и казацко-крестьянско-холопское под предводительством Болотникова. Эти два ополчения попытались было пойти рука об руку. Но от их соединения ничего не вышло. Союзники по недоразумению очень скоро убедились в том, что им невозможно стать политическими попутчиками. Они сошлись было на общей цели ниспровержения боярского правительства Шуйского, но очень скоро им стало ясно, что эта временная общая цель нисколько не может прикрыть глубокой социальной розни, разделявшей их друг от друга.

Болотников в рассылаемых им «прелестных письмах» (т. е. письмах, направленных к прельщению, или прокламациях, как сказали бы мы теперь) призывал к побитию бояр и дворян, что, впрочем, вовсе не означало намерения уничтожить наличную сословную группировку и административную иерархию, ибо в их же прокламациях указывалось на то, что участники восстания будут сами получать боярство, и воеводство, и дьячество. В среде социальных низов, как будто, намечался такой план: разгромить наличное боярство и дворянство, угрожающее народу закрепостительными стремлениями, и затем оставить в силе прежний общественный строй, только иначе перетасовав элементы населения между подразделениями этого строя.

Конечно, это была программа совершенно фантастическая, отличавшаяся большой неясностью политической мысли, но в ней во всяком случае не было ничего анархического: болотниковцы вовсе не хотели разрушать ни государства вообще, ни даже существовавших форм государственного порядка, они только мечтали о том, чтобы продвинуть на верхние ступени социальной лестницы обитателей социального дна, сместив оттуда тех, кто на этих ступенях ранее укрепился.

Ляпуновцам такая перспектива отнюдь не могла быть по сердцу, и они отшатнулись от болотниковцев, а на этом их расколе построил свое торжество Шуйский по правилу *divide et impera* (разделяй и властвуй (*лат.*) — *Ред.*).

Торжество Шуйского было непродолжительное. Вскоре после того, как его правительство справилось с означенным выше движением, под Москвой вырос лагерь тушинского вора, и началась продолжительная борьба легальной и лояльной Руси, возглавленной Шуйским, с Русью бунташной, средоточием которой являлось Тушино.

Тушинское движение ошибочно было бы рассматривать как продолжение предыдущих восстаний против власти Шуйского. Тушиновщина представляла собою новый этап смуты, отличавшийся от предшествующих своеобразными особенностями. Эти особенности состояли в том, что под знамена тушинского вора стекались люди разнообразнейших общественных состояний; тут были и бояре, и дворяне, и посадские, и крестьяне, и холопы, и казаки, и духовенство. Тушинский лагерь представлял собою как бы Московское государство в миниатюре, с той особенностью, что от всех общественных разрядов сюда являлись элементы, недовольные своим положением. Эта разношерстная толпа с прибавкой польских отрядов, соединившихся с тушинским вором, никак не могла бы сойтись на каком-нибудь общем плане построения нового порядка взамен того, от которого они бежали в Тушино. Они могли объединиться до известной степени лишь на почве разрушительных, а никак не созидательных действий. По этой именно линии и пошло развитие тушиновщины. В отличие от прежних движений, она получила вскоре по преимуществу погромный характер.

Набеги тушинцев на различные местности, остававшиеся верными царю Василию, отмечались грабительскими эксцессами; перед приближением тушинцев пустели города и селения; люди спасались в леса, а селения наполнились лесными зверями; женщины в паническом ужасе бросались в воду с крутых обрывов, чтобы не попасть в руки насильников; иные думали укрыться в лесной чаще под покровом ночи; но ночи были ясны: они освещались заревом окрестных пожаров, зажженных тушинцами. Уходили тушинцы, и после них оставалось пустынное, разгромленное пепелище. Такими красками рисуются картины тушинских набегов в повестях о Смутном времени, написанных людьми, которые пережили эти мрачные годы.

Последний по времени исследователь этих движений (С. И. Тхоржевский — «Народные волнения при первых Романовых»¹⁾) особенно подчеркивает любопытное для нас наблюдение. Среди этого погромного людского водоворота ранее всего

и сильнее всего потянули к порядку и замирению крестьяне и посадские люди, в то время как поляки, казаки и служилые люди из состава тушинцев длили смуту, спеша в то же время выловить себе из этого мутного водоворота заманчивую добычу. Переходя на службу к тушинскому вору, служилые помещики и не думали отказываться от права владения населенными поместьями, наоборот: они требовали от вора обычной награды за службу и спешили нахватать себе вотчин и поместий за счет тех, кто передавался царю Василию.

До нас дошло несколько десятков грамот на поместья и вотчины, выданных от имени второго самозванца дворянам и детям боярским, признавшим его власть. И в грамотах этих неизменно писалось, что живущие на тех землях крестьяне обязаны нового своего помещика слушать, и пашню его пахать, и доход помещиков платить. Так крестьянство скоро должно было на деле убедиться, что победа тушинцев над Шуйским вовсе не сулила бы крестьянству лучшей жизненной доли. Недаром ведь и в составленном в Тушине проекте условий призыва на престол королевича Владислава значилась статья: а крестьянам быть на прежнем основании.

Первые массовые отпадения от власти тушинского вора (если не считать «перелетов», т. е. отдельных лиц, которые сегодня служили вору, завтра Шуйскому, послезавтра опять вору и т. д.) и последовали со стороны крестьян различных волостей и людей посадских, а тушинские дворяне и дети боярские, посылаемые воровом на усмирение этих крестьянских восстаний, сражались бок о бок с поляками и казаками против деревенских и посадских мужиков. «Именно мужики Поморья и Замосковных городов,— справедливо говорит названный выше исследователь,— посадские люди и черные крестьяне были главной силой, поднявшейся против тушинских погромщиков».

Так падает стереотипное представление, что за царя Василия стояли социальные верхи, а тушинский вор опирался на социальные низы. Так падает и распространенное мнение, что крестьянская масса всегда была готова поддержать всякое анархическое движение против государственного порядка. Не мешает помнить, что в эпоху Смуты, разыгравшейся на рубеже XVI и XVII вв., бывали моменты, когда именно крестьянство вместе с посадскими людьми вносило щедрую долю своих усилий в дело восстановления порядка и охраны его против своекорыстных мятежных выступлений тех служилых дворян, которые готовы были служить тому, от кого надеялись получить «больше прежнего почести, дары и имения».

III. В исторической науке теперь весьма прочно установлено то положение, что Смута разрешилась торжеством средних общественных слоев за счет социальной верхушки и социального дна. Дворянство и посадское крестьянство становится в начале XVII ст. руководящей общественной силой. Старая, досмутная титулованная знать вышла из Смуты с большим уроном своего былого значения. А низшим слоям населения торжество средних общественных слоев грозило быстрым дальнейшим закрепощением. Именно в первой половине XVII ст. окончательно завершается и законодательным порядком закрепляется закрепощение крестьян.

Восстановившаяся после Смуты московская государственность строилась на крепостном праве, т. е. на таком фундаменте, который не только не мог охранить государственное здание от вулканических сотрясений почвы, но и сам по себе представлял не что иное, как соединение взрывчатых веществ. С ярмом закрепощения крестьянство никогда не могло равнодушно примириться. И по мере того как государственный строй все ближе проникался крепостническими элементами, крестьянство все сильнее и шире охватывалось чувством отчужденности и враждебности к основам этого строя.

Чрезвычайно важно, однако, при этом заметить, что даже в периоды наибольшего развития крепостного права и наиболее острых проявлений недовольства крестьян своим положением это недовольство лишь в виде частных исключений окрашивается подчас в оттенок отрицаний самой идеи государственного порядка. По общему правилу, крестьянская политическая мысль упорно и настойчиво работает в том смысле, что крепостное право не соответствует нормальному государственному порядку и является его нетерпимым искажением. И потому, поднимая восстания против крепостного права, крестьяне вовсе не чувствовали себя противниками государственного порядка, а пребывали в полном убеждении, что они борются за

начала истинной и правильной государственности. Этим объясняется целый ряд явлений, характеризующих развитие крестьянских движений в эпоху существования крепостного права.

Во-первых, обострение и расширение этих движений идет строго параллельно развитию самого крепостного права; во-вторых, все крестьянские восстания и бунты стремятся стать под знамя политической лояльности; отсюда возникает определенная схема, глубоко внедряющаяся в сознание крестьянской массы; схема эта сводится к тому, что крепостное право измышлено «господами» вопреки намерениям государственной власти, вследствие того, что «господа» либо насильственно овладели волею царя и держат ее у себя в плену, либо ввели носителя верховной власти в пагубное заблуждение, скрывая от него истину. Потому-то крестьянские восстания поднимаются под лозунгом: «На господ во имя царя».

Этим объясняется то общественное явление, что особенно сильные взрывы крестьянских волнений наблюдались при перемене царствования или в начале каждого нового царствования, — крестьянство спешило подать свой голос, пока «господа» еще не успели подчинить себе нового монарха, а так как никакая иная форма доказательства своих стремлений, кроме неповиновения господской власти, не была доступна крестьянам, то крестьяне и поднимали бунт против господ в уверенности, что с высоты престола эти их действия должны будут встретить поддержку и одобрение.

Той же самой схемой объясняется и популярность в крестьянских массах самозванщины. Если фактическая действительность слишком уж резко начинала противоречить тому убеждению, что монарх должен стоять за крестьянские интересы, то народная мысль находила выход из такого противоречия в том объяснении, что престол занят не подлинным монархом, а либо обманщиком, либо узурпатором, а настоящий царь до времени скрывается, чтобы в надлежащий час призвать народ к защите своих прав. Какая благодарная почва для самозванщины!

Для иллюстрации всех этих общих наблюдений достаточно припомнить ряд известных фактов.

Мятежные движения крестьянства проявляются с полной силой лишь после того, как крепостное право окончательно сформировалось и закрепились. Уже первая половина XVII ст. была наполнена мятежами. Но — как показали новейшие детальные исследования — в этих мятежах главенствовали не крестьянские массы, а как раз те средние общественные слои, которые после смуты чувствовали за собой наибольшую силу и спешили использовать ее для того, чтобы получить от новой династии в свою пользу желательные им сословные преимущества. Новая династия и ответила на эти мятежные движения изданием Соборного Уложения 1649 года. Уложение царя Алексея удовлетворило главнейшие домогательства посадских людей и служилого дворянства. На первом месте здесь следует поставить окончательное закрепление крепостного права на крестьян. Это и послужило сигналом для начала уже крестьянских движений.

В XVII ст. лучшим показателем недовольства того или иного общественного класса своим положением служили побеги на Дон, под крыло казацких вольностей. И вот, исследователи отмечают важное для нас явление. За первую половину XVII ст. движение из центральной России на Дон не носит массового характера. Туда уходят одиночки и притом в значительной мере преступники, спасающиеся от кар, авантюристы, ищущие фортуны. В наибольшем числе туда бегут боярские холопы, которым опостылела холопская неволя и которые нередко достигали затем на Дону высокого положения. Так, напр., в 1640 г. войсковым дьяком на Дону оказался бывший холоп кн. Одоевского, отлично служивший войску и пером и мечом и пользовавшийся на Дону большим уважением и влиянием (см. назв. соч. г. Тхоржевского). Бегут также на Дон стрельцы и городовые казаки. Но за всю первую половину XVII ст. архивные документы не указывают ни одного случая побега на Дон крестьян.

Картина резко изменяется, начиная с 60-х годов XVII столетия. В 1667 г. в Москву уже приходят донесения о том, что во многие донские городки в изобилии являются беглые боярские люди (т. е. холопы) и крестьяне с женами и детьми, так что в тех городках чувствуется даже недостаток продовольствия. Это — знаменательный симптом. Крестьянская масса, почувствовав на себе ярмо окончательно сложившейся крепостной неволи, всколыхнулась, забродила и потянулась туда, где

надеялась найти опорную точку для предстоявшей борьбы за свою свободу. Там, на Дону, уже назревала разиновщина.

Весною 1667 г. Разин, окруженный шестью сотнями «товарищей», на стругах поднялся по Дону из Черкасского городка до Паншина, оттуда перевалил на Волгу, по Волге спустился в Каспийское море, захватил Яицкий городок, разгромив стрельцов, там сидевших, и, перезимовав со своим флотом в названном городке, весною 1668 г. на целые полтора года бросился грабить приморские владения Персии. Эта чисто пиратская экспедиция охватила все западное побережье Каспийского моря, где разграбление ряда городов с шахскими дворцами и громадными складами кизилбашских купцов дало казакам несметную добычу.

Перезимовав на полуострове у Астрабадского залива, Разин совершил затем такой же набег к устью Куры и к осени 1669 г. вернулся на Дон. В течение зимы 1669—1670 г. Разин, окруженный ореолом персидских побед, занимал в войске какое-то особое положение самостоятельного вождя, независимого от войскового атамана. Он готовился к новым подвигам, но уже на иной арене. В эту зиму бегство из центральной Руси на Дон приняло эпидемический характер. Среди беглецов все еще преобладали холопы. Но и крестьянская масса начинала приходить в сильное брожение.

Планы Разина были решены. На очереди у него стоял поход на Волгу. Он решил потряхнуть Москвой так же, как потрянул Персией. Весной 1670 г. он объявил своему воинству решение идти вверх по Волге — «с боярами повидаться». Целью выступления было определено: «За великого государя стоять, а изменников-бояр выводить». Это был лозунг, с помощью которого Разин всего лучше мог обеспечить себе сочувствие и содействие низших масс населения.

Движение по Волге открылось рядом блестящих удач. Царицын сдался разиновцам почти без сопротивления. Жители сами отворили ворота города казакам, немногочисленные защитники-стрельцы были изрублены казацкими саблями, а воевода утоплен в реке. У Черного Яра произошла первая встреча с царским военным отрядом. Успех сам дается Разину в руки: стрельцы перебили собственных голов и сотников и передались на сторону казаков. Затем приступом была занята Астрахань, и воевода кн. Прозоровский сброшен был с колокольни, а местные жители сами начали сещи дворян, сотников, боярских людей и пушкарей. 20 июля Разин двинулся вверх по Волге. Саратов и Самара сдались без боя, жители там встречали разиновцев с хлебом-солью и сами вязали и убивали местных воевод.

Такое поведение городских жителей нижнего и среднего Поволжья объясняется характером этих городских поселений. Города этого края представляли собой не торгово-промышленные центры, а сравнительно недавно построенные военные форпосты. Посадские люди в этих городах не обладали капиталами, не вели обширных торговых операций и сливались с низшими слоями населения, с стрельцами и казаками. Только под Симбирском Разин встретил надлежащий отпор со стороны правительственных войск. В распоряжении симбирского воеводы Милославского находилось гораздо больше военных сил, нежели у воевод на южном Поволжье, да кроме того к Симбирску придвинулся к моменту прихода туда разиновцев отряд помещичьей конницы под начальством кн. Бярятинского.

Отряд Бярятинского был, правда, потеснен разиновцами и отступил к Тетюшам, но Милославский крепко засел в Симбирске и в течение целого месяца отражал приступы Разина. Так поступательное движение ополчения Разина было остановлено. Но к этому времени «разиновщина» вышла уже далеко за пределы чисто казацкого набега. Произошло то же самое, что и сто лет спустя во время «пугачевщины»: казацкое выступление осложнилось восстанием приволжских инородцев против московской государственной власти и восстанием крепостного крестьянства против власти господ. Чуваши, черемисы, мордва и отчасти татары составляли многочисленные отряды, присоединившиеся к разиновцам. А затем — всколыхнулась крестьянская масса, и мятеж сразу охватил громадное пространство, соответствующее позднейшим губерниям Саратовской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Казанской, Нижегородской, а затем перекинулся и за Волгу, на реки Унжу и Ветлугу.

По всему этому району рыскали разиновские партизанские отряды, которые поддерживали восставших крестьян и помогали им грабить помещичьи усадьбы и убивать самих помещиков. Разинский атаман Максим Осипов проник

в Нижегородский уезд, взял приступом богатый Макарьевский монастырь, и вскоре в Москву летели донесения о том, что по всему Нижегородскому уезду «в селах и деревнях крестьяне забунтовали, помещиков и вотчинников побивают, а которые поместья и вотчины московских людей, и их в тех поместьях и вотчинах нет, и в тех местах побивают приказчиков с женами и детьми, и поместья и вотчины их разоряют». На Ветлугу пробрался и атаман Илюшка Иванов и собрал там из поместий и вотчин крестьян 370 человек и с этим отрядом побивал «по мирской сказке» боярских приказчиков.

Опираясь на крестьянское восстание, Разин считал нужным еще ярче подчеркнуть лояльный лозунг своего движения. Объявляя с самого начала, что он призывает «за государя стоять, а бояр изводить», Разин теперь, во удостоверение своей преданности царскому дому и церковной иерархии, распространил слух, что в его войске находится царевич Алексей Алексеевич (на самом деле незадолго до того умерший) и опальный патриарх Никон (сидевший узником в Ферапонтовом монастыре на Белоозере). Это был почти вплотную подход к старой идее самозванщины, хотя и не в прямой окончательной ее форме.

Осложнившись широко раскидывавшимся крестьянским восстанием, разиновщина выросла в страшную опасность для правительства. Совершенно так же, как позднее при Пугачеве, народная молва стала обгонять фактические успехи восстания, и пока крестьянские бунты охватывали Среднее Поволжье и прилегающие к нему местности, уже в самой Москве стали поговаривать в некоторых кругах населения, что Разин стоит за народ и что его надо встретить хлебом-солью. Так свидетельствует один иностранец в своих записках.

Но, с другой стороны, превращение казацкого набега в крестьянское восстание ускорило развязку, ибо побудило московское правительство принять энергичные меры для скорейшего подавления мятежа. 1 августа 1670 г. на театр событий из Москвы было двинуто многочисленное дворянское войско. По словам иностранца-очевидца, в блестящем военном смотре, устроенном в Москве перед выступлением этого войска, участвовало до 60 тысяч дворян. Предводителем этой рати был назначен боярин кн. Юрий Долгорукий. Пока войско Долгорукого подвигалось к району восстания, Милославский и Барятинский уже нанесли разиновцам сокрушительный удар. 1 октября под Симбирском произошло генеральное сражение. Войско Разина было разбито наголову, и сам Разин, жестоко израненный, надолго исчез со сцены. Он объявился вновь лишь в феврале 1671 г. в Черкасском городке, когда поволжское восстание было уже почти ликвидировано, и казацкие старшины вскоре признали за благо во исполнение приказа из Москвы без дальних размышлений схватить Стеньку и выдать его московскому правительству на казнь.

После неудачи разиновцев под Симбирском Долгорукий деятельно занялся подавлением крестьянского восстания, избрав своей опорной базой Арзамас. Отсюда по всем направлениям рассылались отряды дворянской конницы для усмирения восставших крестьян. По словам современников, дворяне, «где чернь найдут, сейчас и рубят». Пленных живыми не брали, рубили и вешали их немедленно, без суда. Арзамас был окружен виселицами, на которых висело по 40 и 50 человек, тут же стояли колья с насаженными на них отсеченными головами и живыми людьми, некоторые, посаженные на кол, жили до третьего дня и даже говорили. Наблюдатель-иностранец замечает, что Арзамас представлял собою в это время «подобие ада». Общее число казненных, не считая убитых в сражении, тот же иностранец считает 11 тысяч человек.

К январю 1671 г. восстание было окончательно подавлено, если не считать редких слабых всплесков кое-где среди инородцев. Неудачу восстания, одно время принявшего, было, такие внушительные размеры, новейшие писатели склонны объяснять техническими причинами, отсутствием организации, необъединенностью всего движения. Нам думается, что причину надо искать глубже и что неудача была неизбежна и предрешалась заранее всей совокупностью обстоятельств. Коренная причина неудачи заключалась в том, что соединение казацкого и крестьянского движения было не органическим, а чисто механическим.

Давно пора оставить стереотипное представление о том, что казак, бунтовавший против «боярской» Москвы, и крестьянин, поднимающийся против крепостного права, делали какое-то общее дело, шли к одной и той же цели. Без помощи казацких военных сил поволжские крестьяне не могли успешно бороться с правите-

льственными войсками, а между тем казаки вовсе не думали отождествлять свои планы и цели с стремлениями крестьянства.

Для разиновцев поход на Волгу был не более, как набег ради захвата добычи, подобный тому набегу, который за год до того Разин совершил с таким успехом на приморские владения Персии. «Стоять за великого государя, выводить изменников-бояр»,— все эти пышные лозунги имели лишь декоративно-агитационный характер. Подлинная подкладка разинского выступления была гораздо более прозаичной. Она была точно формулирована в донесении, посланном в Москву царицынским воеводой, можно сказать, накануне разинского похода на Волгу. Воевода писал: «На весну от казаков без воровства, конечно, не будет, потому что на Дону стало гораздо много, а кормиться им нечем, никаких добыч не стало».

Итак, в то время, как для крестьян восстание было попыткой переустройства социальных отношений, для казаков это был лишь набег ради добычи. Победоносно подвигаясь от Астрахани до Симбирска, разиновцы успели-таки настолько хорошо вознаградить себя за риск своего предприятия, что при первом серьезном неуспехе можно было до времени и бросить это дело. Потерпев поражение под Симбирском, казаки отхлынули обратно на Дон, а поволжские крестьяне оказались предоставленными своей судьбе, и дворянскому ополчению Долгорукого была обеспечена верная победа.

IV.

Исход разиновщины показал, что крестьянство было не в силах остановить или направить на иные пути развитие завязавшихся социальных процессов. Россия переступила порог XVIII ст. в виде военной монархии, опиравшейся на систему всеобщего закрепощения государственной службе и государеву тяглу. Крепостное право на крестьян служило фундаментом всему этому государственному порядку, при котором, однако, и сами земле- и душевладельцы оказывались тоже подневольными государевыми холопами, «служилыми людьми», обеспеченными пожизненной обязательной службой. Крепостной крестьянин работал принудительно на господина лишь потому и для того, чтобы сам этот господин мог нести принудительно-обязательную государеву службу, к которой он также был безвыходно на всю жизнь прикреплен. Известно, что реформа Петра Великого целиком восприняла и утвердила эту старую схему государственно-общественного порядка, лишь придав ей некоторые новые внешние очертания.

По смерти Петра Великого, со второй четверти XVIII ст., начинается переход государственно-общественного порядка на совершенно новые основания. Сверху донизу закрепощенная военно-политическая монархия начинает перерабатываться в сословно-дворянскую монархию. При преемниках Петра дворянин постепенно превращается из служилого человека в необязанного службе привилегированного земле- и душевладельца. Вместе с тем крепостное право на крестьян, расширяясь в своем объеме и обостряясь в формах своего внешнего проявления, утрачивает свою прежнюю государственную мотивировку. Прежде крепостная зависимость крестьянина объяснялась и оправдывалась обязательной службой дворянина-дусевладельца. С ослаблением, а затем и с полной отменой для дворян обязательной службы крепостная зависимость крестьянина лишилась прежнего государственного обоснования, и крепостной крестьянин, оставаясь, как и раньше, государственным тяглом, уплачивая государственную подать, в то же время все более и более переходил на положение частного имущества своего господина. Иначе говоря, крепостная зависимость быстро стала приближаться к зависимости рабской.

Крестьянская масса отдавала себе очень ясный отчет в сущности этой социальной трансформации. Крестьяне отлично улавливали государственный, публично-правовой элемент крепостного права, как оно сложилось в Московской Руси. Это крестьянское понимание нашло себе меткое выражение на страницах трактата крестьянина-публициста Посошкова.

Посошков пишет, что «дворянам крестьяне не вековые владельцы, настоящий их владелец — государь, а дворяне владеют временно». И в полном согласии с этими взглядами крестьяне делали затем тот вывод, что изменение прежнего положения дворянства должно повлечь за собою соответствующее изменение и в положении крестьянина: с раскрепощением дворянина должно совместиться

и освобождение крестьянина от крепостной зависимости. И когда на поверку оказалось, что «вольность дворянская» не только не приносит свободы крестьянской массе, но, наоборот, влечет за собою сугубое порабощение крестьян, тогда народная мысль восприняла это явление как искажение основных начал здоровой государственности в угоду корыстным интересам владельческих классов, и, за недоступностью для крестьян каких-либо иных форм воздействия на ход государственной жизни, крестьяне и реагируют на рост дворянских вольностей и на обострение своей зависимости от душевладельцев массовыми отказами от повиновения помещичьей власти и тем начальственным приказам, в которых власть призывала крестьян слушать во всем своих господ.

По форме эти крестьянские бунты носили все черты настоящих восстаний. По существу крестьяне, поднимавшие знамя этих восстаний, отнюдь не смотрели на свои выступления как на противогосударственные, анархические акты. Не разрушение государственного порядка, а борьба с явной неправдой, которая, по убеждению крестьян, не могла совмещаться с правильным государственным порядком, составляла задачу мятежных выступлений крестьянских масс в эпоху образования дворянских привилегий в XVIII столетии.

Усиленными вспышками крестьянских волнений сопровождался каждый поворотный момент в процессе зарождения сословно-дворянской монархии XVIII века. Первый особенно острый взрыв крестьянских волнений в XVIII в. падает на время царствования Елизаветы Петровны, когда как раз законодательное закрепление дворянских владельческих прав вступило в полосу широкого развития и право владения населенными имениями было провозглашено монополией потомственного дворянства. В царствование Елизаветы крестьянские волнения начали уже принимать форму настоящих сражений между восставшими крестьянами и правительственными войсками. Так, например, в вотчинах, купленных Демидовым у Головкина в Калужском уезде, в 1741 и 1752 гг. дело доходило до планомерных военных действий. В 1752 г. тамошние крестьяне в количестве трех тысяч человек, с пушками и ружьями разбили целый драгунский полк и взяли в плен полковника.

Волнение тотчас перекинулось и на ряд других уездов, и для усмирения их пришлось двинуть шесть полков с пушками. Это — прямо одна из отдаленных репетиций грядущей пугачевщины.

Издание Петром III манифеста о вольности дворянской (18 февраля 1762 г.) вызвало новый взрыв крестьянских волнений. Господствующий мотив этих волнений сводился к глубокому убеждению крестьян в том, что дворяне пошли против царя. Крестьяне отказывались верить тому, что объявление дворянской воли не соединялось с отменой крепостного права, и приходили к убеждению, что царский манифест о крестьянской воле злонамеренно скрыт дворянами. И вот по России прокатилась еще более сильная волна крестьянских бунтов. Нам известны волнения, вспыхнувшие тогда в уездах Тверском, Клинском, Белевском, Галицком, Каширском, Тульском, Епифанском, Волоколамском, Вяземском и других.

Для усмирения этих волнений были двинуты полки, для действия которых была выработана особая подробная инструкция. А вместо ожидаемого крестьянами манифеста о воле вышел июньский манифест 1762 г., в котором говорилось: «С великим гневом и негодованием уведомились Мы, что некоторых помещиков крестьяне, будучи прельщены и ослеплены от непотребных людей ложными слухами, отложились от должного помещикам своего повиновения, а потому и далее поступили на многие своевольства и продерзости». Далее верховная власть заявляла о своем намерении «помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном им повиновении содержать», с ослушниками и со злонамеренными распространителями возмутительных слухов обещано было поступать по всей строгости законов.

С большими усилиями подавленные тогда крестьянские волнения вспыхнули с новой силой тотчас по воцарении Екатерины II. К волнениям помещичьих крестьян присоединились обширные волнения крестьян горнозаводческих и монастырских. Сама Екатерина определяла общее число бунтовавших тогда крестьян разных категорий в 100 тысяч душ, причем около 60 тысяч приходилось на долю крестьян монастырских.

Екатерина 12 августа 1762 г. отменила секуляризационные меры Петра III и вернула монастырям и архиереям населенные имения. Но крестьяне массами

отказывались давать подписки о повиновении духовным властям и упорно верили в подложность предъявляемых им правительственных распоряжений. А в то же время появились специалисты по части составления подложных манифестов от имени императрицы о крестьянской воле. Так, в этой профессии был тогда уличен беглый дворовый человек одного зубцовского помещика, проживавший в Москве. Явились и другие сочинители, большею частью предлагавшие свои услуги по этой части попадавшим в Москву ходокам от различных вотчин. Ходоки, оплатив труд сочинителя, увозили с собою в свои палестины драгоценную бумажку, которая затем в многих списках быстро облетала обширные районы, воспламеняя воображение народных масс и их готовность отстоять эту, им дарованную и затем злонамеренно от них похищенную волю.

Эта грандиозная вспышка крестьянских волнений в первые годы екатерининского царствования сразу и в помещичьих, и в монастырских, и горнозаводческих вотчинах отличалась по силе внушительности от разыгравшейся десять лет спустя пугачевщины только тем, что у нее не было общей объединяющей организации и общего вождя. Зато движение на этот раз было раскинуто в различных местностях государства.

В течение последующего десятилетия также не было недостатка в проявлениях крестьянских волнений. Они вспыхивали то тут, то там, в отдельных вотчинах. Чувствовалось, что положение принимает все более напряженный характер и что дело лишь за каким-либо подходящим предлогом для того, чтобы местные вспышки народного недовольства приняли вновь массовый характер.

Очень скоро обнаружилось, в каком направлении заработает в этом случае народная мысль. Уже в начале 60-х годов появились признаки того, что в сознании масс оживает старая тяга к самозванщине. В 1763 г. распространились упорные слухи о том, что Петр III жив и скрывается у яицких казаков. В 1765 г. в Полтавщине объявился какой-то бродяга, присвоивший себе имя Петра III. Были и другие случаи подобного рода. Успеха эти попытки не имели, но постоянно возобновлявшиеся толки о том, что Петр Федорович жив и скрывается в простом народе, приучили народную массу относиться с доверием к возможности внезапного обнаружения Петра Федоровича, и личность этого обиженного царя, который рано или поздно восстанет на защиту своих прав, стала окружаться в народном сознании легендарным ореолом печальника о народных страданиях и будущего мстителя за них. Таким образом, психологически почва для появления самозванца была готова.

Побудительный толчок к началу восстания и на этот раз, как и в XVII ст., пришел с Дона. Нужно, однако, решительно отвергнуть довольно распространенные романтические фантазии на тему о том, что казачество по самой своей природе являлось естественным вождем народа в борьбе за свободу и равенство. На самом деле пугачевщина возникла на Дону на почве внутренних смут среди казачества, вовсе не представлявшего собою в то время внутренне сплоченной общины жизненными идеалами среды. Пугачевщина зародилась в связи с долговременной борьбой между рядовым казачеством и казацкой старшиной, опиравшейся на петербургское правительство. Вот эта связь казацкой «старшины» с петербургским правительством и придала казацкому движению, направленному первоначально против старшинских привилегий, характер восстания против государственной власти. А затем восстание расширилось и приняло грандиозные очертания только потому, что к нему пристали во имя своих особых интересов другие элементы: инородцы и крепостные крестьяне. Но, как и во время Разина, эта связь оказалась лишь механической и потому не могла стать прочной, не могла выдержать серьезных испытаний.

В сущности пугачевщина сложилась из ряда самостоятельных движений, лишь внешним образом объединившихся личностью Пугачева. В развитии пугачевщины необходимо различать несколько периодов. Первый период: от появления самозванца до начала осады Оренбурга. Пока пугачевское движение не более, как продолжение предшествующих внутренних неурядиц в Яицком казачьем войске. Второй период — оренбургский: движение расширяется, выходит за пределы чисто казацких смут, осложняясь движением инородцев и заводских крестьян Оренбургского края. Князь Голицын, разбив силы Пугачева под Татищевской крепостью, нанес пугачевщине непоправимый удар в Оренбургском крае, и после этого Пугачев бежит в Башкирию. Начинается третий, башкирский период, где Пугачев дает свое имя

в сущности совершенно особому движению, представлявшему собою прямое продолжение прежней борьбы башкирских туземцев Уфимского края с правительственной русификацией. Но из Башкирии пугачевские полчища вытесняются энергичными действиями Михельсона, и тогда Пугачев вновь меняет арену своей деятельности, он бежит на Волгу и сжигает Казань. Начинается четвертый и последний период: поволжский.

Так, лишь наружно и обманчиво, распространение пугачевщины на новые районы производит впечатление последовательных успехов движения. На самом деле это было метание из стороны в сторону вследствие ряда неудач. Из Оренбургского края Пугачев перебрасывается в Башкирию после поражения, понесенного под Татищевской крепостью; из Башкирии он устремляется к Волге, будучи тесним Михельсоном.

На Волге пугачевское движение сразу получает широкие перспективы. Как и при Разине, там вспыхивает восстание крепостного крестьянства. Перебираясь на Волгу, Пугачев учитывал все значение крестьянских настроений для успеха своего предприятия. Еще только собираясь идти на Казань, он заказывал своим грамотеям новые манифесты о том, что император Петр Федорович жалует всех верных своих подданных «вольностью без всякого требования в казну подушных и иных податей» и к этому добавлялось: «В России дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не будет, понеже каждый восчувствует прописанную вольность и свободу».

Успех, выпавший на долю Пугачева под Казанью, лучше всяких манифестов воспламенил крестьянское население Поволжья. Появление пугачевских отрядов в разных местностях Казанского и Нижегородского края тотчас влекло за собою погромы крестьянами помещичьих усадеб.

А в это время сам Пугачев, начав движение от Казани к Чебоксарам, рассылал новый манифест, в котором говорилось: «Жалуем всем, находящимся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственно нашей короны». Крестьянам по уничтожении их крепостной зависимости обещалось — «свобода от податей и рекрутчины, владение всеми землями, лесными и сенокосными угодьями, рыбными ловлями» и освобождение «от всех, прежде чинимых от злодеев-дворян и градских мздоимцев, отягощений». В конце манифеста содержалось предписание: «Кои дворяне в своих поместьях и вотчинах находятся, оных казнить, довить и вешать, а по истреблении оных дворян всякий может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, кои до века продолжаться будут».

Этот манифест до глубины всколыхнул крестьянские массы. Крестьяне Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов восстали почти поголовно. К лагерю самозванца непрерывно текли густые толпы: это крестьяне вели к нему своих связанных господ, подвергая их на пути надругательствам и истязаниям. А у самозванца почти всех приводимых к нему помещиков ожидала виселица.

Крестьянское восстание быстро распространялось, выходя далеко за пределы района непосредственных действий пугачевщины. Помещичьи усадьбы пылали. Трупы помещиков валялись по дорогам. Вести о том, что творилось на Поволжье, на крыльях тысячеустой молвы залетали и в центральные местности и всюду производили глубокое впечатление и на крепостное население, и на помещиков.

По запискам Болотова можно отчетливо проследить, как разрасталась паника помещиков по мере хода событий. Никто не сомневался в том, что стоит только пугачевцам приблизиться к Москве, как в ней немедленно вспыхнет народный мятеж. «Вся подлость и чернь, — пишет Болотов, — а особливо все холопство и наши слуги, когда не въявь, так втайне, сердцами своими были злодею сему преданны, в сердцах своих все бунтовали и готовы были при малейшей возгоревшейся искре произвести огонь и поломя».

Теперь и правительство затрепетало за Москву и, наконец, решило взяться серьезно за подавление восстания. Панин был назначен главным начальником над всеми действиями по усмирению мятежа, и в его распоряжение отпускались большие военные и финансовые средства.

А между тем как Екатерина и ее советники трепетали за Москву, Пугачев, вопреки настоянию приближенных к нему лиц, принимал решение, прямо противоположное. Пугачев испугался того всероссийского масштаба, какой начало принимать поднятое им движение. Его потянуло назад, в более узкую родную ему

казацкую среду. На увещания некоторых лиц идти на Москву он отвечал: «Не пришло еще мое время; потерпите, детушки, когда придет время, я сам без вашего зова это сделаю, теперь же пойду на Дон, там меня знают и примут с радостью».

Теперь, как и при Разине, казачество не поддержало крестьянского движения. В то самое время, как Пугачев устремился на юг, к Дону и Яику, казачество отшатнулось от пугачевщины, обнаружило утомление и пресыщенность затянувшейся борьбой, и на почве этого утомления в казацких кругах быстро заработала мысль в направлении, неблагоприятном Пугачеву. 24 августа Михельсон недалеко от Сарепты нанес окончательное поражение пугачевцам, а 14 сентября Пугачев был схвачен и связан казаками и представлен по начальству. После поимки Пугачева восстание потухло очень быстро. Оставленное казаками крестьянство не могло сколько-нибудь сопротивляться правительственным войскам, двинутым на искоренение мятежа.

Крах пугачевщины подействовал подавляющим образом на дух крепостной массы. На всю остальную часть екатерининского царствования крестьянство затихает; мечта о возможности свержения крепостной зависимости блекнет; тем не менее и в эти годы время от времени вспыхивают в отдельных вотчинах местные волнения, но только они уже не принимают значительных размеров и не перекидываются в другие районы. Семевский² насчитывал в дошедших до нас документах до 20 таких случаев; возможно, что их было больше, но не о всех остался след в архивных материалах.

Новая широкая волна крестьянского движения прокатилась по России в царствование Павла. По документам видно, что побудительным толчком явились в данном случае два обстоятельства: 1) перемена царствования, ибо так уже повелось, что при каждой перемене царствования открывались крестьянские надежды на возможность улучшения крестьянской жизненной доли, и крестьянская масса приходила в беспокойное брожение и 2) изданный Павлом указ о трехдневной барщине, побудивший крестьян во многих вотчинах встrepенуться и восстать против тяжелых барских повинностей.

Павлов-Сильванский, предпринявший обследование документов, относящихся к крестьянским волнениям при Павле³, пришел к заключению, что в эти годы крестьяне, восстающие на господ, уже не думают о свержении крепостного права, а ставят перед собой более узкую задачу — добиться облегчения крепостных повинностей. Громадное большинство крестьянских волнений при Павле было вызвано стремлением настоять на понижении непомерных, несносных оброков и поборов всякого рода и сокращении барщины. Гораздо реже поводом к волнениям служило жестокое обращение помещиков и их приказчиков с крестьянами. В некоторых случаях эти волнения разгорались до значительных размеров, и дело доходило до карательных экспедиций и кровавых столкновений крестьян с правительственными военными командами.

Но в общем все еще чувствовалось то понижение в настроении крепостной массы, которое было вызвано подавлением пугачевщины. Это особенно выразилось в том, что крестьяне во время этих волнений уже не ставили вопроса о крепостном праве во всем его объеме, а стремились лишь к возможному смягчению суровости своей неволи. Конечно, это вовсе не означало, что крестьянство примирилось с подневольным существованием, а только под влиянием былых разочарований поблекла надежда на достижение свободы.

Критическим моментом для крепостного права могло оказаться вторжение в Россию Наполеона. В расчетах Наполеона немалую роль играла мысль о том, что обещанием свободы можно будет поднять на господ крепостное крестьянство и тем лишить Россию возможности сопротивляться иноземному нашествию. Из дошедшей до нас частной переписки того времени явствует, что и сами помещики в ожидании неприятелей сильно опасались внутренних осложнений от возможных крестьянских бунтов. Однако крепостное крестьянство обмануло надежды Наполеона. За исключением кое-каких местных эксцессов, оно не обнаружило готовности поднять гражданскую войну в момент неприятельского вторжения в Россию. Разумеется, это вовсе не означало того, что в сознании крестьянской массы погасла мечта о воле.

Вторая четверть XIX ст. принесла с собою новый взрыв крестьянских волнений, на этот раз достигший особой остроты и напряженности. В связи с ростом

денежного хозяйства внутренний хозяйственный обиход крепостной вотчины в это время подвергался глубокой переработке. Помещики стали расширять свои хозяйства, добиваться поднятия их производительности, завязывать все более разраставшиеся связи с рынком. Все это вызвало крайнее напряжение крепостных повинностей. В оброчных хозяйствах быстро росли оброки. Барщинные имения все в большей мере приближались к типу рабовладельческих плантаций: расширялась барская запашка, барщина умножалась и в некоторых вотчинах занимала уже все рабочее время крестьянина, крестьянские наделы обрезывались, и местами барщинные крестьяне совсем снимались с наделов, присоединенных целиком к барским полям, и превращались в безземельных батраков при господском хозяйстве и сажались на «месячину».

Крестьянство ответило на этот дальнейший нажим крепостной неволи массовыми волнениями, которые в 40-х и 50-х годах минувшего столетия, по общему голосу современников, приобретали с каждым годом все более зловеющий характер и все более широкое территориальное распространение. Этот новый резкий подъем волны крестьянских восстаний сыграл тогда немалую роль в решимости правительства покончить с крепостным правом. Именно при свете многочисленных известий о крестьянских бунтах той поры становятся вполне понятными слова Александра II, обращенные к представителям московского дворянства: «Пора отменить крепостное право сверху прежде, нежели оно начнет отменяться снизу». Отмена крепостного права — вот тот лозунг, под которым крепостная масса вновь выступала тогда на арену социальной борьбы. И кто же сочтет возможным усмотреть в этом лозунге противогосударственное, анархическое начало?

В 1861 г. с крестьянства снимается ярмо неволи. И с этой поры крестьянские движения вступают в новый фазис. Борьба за волю сменяется борьбой за землю, ибо земельный голод стал первостепенным мотивом в жизни пореформенной освобожденной деревни. Но этот дальнейший фазис крестьянского движения нуждается в особом рассмотрении.

Примечания

1. ТХОРЖЕВСКИЙ С. И. Народные волнения при первых Романовых. Пг. 1924.
2. См. СЕМЕВСКИЙ В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. СПб. 1888.
3. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ Н. П. Волнение крестьян при Павле I: ТРИФИЛЬЕВ Е. П. Очерки по истории крепостного права в России. Царствование имп. Павла I. Харьков. 1904. Журнал Министерства народного просвещения, 1905, № 2, отд. 3.

А. В. Карташев — общественный деятель и церковный историк

Иоанн Мейендорф

Антон Владимирович Карташев родился в семье рудокопа в селе Киштьме на Урале. При существовавшем тогда в народе страхе перед детской смертностью его крестили в день рождения 11 июля 1875 года. Счастливым — и необычным для рабочей среды — оказалось его определение в духовное училище. После него он окончил Пермскую семинарию и поступил в Петербургскую Духовную академию, которую окончил со степенью кандидата богословия в 1899 году.

Русская интеллигенция, как до революции, так и теперь, плохо представляет себе всесторонность образования, получаемого в старых духовных школах. Древние языки — греческий и латинский, основы общего образования, подробнейшее изучение Ветхого и Нового Заветов, требовательный подход в академиях к историческим знаниям, обязательное изучение древнееврейского и современных европейских языков, — все это открывало перед студентами возможности духовного и умственного развития.

Позже в эмиграции в Париже Карташев был известен как увлекательнейший рассказчик о «святых» академиях, где — в отличие от бурсацкой казенщины в семинариях — преобладала атмосфера серьезного научного труда и подлинной церковности. Именно от Карташева мы, студенты, слышали об историке В. В. Болотове, знавшем только три дороги: в аудиторию, в библиотеку и в храм; об «умнице» Сергии Страгородском, ректоре академии, впоследствии местоблюстителе и патриархе; о «праведном» Вениамине Казанском, однокашнике Карташева, а затем митрополите Петроградском, мученике за веру, погибшем в 1922 году.

В Петербургской академии Карташеву как будто предстояла профессорская карьера. Он был оставлен при кафедре русской церковной истории и получил звание доцента. Его статьи стали появляться в журнале академии «Христианское чтение»¹. Но революционные события 1905—1906 гг. подтолкнули его, начинающего либерального ученого, к уходу из академии и к занятию должности библиотекаря в императорской Публичной библиотеке. При этом Карташев читал лекции по истории религий и церкви на Высших женских курсах. Никогда не порывая с церковью, он стал одним из активнейших участников религиозно-философских собраний, а в 1909 г. председателем Религиозно-философского общества. О своих связях этих лет с религиозной интеллигенцией, включая особенно Д. С. Мережковского, Карташев говорил в Париже меньше, чем о своей церковной молодости. Возможно, что его же собственные высказывания тех лет в духе Мережковского об отживании «исторического христианства» стали впоследствии неприемлемыми для него.

Важную роль Карташев сыграл в качестве последнего обер-прокурора Святейшего Синода. В начале июля 1917 г. он заменил на этом посту мало популярного среди духовенства князя В. Н. Львова и вошел тем самым в состав Временного правительства. Как известный защитник соборного начала и изнутри понимающий проблемы церковной жизни, Карта-

шев был «человеком дня», когда от имени правительства 16 августа 1917 г. в Храме Христа Спасителя в Москве обратился к Поместному Собору Русской православной церкви, впервые созванному со времен Петра I, и объявил о новых отношениях между церковью и государством в России.

Хотя как Временное правительство, так и церковное большинство Собора стояло за свободу церкви при наличии ее отмежевания от государства, обер-прокурору была дана возможность изложить и провести свои собственные воззрения в этой области. Члену Собора С. Н. Булгакову, будущему о. Сергию, коллеге Карташева в Парижском институте, эти воззрения тогда представились как «чудовищный цезаропапизм» Временного правительства², так как обер-прокурор не исключил правительственного контроля над решениями церковных властей и вообще представлял будущее в свете органического сотрудничества государственного строя (который он предвидел в форме правовой демократии) с церковью.

Бывший марксист Булгаков тогда всецело отвергал революцию (уже в 1905 г., согласно его воспоминаниям, он выбросил свой красный бант), а Карташев еще верил в грядущую «симфонию» государства и церкви. Вообще, как в его публицистике, так и на отдельных страницах его историко-научных трудов получает свое отражение мечта о «теократическом» обществе. Уже в речи 28 февраля 1916 г. в закрытом собрании Религиозно-философского общества он отвергал схемы отделения церкви от государства, защищаемые П. Н. Милюковым и М. Н. Туган-Барановским: «Полное, живое Православие,— говорил он,— в той же мере неистребимо теократично, в какой оно истинно церковно. Ибо теократия и Церковь — понятия неразлучные»³.

В 1917 г. теократия представлялась ему идеалом и при Временном правительстве. Позднее, в конце своей эмигрантской жизни, Карташев не без полемического задора против своего же ученика о. Александра Шмемана защищал все ту же теократию в форме уже «национальной». Без устремления к «воссозданию Святой Руси», православие свелось бы к «внеисторическому спиритуализму»,— писал впоследствии Антон Владимирович⁴. Как для о. Александра Шмемана, так и для о. Сергия Булгакова (о чем Карташев вспоминает с некоторою скорбью⁵) в новом обществе секулярного типа, выросшем из революции, церковь должна была быть отделена от государства при соблюдении ее полной самобытности.

Но бывали моменты, когда утопия теократии представлялась действительной утопией и Антону Владимировичу, например, если он фактически соглашался — под сомнительно-православным влиянием Мережковского,— что «религиозных чаяний человечества не могут удовлетворить никакие реформы и реформации церквей... Только на крыльях пророческой благодати Духа, дышащего в мире, где Он хочет, через исторический подвиг всего культурного человечества..., даже через опыт всех религий люди соединяются в лоне Единой, воистину Вселенской Церкви, которая приведет их к порогу Царства Христова на земле»⁶. Но при таком взлете мысли ни «Святая Русь», ни вселенская истина православия, которую защищал о. Александр Шмеман, в конце концов, не имеют самодовлеющей ценности, а заменяются явно неправославным и даже нехристианским спиритуализмом.

После своей речи на Поместном Соборе Антон Владимирович во Временном правительстве занял место министра исповеданий. Он был последним обер-прокурором! Его личность стоит на переломе двух эпох. Октябрьский переворот привел его, как и других членов Временного правительства, к трехмесячному заключению в Петропавловской крепости и в «Крестах». После освобождения он еще смог участвовать — уже как рядовой член — в нескольких заседаниях Собора в Москве. А затем эмигрировал через Финляндию.

В Париже Антон Владимирович редко воспринимался эмигрантским обществом как бывший член Временного правительства или как представитель Религиозно-философского общества. Его слушали, прежде всего, как глашатая церковности, богословско-исторической научности и традиций старых русских духовных академий. Все бывшие студенты Свято-Сергиевского института помнят и чтут его не только как блестящего учителя, но и как постоянного участника церковного хора, прекрасного чтеца ветхозаветных паремий. Как председатель Русского Национального комитета в Финляндии, а позже в Париже как член Епархиального совета Западноевропейской епархии Русской православной церкви он неизменно поддерживал митрополита Евлогия в его защите церковной каноничности против «карловчан» (1926 г.) и простой церковной правды, когда под диктовку Сталина заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергей (хорошо знакомый и лично уважаемый Антоном Владимировичем) был принужден требовать «лояльности Советам» и у всего эмигрантского духовенства (1931 г.).

Но не в общественной деятельности и не в публицистике главное наследие Карташева,

а в его научных трудах, охватывающих изучение Ветхого Завета, общую церковную историю и историю Русской церкви. В течение нескольких десятилетий (1926—1960 гг.) он читал студентам православного Богословского института в Париже курс лекций по истории Русской церкви. По этому курсу лекций я сдавал Антону Владимировичу экзамены. Создание Богословского института было одним из замечательных, если не самым замечательным, достижением русской эмиграции в послереволюционные годы. Его основатель, митрополит Евлогий (Георгиевский), бывший архиепископ Волынский, назначенный патриархом Тихоном на должность архиерея, управляющего русскими церквами в Европе, мечтал о возвращении и профессоров института, и студентов в закрытую тогда Троице-Сергиеву лавру для восстановления нарушенной революцией преемственности богословского образования и науки в стенах той академии, где еще недавно преподавали В. О. Ключевский и Е. Е. Голубинский.

Церковь института, расписанная в древнерусском стиле художником Стеллецким, была посвящена преподобному Сергию, и весь комплекс зданий был назван «Сергиевским подворьем». Название напоминало о Сергиевом посаде, и Карташев предпочитал называть школу Свято-Сергиевской Духовной академией, а не институтом. (Последнее название было введено профессорами, приехавшими из Петрограда, где в начале 20-х годов недолго просуществовал основанный уже при большевиках Богословский институт.)

Мечты о возвращении на родину не осуществились. Всем основателям и главным деятелям института суждено было умереть в эмиграции, но историческая роль их научных и преподавательских трудов остается огромной. Нить преемственности была сохранена в течение страшных десятилетий, когда интеллектуальные, духовные и академические кадры Русской православной церкви систематически истреблялись. Печатавшиеся небольшими тиражами в 500—1000 экземпляров труды профессоров института могут еще быть полезными для будущих поколений русских богословов и историков.

В 20-е и 30-е годы Париж был центром русской эмиграции, которую составляли и правые, и левые — члены царской фамилии и бывшие социалисты-революционеры, высшие чиновники погибшей империи и простые рабочие, белые генералы и либерально-кадетские интеллигенты. Перенесенными в Париж оказались все политические и идеологические противоречия дореволюционного русского общества. Но в свете новых перспектив эмигрантские споры были трагически нереальны.

Именно на фоне этой нереальности серьезные академические достижения профессоров Богословского института выступают почти как чудесные. Конечно, не все их наследие имеет одинаковую ценность. Были и противоречия внутри «Парижской» школы, были и разные течения. Богословие выражалось и в категориях «софиологии», восходящей к системе В. С. Соловьева, и в исторически живом возрождении традиции греческих отцов церкви у о. Георгия Флоровского.

Карташев не принадлежал ни к одному, ни к другому из этих течений. Он был представителем критической церковной историографии, связанной с именами В. В. Болотова, Е. Е. Голубинского, А. П. Доброклонского и др. Но у Карташева эта традиция сочеталась с необыкновенной широтой научных интересов (занятия Ветхим Заветом), с увлечением политической мыслью и публицистикой (либеральной в молодости, «национальной» в последние годы), с блестящим лекторским и журналистским талантом.

Его занятия Ветхим Заветом связаны с непосредственными преподавательскими обязанностями в Богословском институте. Б. И. Сове, доцент по Ветхому Завету, был в 1939 г. задержан в Финляндии военными событиями. Карташев взялся за преподавание этого предмета, включая древнееврейский язык, на котором он иногда прочитывал в церкви ветхозаветные паремии, как это делалось когда-то и в Санкт-Петербургской Духовной академии, написал несколько статей и произнес 13 февраля 1944 г. актовую речь на тему «Ветхозаветная библейская критика»⁷. Основной мыслью речи был призыв к признанию полной законности для православных библеистов изучения Ветхого Завета в его историческом контексте.

Основным аргументом Карташева была ссылка на Халкидонский собор (451 г.), определивший богочеловеческую личность Христа как «совершенного Бога» и «совершенного человека». Из этого определения Карташев выводил и подлежащую историческому исследованию человеческую природу библейских текстов, в которой и через которую христианский экзегет может распознать и заключающийся в тексте божественный смысл, божественное Откровение. Тезисы речи, вряд ли оспоримые по существу, вызвали дискуссию из-за несколько задорного тона, свойственного живому темпераменту автора. Некоторым казалось, что он «колебал устои Православия», тогда как в действительности православная церковь признавала принцип исторической критики всегда, начиная уже с ранней эпохи,

когда она выработывала и определяла «канон» Св. Писания, исключая из него неподлинны́е апокрифы.

«Очерки по истории Русской Церкви» (курс лекций, о котором шла речь выше) были изданы в двух книгах в 1959 г., за год до кончины Карташева. В начале 50-х годов ему удалось провести несколько месяцев в Риме для работы в замечательной библиотеке Восточного института и внести поправки и дополнения к тексту читаемых им в Париже лекций. О научной значимости этого труда по сравнению со старыми «историями» Русской церкви митрополита Макария (Булгакова) и Е. Е. Голубинского могут судить специалисты. Конечно, в некоторых отношениях курс лекций Карташева не бесспорен.

Несмотря на ограниченные возможности работы в области церковной истории, за последние 30 лет появилось огромное количество исследований о личностях и событиях истории древней Руси, поэтому взгляды Карташева на деятельность, например Константинопольской патриархии на Руси в XIV в., должны быть пересмотрены. Уточнения требует и оценка им деяний митрополита Киевского св. Киприана (1376—1408 гг.), ученика византийских исихастов, прежде всего его роли как объединителя северо-восточных и юго-западных епархий Киевской митрополии и редактора общего всероссийского летописного свода. Новые данные о преп. Иосифе Волоцком также позволяют судить о нем в более положительном свете. В «Очерках», к сожалению, отсутствуют главы о духовной жизни (нет, например, главы о преп. Сергии), об истории церковных установлений и богослужения.

Наиболее блестящими частями «Очерков», конечно, являются главы о расколе XVII в., о петровских реформах и начале синодального периода в истории Русской церкви. Это те драматические периоды в ее жизни, о которых в дореволюционные годы нельзя было свободно писать по цензурным соображениям. Хотя подлинно объективный путь к пониманию истории раскола и был проложен с большими трудностями (проф. Н. Ф. Каптеревым «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович». Тт. I—II. М. 1909—1913), но простое «обличение раскола» оставалось нормальным и упрощенным методом подхода к этой русской религиозной трагедии. Заслуга Карташева в том, что он дает такую историческую картину событий, которая справедливо исключает идеализацию той или другой стороны.

Дореволюционная, во многом столь блестящая церковная историография не знала ни одной работы по истории синодального периода. Ведь в принципе и в практике церковь жила по Духовному регламенту Петра I, прямая критика которого оставалась недопустимой. Правда, последний российский император Николай II отменил позорную присягу, насильюющую совесть членов Синода о признании императора (а не Христа!) «верховным судьей» этой Духовной коллегии, но все же никто открыто не писал о прямых насилиях в отношении духовных лиц как самого Петра I, так и его преемников и преемниц, включая особенно Екатерину II. Об этом можно прочитать в «Очерках» Карташева. Жаль только, что в его труде отсутствует описание как тяжелых, так и во многом исключительно светлых страниц истории Русской церкви в XIX веке.

Основной труд Карташева по общей истории церкви вышел посмертно⁸. Это курс лекций, посвященный историческому анализу богословских споров первых девяти веков церковной истории. В лекциях мало сказано о тех аспектах истории христианства, которые не связаны с догматическими спорами, например, об истории церковных установлений (патриархатов, канонического права), литургического развития, движения духовной жизни. Но зато богословские споры описаны подробно и блестяще. Правда, не все современные православные богословы согласятся с некоторыми оценками Карташева, например, с его почти безоговорочной симпатией к «антиохийской» христологии и фактическим отождествлениям богословия св. Кирилла Александрийского (утвержденного III и V Вселенскими соборами) с монофизитством. Зато при чтении этого курса лекций Карташева личности, обстоятельства и парадоксы церковной истории буквально оживают. Не зря студенты Богословского института любили Антона Владимировича как профессора и лектора.

Живостью ума, подлинной любовью к церковному наследию России, точностью анализа и блеском стиля он, сам будучи творцом исторических событий нашего века, оставляет новым поколениям вдохновенный завет, выраженный в его собственном определении преследуемой им в «Очерках» цели: «Протянуть... руку связи через провал революции от старого российского поколения досточтимых великанов нашей специальности к грядущему новому великану кабинетного труда в нашем освобожденном отечестве»⁹.

Примечания

1. Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории.— Христианское чтение, 1903, июнь-июль; Был ли апостол Андрей на Руси? — Там же, 1907, июль; Христианство на Руси в период догосударственный.— Там же, 1908, май.
2. Деяния Поместного Собора. Кн. IV. Пг. 1918, с. 11.
3. Речь была напечатана в виде отдельной брошюры под заголовком «Реформа, Реформация и исполнение Церкви» (Пг. 1916, с. 15).
4. КАРТАШЕВ А. В. Воссоздание Св. Руси. Париж. 1956, с. 183.
5. О своих разногласиях с Булгаковым он пишет: «Там (т. е. в 1917 г.— И. М.) я привиделся ему каким-то левым гонителем Церкви. А здесь (т. е. в Париже.— И. М.) я ему представлялся «зубром белогвардейской реакции» (КАРТАШЕВ А. В. Мои ранние встречи с о. Сергием.— Православная мысль, Париж, 1951, VIII, с. 55).
6. Реформа, Реформация и исполнение Церкви, с. 66.
7. Издана после войны отдельной книжкой (Париж, 1947).
8. Вселенские Соборы. Париж. 1963.
9. Очерки по истории русской церкви. Париж. 1959, с. 9.

Российская дипломатия в портретах. М. Международные отношения. 1992. 384 с.

Авторы рецензируемой книги, состоящей из серии очерков, предприняли попытку представить «в лицах» внешнюю политику России с конца XVII до начала XX века. Работа эта и по общему замыслу и по исполнению отличается новизной. Представленные в ней деятели не просто послушно подчиняются слепой воле истории, но сами творят ее.

Галерея деятелей XVIII в. («века исторического прорыва») открывается портретом Петра I как дипломата. Г. А. Санин показывает, как на фоне острейшей борьбы европейских держав происходило становление его блестящей дипломатии — от чреватого наивными ошибками и эмоциональными срывами осознания национально-государственных задач России к гибкой, тонко выверенной внешнеполитической стратегии с точно предугаданными последствиями. Справедлива высказанная автором мысль, что выход на Балтику был для Петра I не самоцелью, а одним из средств включить Россию как органическую часть в европейский «концерт», превратить ее из «дополнительной карты в игре» в активный и влиятельный субъект международных отношений (с. 36, 40, 42, 47).

Реалистично представлен в очерке А. Н. Шапкиной А. П. Бестужев-Рюмин — как дипломат и типичный представитель елизаветинской эпохи. С его именем связано возникновение весьма долгосрочной внешнеполитической программы России, основой которой стал русско-австрийский союз 1746 года. Концепция Бестужева-Рюмина оценивается автором как «в целом мало динамичная, но одновременно достаточно гибкая» (с. 60).

Иную, «Северную», систему отстаивал при Екатерине II руководитель Коллегии иностранных дел Н. И. Панин, которому посвящен очерк Г. И. Герасимовой. Эта система предусматривала объедине-

ние против австро-французского союза России, Пруссии, Англии и Дании при дружественном нейтралитете Польши и Швеции. Автор указывает, что эта комбинация была сравнительно кратковременной и имела тактический характер, являясь лишь инструментом поддержания равновесия сил на Европейском Севере, в каком-то качестве она в значительной мере и выполнила свое предназначение (с. 76—78). Раздел, посвященный XVIII веку, завершается интересными характеристиками екатеринских дипломатов, занимавшихся Восточным вопросом (очерк А. П. Бажовой).

Период с начала XIX в. до Парижского мира 1856 г. был наполнен противоборством между претендентами на европейскую гегемонию. В основе этой борьбы лежали: обуздание наполеоновской Франции, новое обустройство Европы, сохранение в ней мира при наличии таких «взрывчатых веществ», как Восточный вопрос и перманентная революционная угроза. Российская дипломатия представлена здесь Александром I (очерк Г. А. Кузнецовой), М. И. Кутузовым (очерк А. Н. Шапкиной), И. А. Каподистрией (очерк О. А. Савельевой), П. Д. Киселевым (очерк О. В. Орлик), А. Ф. Орловым (очерк Е. П. Кудрявцевой), К. В. Нессельроде (очерк В. Н. Пономарева).

Во второй половине века (с 1856 г. до заключения русско-французского союза в 1891—1893 гг.) российской дипломатии пришлось решать не менее сложные задачи: «сосредоточение» сил после поражения в Крымской войне, борьба за отмену «нейтрализации» Черного моря и выход из изоляции, созданной «Крымской» системой, активная политика в Средней Азии, восстановление поколебленного статуса великой державы путем сложного маневрирования между Парижем и Берлином (а

затем — Тройственным союзом) в условиях подготовки франко-прусской войны, опасных кризисов на Балканах и в Польше, острого соперничества с Англией. Авторы прослеживают процесс претворения в жизнь этого курса через деятельность дипломатов и политиков, чей «звездный час» связан с реализацией той или иной крупной внешнеполитической проблемы.

В очерке Н. И. Хитровой показано, как А. М. Горчаков добился отмены «нейтрализации» Черного моря и сумел при этом не втянуть Россию ни в один вооруженный конфликт. Н. С. Киняпина повествует о Д. А. Милютине, существенно повлиявшем в 60—70-е годы XIX в. на формирование внешней политики России, в частности — в Средней Азии, на выработку российской стратегии в этом непростом регионе. Как следует из очерка Киняпиной, разногласия между Милютиным и Горчаковым в среднеазиатском вопросе проистекали не только из обычных ведомственных трений, но и от того, что военный министр смелее и точнее, чем его коллега, предугадывал тот предел, где нужно остановиться (с. 221—238).

Очерк В. М. Хевролиной знакомит с Н. П. Игнатьевым — в каком-то смысле антиподом осторожному Горчакову. Игнатьеву был присущ более дерзкий и рискованный стиль, но во многом именно благодаря ему стало возможным заключение Сан-Стефанского договора 1878 года. О прагматике Н. К. Гирсе рассказывает И. С. Рыбаченок в очерке, посвященном «браку по расчету» — заключению русско-французского союза.

Деятельность следующего поколения русских дипломатов — В. Н. Ламздорфа, С. Ю. Витте, А. П. Извольского, С. Д. Сазонова — приходится на эпоху революций и войн начала XX века. Она представлена в очерках И. С. Рыбаченок, А. В. Игнатьева, Ю. Ф. Субботина, В. А. Емеца, В. С. Васюкова. В этом ряду особняком стоит фигура Николая II (очерк И. С. Рыбаченок) — жертвы и своего времени и собственных заблуждений. Авторы воздают должное российским дипломатам, стремившимся в обстановке ожесточенной борьбы за передел мира в наибольшей степени обеспечить интересы России и притом без втягивания в военные конфликты. Если Ламздорфу в какой-то мере удалось сделать это на Балканах в первые годы XX в. (Мюрцштегское соглашение 1903 г.), то предотвратить катастрофу на Дальнем Востоке оказалось не в его воле. Ответственность за нее возлагается на Николая II, поддавшегося авантюрным настроениям дворцовой камарильи и не внявшего трезвым голосам. Расхлебывать последствия пришлось С. Ю. Витте, который, казалось бы, в совершенно проигрышной ситуации на переговорах с японцами в Портсмуте ценой огромного напряжения ума и нервов сумел свести грозившие России потери к относительно минимальным.

Внежнополитическая программа, выдвинутая Извольским после русско-японской войны, в чем-то

напоминала доктрину «сосредоточения» Горчакова, но теперь осуществить ее уже было невозможно. Преемник Извольского Сазонов, свободный от заблуждений своего предшественника, придерживался четкой ориентации на Англию и Францию, хотя и не спешил ссориться с Германией. Фактически поставив одним из условий участия России в империалистической войне удовлетворение ее геостратегических интересов в районе Босфора и Дарданелл, он в ходе длительных и трудных переговоров с союзниками добился в 1915 г. заключения договора о разделе Турции, по которому Петербургу доставался «главный приз» — черноморские проливы с прилегающими к ним территориями.

С некоторыми положениями книги трудно согласиться. Так, рисуя портрет Александра I, нельзя было ограничиваться только «красками Тильзита» и оставить без внимания его отношение к Священному союзу. Привычное подчеркивание «реакционности» европейских конгрессов 1815—1822 гг. вряд ли способно объяснить их сущность, вовсе не исчерпываемую формулой «монархи против народов». В ряду дипломатов XIX в. явно недостает Николая I — соединявшего в себе и рационального тактика и наивного доктринера, как бы отождествлявшего и могущество и крушение собственной дипломатии. Его политическая биография поучительна как пример того, чем оборачиваются претензии на господство в Европе, особенно основанные на недальновидных представлениях о соперниках и непростительном доверии к мнимым партнерам.

Названное в книге «резонным» предположение Горчакова о возможности договориться с Наполеоном III об уступках в пользу России в бессарабском вопросе (1855—1856 гг.) вопреки притязаниям Австрии (с. 192) выглядит сомнительным в свете недавно опубликованных австрийских документов¹. Следовало бы обратить большее внимание на то, что, во-первых, отмену ограничительных статей 1856 г. стимулировала потребность великих держав в России как в мощном, даже после поражения в Крымской войне, факторе международных отношений в Европе; во-вторых, триумф Горчакова на этом поприще был куплен вынужденным непотворением возвышению Пруссии, то есть дорогой ценой. Думается также, что автор очерка о Витте несколько преувеличивает значение его дипломатического успеха на переговорах в Портсмуте в 1905 году. Мере этого «успеха» следует соотносить и с тем, что рассчитывала получить Япония и чем она готова была пожертвовать.

В. В. ДЕГОЕВ

Примечания

1. Österreichische Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Bd. 3. München-Wien. 1979, S. 268.

С. А. СТЕПАНОВ. *Черная сотня в России. 1905—1914 гг.* М. Изд-во Всесоюзного заочного политехнического института. 1992. 330 с.

Монография старшего научного сотрудника Российского независимого института социальных и национальных проблем кандидата исторических наук С. А. Степанова — исследование истории крайне правых монархических партий в России. Те немногие работы (краткий их анализ дан автором во введении), которые были посвящены этой теме, несли на себе печать своего времени и в основе своей были идеологизированы и политизированы. Их проблематика, как правило, была ограничена либо узкими хронологическими рамками (главным образом периодом первой российской революции), либо касалась отдельных, частных вопросов темы. Нельзя также не обратить внимания и на то, что большинство работ имело сравнительно узкую источниковую базу и носило фактографический характер. Автору удалось преодолеть традиционные подходы к изучению темы, заметно расширить ее хронологические рамки и рассмотреть практически все основные проблемы и аспекты истории черносотенных организаций. В научный оборот введено много новых, главным образом архивных, источников, ранее не доступных исследователям.

Важное место в монографии уделено формированию черносотенской идеологии. По отношению к крайне правым монархическим партиям точнее было бы использовать понятие «идеологические представления», ибо до создания самостоятельной теоретической системы они подняться не смогли. Автор прав, определяя черносотенную идеологию как идеологию «массового политического движения» (с. 10). Тем не менее ему следовало бы четче развести понятия: «идеология» и «идеологические представления», которые не совпадают ни по своему объему, ни по структуре и содержанию.

Автору удалось показать те источники, из которых черносотенцы черпали свои представления. Обращая внимание на их эклектический характер, автор прослеживает их генетическую связь, с одной стороны, с реликтами старой славянофильской теории об особом пути развития России, а с другой — с рудиментами массового традиционного сознания. Степанов сосредоточился на тех структурных компонентах, которые, образно говоря, и составляли «каркас» мировоззрения черносотенцев.

Как показано в книге, в своих исходных позициях идеологические представления черносотенцев покоились на трех традиционных китах официальной идеологии (самодержавие, православие, народность), однако изменившаяся ситуация в стране заставила черносотенцев реагировать (достаточно резко) на процессы европеизации и модернизации, которые рассматривались как «отклонение» от особого пути развития страны. Вместе с тем, идеализируя традиционные и патриархальные устои, черносотенцы сознавали неизбежность

развития капитализма, и антибуржуазный заряд своей критики направляли лишь на некоторые, неприемлемые для них его стороны (монополии, чрезмерное увлечение иностранными инвестициями и т. п.). По их мнению, государство должно активно вмешаться в экономику, проводя антимонополистическую политику, осуществляя контроль за иностранными инвестициями, «регулируя» национальный состав предпринимателей и одновременно — в целях сохранения и упрочения особого пути развития России — содействовать развитию национальной промышленности, ориентируясь при этом не на монополии, а на среднюю и мелкую промышленность, различные кустарные промыслы.

Автор отмечает, что черносотенцы в той или иной степени вынуждены были считаться и с изменениями в государственном строе России. Сходясь в необходимости не только сохранения, но и усиления монархической власти, полного освобождения ее от влияния бюрократов и разного рода «советчиков царя», они расходились в оценках Манифеста 17 октября 1905 г. и Основных законов 1906 года. Одни из них в принципе уже не отрицали необходимости законодательных учреждений, другие высказывались за их замену законосовещательным народным представительством (Земский собор); и, наконец, третьи продолжали настаивать на реставрации неограниченного самодержавного режима. Однако эти различия во взглядах по отношению к реформированному «сверху» государственному строю не мешали черносотенцам единодушно выступать с довольно резкой критикой правительственной бюрократии, включая высших чиновников, например, П. Д. Святополк-Мирского, С. Ю. Витте, П. А. Столыпина и других.

Акцентируя внимание на упрочении основ монархической власти, пишет Степанов, черносотенцы считали необходимым поднять авторитет православной церкви, допуская при этом возможность восстановления патриаршества. По их мнению, православная церковь не только должна сохранить свое господствующее положение среди других конфессий и церквей, но и уберечь массовое сознание от атеизма и революционизма. Особое место в идеологических представлениях черносотенцев занимали вопросы возрождения русской нации как господствующей и первенствующей в России. Однако предложенные ими методы возрождения русской нации, ее культуры и духовности основывались на идеях великодержавного национализма, антисемитизма и шовинизма. В целом же идеологические представления черносотенцев, подчеркивает автор, имели сугубо охранительный характер, ориентировались на традиционализм и патриархальность. Они не соответствовали духу времени и историческим задачам, вставшим перед Россией в начале XX века.

В монографии поставлен и разработан ряд вопросов, которые ранее практически не изучались. Речь идет об организационных структурах политических партий, о их численности, социальном составе. Автор показал преемственность общероссийских черносотенных союзов со Священной дружиной, Добровольной народной охраной, Монархической партией, Русским собранием, Союзом русских людей. На основании архивных изысканий он установил, что в конце 1907 — начале 1908 г. в 2208 населенных пунктах действовало 2229 отделов монархических организаций разного типа, а их общая численность составляла примерно 410 тыс. человек.

Степанов попытался «увязать» проблему территориального размещения монархических организаций с уровнем экономического развития регионов и с национальным составом их населения. В итоге он пришел к двум принципиально важным наблюдениям. В губерниях со слабо развитой промышленностью находилось 49,4% членов крайне правых организаций, соответственно в среднеразвитых — 21,6% и в высокоразвитых — 29% (с. 108). В регионах с однородным национальным составом черносотенных организаций было сравнительно немного и их пропаганда не пользовалась успехом. Зато в регионах со смешанным составом населения (например, в Белоруссии, на Украине, в 15 губерниях «черты оседлости») было сосредоточено 57% черносотенных организаций; их деятельность здесь приняла особенно широкий размах. Автору удалось установить и процентное отношение членов монархических организаций к общей численности населения регионов с различным экономическим уровнем развития (0,4%, 0,3%, 0,3%), что в целом отражает и общую тенденцию: по ориентировочным подсчетам, численность политических партий России не превышала 0,5% населения страны.

Интересны наблюдения автора относительно социального состава крайне правых монархических организаций. Так, из 34 человек, входящих в Главный совет Союза русского народа, дворян было 17, почетных граждан — 5, купцов — 4, мещан — 1, крестьян — 4, лиц с неустановленной сословной принадлежностью — 3 (с. 111). Из 45 представителей губернских отделов Союза русского народа дворян было 29, священнослужителей — 5, купцов — 6, мещан — 2, крестьян — 2 (с. 111). Автор считает, что значительная часть руководителей черной сотни принадлежала к интеллигенции. В низовых монархических организациях достаточно широко были представлены все сословия, включая рабочих и крестьян. По предварительным авторским прикидкам, к 1907 г. по всей стране среди черносотенцев насчитывалось около 12—15 тыс. рабочих (1/100 часть российского пролетариата) (с. 222). В ряде крупных городов (Москва, Петербург, Одесса, Киев, Екатеринослав, Ярославль, Иваново и др.) черносотенцам удалось со-

здать особые рабочие организации (Союз русских рабочих, Экономический рабочий союз и т. д.).

Автор внес важные коррективы в бытовавшее в литературе мнение, будто в черную сотню вступали по преимуществу отсталые, «темные» в политическом отношении рабочие, сохранившие тесные связи с деревней, являвшиеся приверженцами патриархальных порядков. На основе большого фактического материала (не только по крупным промышленным центрам, но и по отдельным предприятиям) он убедительно показал, что в эти организации входили и высококвалифицированные рабочие (так называемая рабочая аристократия), и те, которые сделали сознательный выбор между монархизмом и революционаризмом. В западных и юго-западных губерниях черносотенцам удалось создать довольно широкую и разветвленную сеть сельских подотделов, состоявших по преимуществу из крестьян. В ряде высших учебных заведений были организованы студенческие черносотенные организации. По данным автора, по всей России количество черносотенцев — членов академических союзов и студентов не превышало 5—10% всего студенчества (с. 199).

В книге основательно рассмотрен вопрос об источниках финансирования монархических организаций: черносотенные союзы финансировались как отдельными представителями высшего света, церковными иерархами, крупными купцами, так и различными государственными ведомствами — от Министерства двора до Министерства народного просвещения. Наиболее щедрые субсидии выдавали черносотенцам Министерство внутренних дел и Главное управление по делам печати. По подсчетам автора, ежегодно субсидии, поступавшие в кассу черной сотни из всех источников, составляли 250—300 тыс. рублей (с. 101).

Степановым рассмотрена ожесточенная борьба за лидерство и распределение субсидий в черносотенных организациях. В ней использовались любые методы, включая террор, подкуп и клевету. В монографии даны яркие характеристики многих черносотенных лидеров (А. И. Дубровина, В. М. Пурешкевича, Н. Е. Маркова, П. Ф. Булацеля, Н. М. Юскевича-Красовского, А. А. Бугсгевдена, А. И. Коновничина, С. М. Труфанова (Илиодора) и др.), а также «запленных дел мастеров» (А. В. Половнева, И. Я. Рудзика, Г. С. Ларичкина, Л. А. Тополева и др.). В конечном счете борьба на всех уровнях черносотенной «пирамиды» привела к расколу Союза русского народа и выделению из него Русского народного союза имени Михаила Архангела. Однако и после этого борьба возобновилась с новой силой как внутри этих союзов, так и между ними. Начиная с 1910 г., монархические организации находились в состоянии перманентного кризиса, приведшего к стагнации их деятельности.

В монографии охарактеризованы практически все основные аспекты деятельности черносотенцев:

погромная, террористическая, агитационно-пропагандистская, думская. Автор не только уточнил широко используемые в литературе данные В. П. Обнинского о погромах, но и показал «механизм» их организации в различных регионах страны, выявив связи погромщиков с властями. По данным Степанова, с 17 октября по 1 ноября 1906 г. погромы имели место в 358 населенных пунктах (с. 54), в результате их погибло 1622 и ранено 3544 человека (с. 56).

Автором приведены интересные факты о черносотенных дружинах. По его данным, в 1906—1907 гг. они существовали в 11 городах (с. 143). Их основная функция состояла в том, чтобы оказывать непосредственное содействие полиции в борьбе с революционным движением. Власти на всех уровнях не только попустительствовали черносотенцам, но и оказывали им прямое содействие, включая и снабжение оружием.

Черносотенцы вели активную агитационно-пропагандистскую работу в ходе четырех избирательных кампаний в Государственные думы. Ориентация их верхушки на сотрудничество с фабрич-

но-заводской администрацией — в городе, и с помещиками — в деревне, привела к конфликту между «верхами» и «низами» в черносотенном движении и с широкими массами вне его. Продворянская позиция в аграрном вопросе привела к отходу от черной сотни крестьян, а после Ленских событий 1912 г. от нее довольно быстро стали отходить и рабочие.

Привлекает внимание раздел, посвященный обстоятельному анализу дела Бейлиса. После выхода в свет в 1934 г. книги А. С. Тагера «Царская Россия и дело Бейлиса» эта тема в литературе специально не разрабатывалась. Степанову удалось раскрыть политическую подоплеку этого скандального дела, исход которого нанес сокрушительный удар по крайне правым монархическим партиям.

Монография убедительно повествует о малоизвестных страницах истории политических партий в России в начале XX века.

В. В. ЩЕЛОХАЕВ

Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung. Hrsg. von D. Herrmann unter Mitarbeit von K.-H. Korn. Wilhelm Fink Verlag. München. 1992. 648 S.

Немцы и Германия в восприятии русских. XVIII век: Просвещение

Инициатор и редактор серии «Западно-восточных отражений» Л. З. Копелев во вступительном очерке к рецензируемому тому характеризует в общих чертах роль немцев в России в XVIII в., особенно в плане усвоения русскими культуры Просвещения. Другой вступительный очерк — «Легенды и предрассудки» — написан американским историком М. Раевым и содержит много новых, острых и часто неожиданных наблюдений над взаимодействием российской и европейской культур в XVIII веке. Возвращаясь к проблеме, поднятой им в другой книге¹, он подчеркивает, что Россия в петровскую эпоху перенимала не столько передовой, сколько рутинный опыт государственного управления и общественной жизни, и это обстоятельство наложило глубокий отпечаток и на сам характер модернизации в России, и на восприятие русскими Запада (с. 58).

Раев ставит под сомнение и распространённый среди историков и вообще в представлениях о России XVIII в. стереотип о «засилье» немцев во властных структурах и некоторых сферах культуры русского общества, видя в этом один из предрассудков русской историографии XIX в., откуда эта мифологема вошла и в общественное сознание (с. 66). Одновременно Раев указывает на явную недооценку воздействия именно немецкого (а не французского!) Просвещения на русскую культуру, осо-

бенно подчеркивая влияние германского пиетизма, теории естественного права, литературного сентиментализма, специфически немецкого патриотизма эпохи «бури и натиска» и немецкой же бюргерской морали на элитарные слои русского общества.

Э. Хюбнер анализирует отношение Петра I к Германии и немцам и приходит к выводу о ложности привычного стереотипа об его особенной привязанности ко всему немецкому. Германофилом, по его мнению, Петр I не был. Главным мотивом в отношении царя к немцам всегда оставались целесообразность и прагматический расчет, и только народная молва и общественное мнение виноваты в том, что сложился образ русского самодержца как антихриста и притом в немецком платье.

В разделе, написанном Р. Ступперихом, речь идет о связях Феофана Прокоповича с немецким ученым миром и об отношении ближайшего сподвижника Петра I к немцам. Автор считает не вполне верным устоявшееся в науке суждение, будто Прокопович в своей церковной деятельности последовательно пересаживал на русскую почву немецкий протестантский опыт. Даже написанный Прокоповичем «Духовный регламент», который принято считать копированием немецких церковных порядков, по мнению Ступпериха, вовсе не является таковым, представляя собой вполне

творческий синтез старых и новых, традиционно православных и западных экклезиологических идей. В целом же обращение Прокоповича к западноевропейскому опыту было продиктовано теми же патриотическими и прагматическими соображениями, что и политика Петра Великого. Примечателен вывод автора, что Прокопович «был готов признать преимущества других, не принижая собственного народа» (с. 113).

Очень любопытно и поучительно объединение в одном очерке Г. Гекера сведений об отношении к немцам Семена Тодорского, выходца из Украины, теолога, прошедшего несколько лет в Галле, ставшего позднее профессором Киевской духовной академии и псковским епископом, и много более известного Ивана Посошкова. Первый всей своей судьбой, идеями и деятельностью воплощает новую эру в отношениях России с Западом, проникнут стремлением перенести его опыт в Россию. Второй — это олицетворение реакции на вторжение западного влияния в русскую жизнь. Тодорский переводил на русский язык произведения немецких протестантских теологов (сохраняя тем не менее верность православию) и был фактическим автором нового перевода Библии на церковнославянский язык (так называемая Елизаветинская Библия). Посошков относился к иностранцам, и в частности к немцам, которые в его глазах были еретиками-лютеранами, с большой подозрительностью, странным образом смешивая уважение к их достижениям и одобрение реформ в России с традиционной ксенофобией.

Гекер объясняет этот контраст различием религиозных установок Тодорского и Посошкова, что представляется правильным и лишней раз выявляет разницу в религиозно-культурном климате Украины и России в петровскую эпоху. Тот же автор в следующем очерке, посвященном В. Н. Татищеву, показывает, что линия Посошкова была обречена на поражение, ибо из отношения Татищева к немцам, с которыми он был в постоянном контакте, видно, что «общение с ними, с их страной, их языком и культурой стало чем-то само собой разумеющимся» (с. 154).

То же самое можно, видимо, сказать и о М. В. Ломоносове, чье отношение к Германии и немцам проанализировано в очерке Л. Копелева. Он подчеркивает противоречивость и самой личности Ломоносова, и суждений историков о нем, обращая внимание на то, что во многих случаях его конфликты с немецкими коллегами и соперниками продиктованы были не принципиальными, а личными мотивами. Патриотизм Ломоносова, однако, как убедительно показано Копелевым, не имел ничего общего с ксенофобией прежних эпох. Он был «русским человеком с европейским самосознанием, патриотически настроенным гражданином мира и космополитичным патриотом» (с. 189).

Жизнь и труды А. Т. Болотова, как видно из очерка В. Шмидта, показывают, что Ломоносов вы-

разил генеральную тенденцию эволюции русского общества и его культуры. Болотов, с детских лет близко знавший германскую культуру и прибалтийскую немецкую дворянскую среду, являвшийся участником Семилетней войны, проводивший некоторое время в Кенигсберге, относился с большим уважением к цивилизационным и интеллектуальным достижениям немцев. Это не мешало ему оставаться горячим русским патриотом и вполне критично оценивать многих немцев, с которыми ему довелось сталкиваться. Приведенные в книге переводы ряда выдержек из записок Болотова помогут читателю получить информацию об его отношении к немцам и Германии, так сказать, из первых рук.

Такой важнейший источник для изучения представлений о немцах, как периодические издания, использован в разделе Х. Любке. Однако, как это ни неожиданно, он не находит здесь обильной информации о русском образе Германии. Это вызвано и тем, что русская периодика XVIII в. была скудна, и тем, что вплоть до последней трети этого столетия она имела преимущественно официальный характер. Судя по этим материалам, в России того времени еще не выработалось четкого представления ни о географии немецких земель, ни об отличии Германии как эквивалента Священной Римской империи от Германии этнической, ни умения воспринимать чужую страну и общество в отрыве от личности их государя, правителя. Иными словами, немцы и в XVIII в. продолжали сливаться в воображении русских с иностранцами вообще. Вместе с тем автором ясно продемонстрирована и начавшаяся во второй половине того же века дифференциация, когда в изданиях Н. И. Новикова ученый и трудолюбивый немец противопоставлялся поверхностному и легкомысленному французу. Именно этнические немцы отныне стали отождествляться с людьми непременно учеными, основательными, педантичными, хотя и тяжеловатыми, не слишком галантными и изящными — в каком-то смысле европейскими провинциалами.

Обширный очерк К. Шарфа посвящен Екатерине II и ее связям с Германией. Хотя само обращение ко взгляду ставшей русской императрицей принцессы Софьи-Августы-Фредерики Ангальт-Цербстской на немцев может показаться не вполне уместным в книге о русском образе Германии, обойтись без этой фигуры было, конечно, невозможно. Шарф рассматривает влияние немецкого пиетизма, политической мысли, балетистики на формирование характера и взглядов Екатерины, немецкие образцы проведенной ею школьной реформы, роль немцев в государственной и придворной жизни России екатерининской эпохи, династические связи монархини с германским феодальным миром, германскую политику России, отношение Екатерины к прусскому королю Фридриху II и австрийскому императору Иосифу II, но в конце концов приходит к выводу,

что «восприятие Германии Екатериной нелегко реконструировать» (с. 339).

Очерк Шарфа страдает тем же недостатком, что и некоторые другие разделы книги: едва ли не большая часть приводимого материала не имеет прямого отношения к главной теме — русским представлениям о немцах и Германии. В значительной степени это обусловлено необходимостью извлекать крупными кусками информацию из громадной массы источников и слабой разработанностью проблематики, но также и методологическими затруднениями. Нельзя, однако, не заметить, что авторы первых томов серии с большим успехом преодолевали все эти препятствия. Даже тогда, когда речь идет о записках русских путешественников или студентов, побывавших в Германии (очерк В. Буша), таких, как Б. И. Куракин, А. Б. Куракин, А. Р. Воронцов, В. Н. Зиновьев и др., книга приносит больше сведений о немецко-русских связях, чем о стереотипизированных или оригинальных впечатлениях россиян от знакомства с Германией.

Э. Бринер рассматривает отношение московских масонов к их единомышленникам и учителям в Германии, к традициям немецкой мистической религиозно-философской мысли и приходит к выводу, что оно было амбивалентным. С одной стороны, московских розенкрейцеров можно рассматривать как почитателей и учеников немецких мистиков и теософов. С другой — в личных отношениях русских и немецких масонов было много конфликтов, доходящих до прямой неприязни и даже до утверждения, будто русские с молоком матери впитывают ненависть к немцам (с. 391—392). Из материалов, приводимых Бринером, явствует, однако, что речь идет не о возрождении старомосковской ксенофобии, а о противоречиях, возникающих в ходе диалога двух культур. Из этого видно, насколько велик скачок, отделивший XVII век русской истории от XVIII-го.

Ряд очерков посвящен отношению к немцам выдающихся деятелей русской культуры второй половины XVIII в.: И. И. Хемницера, Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, Н. И. Новикова, А. Н. Радищева и Н. М. Карамзина. Как показывает В. Буш, ироническое отношение Хемницера к прусским порядкам противостоит пиетету Державина, который особенно восхищался Фридрихом II. Творчество Фонвизина, рассмотренное Д. Германном в одном из самых интересных очерков книги, примечательно тем, что он впервые вывел на русскую сцену (в «Недоросле») немца — Вральмана. Правда, как справедливо отмечает автор раздела, националь-

ность этого персонажа могла бы быть и другой, «ибо он сохраняет еще что-то от древнерусского «немца», иностранца с Запада вообще» (с. 427). Тем не менее впечатления Фонвизина от путешествий по Германии показывают, что обозначение Вральмана как немца все-таки не вполне случайно, так как немецкое общество и культура воспринимались Фонвизиным не без иронии, хотя лейтмотивом было все же растущее уважение к Германии и немцам. Это двойственное чувство, выражения которого последовательно и скрупулезно прослежены Д. Германном по письмам Фонвизина из-за границы, содержит, по мысли автора, «ключ к пониманию русского взгляда на иностранцев на протяжении всего XIX века» (с. 448).

Д. Боден, характеризуя немецкие мотивы в произведениях Новикова и Радищева, подчеркивает, что и тот, и другой подготавливали почву для появления представления о Германии как о стране могучего философского духа, мало обращающая внимания на собственно национальные черты немецкого общества. Эта линия, как хорошо показано в очерке Х. Бартеля и М. Линдемана, была продолжена Н. М. Карамзиным, для которого симпатия к Германии и немцам была «константой его жизни» и основывалась прежде всего на воодушевленном и полном энтузиазма восприятии немецкой философии и поэзии при очень незначительном внимании к повседневной жизни и политике германских государств. Все эти наблюдения отчетливо выявляют нити, связывающие XVIII и XIX века в истории российско-немецких культурных отношений.

Остается добавить, что рецензируемая книга, благодаря, в частности, фундаментальнейшей библиографии, тщательности аппарата, сопровождающего каждый из очерков, прекрасно составленным синхронистической таблицей и указателям и вообще столь характерной для Германии основательности и эрудированности, закрепит в восприятии современного читателя представление об «учености» как отличительной черте немецкой культуры.

М. В. ДМИТРИЕВ

Примечания

1. RAEFF M. *The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600—1800.* New Haven. 1983.

Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert: Vor der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung (1800—1871). Hrsg. von M. Keller. Wilhelm Fink Verlag. München. 1991. 947 S.

Русские и Россия глазами немцев. XIX век: от начала века до создания империи (1800—1871 гг.)

Авторы очередного тома предпринятого Л. З. Копелевым Вуппертальского проекта ¹ исследований по истории взаимного восприятия русских и немцев («Западно-восточные отражения») вводят в научный оборот немало новых сведений, расширяющих наши знания по данной теме. Наряду со свидетельствами известных политических деятелей и ученых — А. фон Гумбольдта, Э. М. Арндта, барона Г. Ф. К. фон Штейна, Ф. И. Гааза, А. фон Гакстгаузена, важный материал содержится в записках А. фон Шамиссо, Й. Г. Зойме, Й. Рихтера, В. фон Кюгельгена. Неожиданным, но интересным представляется фантастическое видение роли России у Б. Бауэра. Даже А. фон Коцебу предстает в новом свете: второразрядный литератор вырастает в ключевую фигуру, радикально повлиявшую на формирование образа России в Германии. Глубокой критической проработке подвергнуты взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на Россию и русских. Привлечены немецкие народные песни, политическая лирика, воспроизведены отрывки из учебников по истории, дана широкая картина русско-немецких литературных связей.

Л. З. Копелев и авторы исходят из того, что нельзя отождествлять между собой ни самодержавный режим и российский народ, ни самодержавие и деспотизм, поскольку и то и другое ведет к искажению исторической истины. И во Франции и в Германии много шума наделала вышедшая в 1843 г. книга маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году». Он ехал в Россию без предубеждений, надеясь найти здесь опору в борьбе против социального и духовного кризиса, охватившего западное общество. Столкнувшись с российской действительностью, он пережил нечто вроде психической травмы, окрасившей все увиденное им в черные тона. Вскоре после выхода это далеко не бесспорное, полное противоречий, но талантливое описание путешествия в Россию было переведено на немецкий язык и внесло свой вклад в формирование «образа врага» в лице России.

С немцами, побывавшими в России, а еще более — осевшими там, происходил чаще всего обратный процесс — избавление от предвзятых суждений. Максимилиан Гейне писал своему брату поэту Генриху 8 марта 1844 г.: «Можешь мне поверить, книга Кюстина против России это басня, талантливая, но лживая... Это понимаешь, если проживешь в этой колоссальной стране 15 лет. Для одаренного человека, для писателя Петербург по сравнению с Венной покажется раем» (с. 542). М. Гейне поступил на службу в российскую армию военным врачом. Он участвовал в русско-турецкой

войне 1828—1829 гг., в подавлении польского восстания 1830—1831 гг., в 1834 г. опубликовал свои записки об этих компаниях, где Россия предстает борцом за свободу всех христианских народов. В Германии эта книга была встречена прохладно (с. 537).

У пылкого немецкого патриота и поборника единого национального немецкого государства Э. М. Арндта (очерк Г. Виганда) корректировка образа России и русских происходила не один раз в зависимости от отношения России к прусской гегемонии в Германии. Вначале он находит у русских «рабское сознание», отсутствие творческой одаренности, называет их «ленивыми варварами в полускотском состоянии» (с. 478). За русскими он признает единственный талант — к заимствованию. Но когда Арндт вслед за бароном Г. Ф. К. фон Штейном в 1812 г. едет в Россию, пересекая страну с юга на север, вид здорового, веселого, сытого народа вызывает его удивление. Он признает, что «во многом ошибался» в оценке России (с. 320). Российское крепостничество, замечает он, «гораздо менее основано на прямом угнетении, чем наследственное подданство в Центральной Европе» (с. 338). Позднее Арндт вернулся к прежнему образу России, хотя о русском народе он до конца своих дней отзывался в высшей степени позитивно.

Героизм русских, проявленный при защите отечества, производил большое впечатление на немцев. Наблюдая русских солдат и офицеров в битве при Прейсиш-Эйлау (1806 г.), Г. Й. Д. Шарнгорст писал: «Храбрость русских превосходит все человеческие возможности» (с. 324). В то же время, А. фон Гнейзенау за трехнедельное пребывание в Петербурге в 1810 г. смог заметить главным образом негативные стороны — расточительный образ жизни дворянства, склонность простого народа, смышленного и хитрого, к воровству, обману, пьянству (с. 326).

А. фон Коцебу (очерк М. Келлер) долгое время жил в России, пытался добиться расположения трех монархов — Екатерины II, Павла I и Александра I, правда, без успеха. При Павле I он даже был сослан в Тобольск, но вскоре помилован и возвращен в Петербург. Его оценка Павла I: сумбурный нрав, но благородная душа. Записки Коцебу передают напряженную атмосферу в Петербурге, страх жителей, ежечасно ожидающих ареста по любому поводу (с. 134). И все же Коцебу находил в России больше положительных сторон, чем отрицательных (с. 137).

Сохранилась рукопись Коцебу 1817 г. (она

была опубликована лишь в 1922 г.), затрагивающая психологический аспект отношения немцев к России после разгрома Наполеона: «Всякий непредвзятый человек не станет отрицать, что Пруссия, как и вся Германия, обязана своим освобождением России; однако тяжесть такого благодеяния сильно давит на прусскую национальную гордость. К сожалению, человеческая природа такова, что в большинстве случаев люди испытывают нечто вроде неприязни к своим благодетелям» (с. 145). Эти настроения получили отражение и в немецких песнях того времени и в стихотворных произведениях.

Следствием уязвленного национального чувства было то, что о России в течение долгого времени вообще предпочитали не писать. О восстании декабристов, казни и ссылке его участников мало кто знал, к тому же оно подавалось как очередной дворцовый переворот (с. 437). После подавления восстания в Польше 1830—1831 гг. немецкая пресса постаралась изобразить Россию как душителя свободы. Трагическая гибель Коцебу от руки студента-теолога К. Занда (1819 г), как показывает Келлер, ускорила политизацию образа России. Немецкое общество разделилось на сторонников и противников Священного союза и его политики (с. 149).

Для немецкого либерализма характерно было враждебное отношение к России. По мнению С. Волле, общественное мнение Германии обращалось против России даже тогда, когда та не была инициатором непопулярных акций Священного союза, таких, например, как преследование участников Вартбургского праздника 1817 г. или Карлсбадские постановления против свободы прессы, университетов, буршеншафтов (1819 г.) (с. 561). Александр I в глазах многих немцев превратился из освободителя в ярого реакционера. Самодержавие отождествлялось с реакцией, и эта оценка переносилась на весь народ (с. 567, 582). Либералы утверждали, что русские — эти «азиатские орды» — угрожают вторжением в Европу (с. 569). Лишь немногие из либеральных и демократических публицистов судили о России и ее народе дифференцированно. Л. Берне находил общее между русскими, испанцами и итальянцами, а немцев ставил даже перед русскими в ряду угнетенных народов (с. 576).

Либеральные убеждения К. В. Варнгагена фон Энзе (очерк Г. Виганда) не помешали ему питать глубокий интерес к России. Выучив русский язык, он первый в Германии оценил по достоинству Пушкина, Лермонтова, Гоголя и зарекомендовал себя талантливым переводчиком. Он поддерживал тесные связи с передовыми русскими людьми. В связи с этим стоило бы упомянуть мало известное стихотворение И. С. Тургенева «К. А. Варнгагену фон Энзе», написанное в 1847 г. и лично переданное автором адресату. Там есть такие знаменательные строки: «...Да будут русской речи зву-

ки // Для вас залогом, что года // Пройдут — и кончится вражда; // Что, чуждый немцу с колыбели, // Через один короткий век // Сойдетсся с ним у той же цели, // Как с братом, русский человек; // Что, если нам теперь по праву // Проклятия гремят кругом — // Мы наш позор и нашу славу // Искушим славой и добром...»².

Г. Гейне, прочитав записки Кюстина, считал, что книга не заслуживает доверия уже потому, что автор называет простых людей «двуногими скотами» (с. 543). Копелев в интересном очерке «Российские фантазии Генриха Гейне» показывает, что поэт был свободен от ненависти к русским, хотя и не принимал русофилию консерваторов (с. 534). Для него главным был поиск гуманистического идеала. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. он видел в Николае I «рыцаря Европы», и, думается, не только от «поэтической фантазии», как считает Копелев (с. 527). Защита угнетенных народов Балканского полуострова от гнета Османской империи не могла противоречить гуманистическому идеалу поэта.

Вряд ли справедливо мнение автора, что немцы оплакивали смерть Николая I (а таковых было немало и не только в придворных кругах) — «сами не зная почему». Царь был почитаем многими в Германии как гарант мирной, спокойной жизни, защитник от революционных потрясений: ужасы якобинского террора, унижения и тяготы французской оккупации еще были свежи в памяти. Имел значение и личностный фактор: Николай I, по мнению современников, был «самым полным, самым ярким воплощением самодержавной власти со всем ее обаянием и всеми ее недостатками»³. Как сообщает сам Копелев, с уважением о властителе России отзывались А. фон Гумбольдт, оба брата Гейне, а их богатый дядя — даже с благоговением.

Впрочем, образ русских у большинства либеральных публицистов лишен каких-либо конкретных черт, поскольку они практически не знали России. Побывавшим же в ней немецким ученым, которые судили о русском народе более предметно и доказательно, бросалось в глаза присущее даже людям простого звания чувство собственного достоинства, которое они не ожидали встретить в стране «рабства и деспотизма» (с. 333).

Поэт и натуралист Шамиссо в 1815—1818 гг. принял участие в арктической экспедиции графа Н. П. Румянцева на корабле «Рюрик» в Беринговом проливе (кстати, командовал этим кораблем сын Коцебу — Отто). По его словам, отношение матросов к своим начальникам и вообще простого человека к своему господину, царю «больше детское, чем просто холопское»; матросы, замечает Шамиссо, во всех ситуациях вели себя как люди, ощущающие себя свободными (с. 169). Гумбольдт, совершивший в 1828 г. путешествие через Урал на Алтай, пишет о русском народе: «разумный, энергичный, превосходный человеческий класс», в отличие от «благородного сброда» (с. 195).

С таким мнением совпадают впечатления ученого Гакстенгаузена, заново открывшего русскую крестьянскую общину. Он был высокого мнения о нравственных и религиозных устоях русской деревни, которые, по его мнению, чище и глубже, чем на Западе. Наблюдательный ученый вместе с тем отмечал, что своей приусадебный огород крестьяне возделывали гораздо тщательнее, чем общинную землю (с. 213).

Хорошо известный у нас благодаря А. И. Герцену и А. Ф. Кони «доктор Гааз» (Ф. Й. Хаас) считал главными чертами характера простых русских людей сердечность, любовь к ближнему, деятельную отзывчивость. Однако, по удачному замечанию Копелева, он гораздо большее влияние оказал на образ немца для русских, чем на образ русского для немцев (с. 61). Взвешенная оценка русских и России у В. фон Кюгельгена присутствует в его высоко ценимых в Германии воспоминаниях «Молодые годы старого человека». Он считал, что Россия, при всей ее культурной отсталости, относится к тем государствам, к которым неприменимы однозначные оценки (с. 241, 245).

Предельно политизирован образ России и русских у Маркса и Энгельса. Автор обширного очерка «Маркс, Энгельс, царь и революция» Г. Флейшер опирается на материалы, собранные Г. Кененом, на обширную документальную публикацию М. Рубеля, а также монографию Д. Гро⁴. Флейшер анализирует эту проблему на основе публикаций в «Neue Rheinische Zeitung», затем на материале статей Маркса и Энгельса, написанных в период их эмиграции — во время Крымской войны и позже — и отдельно по работе Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века».

Маркс и Энгельс учитывали роль России в своих расчетах, связанных с главным предметом их забот — революцией. Вначале это для них однозначно враг, поскольку она противостояла революционному движению. Затем, с назреванием революционной ситуации в России в связи с отменой крепостного права, они рассматривали возможность включения ее в сферу своих революционных расчетов. Энгельс больше занимался Россией, раньше Маркса начал изучать русский язык и, как пишет Флейшер, хотя и не бывал там, все же видел страну «в живых картинах», тогда как для Маркса Россия была абстрактной схемой.

Флейшер приводит оценку Рубеля: «До 1858 г. Маркс, видимо, отождествляет Россию с самодержавием и мировой завоевательной политикой царизма, как будто русского народа и русского общества для него вообще не существует» (с. 710). Со времени революции 1848—1849 гг. заклятым врагом Маркса и Энгельса был панславизм. Они призывали «разрушить навсегда» центр славянской экспансии — Россию. Марксу пришлось по душе гипотеза польских идеологов Т. Лапиньского и Ф. Духиньского, что москвиты вообще не являются славянами, а происходят от татарских и иных завоевателей (с. 711).

В «Разоблачениях дипломатической истории XVIII века», подчеркивает Флейшер, историческая арена превращается в трибунал, процесс исследования — в разоблачение, история — в собрание придворных интриг⁵ (с. 709). Флейшер отмечает, что в «марксовых упражнениях по российской истории» оставлена без внимания вся внутренняя политика России от Ивана III до Петра I, он закрыл себе путь и к пониманию ее внешней политики, события начала XVIII в. рассматриваются им через призму симпатий и антипатий второй половины XIX века. К тому же в обоснование тезиса об агрессивности России Маркс всегда ссылался на заведомую фальшивку — так называемое завещание Петра I. Маркс называл «курьезом» и «иронией судьбы» то, что первый зарубежный перевод «Капитала» вышел в России (с. 718).

Можно вполне согласиться с выводом Флейшера, что Россия в изображении Маркса и Энгельса — «прямая противоположность реальной» (с. 687). Впрочем, Энгельс признавал цивилизирующее влияние России на народы, населяющие берега Черного и Каспийского морей и Центральную Азию (с. 718). Характерно, что и О. фон Бисмарк (к сожалению, в томе нет очерка о его видении русских и России) писал: «Англичане ведут себя в Азии менее цивилизованно, чем русские; они слишком презрительно относятся к коренному населению и держатся на расстоянии от него... Русские же, напротив, привлекают к себе народы, которые они включают в свою империю, знакомятся с их жизнью и сливаются с ними»⁶. Вообще же включенные в том материалы скупо освещают национальные отношения внутри Российской империи.

Весьма содержательны включенные в том очерки, посвященные русско-немецким литературным связям. Правда, в те годы знакомство немцев с лучшими образцами русской литературы ограничивалось лишь сравнительно узким кругом лиц, большинство же читало Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча. Что касается А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, то к широкому читателю они пробьются в последующий период.

Новый том «Западно-восточных отражений» — свидетельство того, что Вуппертальский проект успешно продвигается вперед, содействуя, помимо научных целей, укреплению взаимопонимания между немецким и русским народами.

В. Н. ВИНОГРАДОВ

Примечания

1. См. ДМИТРИЕВ М. В., ПУШКАРЕВА Н. Л. Русские и немцы: представления друг о друге.— Вопросы истории, 1991, № 6.
2. ТУРГЕНЕВ И. С. Собр. соч. Т. 10. М. 1956, с. 77.

3. ТЮТЧЕВА А. Ф. при дворе двух императоров. М. 1990, с. 83.
4. См. Karl Marx und Friedrich Engels zur russischen Revolution. Kritik eines Mythos. Brl. 1984; GROH D. Rußland im Blick Europas. 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt/M. 1988.
5. В свое время Герцен сетовал на марксову «высшую школу клеветы и заподозрения» (ГЕРЦЕН А. И. Соч. Т.6. М. 1957, с. 155). По мнению Флейшера, «мы имеем здесь дело с прямотаким патологическим синдромом, в буквальном смысле слова» (с. 706).
6. Цит. по: KAHN H.W. Die Deutschen und Russen. Geschichte ihrer Beziehungen vom Mittelalter bis heute. Köln. 1984, S. 71.

А. А. ЕГОРОВ. *Жозеф Фуше: карьера оппортуниста*. Ростов-н.Д. Изд-во Ростовского педагогического института. 1992. 148 с.

Фуше (1759—1820) принадлежал к тем государственным и политическим деятелям, чьи судьбы со всей остротой ставят вопрос о роли нравственного начала в истории человечества. Биография Фуше удивительна: она одновременно и колоритна, и отталкивающа. Выпускник католической семинарии, получивший иезуитское образование и воспитание, он с началом Великой Французской революции перекинулся к революционерам и вскоре вышел из служебной когорты духовного сословия, сблизился с фёйянами, потом с жирондистами, затем с монтаньярами и эбертистами; как член и комиссар Конвента карал в провинции с беспримерной жестокостью правых и виноватых, ревностно осуществлял дехристианизацию страны; дружил с Робеспьером и, обласканный им, затем изменил ему, стал одним из главных термидорианцев; служил Директории в качестве чиновника и дипломата, далее — министром полиции (был им, с перерывами, пятькратно при I Республике, Консульстве, I Империи и в начале Реставрации), участвовал в перевороте 18 брюмера, организовал невиданную систему полицейского сыска и всеохватывающего шпионажа.

Наполеон уважал его и презирал, ненавидел и боялся, но, нуждаясь в нем, сделал его герцогом Отрантским. Смещенный с поста за тайные сношения с Англией, Фуше затем вновь выплыл, стал наместником Иллирийских провинций, способствовал поочередно первой реставрации Бурбонов, мероприятиям во время наполеоновых Ста дней, второй реставрации и был уволен с должности министра полиции как активист революционного террора; превратившись опять в дипломата, был вскоре изгнан из Франции, успел помириться с церковью и умер в австрийском Триесте. Единственное светлое пятно в его жизни (о нем автор книги не упоминает) — он не промотал своего многомиллионного состояния, а оставил его детям.

При всей занимательности жизни Фуше, полной немыслимых зигзагов и внезапных поворотов, персонально ему в нашей историографии повезло меньше, чем другим деятелям той эпохи. И в то же время нет ни одной монографии о Франции конца XVIII — начала XIX в., где бы он не фи-

гурировал или хотя бы не упоминался, в основном как важный, но все же не главный персонаж. Зарубежная историография в данном отношении несколько богаче. А в совокупности набирается увесистый корпус общих и специальных исследований и публикаций, касающихся Фуше. Подавляющую их массу глубоко изучил и умело использовал в своей книге старший преподаватель Ростовского-на-Дону педагогического института, кандидат исторических наук А. А. Егоров. Хорошо владея пером и материалом, он, выветив все характерные эпизоды жизни Фуше на фоне истории Франции тех лет, предложил читателю интересный биографический очерк.

Несколько замечаний. При падении I Империи и в начале Реставрации увидела свет серия мелких изданий касательно Фуше, не затронутых Егоровым и содержащих комплекс деталей, учет которых, не меняя линии изложения, позволил бы внести дополнительные штрихи в портрет Фуше¹. Внимательно изучив записки ряда деятелей того времени, автор черпал сведения и из мемуаров самого Фуше, которые были напечатаны посмертно и долго считались ложными. Позже специалисты пришли к выводу, что в их основе лежит здравая канва, хотя споры об их подлинности не прекратились. Егоров занимает здесь разумную позицию, используя из них лишь то, что не вызывает сомнения. Но он почему-то обходит своим вниманием идентичные записки некоторых других современников событий, включая дневники парижских буржуа и такой любопытной личности, как Луве де Конвре. Сюда же можно причислить публикацию части тайного досье Фуше и очерк де Бребисона, составленный по неизданным документам.

Автору досконально известны общие и конкретные труды по теме. Но он не всегда столь же широко пользуется многочисленными справочными пособиями. Между тем в ряде их содержатся различные, пусть мелкие, однако все же полезные сведения о параллельных обстоятельствах, связанных с деятельностью Фуше. Возможно, стоило бы использовать и те факты, которые встречаются в художественных исторических произведениях и дошли до писателей в устной традиции, в том, разумеется, случае, если они сами по себе до-

статочны и выдерживают критическую проверку. В случае с Фуше назовем не затронутую автором (хотя о повестях В. Гюго и С. Цвейга он пишет) впечатляющую прозу Брюйана и Бренже².

А. В. ШЕЛЬСКИЙ

Примечания

1. Examen de conscience du dernier ministre de la police sous le règne de Buonaparte. P. 1814;

FOUCHÉ J. Berichtserstattung an den König über die Lage Frankreichs und über seine Verhältnisse gegen die Heere den Alliirten. S.l. 1815; Correspondance du duc d'Otrante avec le duc de + + +, 1er lettre, Dresde, de 1.1.1816. Leipzig. 1816; Lettre du duc d'Otrante au duc de Wellington. Lnd. 1816; Notice sur le duc d'Otrante. Leipzig. 1816; Fouché (de Nantes), sa vie privée, politique et morale. P. 1816.

2. BRUYANT P. Une vengeance de Fouché. P. 1909; BRINGER R. L'Ombre de Fouché. P. 1912.

L. GENICOT. *Rural Communities in the Medieval West*. Baltimore — Lnd. The Johns Hopkins University. 1990. X + 185 p.

Л. ЖЕНИКО. *Сельские общины в Западной Европе в период средневековья*

Книга Л. Женико привлекает внимание и своей широтой, охватывая материалы о многих странах Западной Европы — от Пиренейского полуострова до Скандинавии, и применением новейших исследовательских методик. Цель автора — характеристика внутренней природы и взаимосвязей средневековой общины с современным ей обществом. Определяя предмет исследования, Женико прежде всего подчеркивает значение сельской общины как основания экономики средневекового общества. Это отнюдь не лишало общинный институт, знавший упадок и обновление, динамичного развития. В своей попытке найти адекватное содержанию обозначение сельской общины автор избегает узкого юридического осмысления этого явления. Община отождествляется с некой общественной группой, обладавшей спецификой и осознающей ее. Общинные начала Женико ищет в среде обитания, соседских отношениях, производственной деятельности, юридическом статусе, традициях, культуре, ментальности. Сельская община, будучи тесно связана с поместьем и приходом, выступала в роли деятельного субъекта, наделенного солидарностью, самоуправлением, правовой ответственностью и силой принуждения.

Исследуя развитие виллы в IV—X вв., автор ставит вопрос и о возможных вариантах генезиса сельской общины, допуская как ее спонтанное возникновение, вызванное потребностями освоения природных ресурсов и подавления соперничества, так и формирование по инициативе светских и церковных властей. Анализ первого варианта затрагивает проблему складывания соседских отношений и коллектива на основе совместного владения и пользования землей. Вторичным, но не менее значительным фактором в жизни общины, по убеждению Женико, являлись ее ментальность, свои традиции и обычаи.

При рассмотрении другого варианта генезиса сельской общины приняты во внимание проблемы

континуитета античности и средневековья, а также концентрации земельной собственности и образования магнатского землевладения. Тем самым Женико дает ключ к пониманию концепции средневековой сельской общины. Ее истоки — разросшаяся семья и вилла. Во взаимодействии двух систем — села и поместья — вилла становилась ядром, объединявшим свободных крестьян вместе с их собственностью в коллектив. Включение виллы в домениальную систему составляло, по мысли автора, первый шаг на пути развития сельской общины. Второй — олицетворял приход, давший толчок к осознанию членами общины своего специфического единства.

Сравнительный анализ данных археологии и демографии, сопоставление сведений о темпах и основных тенденциях развития экономики позволили Женико соотнести глобальный перелом в жизни всего средневекового общества, и сельской общины в частности, с X столетием. Демографический рост и сопровождавшие его экономические сдвиги, как показано в монографии, содействовали консолидации общины и усилению родственных связей ее членов. Среди закономерностей развития общинного института развитого средневековья автор выделяет обострение, примерно с XI в., борьбы за пастбища.

Констатируя углубление социального расслоения средневековой западноевропейской деревни, Женико мотивирует его рядом экономических факторов. В их числе — новшества в сфере земледелия, распространение трехполья, проникновение в сельские районы денег, зарождение там земельного рынка и расширение аренды земли. Однако автор не просто демонстрирует влияние экономических процессов на изменение социальной обстановки в деревне, а прослеживает опосредованное ими заметное обновление психологического микроклимата, знаменовавшее конец развитого средневековья.

Иначе говоря, и ментальные установки сыграли роль объективно существующего фактора разветвляющихся перемен.

Женико учел соответствующие социальные нормы и желание средневекового человека жить в общине под сенью местной церкви. Оттенен в книге и консерватизм крестьянства, враждебно встречавшего ломку традиций. Прогресс агрикультуры и нарушение привычной системы землепользования влекли за собой обострение социальной напряженности. Равным образом не упущены из виду меры против разрушения коллективного единства и традиций. Женико удалось вычленил присущие общине функции, обеспечивавшие поддержание в ее лоне социального мира при помощи всестороннего регулирования взаимоотношений жителей деревни. Общинные распорядки указанного периода, пронизывал, по словам автора, «общий дух».

Глава «Банн: юридические аспекты», по сути дела, исчерпывает проблему крестьянско-сеньориальных отношений. Женико выявляет два пути, следуя которым сеньория способствовала рождению, вызреванию и усилению сельской общины. Первый состоял в нивелировке социального положения и податных обязанностей населения сеньории благодаря ее юридическо-правовым полномочиям. Второй предполагал сплочение сельской общины в ходе противодействия крестьянства усилению его эксплуатации.

Женико высказывает несколько соображений о стремлении сельских общин некоторых регионов обрести защитника в лице городской коммуны или сеньора, заручившись привилегиями освободительной хартии, пожалования которой община добивалась, как настаивает автор, исходя не столько из экономических побуждений, сколько идейно-политических посылок, проистекающих из крестьянско-сеньориальных связей. Правда, удельный вес экономических стимулов рос пропорционально угрозе «кризиса феодализма».

Женико опасается каких-либо обобщений по поводу «кризиса феодализма» XIV—XV вв., полагая, что природа его пока не ясна. Внимание автора отдано преимущественно анализу последствий указанного кризиса и сопутствующих ему крестьянских движений. При этом тщательно фиксируются акции государственных властей, постоянно вмешивавшихся по взаимоотношениям крестьян и общинных органов самоуправления с их сеньорами. По наблюдениям Женико, в сельских общинах, получивших независимость, устанавливалось доминирующее положение узкой социальной группы, которая включала выходцев из господствующего класса и преуспевающих крестьян. Их влияние на свои общины во многом было связано сравнительно высокому уровню благосостояния.

Отметим главные выводы Женико. Начиная с XI в. сельская община в Западной Европе вступает в полосу зрелости. Об этом свидетельствуют

приобретенные общиной сознание, сила и законченные формы. На первой стадии этого этапа община находится под опекой сеньора. На второй — в условиях демографического подъема — освобождается от нее. Тенденция к унификации социальной структуры не означала утрату сельской общиной регионального своеобразия. Социальные коллизии в ту пору не зашли столь далеко, чтобы поколебать общинные устои.

Специальное внимание в монографии обращено на характеристику сельского прихода. Исследуя причины его ведущей роли в жизни крестьян, Женико отождествляет реально функционирующий приход с сельской общиной. Речь идет не только о благотворительности, но и любой иной деятельности приходской администрации, клириков и священников, использовании храмов и финансовых операциях приходских общин. Внутри них складывались разного рода братства, члены которых участвовали как в религиозной, так и социально-политической жизни своих объединений. По мнению автора, было бы ошибкой считать общину разделенной барьерами между различными социальными и церковными институтами: экономическое, политическое и религиозное структурирование средневекового сельского общества не было полностью идентичным. Само по себе это утверждение не снимает главной идеи: приход — важнейший фактор рождения и зрелости сельской общины; он — основа и доказательство ее существования.

Женико подчеркивает, что сельскую общину необходимо изучать в неразрывной связи с окружающей ее средой, учитывая всю совокупность экономических, политических и церковно-религиозных аспектов интеграции общины с другими общественными институтами, государственной и церковной администрацией. Наиболее удачны приведенные Женико примеры межобщинных соглашений, охранявших права самоуправления отдельных областей стран Западной Европы. Однако преобладают сведения о вовлечении крестьянства, охваченного торгово-ремесленной деятельностью, в сферу городской экономики. К сожалению, желание автора увидеть скрытые за фактами отходничества и крестьянской миграции в города мотивы психологического характера, более того, сопоставить их с усилившимся чувством общинности совершенно неаргументированно и, пожалуй, искусственно (с. 116).

Подводя итоги, Женико размышляет о трудностях исследования общины — сложного по своей природе явления — и осознании средневековым общинником особенностей своего бытия. В то же время Женико не усматривает ощутимых различий между отдельными сельскими общинами, которые, по его словам, «формировали сельскую жизнь на протяжении столетий».

Несмотря на высокий теоретический потенциал монографии, в ней, как, впрочем, и в боль-

шинстве других исследований общины, насыщенных фактическими данными, концептуальные обобщения, описание методов, да и самого предмета изучения выполняет вспомогательную роль, и это отражается на результатах. Так, очевидная аморфность определения сельской общины (с. 3—5) обернулась расплывчатыми выводами. К тому же автор, по существу, оставил в стороне предложение Комитета общества Жана Бодена — организатора международного конгресса, посвященного проблеме сельской общины, который состоялся в 1976 г. в Варшаве.

Согласно версии этого Комитета, сельская община определяется как группа людей, живущих вместе, одни подле других, в территориально ограниченных пределах, эксплуатируя сообща всю или часть ее земель¹. Это определение послужило основой концепции и модели общины, изложенных в итоговом очерке по завершении конгресса². Подвергая критике отдельные нюансы этой модели (с. 169). Женико вместо дальнейшего ее теоретического совершенствования, к чему, казалось бы, должен стремиться исследователь, удовлетворил-

ся разрозненными суждениями о сельской общине. Современный уровень изучения позволяет видеть в средневековой сельской общине организацию жителей деревни, объединяющую их на основе родства, свойства и соседства для регулирования социально-экономических, культурно-бытовых, идейно-религиозных отношений своих членов благодаря формированию между ними психологической общности.

Ю. Я. ВИН

Примечания

1. THIEM H. Introduction à l'étude comparative des communautés rurales.— Les communautés rurales. Recueil de la Société Jean Bodin pour l'Histoire comparative des institutions, P., 1983, Vol. XL, pt. 1, p. 15.
2. GILISSEN J. Etude historique comparative des communautés rurales: Essai de synthèse générale.— Ibid., 1987, Vol. XLIV, pt. 5, p. 713—820.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Возвращаясь к напечатанному

О Гучкове

За последние два года был опубликован ряд статей, посвященных личности А. И. Гучкова¹. Одна из них — в вашем журнале (1993, № 7). Нельзя поэтому сказать, что его фигура остается в зоне умолчания. Ранее преобладание негативных оценок политических воззрений лидера партии октябристов обрекало на односторонность выводов. Теперь дело изменилось. А интерес к личности Гучкова не случаен. Он вызван не только необычной биографией, но и стремлением исследовать комплекс взглядов лидера одного из заметных общественно-политических течений на проблемы развития России начала XX века. Напечатанная в журнале статья А. С. Сенина вносит определенные дополнения в биографические сведения о Гучкове. Но на некоторые проблемы, затронутые автором, позволю себе обратить дополнительное внимание.

Объясняя причины организационной рыхлости фракции «Союза 17 октября» в III Государственной думе, автор приводит слова одного из депутатов-октябристов Н. В. Савича, который считал, что депутаты, известные своей земской деятельностью, привыкли «вести других, а не быть ведомыми» (с. 73). Полагаю, что это объяснение требует более основательной аргументации. Действительно, Гучков осознавал, что «установление железной дисциплины, без которой невозможна никакая серьезная политическая работа», необходимо. Но подобное признание прозвучало у него лишь в 1911 г., когда влияние «Союза 17 октября» резко снизилось. Ни на съездах, ни на совещаниях октябристов никаких реальных предложений по установлению «железной дисциплины» ранее выдвинуто так и не было. Накануне III съезда (1909 г.) октябристская газета «Голос Москвы» сетовала, что «отсутствие достаточной дисциплины у октябристов, разбивая

их силы, несомненно, указывает на некоторую боевую неустойчивость этой организации»².

В. В. Шелохаев справедливо отмечал, что одной из причин организационной рыхлости «Союза 17 октября» являлась разнородность его социального состава, объединявшего как сторонников консолидации сил, боровшихся против революции, так и лиц, близких к правому крылу кадетов³. Вообще многие октябристы «продолжали рассматривать свой «Союз» скорее как дискуссионный клуб, чем как организацию, предполагающую наличие строгой дисциплины и иерархичности»⁴.

И еще один момент. Действительно, октябристы осознавали, что их партия не представляет собой монолита. Интересна точка зрения одного из октябристских авторитетов, Н. А. Хомякова: «Солдатская дисциплина уместна в полку, но не в политической партии. В партии людей объединяет сходство убеждений, а не какое-либо внешнее впечатление. Партийная дисциплина, заглушающая личность, подавляющая свободу ее самоопределения, — есть рабство»⁵. То есть для либерала на первом плане стоит сама личность, а значимость общественных институтов измеряется тем, в какой мере они способствуют защите прав каждого отдельно взятого индивида. Либералы в принципе по-иному представляли себе проблему дисциплины в политической партии, нежели члены политических партий, выдвигавших радикальные программы, требовавшие коренных изменений в государственном строе и заинтересованные в жесткой дисциплине, детерминирующей поведение отдельных личностей.

Именно потому октябристы во главе с Гучковым намеревались вписаться в действующую политическую систему на основе положений Мани-

феста 17 октября 1905 г. с Государственным советом, Государственной думой и царской властью. То есть изначально нельзя подходить к либералам с оценкой, годящейся лишь для крайних радикалов. Причина же неудач и раскола «Союза 17 октября», о котором Ленин даже не упоминает, может стать темой специального исследования.

Ленин подробно пишет о замыслах Гучкова по организации дворцового переворота в 1915 году. Между тем такие намерения обсуждались Гучковым и его единомышленниками из среды генералитета и офицерства еще в 1913 году. Добавим, что автор пишет о консультациях лидера октябристов с военными, не упоминая об их содержании (с.75). Внесем уточнение. В начале 1913 г. Гучков на своей петербургской квартире сделал сообщение о военном перевороте в Сербии, где он недавно побывал. Один из участников встречи, слушатель Академии Генерального штаба, подверг затем резкой критике военного министра В. А. Сухомлинова, который «опозорил себя сыском», и выразил пожелание, чтобы поскорее началась война, во время которой было бы нетрудно совершить желаемый переворот. Тогда же прозвучала мысль, что сторонников переворота становится все больше и «назревает партия переворота»⁶. Заметим, что никаких мер властями против Гучкова тогда принято не было.

В. Ю. Карнишин,
Пенза

Примечания

1. БОХАНОВ А. Н. Александр Иванович Гучков. В кн.: Исторические силуэты. М. 1991; его же. Александр Иванович Гучков. В кн.: Россия на рубеже веков: исторические портреты. М. 1991; и др.
2. Голос Москвы, 4.IX.1909.
3. ШЕЛОХАЕВ В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. М. 1987, с. 40.
4. ПАВЛОВ Д. Б., ШАЛОХАЕВ В. В. Октябристы, «партия пропавшей грамоты». — Полис, 1993, № 2, с. 144.
5. Голос Москвы, 20.IX.1908.
6. Государственный архив Российской Федерации, ф. 102, ОО, 1913 г., оп. 1, д. 144, л. 36.

Вы читали Бокля?

Кто сейчас может искренне заявить, что он читал Бокля? Большинству история известна по учебникам (школьным и вузовским) и романам. Те и другие составляют два мира, столь отличных один от другого, что находятся как бы в потенциальном антагонизме. Между тем чтение хорошего исторического труда может быть праздником не только для ума, но и для сердца, поскольку сама история — великая драма идей и судеб.

Можно ли говорить о том, что современная историческая наука «отменяет» классическую историографию прошлого столетия — века историзма? Взять хотя бы О. Тьерри («отец классовой борьбы», по определению К. Маркса), или Н. И. Кареева, или других представителей исторической классики, и станет ясно, что она составляет важнейшую составную часть гуманитарной культуры человечества.

Сама история исторической науки — эта драма идей. Достаточно вспомнить историографию Великой Французской революции — А. Олар выступает против И. Тэна, А. Матьез опровергает Олара, А. З. Манфред полемизирует с В. Г. Ревуненковым, В. М. Далин — с третьим поколением школы «Анналов»... Историография, если понимать ее как историю исторической науки, — это зеркало, в которое смотрится муза Клио. Строгая рациональность проповеднического стиля Ф. Гизо идет ей не меньше, чем ораторский блеск чисто французского красноречия Луи Блана. Повествовательная

история и в XIX в. сражалась с концептуальной, одновременно периодически объединяя с ней усилия во имя познания прошлого.

Труды Гизо не только читались образованными людьми по всей Европе и в XIX, и в начале XX века — под влиянием его книг формировались национальные исторические школы, в том числе русская. И вот этого-то выдающегося историка ни разу не издавали в нашей стране за все годы советской власти. Та же судьба постигла и огромное наследие Л. фон Ранке. Классик английской исторической мысли и блестящий литератор Т. Б. Маколей, равный Вальтеру Скотту по умению видеть прошлое и рассказывать о нем, практически не прочитан у нас даже специалистами. Его сочинения давно стали библиографической редкостью. Нет ни одного советского издания монументальной революционной эпопеи замечательного историка-гуманиста Луи Блана о событиях конца XVIII в. во Франции. Наш читатель почти совсем не знаком с наследием величайшего французского историка-демократа, историка-романтика Ж. Мишле, собрание сочинений которого насчитывает добрых сорок томов!

Историческое сознание советского общества десятилетиями складывалось под влиянием одних и тех же концептуальных стереотипов, фактически возведенных по вневременной абсолют. Огромные академические и творческие усилия затрачивались на культивирование пустоцветов, лишенных ко-

рневой системы — живой связи с двухвековой традицией исторической классики.

Вряд ли можно представить себе студента-филолога, который попытался бы изучать русскую литературу XIX в., не прочитав, скажем, ни одной строки Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. Между тем именно в таком положении нередко оказываются студенты-историки. Как можно изучать историю, не зная трудов Гизо, Маколея, Токвиля, Ламп्रेхта? Теорема Пифагора верна независимо от существования Пифагора. «История» Геродота сохраняется в памяти человечества именно как произведение Геродота, положившее начало развитию нашей науки, несмотря на содержащиеся в нем элементы легендарного и баснословного, деформирующие логику рассказа о конкретных событиях. Более того, без этой деформации труд Геродота не был бы памятником, аутентичным автору и эпохе, т. е. потерял бы историческую ценность.

Нельзя сейчас говорить о Великой Французской революции, не учитывая весь достаточно тернистый путь познания ее истории, как и об Английской революции XVII в. невозможно судить, не имея представления о дискуссиях, проходивших в прошлом и продолжающихся в современной историографии. Нельзя изучать историю, ограничиваясь только современными книгами и брошюрами. Нельзя стать профессиональным историком, не обогатив себя знанием достижений мировой и отечественной исторической мысли.

Знаменитый труд Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии» до революции 1917 г. выходил на русском языке многими изданиями. Пусть будет хотя бы одно современное и пусть на вопрос чеховского конторщика Епиходова: «Вы читали Бокля?», каждый студент-историк сможет с улыбкой ответить утвердительно.

М. И. Бацер, Петрозаводск

Contents

A. V. Kozurev. The Foreign Policy of Transforming Russia. The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February — March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B). Articles: V. I. Buganov The Russian Nobility. V. L. Genis. Elimination of the Cossacks in Soviet Russia. Historical Profiles: Ja. Virmavirta. Karl Gustav Emil Mannerheim. Reminiscences. Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. Historical Journalism. A. A. Iskenderov. Russian Monarchy, Reforms and Revolution. History and Fates: A. I. Denikin. The Essays of the Troubled Time in Russia. Historians of Russian Emigration. A. A. Kizevetter. To the History of the Peasant Movements in Russia (Introduction by M. G. Vandalkovskaja). Historiography. Reviews on Books: A. V. Kartashev as a Public Figure and a Historian of Church. Russian Diplomacy in Portraits. S. A. Stepanov. «The Black Hundred» in Russia. 1905-1914. The Germans and Germany Seen by the Russians. The XVIIIth Century. The Enlightenment. The Russian and Russia Seen by the Germans. The XIXth Century: since the Beginning of the Century till the Creation of Empire (1800-1871). A. A. Egorov. Joseph Fouché: Career of the Opportunist. L. Genicot. Rural Communities in the Medieval West. Baltimore — Lnd. The Johns Hopkins University. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор: А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

«Вопросы истории» № 1, 1994.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209-96-21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 18.10.93. Подписано в печать 08.12.93. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6. Уч.-изд. 20,85. Тираж 30 000. Заказ 4119. Индекс 70145

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий», 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

